А. Е. ИВАНОВ

ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ в конце XIX -начале XX века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А. Е. ИВАНОВ

ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ в конце XIX -начале XX века

Москва 1991

Монография написана сотрудником сектора истории русской культуры дооктябрьского периода Института истории СССР АНСССР. Она посвящена организационному устройству и деятельности российской высшей школы в последнее предоктябрьское 25-летие. В книге проанализирован состав государственных, общественных и частных высших учебных заведений, раскрыта многоведомственная система управления ими, даны обобщающие историко-социологические и политические портреты студенчества и профессуры. Специальную главу автор отвел дипломированным специалистам, подготовленным высшей школой в конце XIX—начале XX вв. Исследование осуществлено на широком круге исторических источников, преимущественно архивных.

Монография предназначается, в первую очередь, специалистам по истории отечественной культуры конца XIX—нач. XX вв. Небезынтересной она будет и тем, кто занимается историей советской высшей школы.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. В. Тютюкин

Рецензент
доктор исторических наук
Р. Ш. Ганелин

Посвящаю памяти моего учителя профессора Николая Петровича Ерошкина

ВВЕДЕНИЕ

ТЕМА. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эта книга посвящена той поре истории дооктябрьской высшей школы, когда ее воздействие на все сферы жизни России было особенно заметным и значимым. Как система разнопрофильных учебных заведений она сформировалась в основном (правда, не на пустом месте) в 1861—1904 гг., т. е. в период «усиленного роста капитализма «снизу» и «насаждения» его самодержавным государством «сверху» [1].

В 1917 г. в стране действовали более 120 высших учебных заведний: 65 государственных (приложение 1) и 59 общественных и частных (приложение 2) [2], которые в основном и были унаследованы Советской властью. Неоднозначные по социальной направленности и юридическому статусу, многовариантные по организационным принципам, они готовили специалистов высшей квалификации для государственного аппарата, органов земско-городского самоуправления, промышленности и сельского хозяйства, народного образования, искусства. Их роль год от года возрастала, ибо капитализм «во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число служащих, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию» [3].

В то же время университеты и специальные институты являлись накопителями научного потенциала страны, были, по словам В. И. Вернадского, «одной из форм организации научной работы и главным путем проникновения ее в общечеловеческую культуру» [4]. Педагогическую и научно-исследовательскую работу в них

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 20, С. 38.

[2] Подсчет автора (См. источники к приложениям 1 и 2). В отношении группы государственных высших учебных заведений он абсолютно точен. Что касается неправительственного сектора российской высшей школы, то здесь возможны уточнения, но едва ли существенные. Нами также выявлены 30 высших учебных заведений, закрывшихся до 1917 г. (см. приложение 3).

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 4, С. 209.

[4] Вернадский В. И. Письма о высшем образовании. М., 1913, С. 7.

вели самые выдающиеся российские ученые. В 1914 г. из 38 действительных членов Академии наук 33 (87%) были деятелями высшей школы.[5]

Профессора, преподаватели и студенты немало потрудились на поприще распространения научных знаний среди широких слоев населения, обойденного образованием. Прекрасной традицией стали публичные лекции ученых. Всемосковскую известность приобрели, например, народные беседы К. А. Тимирязева в Политехническом музее. В 1903 г. И. М. Сеченов (в то время уже глубокий старик) стал преподавателем Пречистенских рабочих курсов[6]. Всесибирским научно-просветительским центром был Томский университет[7]. Высшие учебные заведения были основателями множества научных обществ[8], естественно-научных, исторических, художественных музеев. Известны они были и крупнейшими в России научными библиотеками.

Многие профессора и преподаватели деятельно участвовали в организации и учебном процессе общественных и частных учебных заведений, открывших доступ к высшему образованию молодежи (в первую очередь женщинам), оказавшейся по разным причинам вне стен государственной высшей школы.

На всех этих направлениях деятельности высшая школа постоянно наталкивалась на тормозящее воздействие государства. В своем восприятии текущих ее проблем самодержавие билось в тисках неразрешимых противоречий, порожденных эпохой капитализма. Нуждаясь в кадрах высшей квалификации, развитии науки, царизм шел на некоторое расширение сети государственных и на существенное увеличение числа общественных и частных высших учебных заведений. Он вынужден был мириться с ростом студенчества за счет выходцев из демократических сословий, время от времени санкционировать разработку реформ высшего образования. С другой стороны, сознавая, что все это ведет к повышению роли интеллигенции в общественной жизни страны, а следовательно, подрывает корни сословного строя, самодержавие охранительно-бюрократическими средствами ограничивало действие в сфере высшего образования буржуазных тенденций. Тем самым сдерживался процесс под-

---

[5] Кравец Т. П. Роль университетов и других высших школ в развитии отечественной науки//От Ньютона до Вавилова. Л., 1967, С. 220.

[6] История Московского университета. М., 1955, Т. 1, С. 479—480.

[7] Томский университет. 1880—1980. Томск, 1980, С. 72—74.

[8] См.: Степанский А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987.

готовки кадров, в которых так нуждалась Россия конца XIX—начала XX вв.

Полицейско-охранительный режим, насаждавшийся в высших учебных заведениях, ограничительные меры сословного, национального, половозрастного регулирования состава студентов, постоянные утеснения автономии профессорской коллегии превращали высшую школу в один из очагов общественного возмущения господствовавшими в стране политическими порядками. Его главным аккумулятором было студенчество, предводительствуемое революционно-демократическими партиями. Немалым влиянием среди студенческой молодежи пользовались либералы, в первую очередь кадеты. Возглавлявшаяся ими молодежь стояла на левом фланге всероссийского либерального движения. Оппозиционными демаршами время от времени отвечала на ущемление своих академических прерогатив и либеральная профессура.

Итак, высшая школа России конца XIX—начала XX вв. находилась на перекрестье многих культурно-исторических, социально-экономических и общественно-политических процессов, оказывая на них ускоряющее воздействие. Автор задался целью показать, какое место она занимала в системе царского самодержавия, как обслуживала его потребности, в какой мере укрепляла, а в какой способствовала созреванию условий, подрывавших его.

Для решения этой задачи потребовалось: 1) проследить процесс и динамику формирования сети российских высших учебных заведений с конца XIX в. до 1917 г. и установить их юридический статус; 2) определить место высшей школы среди других институтов самодержавия, исследовать принцип управления ею; 3) провести историко-социологический анализ студенческого контингента и профессорско-преподавательского корпуса высшей школы; 4) установить численность, профессиональную структуру, сферы приложения труда дипломированных специалистов, подготовленных в конце XIX—начале XX в.

Исследование названных аспектов истории высшей школы дает целостное представление об академическом направлении «культурной политики»» царизма, позволяет уточнить данные о социальной структуре российского общества, показать неразрешимые противоречия между капиталистической экономикой и охранительным режимом самодержавия, разительное несоответствие количества и качества специалистов, выпускавшихся российской высшей школой, потребностям страны. За пределами монографии осталась проблематика научно-

го[9] и педагогического процесса в российской высшей школе. Это сюжеты требуют специальных историко-педагогических и науковедческих исследований.

Изучение высшей школы царской России имеет прочную историографическую традицию, сформировавшуюся, главным образом, в советское время. Дореволюционная литература по теме слагается из немногочисленных юбилейных изданий, составленных специально подобранными авторами (профессора, преподаватели, чиновники) на основе официальных документальных материалов и представляющих собой апологетические или бесстрастно-объективистские хроники деятельности отдельных государственных высших учебных заведений[10]. По своему жанру эти книги занимают промежуточное положение между историческими исследованиями и документальными справочниками с элементами исторического анализа.

Особое место среди дореволюционных изданий по истории высшей школы занимает труд, выпущенный к 100-летию Министерства народного просвещения[11]. Насыщенный фактическим материалом, он содержит комментарии к основным законодательным и нормативным актам, регулировавшим деятельность самой представительной ведомственной группы российских высших учебных заведений. В книге представлена официальная версия академической политики самодержавия на рубеже XIX и XX вв., когда ее откровенно репрессивные установки периода контрреформ 80-х годов XIX в. уже корректировались зубатовским «полицейским благожелательством» по отношению к бунтовавшему студенчеству.

Использован автором и ценный фактический, главным обра-

---

[9] См.: Кравец Т. П. Указ. соч.; Волобуев П. В. Русская наука накануне Октябрьской революции//Вопросы истории естествознания и техники, 1987, № 3.

[10] Рубец Ал. Краткая историческая памятка имп. Александровского бывшего Царскосельского лицея. СПб., 1911; Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле им. Демидова в первый век его образования и деятельности (1803—1903). Исторический очерк. Ярославль, 1903; 50-летие Института гражданских инженеров, бывшего Строительного училища. 1842—17 декабря 1892. СПб., 1892; Десятилетие Электротехнического института. СПб., 1896; История Института инженеров путей сообщения имп. Александра II за первое столетие его существования. 1810—1910. СПб., 1910; Юбилейный сборник к 50-летию Рижского политехнического института. 1862—1912. Рига, 1912; Материалы по истории Киевского политехнического института Александра II7. Киев, 1913; Иверов И. Московский сельскохозяйственный институт за шесть лет (1908—1914 гг.). М., 1914; и др.

[11] Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902.

зом статистический, материал из немногочисленных историко-справочных изданий, специально посвященных некоторым негосударственным высшим учебным заведениям [12].

В советское время создан обширный комплекс трудов о старейших высших учебных заведениях [13]. Их материал в основном посвящен советскому периоду. Главный акцент в них, включая и дооктябрьский период, сделан на истории науки в связи с педагогическим процессом, а эта проблематика в монографии не рассматривается.

Весьма скромное место в советской историографии высшей школы занимают труды об общественных и частных высших учебных заведениях. За исключением монографических исследований о Московских (бывш. Герье), Петербсургских (Бестужевских) высших женских курсах, Московском городском университете им. А. Л. Шанявского [14], это статьи с узкой фактической основой, написанные не историками-профессионалами, а специалистами иных отраслей научного знаний [15]. В целом они далеко не покрывают всей совокупности учебных заведений, составлявших неправительственный сектор российской высшей школы.

Автором учтены и по мере надобности использованы содержащиеся в вышеназванных трудах разрозненные факты об организационном устройстве, внутридисциплинарном режиме и общественно-политической жизни высших учебных заведений, а также статистика студентов и преподавателей.

Особую ценность составили обобщающие исследования по истории отдельных отраслей отечественного высшего образова-

---

[12] Шохоль К. Р. Высшее женское образование в России. СПб., 1910; Краткий обзор истории и современного состояния Высших женских курсов в г. Киеве. Киев, 1913; Очерк пятидесятилетия деятельности С.-Петербургской консерватории. Пг., 1914.

[13] См.: Днепров Э. Д. Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России 1918—1977 гг. Библиографический указатель. М., 1979.

[14] Московские высшие женские курсы (1872—1972).//Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. М., 1972; Эвенчик С. Л. Высшие женские курсы в Москве.//Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. М., 1972; Федосова Э. П. Бестужеские курсы — первый женский университет в России. М., 1980; Воробьева Ю. С. Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973.

[15] Посвящены Одесским высшим женским курсам, Петербургским высшим женским курсам при Биологической лаборатории проф. П. Ф. Лесгафта, Петербургскому частному университету при Психоневрологическом Институте, Петроградским высшим географическим курсам при Докучаевском почвенном комитете, Московскому коммерческому, Петербургскому женскому политехническому институтам, Московским женским сельскохозяймтвенным курсам (Голицынские).

ния [16], его региональные [17] и всероссийские [18] обзоры. В совокупности с трудами об отдельных высших учебных заведниях они дали сводку исходных данных о составе государственного сектора российской высшей школы (исключая привилегированные и духовные учебные заведения). Минимальна подобная информация о ее общественно-частном секторе. Этот пробел заполнен на базе изучения широкого круга архивных и печатных документальных источников [19].

Темой монографии охватываются и исследования, посвященные академической политике самодержавия, управлению высшими учебными заведениями. Наиболее основательно эта проблематика разработана применительно к университетскому звену высшей школы царской России [20], высшему ветеринарному [21] и отдельным сюжетам инженерно-технического образования [22].

Однако эти фрагментарные разработки не дают целостной картины механизма многоведомственного управления высшей школой, не раскрывают места последней в системе институтов самодержавия. Автор самостоятельно исследовал эти проблемы,

---

[16] Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М., 1957; Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. М., 1979; Медынский Е. Н. Высшее техническое и сельскохозяйственное образование в дореволюционной России//Высшая техническая школа. 1935, № 4, 5; Иванович К. А. Сельскохозяйственное образование в СССР, М., 1958; Коропов В. М. Ветеринарное образование в СССР. М., 1949; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986, гл. 1; Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетия. М., 1973.

[17] См. главы по народному образованию в «Истории Москвы». Т. V. М., 1955; «Очерках истории Ленинграда». Т. 3. М.—Л., 1956.

[18] Украинцев В. В. Некоторые вопросы из истории дореволюционной высшей школы//Труды Калиниского торфяного института. Вып. IX. М., 1958; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М., 1981, гл. 1.

[19] Предвательные результаты этого исследования опубликованы в статье: Иванов А. Е. Высшая школа России конца XIX—начала XX вв. Состав и юридический статус учебных заведений.//Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей. М., 1982.

[20] Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; Иванов А. Е. Университетская политика самодержавия накануне первой русской революции. Автореф. дисс... канд, ист. наук. М., 1975; он же, Университетская политика самодержавия в конце XIX—начале XX вв.//Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. М., 1979; Яковлев В. П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905—1911 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1971; Савельева В. Г. Политика царизма в вопросах образования в 1905—1911 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л. 1975.

[23] Коропов В. М. Указ. соч.

[22] Медынский Е. Н. Указ. соч.; Украинцев В. В. Указ. соч.

опубликовав предварительные результаты своих изысканий в специальных статьях [23].

В историографии высшей школы России конца XIX—начала XX в. наиболее представительна группа работ, посвященных студенческому движению. Но и они не составляют необходимой основы для решения одной из главных задач монографии — исследования студенчества как особой социально-демографической группы российского населения. Поэтому историко-социологическое исследование всероссийского студенческого контингента проведено автором самостоятельно по следующей программе: численность, сословно-классовая структура, половозрастной, национальный состав, материально-бытовое и правовое положение, общественно-политический портрет [24].

По сходной программе, на основе широкого круга источников осуществлено историко-социологическое исследование всероссийской профессорско-преподавательской коллегии. При этом учитывались фактические данные опубликованных трудов о ее численности, сословно-классовой структуре, национальном составе, материальном и правовом положении, профессиональной подготовке и научной аттестации [25], общественно-политическом облике [26].

[23] Иванов А. Е. Управление высшей школой России в конце XIX—начале XX в.// Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей. М., 1983; он же, География высшей школы России в конце XIX—начале XX в.// Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры. М., 1984.

[24] В общественно-политическую характеристику студенчества автор включил материал своих статей: Демократическое студенчество в революции 1905—1907 гг.// Исторические записки, Т. 107. М., 1982; Российские университеты и русско-японская война//Проблемы отечественной истории. М., 1973.

[25] Щетинина Г. И. Указ. соч., с. 169—188; Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч., с. 98—99; Украинцев В. В. Указ. соч., с. 80—82; Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы в СССР. М., 1950; Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров. М., 1958; Федькин Г. И. Правовые вопросы научной работы в СССР. М., 1958; Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России//История СССР, 1985, № 2.

[26] Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., М., 1974; Черепнин Л. В. Академик Михаил Михайлович Богословский//Исторические записки, Т. 93, М., 1974; Иванов А. Е. Российские университеты и русско-японская война//Проблемы отечественной истории. М., 1973; он же. Университеты России в 1905 г.//Исторические записки, Т. 88. М., 1976; он же. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский академический союз: идеология, политическая деятельность//Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977; Султанбеков Б. Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905—февраль 1917)//Борьба КПСС за развитие народного образования и культуры Татарии и Среднего Поволжья. Казань, 1977; Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч., С. 105—117.

Не нашел автор должной опоры в историографии при изучении вопроса о подготовленных высшей школой России в конце XIX—начале XX в. специалистах. Данные о них в монографии В. Р. Лейкиной-Свирской эпизодичны и к тому же относятся только к государственным высшим учебным заведниям. Фактически не изучена роль в подготовке кадров общественных и частных учебных заведений. Настоящая монография восполняет эти пробелы.

Источниковая база монографии сформировалась в процессе исследования широкого круга разновидовых источников, выявленных автором в библиотеках им. В. И. Ленина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. Д. Ушинского, Исторической, а также в ЦГИА СССР [27], ЛГИА [28], ЦГИА г. Москвы [29], ЦГВИА СССР [30], ЦГАОР СССР [31], рукописных отделов библиотек им. В. И. Ленина [32] и М. Е. Салтыкова-Щедрина [33].

Основной фактический материал для исследования дали автору официальные документы, исходившие от государства. Центральное место среди них принадлежит законодательным и нормативным актам, составлявшим правовой базис российской высшей школы конца XIX—начала XX в.: уставы учебных заведений, а также законодательные и ведомственные распоряжения, корректировавшие отдельные уставные статьи [34]. Впервые в оте-

---

[27] Фонды: 733 (Департамент народного просвящения), 741 (Отдел промышленных училищ, 740 (Департамент общих дел) Министерства народного просвещения; 1276 (Совет министров); 1278 (Государственная дума); 25 (Учебный отдел Министерства торговли и промышленности); 229 (Канцелярия министра путей сообщения); 382 (Учебный отдел) и 398 (Департамент земледелия) Министерства земледелия; 560 (Общая канцелярия) и 565 (Департамент государственного казначейства) Министерства финансов; 797 (Канцелярия обер-прокурора св. Синода); 616 (А. Е. Лагорио), 846 (Георгиевские), 889 (Ардашевы), 1129 (В. Т. Шевяков), 1037 (С. В. Рождественский).

[28] Фонды: 46 (Римско-католическая академия), 139 (Петербургский женский политехнический институт), 184 (Институт гражданских инженеров), 361 (Петербургская консерватория), 436 (Петербургский женский медицинский институт), 830 (Курсы высших архитектурных знаний В. Ф. Багаевой и Л. П. Молас), 918 (Петербургский женский педагогический институт), 994 (Лесной институт), 2046 (Курсы востоковедения барона Гинцбурга).

[29] Фонды: 361 (Московские частные высшие женские юридические курсы, учрежденные В. А. Полторацкой); 363 (Московские высшие женские курсы); 452 (Педагогические курсы при Московском обществе воспитательниц и учительниц); 453 (Голицынские высшие женские сельскохозяйственные курсы).

[30] Фонд 165 (А. Н. Куропаткин).

[31] Фонды: 102 (Департамент полиции. Особый отдел); 518 (Академический союз).

[32] Фонд 70 (В. И. Герье).

[33] Фоды: 781 (И. И. Толстой), 581 (В. К. Плеве).

[34] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собр. III, т. 1—23.

чественной историографии высшей школы они исследованы как целостный тематический комплекс.

До первой российской революции все дела законодательного уровня по высшей школе решались либо непосредственно царем в порядке верховного управления, либо проходили через Государственный совет. Исследование печатных отчетов этого высшего законодательного учреждения за 1894—1902 гг. дало автору представление о расстановке сил в правительственном лагере по вопросу развития высшей школы в период т. н. «виттевской индустриализации», о противоборстве его консервативного и либерально-бюрократического флангов при обсуждении законопроектов реорганизации действовавших и открытии новых высших учебных заведений.

После революции 1905—1907 гг. процедура движения законопроектов по вопросам высшей школы изменилась. Важнейшие из них теперь проходили через высший распорядительный правительственный орган — Совет министров. Из 254 единиц хранения, относящихся по содержанию к высшей школе и выявленных автором в фонде 1276 ЦГИА СССР, в монографии использованы материалы 32-х. Каждая из них имеет типовую структуру, которая слагается из: 1) «Особого журнала», излагающего существо обсуждавшегося министрами вопроса, его историю, мнения участников заседания, резолюцию царя; 2) «Дела» журнала объемом от 5 до 260 листов, состоящего из подробного обоснования необходимости постановки данного вопроса, исторической справки по нему, а также инициативных материалов, отражавших мнения центральных ведомств и их местных учреждений, советов учебных заведений, общественности.

В подавляющем большинстве случаев впервые вводимые в научный оборот[35] эти источники дают самое приближенное к реальности представление об академической политике царского правительства (преобразование действовавших и проекты открытия новых высших учебных заведений, введение новых и коррек-

---

СПб., 1881—1913, Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отделение первое (далее СУ). Пг., 1914—1917; Свод военных постановлений. 1869 года. Книга XV—Заведения военно-учебные. Изд. IV (По 1 января 1914 года). СПб., 1914; Свод Морских постановлений. Кн. III. Изд. 1898; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917.

[35] Источники этой группы по университетской проблематике и в хронологических рамках 1905—1911 гг. первым ввел в научный оборот В. П. Яковлев в диссертационном исследовании: «Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905—1911 гг.)». Л., 1971.

тировка старых уставов высшей школы, планы развития отраслей высшего образования, реорганизация управления высшей школой, поддержание в ней «порядка и спокойствия», прием женщин в государственные высшие учебные заведения, установление процентных норм евреев в студенческом контингенте, подготовка преподавателей высшей школы, ее финансирование и т. д.). Лишь незначительная часть этих вопросов передавалась затем в законодательные палаты, причем нередко с прямым расчетом «утопить» их в процессе обсуждения. Это были дела о реорганизации отдельных действующих и основании новых высших учебных заведений, что требовало значительных ассигнований, на которые царское правительство было крайне скупо. Руководствовалось оно в таких случаях и охранительными соображениями.

Фронтальное исследование рассмотренных в Государственном совете в 1906—1916 гг. и Государственной думе в 1906—1916 гг. законопроектов и законопредложений по вопросам высшей школы [36] показало, что среди них преобладали второстепенные ходатайства министерств и главных управлений о дополнительных ассигнованиях на нужды подведомственных высших учебных заведений. Погодная статистика этих ходатайств позволила уточнить динамику возрастания бюджетного дефицита ведомств по статье высших учебных заведений.

Материалы, связанные с прохождением этих законопроектов через Государственный совет и Государственную думу [37], раскрывают отношение к вопросам развития высшего образования дворян-помещиков и обуржуазившегося дворянства, цензовой буржуазии и буржуазной интеллигенции, представителей органов земского и городского самоуправления. Богат этот комплексный источник, особенно доклады думской комиссии по народному образованию, фактическими данными о состоянии высшей школы, потребностях страны в ее ускоренном развитии. Доклады бюд-

---

[36] Обсуждавшиеся в Государственном совете в 1906 г. выявлены по «Отчету по делопроизводству Государственного совета» (СПб., 1906), а за 1907—1916 гг. — по сессионным перечням законопроектов, включенным в ежегодные «Приложения к отчетам Государственного совета» (СПб., 1907—1916). Обсуждавшиеся в Государственной думе выявлены по «Таблицам движения рассмотренных Государственной думой законопроектов», включенным в ежегодные «Указатели к стенографическим отчетам» (СПб., 1907—1916) этого учреждения.

[37] Автором использованы материалы следующих официальных изданий: Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV—XII. СПб., Пг. 1909—1916; Государственная дума. Стенографические отчеты. Созывы I—IV. СПб., Пг. 1906—1916; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Сессия I—IV. СПб., Пг. 1907—1916,

жетной комиссии Государственной думы позволили установить поведомственную структуру финансирования (кроме Военного министерства) высшей школы России за 1906—1916 гг.

Определенный интерес представляют и материалы комиссий и совещаний по разработке проектов уставов университетов и инженерных школ [38]. Они открыли дополнительную возможность выявить существо разногласий по академическим проблемам в правящих верхах и профессорских кругах.

К этой же категории источников относятся материалы межведомственных совещаний и комиссий кануна и периода первой российской революции, созванных для разработки мер по борьбе со студенческим движением. Некоторые из разработанных ими нормативных актов оформлялись в виде законов с многоведомственной юрисдикцией (временные правила: об отдаче студентов в солдаты 29 июля 1899 г., о студенческих организациях 22 декабря 1901 г., об управлении высшими учебными заведениями 27 августа и 17 сентября 1905 г.).

Использованы в монографии и ведомственные циркуляры, являвшиеся инструментом оперативного руководства всеми сторонами деятельности высших учебных заведений. Комплексно в исследование включены циркуляры Министерства народного просвещения за 1911—1917 гг. [39], поскольку они отражали наиболее важные тенденции в академической политике самодержавия в наименее изученный в историографии высшей школы период.

Формируя источниковую базу монографии, автор особое внимание уделил розыску официальных документов обобщающего характера (служебные конфиденциальные записки, речи и доклады на совещаниях по проблемам высшего образования, «всеподданейшие» доклады царю, законопредложения), в которых от лица целых ведомств, их отдельных управлений, а также министров, видных чиновников давалась многосторонняя оценка (как правило критическая) состояния российской высшей школы, обосновывались неотложные задачи и проекты планов ее разви-

---

[38] Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 1—5. СПб., 1903; Объяснительная записка к проекту общего устава имп. российских университетов. СПб., 1905; Труды совещания профессоров, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра гр. И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. Проекты уставов, которые разрабатывались по инициативе министров просвещения П. М. Кауфмана и А. Н. Шварца (Вестник Европы, 1910, март), Л. А. Кассо (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 6, д. 525), П. Н. Игнатьева (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1652, 1565).

[39] ЦГИА СССР, ф. 733, он. 226, д. 161, л. 1—72 об.

тия [40]. Их ценность заключается, во-первых, в фактических данных о выпуске дипломированных специалистов в соотношении с реальными потребностями страны и, во-вторых, в разностороннем социально-экономическом и демографическом обосновании необходимых реорганизаций действующих и территориального размещения новых учебных заведений.

При изучении финансовой стороны деятельности высшей школы автор, помимо статистических материалов бюджетной комиссии Государственной думы, обращался к данным «всеподданнейших» докладов министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1895 г. и подписанного им проекта государственного бюджета на 1917 г., а также отчетов государственного контролера.

В источниковой основе монографии одно из первостепенных мест принадлежит отчетам ведомств за 1898—1916 гг., руководивших российской высшей школой [41], а также государственных, общественных, частных высших учебных заведений (печатные и архивные). Они использовались автором в первую очередь как статистический источник для расчета численности студенческого контингента, исследования его сословно-классовой структуры, исчисления погодных выпусков дипломированных специалистов и т. д.

Вместе со списками чиновников министерств и ведомств [42] (впервые введеными в исследование по высшей школе) названные отчеты дали исходный материал и для подсчета численности профессоров и преподавателей высшей школы. Главная же часть программы историко-социологического исследования этой профессиональной группы (сословная принадлежность, вероиспове-

---

[40] См.: Кривошеин А. В. По вопросу об общем плане учреждения высших агрономических учебных заведений в Империи. Речь на XII сессии Сельскохозяйственного совета 22 ноября 1910 г. (ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 120, д. 47, л. 96—104 об.); Шаховской В. О предположениях Министерства торговли и промышленности по устройству и развитию технического образования. «Всеподданнейший» доклад 5 сентября 1916 г. (ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 614); Игнатьев П. Н. Ближайшие задачи Министерства народного просвещения в 1916 г, (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 282) и др.

[41] Министерств: Народного просвещения, Внутренних дел, Военного, Морского, Путей сообщения, Юстиции, Земледелия, Имп. Дворца, а также Главного управления землеустройства и земледелия, св. Синода, С. е. и. в. канцелярии по учреждениям имп. Марии.

[42] Списки членов Министерства внутренних дел за 1899 и 1914 гг. Ч. I. СПб., 1899 и 1914; То же Министерства имп. двора на 1898 и 1914 гг. СПб., 1898 и 1914. Списки личного состава Министерства путей сообщения на 1898 и 1914 гг. СПб., 1898 и 1914.

дание, возраст, прохождение службы, наличие земли и недвижимости) была выполнена на основе анализа данных 936 формулярных списков профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Министерства народного просвещения за 1917 г.[43] Отсутствующие в отчетной документации данные о студенчестве и профессорско-преподавательском составе восполнялись из официальных статистических справочников по народному образованию,[44] губернских статистических обзоров[45], а также делопроизводственных материалов, содержащих искомые данные[46].

Использовались нами также статистические материалы «Русского календаря А. Суворина» (публиковал извлечения из министерских отчетов)[47], а также справочников, изданных после октября 1917 г., в которые вошла статистика дореволюционной высшей школы[48].

Наконец, при подсчете численности выпускников общественных и частных высших учебных заведений автором использовались данные отчетов государственных испытательных комиссий, действовавших при высших женских курсах[49], а также при пра-

---

[43] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. СПб., 1917.

[44] Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селам. СПб., 1909—1915; Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным и учебным заведениям к 1 января 1913 г. Вып. 2. СПб., 1913; Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности: 1912/13—1914/15 учебные годы. СПб., 1914—1917; Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912; Труды Варшавского статистического комитета. Вып. 40. Народное образование в Царстве Польском за 1910—1911 учебный год. Высшее, среднее и низшее учебные заведения. Правительственные и частные. Варшава, 1914.

[45] Обзор Киевской губернии за 1913 г. Приложение 8. Киев, 1913; То же за 1914 г. Ведомость 15. Киев, 1914; Обзор Одесского градоначальства за 1914 г. Ведомость 8. Одесса, 1916.

[46] Список курсов выше среднего на 30 апреля 1906 г. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 143, л. 466 об. — 467); Сведения об учебных заведениях других ведомств, собранные Департаментом народного просвещения в 1913 г. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 196, д. 808, л. 10—21); Сведения о высших учебных заведениях империи по всем ведомствам на 1917 г. (23.II—2.IX) — ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 261, л. 1—20.

[47] Русский календарь А. Суворина на 1900—1915. ПГ., 1900—1915 гг.

[48] Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 1. Петроград. Данные к 1 января 1918 г. Пг., 1920; То же, вып. II. Москва. Данные к 1 января 1918 г. М. 1922.

[49] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 777; л. 10—49; д. 1167, л. 2 об. —64; оп. 156, д. 496, л. 3—199.

вительственных университетах и Петербургском женском медицинском институте, к сдаче выпускных экзаменов в которых с 1911 г. допускались окончившие вышеназванные неправительственные школы [50].

Статистические источники, о которых шла речь выше, дали основной исходный материал и для решения такой важнейшей задачи исследования, как историческая реконструкция состава высших учебных заведений России к 1917 г., особенно общественных и частных.

В источниковую основу монографии входят и документы Департамента полиции, содержащие данные наблюдения охранки за профессурой. Наиболее типичные и важные из них содержатся в сводных досье (в научный оборот вводятся впервые) на профессоров и преподавателей Петербургского (по состоянию на июль 1899 г.) и Московского (по состоянию на декабрь 1899 г.) университетов, предоставленные министру просвещения Н. П. Боголепову министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным [51]. Они дают представление о критериях оценки царизмом степени оппозиционности и «благонамеренности» членов преподавательских коллегий. Содержат они и богатую сводку фактов об общественно-политическом поведении профессоров и приват-доцентов в конце XIX в.

Особую группу источников официального происхождения, включенных в исследование, составили документы Министерства народного просвещения Временного правительства. Это в основном материалы Комиссии по реформе высших учебных заведений, которые позволяют проследить судьбу многих из них вплоть до октября 1917 г.[52].

Пеструю по видовому разнообразию источниковую группу составляют материалы, порожденные общественной и частной инициативой.

Статистику женщин-вольнослушательниц в университетах и инженерных институтах в 1906—1913 гг., данные о деятельности женщин-врачей в Москве на 1912 г., о ряде высших женских курсов содержат материалы Первого всероссийского съезда по образованию женщин, созванного в 1914 г. Российской лигой равноправия женщин [53]. Дают они также четкое пред-

---

[50] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 226, л. 132—242 об.
[51] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 117, л. 4 об — 49.
[52] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 247, 284, 286—291, 297, 299—302, 307, 308, 311—316, 318.
[53] Труды Первого всероссийского съезда по образованию женщин, организо-

ставление и о буржуазно-либеральной концепции женского равноправия в сфере высшего образования.

Следом за В. Р. Лейкиной-Свирской автор ввел в исследование списки окончивших высшие учебные заведения, составленные действовавшими при последних обществами выпускников [54]. Ценность этого источника, во-первых, в статистике, во-вторых, в данных о профессиональной деятельности дипломированных специалистов.

Одним из источников для изучения состава российских высших учебных заведений, в первую очередь общественных и частных, являются справочники для абитуриентов и студентов [55]. Они сообщают сведения о ведомственной принадлежности каждого высшего учебного заведения, его юридическом статусе, структуре факультетов, условиях приема, правах (профессиональных и сословных) выпускников, иногда дату основания.

Незаменимым источником историко-социологического исследования российского студенчества являются материалы студенческих самопереписей [56]. Последние осуществлялись статистиче-

---

ванного Лигой равноправия женщин в С.-Петербурге. Т. I. СПб., 1914.

[54] Список инженеров путей сообщения, окончивших Институт инженеров путей сообщения имп. Александра I. Состояние на 1 августа 1915 г. Пг., 1915; Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912, с. 13—14; Список лиц, окончивших и прослушавших полный курс Восточного института за девять выпусков 1903—1912 гг. Владивосток, 1913; То же за три выпуска 1913—1915 гг. Владивосток, 1916; Справочная книжка для слушательниц Петроградских высших женских курсов. 1916—1917 академический год. Пг., 1917, С, 83—84 и др.

[55] Воротинцев Н. И. Полный сборник правил приема и программ высших, средних и низших общеобразовательных учебных заведений России, мужских, женских, правительственных и частных на 1908—1909 учебный год. СПб., 1910; он же. Спутник конкурсанта и поступающих в высшие учебные заведения без конкурса. СПб., 1912; Марголин Д. Справочник по высшему образованию для поступающих во все высшие учебные заведения. Киев. 1911—1915; С.-Петербургский студенческий календарь... СПб., Пг., 1907—1916; Спутник конкурсанта. Подробный сборник сведений об учебных заведениях и курсах, подготовляющих к практической (профессиональной) деятельности. Пг., 1914; Шмулевич П. К. Справочная книга для поступающих в высшие учебные заведения. СПб., 1908—1917; и др.

[56] Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902; Членов М. А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909; К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909—10 г. в С.-Петербургском технологическом институте). СПб., 1911; Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб., 1912; Слушательницы Петроградских высших женских (Бестужевских) курсов на втором году войны. Бюджет. Жилищные условия. Питание. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием

скими семинариями, студенческими научными обществами, кружками, как правило, под руководством профессоров и преподавателей, землячествами, а также политическими студенческими организациями (самостоятельно). Их опросные листы (анкеты) включали вопросы, направленные на выяснение сословного состава, вероисповедания (национальности), материально-бытового и правового положения, культурных запросов, общественно-политической ориентации и др.

В круг источников монографии входят документы личного происхождения. Среди них неопубликованные «Записки» министра просвещения И. И. Толстого[57] и дневники военного министра (1898—1904 гг.) А. Н. Куропаткина за 1897—1902 гг.,[58] а также изданные мемуары С. Ю. Витте[59]. Использовались также воспоминания, автобиографические материалы, эпистолярия таких видных представителей российского академического корпуса, как В. И. Вернадский, В. О. Ключевский, А. А. Кизеветтер[60]. При исследовании академической и общественно-политической жизни студенчества автор обращался к воспоминаниям бывших студентов: академиков С. Г. Струмилина (Петербургский политехнический институт), К. В. Островитянова (Московский коммерческий институт), а также агронома С. П. Фридолина (Московский сельскохозяйственный институт)[61].

Одним из важных источников исследования являлись периодические издания и среди них наиболее информированный в вопросах состояния специального высшего образования в России и за рубежом орган Русского технического общества — журнал «Техническое (до 1907 г.) и коммерческое образование» за 1895—1917 гг., а также сходные по содержанию и общественной направленности «Записки имп. Русского технического общества». Богатый фактический материал об общественно-

---

в конце октября 1915 г. Пг., 1916; Радин Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным общестуденческой переписи. СПб., 1913; Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 г. в Юрьеве. СПб., 1909, и др.

[57] Толстой И. И. Записки (ГПБ РО, ф. 781, Толстой И. И., д. 586.)

[58] ЦГВИА СССР, ф. 165 (Куропаткин А. Н.), оп. 1, д. 1871; оп. И, ч. 1, д. 1896.

[59] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2, М., 1960.

[60] Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981; Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли по истории. М., 1968; Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания. 1881—1914 гг.). Прага, 1929.

[61] Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897—1917 гг.//Избранные произведения. Воспоминания и публицистика. М., 1968; Островитянов К. В. Думы о прошлом. М., 1967. Фридолин С. П. Исповедь агронома. М., 1925.

политической деятельности студенчества дали сохранившиеся номера газет кадетского толка «Студенческая речь» (1907 г.) и «Студенческая жизнь» (1910 г.). Использован в монографии и ряд других периодических изданий.

Автор благодарит *В. В. Шелохаева, Р. Г. Эймонтову,* А. Я. Грунта, *Л. Н. Пушкарева, А. М. Станиславскую,* *А. А. Круппа*, *И. Л. Беленького, В. П. Булдакова, Е. А. Никифорова, Л. П. Дойникову* за помощь в работе над этой книгой.

ГЛАВА I

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Они составляли фундамент отечественного высшего образования. Эти высшие учебные заведения готовили дипломированных чиновников для правительственных служб всех уровней, связанных с государственным управлением, оборонными и идеологическими функциями, народным образованием. Кроме того, они поставляли основную массу деятелей для органов городского и земского самоуправления, а также пополняли дипломированными специалистами корпус инженеров и сельскохозяйственных специалистов негосударственного сектора экономики капиталистической России. По своему юридическому статусу фактически они представляли собой местные подразделения тех центральных (министерства и главные управления, св. Синод, собственная е. и. в. канцелярия по учреждениям имп. Марии Федоровны) государственных учреждений, которым они были подведомственны. Их финансировало государственное казначейство. Все штатные преподаватели и обслуживающий персонал были чиновниками различных классов (XII—IV).

Студенты подчинялись строгому ведомственному регламенту, были обязаны носить форменное платье, могли получать казенную стипендию, различные виды государственного вспомоществования и, самое главное, после завершения обучения и сдачи государственных экзаменов приобретали право на чин (XII—IX классов) и место на коронной службе.

Как система гуманитарных и народнохозяйственных учебных заведений, высшая школа России начала формироваться еще в первой половине XIX в. В этот период преимущественное развитие получило университетское, высшее военное, духовное образование. Вторая половина XIX в. прошла под флагом усовершенствования, доработки уже сделанного и, главное, наращивания недостававших звеньев высшей школы. Ведущая тенденция

этого процесса выразилась в формировании группы народнохозяйственных высших учебных заведений, непосредственным образом подчиненных потребностям развития капитализма. В пореформенную эпоху «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. Нет ни одной отрасли народного хозяйства, подчиненной капиталистическому производству, в которой бы не наблюдалось столь же полного преобразования техники»»,[1] — писал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России».

На русскую почву из Европы и Америки были перенесены готовые образцы новейшей техники и передового опыта хозяйствования. Для эффективного использования этих нововведений требовались соответствующим образом подготовленные кадры командиров производства. Высшая школа не могла решить эту задачу. «Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей. И во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине»»[2].

Острейший дефицит специалистов привел к возникновению системы инженерно-промышленного высшего образования путем реорганизации на базе всесословности уже действовавших и вновь созданных институтов. Развитие капитализма постепенно ломало и традиционные представления о земледелии, требуя относиться к нему как к одному «из промышленных занятий человека»[3]. Ответом на это требование было создание в России высшей сельскохозяйственной школы, готовившей специалистов по земледелию, лесоводству, ветеринарии, садоводству и виноделию.

Менее разительными, но все же довольно существенными были и перемены в университетском образовании. К существовавшим шести университетам присоединились новые — Новороссийский (в Одессе), Варшавский, Томский. Определенные позитивные сдвиги произошли в гуманитарном, военном, духовном образовании.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 3, С. 597—598.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 36, С. 384—385.
[3] Стебут И. А. Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование. М., 1889, С. 4.

Процесс формирования государственного сектора высшей школы в основном завершился во второй половине XIX в. В 1892 г. в стране действовали 48 высших учебных заведений, в 1899 г. — 56, в 1917—65. Таким образом, 86% их возникли в прошлом столетии и только 14% — в начале XX в. Эти данные свидетельствуют о крайне медленных темпах строительства высшей школы. Преобладали в ней учебные заведения непроизводственного профиля (40 из 65): университеты и школы, сходные с ними по программам и методам преподавания, а также по своему целевому назначению (медицинские, юридические, педагогические, востоковедческие), военные и военно-морские, богословские, архитектурно-художественное высшие учебные заведения. Народнохозяйственное назначение имели 25 институтов инженерно-технического и сельскохозяйственного профиля (см. приложение 1).

Географическое размещение государственных высших учебных заведений имело ярко выраженную европоцентристскую направленность, поскольку 95% их располагались в Европейской России, преимущественно в западных ее губерниях (см. приложение 5).

1.

Университеты и учебные заведения университетского типа

Ключевое положение в высшей школе России по научно-педагогическому авторитету преподавательского состава и числу студентов (таблица № 1) занимали университеты. Они предназначались для выпускников классических гимназий и равнозначных им средних учебных заведений. Реальная жизнь, однако, заставляла Министерство народного просвещения, в ведении которого находились университеты, в ряде случаев отступать от этого порядка. Университеты готовили юристов, преподавателей средней школы и врачей, поступавших в основном на государственную службу и пополнявших массовый слой чиновников-исполнителей среднего звена.

В конце XIX — начале XX в. университетское образование в России находилось в состоянии глубокого кризиса. Как и вся отечественная высшая школа, оно, по словам В. И. Вернадского, не могло оперативно «приспосабливаться к тем внешним рамкам

Таблица № 1

Контингент студентов университетов и Демидовского юридического лицея

№№	Университеты	Число студентов по состоянию на:							
		1897/98 учебный год		1907/08 учебный год		1913/14 учебный год		1917 год февраль-сентябрь	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Петербургский	3700	20,8	9630	26,5	7442	20,5	6904	20,6
2	Московский	4782	27,0	8301	22,8	9892	27,2	9129	27,2
3	Харьковский	1631	9,2	4295	11,8	3216	8,8	3000	8,9
4	Казанский	938	5,3	2868	7,9	2027	5,6	1859	5,5
5	Киевский	2799	15,8	3895	10,7	4919	13,5	4162	12,4
6	Новороссийский в (Одессе)	693	4,0	2882	8,0	2058	5,7	1796	5,3
7	Томский	382	2,2	998	2,7	902	2,5	762	2,3
8	Юрьевский	1285	7,2	2460	6,7	2255	6,2	1825	5,4
9	Варшавский	1242	7,0	был за-закрыт	—	2450	6,7	2062	6,1
10	Саратовский	—		—		534	1,5	455	1,4
11	Пермский	—		—		—		1502*	4,5
12	юридический лицей в Ярославле	273	1,5	1053	2,9	644	1,8	122	0,4
	Итого:	17725	100	36382	100	36339	100	33578	100

* *По состоянию на 1 января 1918 г.*

Источники: Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1897 г. СПб., 1902, с. 165, 174; Отчет министра народного просвещения за 1905 год. СПб., 1907, ведомость № 6; То же, за 1907 г. СПб., 1909, вед. № 6, С. 15; То же, за 1913 г. СПб., 1916, вед. № 6, С. 62; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 261, л. 1—2; Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический очерк. Пермь, 1966, С. 13.

какие сейчас господствуют в нашей стране»[4]. Об этом говорит заторможенность развития университетской сети — всего 11 университетов за полтора столетия, причем в начале XX в. возникли только Саратовский (1909 г.) и Пермский (1916 г.). На протяжении десятилетий правительство оставляло без последствий многочисленные ходатайства торгово-промышленных кругов и буржуазной общественности разных городов о создании новых университетов, хотя просьбы подкреплялись готовностью к значительным финансовым ассигнованиям на эти цели. Лишь в 1916 г. Министерством народного просвещения был составлен

[4] Вернадский В. И. Письма о высшем образовании в России. М., 1913, С. 8.

перспективный план университетского строительства, в котором в определенной степени были учтены и общественные пожелания.

С начала XIX в. и до 1917 г. неизменной оставалась и организационная структура университетов, которая слагалась из физико-математического (с естественным и математическим отделениями), историко-филологического (с историческим и словесным отделениями), юридического и медицинского факультетов. Исключение составляли восточный факультет Петербургского и богословский (пасторов евангелическо-лютеранского исповедания) Юрьевского университетов. Однако и этим ограниченным составом факультетов обладали не все российские университеты. В Петербургском отсутствовал, например, медицинский факультет. Принятый в 1914 г. Государственной думой законопроект о его организации не был утвержден Советом министров как чрезвычайно дорогостоящий.[5] Отвергло правительство и думский законопроект 1914 г.[6], а затем представление министра народного просвещения П. Н. Игнатьева 1916 г.[7] о восполнении отсутствующих факультетов в Томском (физико-математический и историко-филологический) и Саратовском (помимо этих двух, еще и юридический) университетах.

Без последствий остались ходатайства советов ряда университетов об учреждении романо-германского отделения на историко-филологическом и новых кафедр на физико-математическом факультетах[8]. Хотя университеты были главными научно-исследовательскими центрами страны, царизм не только не придавал серьезного значения этой стороне их деятельности, но, напротив, глушил ее. «Русские ученые, — писал В. И. Вернадский, — совершали свою научную работу вопреки государственной организации»[9].

Без должного правительственного внимания осталась и популярная в кругах буржуазии идея более органичного приспособления университетов к потребностям капиталистического развития России. Так, например, на Нижегородском торгово-про-

---

[5] Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1914. Сессия II, ч. V. СПб., 1914, стб. 928, 1363; ЦГИА СССР, ф. 1276, Совет министров, оп. 9, д. 647, л. 10—15.

[6] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия II. 1913—1914, Вып. II, СПб., 1914, С. 1—2.

[7] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1657, л. 52—55.

[8] Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 1—5. СПб., 1903. Вып. 3, С. 21, 26—27.

[9] Вернадский В. И. 1911 г. в истории русской умственной культуры. СПб., 1912, С. 8.

мышленном съезде 1896 г. прозвучало предложение ввести в университетах преподавание технических предметов [10]. В 1898 г. Комиссия по техническому образованию при Русском техническом обществе, членами которого были и крупные чиновники-технократы (товарищ министра путей сообщений Н. П. Потапов, директор Департамента торговли и промышленности Министерства финансов В. И. Ковалевский, директор отдела промышленных училищ Министерства народного просвещения И. А. Анопов), промышленники и выдающиеся ученые (Н. А. Белелюбский, Д. И. Менделеев, Н. А. Бунге, Н. П. Петров и многие другие), единогласно признали желательным устройство при университетах инженерных факультетов, по преимуществу химических и электротехнических [11]. Еще ранее в статье «Основы фабричной промышленности» Д. И. Менделеев писал: «...Прмышленное образование (сельскохозяйственное, лесное, горное, инженерное и чисто техническое), потребное нашей стране, особенно выиграет, если взойдет в виде специального факультета (как медицинского или юридического) в наши университеты» [12].

Имела эта идея горячих сторонников и в университетской среде. В 1898 г. группа профессоров Казанского университета опубликовала записку, в которой предложила ввести на физико-математическом факультете двухлетний теоретический курс по фундаментальным наукам не только для выпускников классических гимназий, но и реальных училищ. Прослушившие его могли бы затем перейти сразу на III курс инженерного института [13]. Однако подавляющее большинство профессоров и преподавателей университетов исходило из несовместимости университетского и прикладного инженерно-промышленного образования.

Проблема подготовки университетами кадров для народного хозяйства не утратила актуальности и в начале XX в. В 1909 г. в Государственной думе обсуждалось «законопредложение» (правда, не нашедшее поддержки большинства) об учреждении при физико-математических факультетах Харьковского, Казанского, Киевского, Новороссийского университетов агрономических отделений. Без последствий остался и разработанный в 1916 г. под руководством министра народного просвещения П. Н. Игнатьева проект «Об учреждении университетов нового типа и о представлении университетам открывать факультеты по

[10] Техническое образование, 1898, № 8, С. 35.
[11] Техническое образование, 1898, № 1, С. 72.
[12] Техническое образование, 1897, № 6, С. 73.
[13] Техническое образование, 1898, № 2, С. 75.

прикладным наукам». Ход ему был дан в августе 1917 г. уже Временным правительством.

По программе преподавания и внутренним распорядкам фактически однофакультетным университетом являлся **Демидовский юридический лицей в Ярославле**[14]. Как и университеты, он предназначался для выпускников классических гимназий, но непопулярность его среди последних вынудила Министерство народного просвещения отступить от установленного правила. С 1898 г. в Лицей стали допускаться и питомцы духовных семинарий, которые вскоре уже составляли 50% лицеистов. Выпускники Лицея получали диплом, равнозначный университетскому и пополняли судебный и административный аппарат. Являясь одной из старейших юридических школ, Лицей воспитал целую плеяду видных российских правоведов. На его кафедрах началась академическая карьера многих университетских профессоров (М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. Л. Дювернуа, И. И. Дитятин, В. И. Сергеевич и др.)[15]. В начале XX в. неоднократно поднимался вопрос о преобразовании этого высшего учебного заведения в университет. Однако соответствующее решение было принято только после Февральской революции. Предполагалось в 1918/19 учебном году пополнить новый университет медицинским и естественным факультетами[16].

Близкими к юридическому факультету университетов по учебным программам были **привилегированные юридические школы.** Наиболее престижными из них являлись Александровский (бывш. Царскосельский) лицей (1811 г.) Собственной е. и. в. канцелярии по учреждениям имп. Марии (с 1849 г. находился в Петербурге) и Петербургское училище правоведение ведомства Министарства юстиции (1832 г.). Эти старейшие в России закры-

---

[14] Название «Демидовский» лицей получил в память уральского заводчика П. Г. Демидова, который в 1803 г. пожертвовал 3578 душ крестьян и 100 тыс. руб. в пользу Ярославской гимназии с условием преобразования ее в Ярославское высших наук училище с университетским «классом». В 1805 г. оно было выполнено. В 1845 г. училище было преобразовано в Лицей камеральных наук (административно-хозяйственное право). В 1868 г. в связи с судебной реформой он был преобразован в Юридический лицей (см.: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, С. 75, 92, 143—144, 205—206, 181, 264, 266, 268, 429).

[15] Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле им. Демидова в первый вый век его образования и деятельности. Исторический очерк. Ярославль, 1903, С. 275.

[16] ЦГИА СССР, ф. 733, Департамент народного просвещения, оп. 226, д. 313, л. 1—2 об.

тые дворянские учебные заведения с малочисленным составом учащихся (таблица № 2) находились под особым покровительством царской фамилии. В 1910 г. почетной покровительницей Александровского лицея стала вдовствующая императрица Мария Федоровна [17]. В 1902 г. в его совет входили статс-секретарь Д. М. Сольский, министр земледелия и землеустройства А. С. Ермолов, статс-секретарь В. Н. Коковцов, управляющий Государственным банком Э. Д. Плеске [18]. Попечителем Училища правоведения был принц А. П. Ольденбургский.

Александровский лицей готовил чиновников для «гражданской службы по всем частям, требующим высшего образования», но «преимущественно для Министерства внутренних дел [19], Училище правоведения — для службы «по части судейской» [20]. Окончившие их обычно пополняли высшую бюрократию всех ведомств. Среди таковых были статс-секретари, министры, послы, губернаторы, сенаторы, члены Государственного совета, крупные чиновники.

Первоначально более аристократическим по составу воспитанников был Александровский лицей, куда принимались только юноши-дворяне, внесенные в 5-ю и 6-ю части родословной книги для самой высокородной части первенствующего сословия, а также сыновья военных чинов не ниже полковника и гражданских чиновников V класса (статский советник). В 1879 г. этот порядок был отменен. Как и в Училище правоведения, в Лицей стали принимать потомственных дворян независимо от того, в какую часть родословной книги они записаны. Система строгого сословного отбора учащихся дополнялась высокой платой за обучение (800 руб.). Часть вакансий резервировалась для сыновей высокородных и высокочиновных, но обедневших семей. В высшие юридические классы поступали только те, кто прошел курс обучения в общеобразовательных, а многие и в приготовительных классах.

Первостепенное значение в обоих учебных заведениях придавалось воспитанию учащихся. В Александровском лицее боль-

---

[17] Рубец А. А. Краткая историческая памятка имп. Александровской, бывш. Царскосельского лицея. СПб., 1911, с. 14. Решая судьбу Александровского лицея, Комиссия Временного правительства по высшей школе отметила его «особую близость к монарху» (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 307, л. 17 об.).

[18] Императорский Александровский лицей XCI—XCII год. СПб., 1902, С. 3.

[19] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ), собр. 1. т. 23, № 22174, § 1.

[20] ПСЗ, собр. 1, т. 50, № 11253, § 1.

Таблица № 2

Контингент учащихся высших (университетских) классов привилегированных учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на:							
		1897/98 учебный год		1907/08 учебный год		1913/14 учебный год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Александровский лицей	106	44,3	свед. нет		свед. нет		120	24,0
2	Училище правоведения	105	44,0	122	36,5	122	31,0	113*	22,4
3	Лицей цесаревича Николая (Катковский)	28**	4,7	213	63,5	270	69,0	270	53,6
	Итого:	239	100	335	100	392	100	503	100

* *По состоянию на 1916/17 учебный год*
** *По состоянию на 1899/1900 учебный год.*

Источники: Памятная книжка имп. Александровского лицея на 1898/1899 учебный год. СПб., 1899, с. 45; Памятная книжка имп. Училища правоведения на 1898—1899 учебный год. СПб., 1898, С. XLI; То же, на 1907—1908 учебный год. СПб., 1907, С. LX; То же, на 1913—1914 учебный год. СПб., 1913, С. LXII; То же, на 1916—1917 учебный год. СПб., 1916, С. LX; Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1897 г. СПб., 1902; С. 180; Отчет за 1907 г. СПб., 1909, С. 16; То же, на 1913 г. СПб., 1916, С. 64; Наука в России. Вып. I. Петроград. Данные на 1 января 1918 г. Пг., 1920, С. 59; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 261, л. 2.

шое внимание уделялось выработке у воспитанников хороших манер, им преподавались танцы, музыка, фехтование, гимнастика и т. д.[21] Вплоть до выпуска они находились под наблюдением воспитателей. Преподавание в высших юридических классах осуществлялось приглашенными профессорами, среди которых было немало крупных ученых. Курс обучения занимал 3 года (против 4-х для студентов юридических факультетов университетов). Эта льгота усиливалась более высоким чинопроизводством выпускников. Отлично преуспевшим в науках и поведении присваивался чин IX класса, прочим — X и XII (университанты получали только чины X и XII классов). Лицеистам и правоведам обеспечивалась быстрая карьера.

[21] ПСЗ, собр. 1, т. 23, № 22174, № 16. Идея кастовой высшей школы была чрезвычайно популярной в консервативных дворянских кругах. Вопрос о создании таковой в 1914 г. обсуждался в Постоянном Совете объединенного дворянства (ЦГАОР СССР, ф. 434, Постоянный совет объединенного дворянства, оп. 1, д. 84).

После Февральской революции Комиссия Временного правительства по высшей школе вынесла решение учредить вместо Александровского лицея Институт государственных наук ведомства Министерства народного просвещения. Упразднено было и Училище правоведения.

В группу привилегированных высших учебных заведений университетского типа входил Лицей в память цесаревича Николая (Катковский) (1868 г., Москва) ведомства Министерства народного просвещения. Он был основан идеологом самодержавия, редактором «Московских ведомостей» М. Н. Катковым и профессором П. М. Леонтьевым на частные пожертвования московских предпринимателей (С. С. Поляков, фон Дервиз, фон Мекк и др.) и олицетворял союз самодержавия с крупной буржуазии. Вплоть до 1917 г. Катковский лицей получал значительные субсидии от торгово-промышленных кругов, фактически покупавших места лицеистов для своих детей. Лицей находился под августейшим покровительством Николая II. Созданный как частное учебное заведение, он скоро перешел на государственное содержание.

Основное назначение Катковского лицея его учредители видели в воспитании преподавателей гимназий — апологетов классицизма, будущих администраторов (директора гимназий, чиновники центрального и местного аппарата Министерства народного просвещения). Другой целью этого учебного заведения была подготовка чиновников для различных ведомств. Лицей имел среднеобразовательную ступень в виде классической гимназии и английского типа 3-х годичный университетский колледж с юридическим, историко-филологическим и физико-математическим факультетами. Как и учащиеся других привилегированных учебных заведений, лицеисты-катковцы до 1890 г. пользовались правом ускоренного прохождения университетского курса (в 3 года вместо 4-х). Эта льгота была временно утрачена Лицеем с введением нового положения 17 апреля 1890 г. [22], но восстановлена 6 марта 1893 г.[23]. С введением временного положения о Лицее 26 апреля 1906 г. она была сохранена только для оказавших наибольшие успехи воспитанников [24]. Сужение столь существенной прерогативы вызывалось необходимостью повысить профессиональную подготовку лицеистов.

---

[22] ПСЗ, собр. III, т. 10, № 6721.
[23] ПСЗ, собр. III, т. 13, № 0395.
[24] ПСЗ, собр. III, т. 26, № 27825, ст. 4.

Катковцы слушали лекции не в самом Лицее, а на соответствующих факультетах Московского университета. Они считались его студентами и вносили годовую плату за обучение на его финансовый счет. Лекционные и самостоятельные занятия лицеистов проходили под наблюдением особых «туторов». Такое двойственное положение Лицея стало источником острых конфликтов между университетской профессурой и лицейским начальством, между университантами и лицеистами.

Иной, нежели у Александровского лицея и Училища правоведения, была сословная ориентация Катковского лицея. Он был не дворянско-кастовым, а всесословным учебным заведением. На университетский курс могли поступать все, кто имел право учиться в университете и кто мог вносить чрезвычайно высокую плату за обучение [25]. В Лицее обучались богатые юноши преимущественно из семей дворян, чиновников, духовенства, а также дети купцов и промышленников и просто состоятельных родителей (из мещан, цеховых, крестьян). Вероисповедный состав воспитанников был пестрым, время от времени включая даже юношей иудейского и магометанского исповеданий [26].

Отбор воспитанников по принципу богатства предопределил привилегированное положение Лицея и лицеистов. Министр народного просвещения И. И. Толстой в письме к С. Ю. Витте от 27 января 1906 г. подчеркивал, что «лицейское начальство всегда было обуреваемо стремлением обратить Лицей в московское подобие петербургских привилегированных учебных заведений», но что это стремление не имеет необходимых оснований, ибо в Лицее «за дорогую плату... воспитываются дети богатых родителей, большей частью ничем не заслуживших попечения о них правительства» [27].

Весьма скоро после открытия Лицея обнаружилась несостоятельность организационно-педагогической доктрины Каткова — Любимова. Как констатировал И. И. Толстой, Лицей не пользовался «симпатиями ни Москвы, ни остальной России; популярность его с тех пор не возросла, а влияние на русское просвещение до сих пор оставалось минимальным» [28]. Высокая

[25] В 1905/06 учебном году она составляла 250 руб. в год для студентов, которые жили дома, и от 535 до 850 руб. для проживавших в лицейском пансионе. См.: Календарь имп. Лицея в память цесаревича Николая на 1905/06 учебный год. М., 1906, С. 13.

[26] См. Отчет Университетских курсов Катковского Лицея за 1906 и 1912 гг. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 205, д. 711, л. 7, д. 719, л. 21 об.).

[27] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 561, л. 356.

[28] Там же.

стоимость обучения и реакционная направленность системы воспитания обусловили малочисленность учащихся Лицея (таблица № 2). К 1899 г. прекратили свое существование физико-математический и историко-филологический отделения, за 23 года выпустившие всего 31 специалиста [29]. Педагогическое поприще не прельщало богатую молодежь. Лицей превратился в чисто юридическое учебное заведние.

Лишь в одном отношении расчеты основателей и руководителей Лицея вполне оправдались: это было абсолютно благонадежное учебное заведение, воспитанники которого не только не участвовали в студенческом движении, но и были активными его противниками. Чрезвычайно ярко это проявилось в период революции 1905—1907 гг. [30]. В награду за верноподданство в 1906 г. Катковский лицей был преобразован в независимое от Московского университета закрытое учебное заведение с самостоятельным 4-х годичным юридическим университетским курсом. Его выпускники получали диплом I и II степени, аналогичный университетскому, но не дававший права на сдачу магистерских экзаменов. Лицей был чисто чиновничьей школой, из которой вышло немало крупных чиновников и политических деятелей царской России. После Февральской революции Лицей был преобразован в высшее открытое юридическое учебное заведение.

К университетскому типу относились и **востоковедные высшие учебные заведения,** готовившие в основном чиновников внешнеполитической службы в странах Востока и внутренней «окраинной» администрации. Они имели ограниченный состав учащихся (таблица № 3).

Учебное отделение восточных языков Министерства иностранных дел (1828, Петербург) выпускало драгоманов (переводчиков) для российских посольств, миссий, консульств в странах Ближнего и Среднего Востока, а также Юго-Восточной Европы (Болгария, Румыния, Сербия, Греция, Албания) и Северной Африки (Абиссиния, Морокко), некогда находившихся под

---

[29] Списки бывших и настоящих воспитанников имп. Лицея в память цесаревича Николая. М., 1905, С. 112—132 (подсчет автора).

[30] ЦГИАССР, ф. 733, оп. 226, д. 288, л. 1—10. Лицей пользовался большим авторитетом в консервативно-черносотенных кругах. В 1909 г. Казанское царско-народное общество ходатайствовало о создании в Казани юридического лицея, подобного Катковскому. Пребывание в нем должно было укрепить в учащихся «преданность церкви, любовь к родине, русскому народу, преданность неограниченному царю» (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 34 об.—54 об.).

Таблица № 3

Контенгент учащихся востоковедных учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на:							
		1897/98 учебный год		1907/08 учебный год		1913/14 учебный год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Восточный институт во Владивостоке	—	—	86	38,1	118	43,7	118	40,8
2	Лазаревский институт восточных языков в Москве	33	76,7	130	57,5	145	53,7	126	43,6
3	Учебное отделение восточных языков при Восточном департаменте МИД	10	23,3	10	4,4	7	2,6	45	15,6
	Итого:	43	100	226	100	270	100	289	100

Источники: Отчет министра народного просвещения за 1907 г. СПб., 1909, С. 18, 19; То же, за 1913, СПб., 1916, С. 71; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1359, л. 144, 146; Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. I. Петроград. Данные к 1 января 1918. Пг., 1920, С. 61.

Османским владычеством. По положению 15 февраля 1882 г. Отделение имело комплект студентов в 10 чел., находившихся на полном государственном обеспечении; в начале XX в. — 7 «казеннокоштных» и 1—3 «своекоштных» [31]. В их число попадали только выпускники восточного факультета Петербургского университета с дипломом I степени и специальных классов Лазаревского института восточных языков с правом на чин X класса, православные и русские по подданству и происхождению. При поступлении они сдавали экзамены по арабскому, персидскому, турецкому и французскому языкам. К слушанию лекций допускались также «лица из посторонних ведомств» на правах вольнослушателей.

Программа Учебного отделения включала арабский, персидский, турецкий, новогреческий, французский, английский, итальянский языки, а также мусульманское и международное право. Восточные языки преподавали «просвещенные туземцы Востока» [32]. Курс обучения был 2-хгодичным. В 1915 г. в Министерстве иностранных дел обсуждался проект коренной реорганизации Отделения в учебный центр с курсом специальных наук,

[31] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1359, л. 144—145.
[32] Там же, л. 144—146.

обязательных для всех сотрудников восточных отделов ведомства. Подготовка одних только драгоманов была признана «узкой и не отвечающей современным требованиям заграничной службы в странах Востока» [33]. Реформированное Отделение должно было готовить специалистов на все должности дипломатической службы. Его программа должна была пополниться китайским, японским, монгольским языками, а также общеобразовательными предметами (новейшая история, география, основы уголовного и гражданского права и судопроизводства) [34]. Предусматривалось повышение научного ценза преподавательского состава Учебного отделения (ученая степень или известность как специалиста). Комплект студентов должен был возрасти до 30 чел. [35] Однако данный проект не был реализован.

В 1883—1910 гг. при Учебном отделении работали Курсы восточных языков для офицеров всех родов оружия с 3-хгодичным курсом обучения по той же программе, что и на Учебном отделении, с комплектом учащихся в 5 чел. Выпускники их направлялись на Кавказ и в азиатские военные округа (Сибирь, Туркестан). Незначительная часть прикомандировывалась к Министерству иностранных дел [36].

Иная географическая ориентация была придана деятельности Восточного института во Владивостоке ведомства Министерства народного просвещения (1899 г.) По уставу он имел целью «подготовлять учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих к ней государств» [37]. Курс обучения был рассчитан на 4 года.

В отчете за 1903 г. указывалось, что институт призван готовить «грядущих работников для политической и торгово-промышленной деятельности в Китае, Монголии, Корее, т. е. там, где располагалась сфера притязаний России на первенство и преобладание» [38]. Об этом свидетельствовал и состав отделений института: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское. Центральное место в учебных программах отводилось изучению политического устройства и тогово-промышленной деятельности названных стран [39].

---

[33] Там же, л. 150.
[34] Там же, л. 150 об.
[35] Там же, л. 167 об.
[36] Там же, л. 145.
[37] ПСЗ, собр. III, т. 19, № 16940, ст. 1.
[38] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 204, д. 246, л. 14.
[39] ПСЗ, собр. III, т. 19, № 16940, ст. 1, 7—8.

Деятельность Восточного института тесно увязывалась с текущими внутри- и внешнеполитическими процессами в странах Северо-Восточной Азии. Так, активизация в начале XX в. «застенного» Китай в Монголии побудило составителей отчета Института за 1903 г. написать: «В настоящее время исследования Монголии не могут ограничиваться прежними рамками, т. к. самая жизнь монголов становится сложнее, а со стороны России требуется более внимательное, всестороннее отношение к предмету». В том же отчете указывалось и на необычайное развитие политической и экономической жизни, переживаемое Корейским полуостровом, куда усилилось проникновение европейцев и японцев [40].

Среди российских высших учебных заведений Восточный институт выделялся также необычным составом слушателей. Во-первых, в него принимались без экзаменов выпускники средних учебных заведений всех типов и ведомств, главным образом, питомцы Владивостокской мужской гимназии, при нем состоявшей [41]. Во-вторых, институт имел своеобразный военный факультет, где обучались армейские офицеры, включая и имевших уже академическое образование [42]. Они осваивали специальную программу [43], выполняли военно-дипломатические функции и могли поступать во все академии, исключая Академию Генерального штаба. Особенно большую роль офицеры-воспитанники Восточного института играли во время русско-японской войны. После ее окончания встал вопрос об увеличении приема на военный факультет Восточного института. В письме военному министру Главнокомандующий войсками в Маньчжурии писал, что крайний недостаток офицеров со знанием восточных языков «ярко сказался в только что окончившуюся кампанию» [44].

Особое место в группе востоковедных высших учебных заведений занимал Лазаревский институт восточных языков ведомства Министерства народного просвещения (1848, Москва).[45] Его

---

[40] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 204, д. 246, л. 9—10.
[41] ПСЗ, собр. III, т. 19, № 16940, ст. 32.
[42] ПСЗ, собр. III, т. 26, № 28555.
[43] ПСЗ, собр. III, т. 19, № 16940, ст. 33 (прим.).
[44] ЦГИА СССР, ф. 565, Департамент государственного казначейства Министерства финансов, оп. I, д. 3403, л. 5.
[45] Образован в 1848 г. на основе созданного в 1815 г. Армянского училища Лазаревых. Имел восьмилетний курс. Два последних класса считались высшими (специальными). Восточные языки преподавались с I по VIII классы. Готовил чиновников и переводчиков для Закавказья. Имел также духовное и коммерческое отделения (ПСЗ, собр. II, т. 23, № 22257). В 1868 г. был разделен на

«первенствующим почетным членом» был верховный патриарх-католикос армянского народа. Институт состоял из фактически самостоятельных гимназических классов с приготовительным отделением и приравненных к высшему учебному заведению специальных классов. В последние принимались юноши 17-летнего возраста «всех состояний, без различия звания и вероисповедания» [46] с аттестатом зрелости или приравненным к нему свидетельством [47]. Институт был центром обучения армян из российских подданых и «заграничных». Первые в основном происходили из семей «бедных заслуженных чиновников» и являлись «лазаревскими и кавказскими стипендиатами» или находились на полном содержании в течение всего курса обучения, который нередко начинался подготовительным отделением [48]. Вторые относились к числу обеспеченных, т. к. принимались в Институт «полными пансионерами» и платили за содержание и обучение 300 руб. ежегодно [49]. Принимались в институт и желавшие обучаться восточным языкам в качестве «посторонних слушателей» [50]. Комплект студентов специальных классов равнялся 150 чел. Курс обучения был 3-хлетним. Занятия вели профессора, доценты и преподаватели девяти кафедр: армянской, арабской, персидской словесности, турецко-татарского, русского, грузинского языков, практики персидского, турецкого и арабского языков, восточной каллиграфии [51]. Языки армянский и грузинский были обязательными только для армян и грузин.

Студенты Лазаревского института получали широкую подготовку в области исторического и практического востоковедения, близкую к университетской. Для большинства курс обучения завершался защитой диссертации на историческую тему. Многие студенты направлялись в страны Ближнего и Среднего Востóка с научными целями. О высоком уровне научной подготовки выпускников Лазаревского института восточных языков говорит и тот факт, что они, наравне с питомцами восточного факультета Петербургского университета, составляли контингент

гимназические и специальные высшие классы (ПСЗ, собр. II, т. 43, № 45718). В 1872 г. гимназические классы были приравнены к классическим гимназиям, а 3-х летние специальные — к высшим учебным заведениям (ПСЗ собр. II, т. 47, № 51655, § 2).

[46] ПСЗ. собр. II, т. 47, № 51655, § 159.

[47] Там же, § 73.

[48] Там же, § 2, приложение.

[49] Там же, § 64, примечание.

[50] Там же, § 162.

[51] Там же, § 146.

Учебного отдела Министерства иностранных дел. Выпускники Института шли на дипломатическую службу, пополняли корпус чиновников кавказской администрации, избирали научное поприще.

Во многом индентичными медицинским факультетам университетов по программам преподавания были специальные **высшие медицинские школы.**

Старейшей из них и наиболее известной как крупный научный и учебный центр была Военно-медицинская академия (1798, Петербург; до 1881 г. — Медико-хирургическая) (таблица № 4). До 1912 г. она была открытым полувоенным учебным заведением. По уставу 1890 г. Академия готовила врачей преимущественно для военного и морского ведомств [52]. Часть ее выпускников попадала на гражданскую службу. До 1905 г. в Академию принимались только обладатели аттестата зрелости, окончившие классические гимназии, а также выпускники физико-математического (с дипломом I степени) и студенты медицинского факультетов университетов. Затем она стала доступной и для воспитанников общеобразовательных классов Пажеского и кадетского корпусов [53]. Студенты ее не обязывались к ношению форменного платья, жили вне академических помещений, хотя и находились «в ближайшем ведении» штаб-офицеров [54].

До 1912 г. Военно-медицинская академия, в отличие от чисто военных академий, входивших в структуру главных управлений Военного министерства, была только приписана к этому ведомству и состояла «под главным ведением министра» [55]. Затем ее подчинили Главному санитарному инспектору [56], студентов одели в военизированную форму и им было предписано обязательное отдание чести офицерам [57]. Словом, Академия стала полноправным военным учебным заведением, готовившим врачей исключительно для сухопутных вооруженных и военно-морских сил. На нее же были возложены задачи их «совершенствования» и подготовки собственных преподавателей. Учебный курс Академии был 5-летним.

В 1895 г. был основан, в 1897 г. открылся Петербургский женский медицинский институт. Вопрос о нем возник в 1882 г.

---

[52] ПСЗ, собр. III, т. 10, № 6860, ст. 1.
[53] ПСЗ, собр. III, т. 25, № 25811.
[54] ПСЗ, собр. III, т. 10, № 6860, ст. 23.
[55] Там же, ст. 7.
[56] ПСЗ, собр. III, т. 32, № 38460.
[57] ПСЗ, собр. III, т. 33, № 39132, 39409.

Таблица № 4

Контингент слушателей высших медицинских учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число студентов по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Военно-медицинская академия	.760	80,2	854	31,5	970	37,4	данные	отсут.
2	Петербургский женский медицинский институт	188	19,8	1853	68,5	1622	62,6	2065	
	Итого:	948	100	2707	100	2592	100	2065	100

Источники: Всеподданнейший отчет военного министерства за 1898, СПб., 1900, с. 92; То же, за 1908 г. СПб., 1910, С. 75—76; То же, за 1914. СПб., 1916; Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1897 г. СПб., 1900. С. 21; То же, за 1907 г. СПб., 1909, С. 20; То же, за 1913 г. СПб., С. 75; Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. I. Петроград. Данные к 1 января 1918 г. Пг., 1920, С. 47; Журнал Министерства народного просвещения, 1912 г., февраль, С. 202.

в связи с упразднением, по настоянию военного министра П.С. Ванновского, Курсов ученых акушерок при Военно-медицинской академии [58]. В 1883 г. в Министерстве народного просвещения был составлен проект положения об институте ученых акушерок, но он был отвергнут по настоянию министра внутренних дел Д. А. Толстого как отвечающий стремлениям «отдельных лиц к так называемой эмансипации женщин». Не удалась и попытка провести проект в 1892 г. через Государственный совет, который нашел, что открытие Женского медицинского института «не вызывается государственной необходимостью», и положительное решение вопроса поставило в зависимость от частных пожертвоаний [59].

В 1895 г. Государственный совет все же санкционировал открытие института [60]. Он должен был «доставлять лицам женского пола медицинское образование, преимущественно приспособленное к лечению женских и детских болезней и к акушерской деятельности». Основанием к положительному решению вопроса послужила значительная сумма частных пожертвований на

[58] Шохоль К. Р. Высшее женское образование в России. СПб., 1910, С. 20—22.
[59] Рождественский С. В. Указ. соч., С. 629—630.
[60] Отчет председателя Государственного совета за сессию 1894—18995 гг. СПб., С. 21—24.

нужды нового учебного заведения — почти 800 тыс. руб. Было учтено и заявление министра народного просвещения И. Д. Делянова о том, что открытие института прекратит отъезд русских женщин в зарубежные университеты, где они «легко подпадают под пагубное влияние эмигрантов» [61].

В 1904 г. Женский медицинский институт в Петербурге был подностью приравнен к медицинским факультетам университетов по программам преподавания. Он стал готовить не только специалистов по женским и детским болезням и акушерок, но и «доставлять лицам женского пола высшее медицинское образование»[62], т. е. выпускать врачей широкого профиля. Как и прежде, в институт принимались выпускницы женских гимназий и приравненных к ним учебных заведений. Пройдя полный курс, они получали, как и в университетах, звание лекаря. Открытый без всякой помощи казны Женский медицинский институт первоначально содержался на общественные и частные пожертвования, пользуясь лишь минимальными ежегодными дотациями государства. С 1904 г. он полностью перешел на государственное содержание.

В начале XX в. Петербургский женский медицинский институт вошел в число крупнейших высших учебных заведений России (таблица № 4). Высокий авторитет преподавательской коллегии, состоявшей из видных специалистов, богатая лабораторная база, созданная при финансовом содействии 50 провинциальных земств, позволили превратить институт в центр профессиональной аттестации женщин, окончивших иностранные университеты [63], а также и желавших получить звание провизора, зубного врача, аптекарского помощника, степень магистра фармации [64]. Обладал он и правом присуждения ученой степени доктора медицины женщинам [65], а с 1916 г. и мужчинам [66].

К университетскому типу относилось и **высшее педагогическое образование.** Помимо университетов, готовивших основную массу преподавателей средней школы, в России действовали и специальные педагогические высшие учебные заведния.

История старейших из них — Петербургского (1867 г.) и Не-

---

[61] Рождественский С. В. Указ. соч., С. 630.
[62] ПСЗ, собр. III, т. 24, № 24495, ст. 1.
[63] там же, ст. 43.
[64] ПСЗ, собр. III, т. 26, № 27791, ст. 1.
[65] ПСЗ, собр. III, т. 24, № 24495, ст. 1.
[66] Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее СУ), 28 июня 1916 г., № 1484.

жинского (1820 г.) историко-филологических институтов ведомства Министерства народного просвещения — тесно связано с коренными реорганизациями российской средней школы в 60—70-х годах XIX в. Первый из них возник в связи с гимназической реформой 1864 г. Он же стал оплотом «классицизма» после осуществления в 1871 г. реакционной гимназической контрреформы. Недостаток учителей-«классиков» превел к созданию в 1874 г. Нежинского историко-филологического института [67]. И Петербургский, и Нежинский институты готовили учителей древних и русского языков, словесности, истории, географии для гимназий Министерства народного просвещения и прочих ведомств, которые содержали в институтах своих стипендиатов [68]. Независимо от избранной специальности, каждый студент должен был готовиться к преподаванию греческого и латинского языков [69]. Оба института являлись «не столько педагогическими учреждениями, сколько приборами для фабрикации особо благонадежных педагогов»[70]. Должны они были готовить также и будущих администраторов-адептов классической системы среднего образования.

В институты принимались выпускники гимназий, а также окончившие философский класс духовных семинарий. Комплект студентов состоял из 100 чел. Обучение продолжалось 4 года, причем первые два курса были «общие и преимущественно теоретические», а последующие — «специализированные и практические». Выпускники получали звание учителя гимназии и свидетельство, приравненное к университетскому [71].

До начала XX в. институты действовали как закрытые учебные заведения, студенты которых жили в общежитии на полном казенном содержании. Однако из-за постоянного дефицита учащихся был разрешен прием и «своекоштных» (приходящих) студентов: в 1907 г. — в Петербургский историко-филологический институт (10 чел. ежегодно), в 1911 г. — в Нежинский (не

---

[67] В 1820 г. в Нежине по инициативе и на деньги кн. И. Безбородко была создана гиназия «высших наук», соединявшая предметы обучения по программе среднего и высшего образования университетского типа. В 1832 г. она была преобразована в лицей со словесным м физико-математическим факультетами; в 1840 г. — Юридический лицей, в 1874 г. — в Историко-филологический институт (см.: Рождественский С. В. Указ. соч., С. 143, 206, 268, 506).

[68] ПСЗ, собр. II, т. 42, № 44767, ст. 1. Ссылки даются на устав С.-Петербургского историко-филологического института, идентичный уставу Нежинского.

[69] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, вторая половина XIX в. М., 1976, С. 204.

[70] Вестник воспитания, 1906, № 7, С. 112.

[71] ПСЗ, собр. II, т. 42, № 44767, ст. 24, 33, 37.

Таблица № 5

Контингент студентов специальных педагогических высших учебных заведений

№№	Учебные заведния	Число учащихся по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Петербургский историко-филологический институт	92	50,5	144	19,3	134	15,0	123	12,7
2	Нежинский историко-филологический институт	90	49,5	92	12,3	134	15,0	134	13,9
3	Педагогический институт им. П. Г. Шелапутина	—	—	—	—	59	6,6	59	6,1
4	Женский педагогический институт	—	—	512	68,4	567*	63,4	650	67,3
	Итого:	182	100	748	100	894	100	966	100

* *По состоянию на 1912 г.*

Источники: Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1897 г. СПб., 1902, С. 173; Отчет министра народного просвещения за 1907 г. СПб., 1909. С. 16; То же, за 1913 г. СПб., 1916, С. 63, 72; Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. I. Петроград, Пг., 1920, С. 65, 123; Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912, С. 41.

более 15 чел. в год). В дальнейшем эти квоты повышались, что позволило несколько поднять численность студентов (таблица № 5).

Историко-филологические институты не пользовались популярностью у молодежи из-за воспитанной у нее в гимназиях стойкой неприязни к классическим языкам. Не импонировали ей и проникнутые духом политической реакции и педагогического формализма внутренние распорядки, царившие в этих учебных заведениях. Абсолютное большинство выпускников гимназий, увлеченных историко-филологическими науками, стремилось в университеты. В историко-филологические институты поступали лишь те из них, кого привлекало казенное содержание.

Деятельность историко-филологических институтов находилась под постоянным огнем общественной критики. Со страниц педагогической периодики раздавались упреки в том, что они

являются лишь неудачной копией историко-филологических факультетов университетов «с небольшой надстройкой для педагогики, методик... и практических занятий» [72]. Многие педагоги считали эти учебные заведения «некому не нужными» [73]. Враждебное отношение историко-филологические институты встречали и в среде земской интеллигенции. Черниговское губернское земство, например, считало недопустимо «обременительным для скудного бюджета Министерства народного просвещения содержание института в Нежине». Взамен его земцы предлагали учредить сельскохозяйственный институт [74].

Однако ведомство просвещения, цепко державшееся за классическую гимназию, сохранило историко-филологические институты до февраля 1917 г. После Февральской революции в Комиссии Временного правительства по реформе высших учебных заведений рассматривался вопрос о преобразовании института в Нежине в Педагогическую академию кн. Безбородко для подготовки преподавателей великорусских и украинских языков, словесности и истории, а также истории всеобщей, древних и новых языков [75].

В конце XIX — начале XX в. в России шла дискуссия об организационных формах высшего педагогического образования. В ходе ее, естественно, критически осмысливался опыт подготовки учителей средней школы, накопленный университетами и историко-филологическими институтами. Первые вызывали критику за то, что не давали выпускникам историко-филологического и физико-математического факультетов специальной педагогической подготовки [76]. Вторые служили иллюстрацией к утверждениям, что специальная педагогическая высшая школа не разрешит кризиса с учительскими кадрами, т. к. число учащихся в ней должно быть крайне ограниченным, поскольку «как только их контингент переходит известные пределы, сейчас же начинает серьезно страдать педагогическая подготовка кандидатов» [77]. Высказывалась также мысль, что специальные педагогические институты содействуют «замкнутости своих питомцев», отрыву их обучения от реальной жизни [78].

---

[72] Журнал Министерства народного просвещения, 1916, январь, с. 86—87.
[73] Образование, 1897, № 10, с. 76.
[74] Техническое образование, 1898, № 8, С. 24—25.
[75] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 291, л. 1.
[76] Школа и жизнь, 1914, № 27, С. 4.
[77] Журнал Министерства народного просвещения, 1916, январь, С. 86—87.
[78] Русская школа, 1900, № 7—8, С. 119.

Последняя точка зрения имела авторитетных противников, включая Д. И. Менделеева. В 1904 г. он писал: «...Я со своей стороны желаю, чтобы необходимое для России высшее учебное заведение, приготовляющее учителей гимназий, а среди них и будущих профессоров, было закрытым, т. е. давало бы своим воспитанникам не только лекции, библиотеки, лаборатории и т. п., но и помещение для жизни, стол, одежду и все прочее, потому что только при этом условии возможно, по моему мнению, достичь того, чтобы у нас родились свои Платоны и Невтоны, о которых так мечтал Ломоносов» [79].

Д. И. Менделеев составил проект Главного училища наставников на 600 студентов с 5-летним курсом обучения, с историко-филологическим, физико-математическим, камеральным (техническим) факультетами [80]. 8 апреля 1906 г. проект рассматривался в Совете министров, но был отклонен из-за чрезмерно высокой стоимости. Однако премьер-министр С. Ю. Витте рекомендовал министру народного просвещения И. И. Толстому озаботиться, чтобы окончательно разработанный проект училища наставников «имелся наготове» ввиду возможной его реализации на базе Нежинского историко-филологического института [81].

Большинство участников упомянутой выше дискуссии выступили, однако, против новых специальных педагогических высших учебных заведений, в которых общенаучная подготовка сочеталась бы со специальной педагогической. Об этом свидетельствуют решения комиссии при Педагогическом обществе Московского университета (1898 г.) [82] и Комиссии 1899 г. по вопросу «об улучшениях в средней общеобразовательной школе» [83]. Они сводились к тому, что общепедагогическая и методическая ориентация учителей гимназии должна была осуществляться на базе университетского образования специальными учебными заведениями. В письме к С. Ю. Витте от 15 марта 1906 г. министр народного просвещения И. И. Толстой сообщал, что проекту Д. И. Менделеева противостоят несколько проектов педагогических институтов для лиц с университетским образованием [84].

---

[79] Менделеев Д. И, Сочинения, т. XXIII. М.—Л., 1952, С. 209—210.
[80] Там же, С. 213—217.
[81] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 143, л. 79 об.
[82] К вопросу о подготовке преподавателей средней школы. М., 1899, С. 5.
[83] Труды высочайшей Комиссии по вопросу об улучшении положения в средней школе. СПб., 1900, С. 2—3.
[84] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 143, л. 20.

Последняя идея воплотилась в Педагогическом институте им. П. Г. Шелапутина, основанном в Москве в 1911 г. при Министерстве народного просвещения. В представлении Министерства народного просвещения в Государственную думу от 10 марта 1910 г., в частности, указывалось: «Университет может дать молодым людям познания в той или иной области науки..., но не может научить передаче этих познаний другим с целью духовного их развития, и это должны принять на себя иные учреждения, в которые поступали бы молодые люди по получении высшего образования» [85]. Одним из таких учреждений и должен был стать новый институт, созданный по инициативе и на деньги П. Г. Шелапутина для подготовки мужчин православного исповедания, получивших высшее образование, к педагогической деятельности в средних учебных заведениях [86]. Принимались сюда выпускники всех высших учебных заведений при условии, что в дипломе значился один из предметов, специально изучаемых в институте [87]. В целях усовершенствования сюда могли командироваться и учителя средних учебных заведений. Количество слушателей института было крайне ограничено (таблица № 5). Срок обучения для стипендиатов составлял 2, для прочих — 3 года [88].

Среди поступивших в институт в 1911—1912 гг. преобладали выпускники университетов и духовных академий. Прочие высшие учебные заведения были представлены только двумя выпускниками — Рижского политехнического и Восточного институтов. В число слушателей входили и командированные преподаватели средних учебных заведений различных типов и ведомств, а также инспектор студентов Томского технологического института. Согласно отчету за 1912 г. все принятые по диплому духовных академий (а таковых было 8 из 30 первокурсников) состояли на учебно-воспитательных должностях преимущественно в духовных же учебных заведениях [89].

Слушатели распределялись по группам: русского языка и словесности; математики, физики, космографии; русской и всеобщей истории; естествознания, химии и географии; древних

---

[85] Известия Педагогического института имени Павла Григорьевича Шелапутина в Москве. Книга I М., 1912—13, С. 14.

[86] ПСЗ, собр. III, т. 31, № 35445, ст. 1.

[87] Известия Педагогического института им. П. Г. Шелапутина. Книга II, М., 1913, С. 16.

[88] ПСЗ, собр. III, т. 31, № 35445, ст. 16, 22.

[89] Известия Педагогического института им. П. Г. Шелапутина, кн. I, С. 46—47; кн. II, С. 34—35.

языков. Важнейшее место в программе института занимали предметы педагогического цикла (логика, общая и педагогическая психология, общая педагогика и история педагогических учений, школьная гигиена, физическая культура, музыка, пение). Наконец, много учебного времени отдавалось научно-семинарским занятиям по избранной специальности, педагогической практике, изучению методик, руководств, учебной литературы, а также педагогическим собраниям для разбора проведенных слушателями уроков, представленных ими рефератов и отчетов. Окончившие институт получали свидетельство на звание учителя гимназии, причем казенные стипендиаты (получавшие 900 руб. в год) обязывались прослужить по ведомству Министерства народного просвещения 3 года[90]. В институте преподавали преимущественно профессора и приват-доценты Московского университета. В 1914—1916 гг. осуществлялась разработка нового положения Института им. П. Г. Шелапутина. Главная цель этой работы противоречила установкам, которые были положены в основание данного учебного заведения — педагогическая и методическая подготовка слушателей на базе уже полученной в высших учебных заведениях. Теперь же вопрос стоял об открытии ряда «академических» кафедр для преподавания и разработки общенаучных дисциплин.

Работа над новым положением Педагогического института им. П. Г. Шелапутина была завершена Комиссией по реформе высших учебных заведений Временного правительства[91].

Возникновение в 1903 г. Женского педагогического института ведомства учреждений имп. Марии было вызвано прежде всего дефицитом учебно-педагогических кадров в женских средних учебных заведениях. Кроме того, ему отводилась роль «противовеса» неправительственным высшим женским курсам в Петербурге и Москве, «зараженным оппозиционными и революционными настроениями».

Словесно-историческое и физико-математическое отделения института готовили учительниц для всех классов женских гимназий, классных и домашних наставниц. Кроме того, выпускницы его могли преподавать «новые» языки в младших классах мужских и во всех классах женских гимназий. В институт принимались без экзаменов, по конкурсу аттестатов, окончившие с наградами женские гимназии и равные им учебные заведения.

---

[90] ПСЗ, собр. III, т. 31, № 35445, ст. 3, 7, 9, 10, 23.
[91] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 290, л. 27, 33 об.

Прочие абитуриентки проходили через конкурсные экзамены.

Курс обучения в институте продолжался 4 года на словесно-историческом и 4,5 года — на физико-математическом. Первые два курса для гуманитариев и три — для естественников посвящались «расширению образования». Оставшееся время отдавалось педагогической теории и практике в женской гимназии, начальной школе и детском саду, состоявшим при институте [92].

Строгий внутренний режим, поддерживавшийся усилиями специальных наставниц, делал институт малопопулярным среди выпускниц женских гимназий (таблица № 5). Он не выдерживал конкуренции с многолюдными по составу учащихся неправительственными высшими женскими курсами университетского типа.

Согласно уставу 1903 г. лекционные курсы и практические занятия в институте вели «приглашенные» профессора других высших учебных заведений и специалисты по отдельным учебным предметам [93]. Они не составляли единой коллегии, а следовательно, не могли оказывать должного воздействия на полноту и качество научно-педагогической подготовки слушательниц. Проблемы организации, содержания, качества учебного процесса в конечном счете являлись безраздельной прерогативой попечителя института вел. кн. Константина. Он мог собственной властью менять состав учебных предметов.

В 1912 г. были введены новое положение (устав) и штаты института. Отныне его преподавательский состав состоял из штатных работников. Профессора составляли «конференцию», аналогичную университетским советам. До 4,5 лет удлинялся срок обучения на словесно-историческое факультете. Преимущество при поступлении в институт получили выпускницы женских институтов и гимназий ведомства им. Марии [94].

В 1912 г. Самарское губернское земство возбудило перед Министерством народного просвещения ходатайство о создании в Самаре Женского педагогического института памяти 19 февраля 1861 г. с физико-математическим и историко-филологическим факультетами. Министерство сочло целесообразным открыть новый институт в составе одного историко-филологического отделения, как не требующего специального оборудования [95].

---

[92] ПСЗ, собр. III, т. 23, № 23209, § 2, 6, 7, 13, 28.
[93] Там же, § 22.
[94] ПСЗ, собр. III, т. 22, № 36977, § 9, 28, 41.
[95] Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия II. 1913—14. Выпуск VIII, № 742, С. 1—6.

В 1914—1917 гг. проект прошел через законодательные палаты, но «высочайшего» утверждения не дождался из-за «изменения политического строя России». 15 сентября 1917 г. Министерство народного просвещения Временного правительства разрешило открытие Самарского педагогического института в составе историко-филологического и физико-математического отделений [96].

В 1914 г. в Москве открылись Женские богословско-педагогические курсы в Скорбященском монастыре (подробно см. с. 57).

2.
Высшее художественное училище живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств

Это было единственное в государственном секторе российской высшей школы учебное заведение, служившее эстетическим потребностям общества. Оно открылось в 1764 г., но статус высшего получило после реорганизации по уставу 1893 г. Училище входило в ведомство Министерства имп. двора и состояло из двух отделений — живописно-скульптурного и архитектурного. Продолжительность курса обучения на первом составляла 5—6, а на втором — 5 лет. Процесс обучения слагался из художественных и научных занятий.

Художественные занятия на живописно-скульптурном отделении проходили в мастерских профессоров-руководителей по девяти специальностям: религиозная, историческая, жанровая, батальная, пейзажная, декоративная живопись, скульптура, гравюра, медальерное искусство. 3-летний научный курс этого отделения включал историю искусств (классическое, средневековое, эпохи Возрождения), эстетическую критику произведний знаменитых художников, графическую перспективу и перспективное рисование, анатомию.

На архитектурном отделении первые 3 года обучения студента проходили в общих классах по программе, состоявшей из художественных (черчение, рисование) и научных (инженерно-технические дисциплины, история искусств, строительное законоведение) предметов. Последующие 2 года отдавались за-

---

[96] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 661.

нятиям в мастерских под руководством известнейших российских архитекторов в звании действительных членов Академии художеств.

В разные годы в училище работали выдающиеся художники А. Н. Бенуа, П. А. Брюллов, А. М. Васнецов, Н. А. Касаткин, А. И. Куинджи, В. Е. Маковский, В. Д. Поленов, И. Е. Репин, скульпторы В. А. Беклемишев, М. П. Клодт, В. В. Матэ, А. М. Опекушин, ученые-искусствоведы И. В. Цветаев, Н. П. Кондаков.

В училище принимались «молодые люди без различия сословий, вполне подготовленные и способные к прохождению высшего художественного курса, с аттестатами и свидетельствами рисовальных училищ и школ об окончании в них натурного класса или же на приемном испытании доказавшие свое умение рисовать с натуры»[97]. В разряд испытуемых по рисованию попадали и не имевшие среднего художественного образования. В 1902/03 г., например, около 50% студентов училища были выпускниками классических гимназий и реальных училищ, высших учебных заведений (университет, Межевой институт, Николаевская инженерная академия), коммерческих, землемерных, театральных, реформатских училищ, духовных семинарий, кадетских корпусов, фельдшерской школы[98]. Об авторитете архитектурного отделения училища свидетельствует тот факт, что среди его студентов были профессиональные строители, окончившие Институт гражднских инженеров. По особому постановлению Академии художеств в училище могли быть приняты «лица, заявившие себя в рисовальных школах особенно выдающимися художественными способностями, но не удовлетворяющие требованиям научного ценза». В качестве вольнослушательниц в училище принимались и женщины.

Выпускники живописно-скульптурного отделения получали звание «художник» с правом поступления на службу «штатными преподавателями искусств» и занятия «специально-художественных должностей». Окончившие архитектурное отделение получали звание «художник-архитектор»[99]. В 1900/01 учебном году

---

[97] ПСЗ, собр. III, т. 13, № 9982, § 35, 43, 56, 61. Училище живописи, ваяния и зодчества при Московском художественном обществе, Пензенское художественное училище Н. Д. Селиверстова, художественные училища в Одессе, Харькове, Киеве, школы в Казани и Риге.

[98] Отчет о деятельности имп. Академии художеств в 1902 году. СПб., 1903, С. 102—105.

[99] ПСЗ собр. III, т. 13, № 9982, 36, прим. 2, 52, 65.

в училище состояло 290 учащихся (262 мужчины и 28 женщин); в 1907/08 — 361 (338 мужчин и 23 женщины), в 1913/14 — 260 (241 мужчина и 19 женщин), в 1917—387 (308 мужчин и 89 женщин) [100].

3.
Военные и военно-морские высшие учебные заведения

Они готовили кадры для высших командных должностей в вооруженных силах России.[101] Привилегированное положение среди них принадлежало Академии Генерального штаба (1832 г., с 1910 г. — Военная; Петербург).

Ее цель заключалась в том, чтобы давать офицерам широкое высшее военное образование, а также в «развитии трудами ее профессоров военной науки и распространении литературно-учеными их работами военных знаний в армии». Подчинялась Академия начальнику Генерального штаба [102]. Слушатели из обер-офицеров (до капитана) всех родов войск проходили обучение в младшем и старшем классах. Лучшие из них переходили затем на дополнительный курс (по числу вакансий в Генеральном штабе). Остальные по завершении 2-х летнего обучения направлялись в штабы военных округов (окончившие по I разряду) и в прежние воинские части (окончившие по II разряду). Все выпускники с дипломом I разряда причислялись к Корпусу офицеров Генерального штаба.

В состав Академии входило также геодезическое отделение из двух классов (старшего и младшего) и практического курса при Николаевской главной обсерватории. Прием его слушателей (не более 7 чел.) осуществлялся раз в два года. Выпускники отделения в звании «геодезист» причислялись к Корпусу военных топографов и поступали в распоряжение Топографического управления Генерального штаба.

По положению 1893 г. все слушатели Артиллерийской (1855 г. Петербург) и Инженерной (1855 г., Петербург) академий

---

[100] Отчет о деятельности имп. Академии художеств в 1901 г. СПб., 1902, с. 96; То же, в 1907 г. СПб., 1909, С. 63; То же, за 1914 г. СПб., 1915, С. 95; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 261, л. 1—2.

[101] См. подробно: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

[102] ПСЗ, собр. III, т. 29, № 32318.

проходили обучение в младшем и старшем классах, готовивших кадры высшей квалификации для строевой службы. Наиболее успевающие их выпускники переводились на привилегированные двухлетние дополнительные курсы преимущественно для практических занятий с целью подготовки «к службе в артиллерийском ведомстве по технической, ученой и учебной частям и в корпусе военных инженеров» [103]. Обе академии находились в ведомстве Артиллерийского и Военно-технического главных управлений.

В 1900 г. был создан Интендантский курс (1900 г., Петербург), преобразованный в 1911 г. в Академию, имевшую цель «доставлять офицерам вообще и гражданским чиновникам интендантского ведомства высшее специальное образование, соответствовавшее образованиям интендантской службы». Академия состояла из младшего, среднего и старшшего классов и находилась в ведении Главного интендантского управления [104].

Кадры армейской юстиции готовила Военно-юридическая академия (1867 г., Петербург). Курс наук в ней был 3-хлетним. Академия находилась в ведении Главного военно-судного управления [105]. Для поступления в нее требовалась выслуга не менее 4-х лет.

Высшее образование офицеры получали также в Восточном институте. Военных врачей выпускала Военно-медицинская академия.

Контингент слушателей военных академий формировался из армейских офицеров всех родов войск, окончивших военные училища (пехотные, кавалерийские, артиллерийские, военно-инженерные, военно-топографическое), со стажем службы не менее 3-х лет [106] и в звании до штаб-капитана (гвардейские офицеры — до чина поручика). В Интендантскую академию принимались также и гражданские чиновники со средним или высшим образованием, служившие в интендантском ведомстве [107]. В академиях обучались офицеры армий славянских стран. В 1905 г., например, в Академии Генерального штаба числилось 17, а в Инженерной — 3 болгарских офицера [108].

---

[103] Свод военных постановлений 1869 года. Кн. XV. Изд. IV (по январь 1914 г.). Пг., 1914, ст. 179.
[104] ПСЗ, собр. III, т. 20, № 18304.
[105] Свод военных постановлений, ст. 324.
[106] Там же, ст. 784.
[107] ПСЗ, собр. III, т. 20, № 18304, ст. 79.
[108] Отчет о действиях Военного министерства за 1905 год. СПб., 1907, С. 41, 98.

Военные академии являлись важными центрами военно-научной мысли. Преподавательскую и исследовательскую работу в них вели многие выдающиеся ученые [109]. Однако, несмотря на это, высшая военная школа, дворянско-кастовая и малочисленная (таблица № 6) по составу слушателей, не могла удовлетворить растущие потребности русской армии в старших офицерах со специальным высшим образованием. Этим в значительной степни были предопределены сокрушительные поражения России в русско-японской и первой мировой войнах.

В 1914—1915 гг., после досрочных выпусков слушателей, деятельность военных академий была приостановлена. Их профессора и преподаватели из-за нехватки штаб-офицерских кадров были направлены на фронт, в распоряжение Генерального штаба. Вредоносность этой близорукой акции военного ведомства обнаружилась весьма скоро. Уже в 1916 г. было введено в действие «Положение об ускоренной подготовке офицеров полевых частей». К 1 января 1917 г. был осуществлен набор 120 слушателей на младший курс Академии Генерального штаба [110]. Летом этого же года в ней уже числилось 323 слушателя [111]. В 1917 г. была открыта «для незначительного числа раненых офицеров» Артиллерийская академия [112].

Корпус офицеров военно-морского флота комплектовался из выпускников Морской академии (1877 г.), высших классов при Морском кадетском корпусе (1701 г.), которые базировались в Петербурге, и Морского инженерного училища (1734 г.) в Кронштадте.

До 1910 г. Морская академия действовала в составе гидрографического, механического, кораблестроительного отделов с 2-хлетней программой обучения и краткосрочных курсов военно-морских наук для подготовки офицеров оперативно-тактической специальности (до 1908 г. — шестимесячные, после — годичные). В 1906 г. «высочайшим» рескриптом морскому министру А. А. Бирилеву было предписано «обратить особое внимание на поднятие высшего военно-морского образования личного состава флота». Во исполнение этого указания был разработан проект нового положения о Николаевской морской академии, утвержденный

---

[109] См.: Русская военная мысль. Конец XIX — начало XX в. М., 1982, С. 45—53, 57—58.
[110] Бескровный Л. Г. Указ. соч., С. 41.
[111] ЦГИА СССР, ф. 733, п. 226, д. 261, л. 20.
[112] Там же.

Таблица № 6

Контингент слушателей высших военных учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Академия генерального штаба	361	60,4	317	36,6	328	27,7	450	36,3
2	Артиллерийская академия	66	11,0	90	10,4	133	11,2	155	12,5
3	Инженерная академия	105	17,6	111	12,8	58	4,9	122	9,8
4	Интендантская академия, до 1911 г. — Интендантский курс	—	—	12	1,4	158	13,4	—	
5	Военно-юридическая академия	66	11,0	101	11,7	72	6,1	130	10,5
6	Морская академия	нет свед.		25	2,9	60*	5,1	46	3,7
7	Морское училище	нет свед.		53	6,1	150**	12,7	131***	10,5
8	Морское инженерное училище	нет свед.		157	18,1	223***	18,9	207	16,7
	Итого:	598	100	866	100	1182	100	1241	100

* *По состоянию на 1901 г.*
** *По состоянию на 1913 г.*
*** *По состоянию на 11 сентября 1916 г.*

Источники: Отчет военного министерства за 1898 г. СПб., 1902; То же, за 1908. СПб., 1910; То же, за 1914 г. СПб., 1916; Отчет по Морскому министерству за 1906—1909 гг. СПб., 1911; То же, за 1913 г. СПб., 1914; Секретный доклад о деятельности Морского министерства за 1916 б. г. и м.; Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. I. Петроград. Данные к 1 января 1918 г. Пг., 1920, С. 67—70.

в 1910 г.[113] В ее структуру был введен военно-морской отдел. Окончившие младший и старший его курсы предназначались для распространения военно-морских знаний среди офицеров флота[114]. Получившие диплом с отличием (I разряда) зачислялись на дополнительный курс для подготовки к деятельности в Морском генеральном штабе. По прохождении его следовало повышение в чине на один ранг. Отделы гидрографический, механический, кораблестроительный делились на младший, средний и старший курсы, на прохождение которых отводилось 2 года 7 месяцев[115].

Прием слушателей в военно-морской отдел был ежегодным, в прочие — раз в 3 года[116]. Контингент слушателей Академии установлен был в 75 чел. против 37 (22 на отделениях и 15 на военно-морских курсах) согласно прежнему положению[117]. Однако и этот незначительный комплект в последующие годы не заполнялся (таблица № 6). В слушатели Академии по конкурсному экзамену зачислялись обер-офицеры флора и аппарата морского ведомства с выслугой 4 года[118].

Морская академия была центром научных исследований в области кораблестроения, гидрографии, военно-морских стратегических и тактических проблем.

Офицеров корабельной строевой службы готовил Морской кадетский корпус, переименованный в 1906 г. в Морской корпус, а в 1916 г. — в Морское училище. Это было закрытое учебное заведение, построенное по принципу аристократических Александровского лицея и Училища правоведения. В 1914 г. его шефом стал наследник цесаревич. В 1913 г. в нем обучались двое великих князей[119]. Корпус имел две ступени — младшую, общеобразовательную, из 3-х классов для детей 14—16 лет (фактически кадетское училище) и старшую, специальную (3 класса), для юношей 16—18 лет.

Специальные классы являлись высшим военно-морским учебным заведением, предназначенным преимущественно для детей морских офицеров, потомственных дворян. Принимались также дети духовенства (не ниже иерея), а также чиновников (не

---

[113] Отчет по Морскому министерству за 1906—1909 годы. СПб., 1911, С. 92.
[114] ПСЗ, собр. III, т. 30, № 33920, ст. 2.
[115] Там же, ст. 17, 28, 2.
[116] Там же, ст. 13.
[117] Отчет по Морскому министерству за 1910 год. СПб., 1911, С. 37.
[118] ПСЗ, собр. III, t. 30, ß 33920, st. 14.
[119] Отчет по Морскому министерству за 1913 год. Пг., 1914, С. 85.

ниже VIII класса) и лиц с высшим образованием. Высокой была годовая плата за обучение и пансион — 450 руб. Детям из семей морских офицеров предоставлялись 10% казенных вакансий. Прием в специальные старшие классы корпуса осуществлялся по экзаменационному конкурсу между окончившими классические гимназии, реальные училища, кадетские корпуса (таблица № 6). Корпус выпускал гардемаринов и мичманов, а неспособных к морской службе — с правом на гражданский чин X—XII классов.

Офицеров корабельной инженерной службы готовило Морское инженерное училище (до 1896 г. — Техническое училище Морского ведомства), получившее статус высшего учебного заведения в 1894 г. Оно состояло из кораблестроительного и инженерно-механического отделений с 4-годичным учебным курсом. Училище было всесословным, но преимущество при приеме в него отдавалось выходцам из семей морских офицеров и чиновников морского ведомства. 10% казенных вакансий предназначались детям убитых или умерших от ран морских офицеров. Со «своекоштных» студентов взималась годовая плата в 300 руб. Абитуриенты проходили через конкурсные экзамены по программе реального училища. Морское инженерное училище имело ограниченный состав слушателей (таблица № 6).

Морские офицеры обучались также в академиях Военной (Генерального штаба), Артиллерийской, Инженерной, Интендантской, Военно-юридической.

4.
Богословские высшие учебные заведения

Они готовили священнослужителей православного, римско-католического, армяно-григорианского, евангелического исповедания.

Как гласил § 1 устава Московской, Петербургской, Киевской, Казанской православных духовных академий (ведомство св. Синода),[120] принятого в 1910 г., эти «закрытые высшие церковные училища» были заняты воспитанием «христиански про-

[120] История высшей православной школы началась с деятельности таких выдающих центров отечественного просвещения, как Киево-Могилянская (с 1701 г.— Киевская) и Эллино-греческая (1687 г.; Славяно-греко-латинская) академии. До издания в 1721 г. Духовного регламента они были светско-духовными

священных деятелей для службы в области церковно-пасторской, а затем и на других поприщах церковной деятельности, предпочтительно в священническом сане»[121]. Их выпускники занимали привилегированное положение среди священнослужителей. Им выделялись самые богатые приходы, предоставлялись перспективные посты в аппарате управления православной церкви, места администраторов и преподавателей церковных учебных заведений (семинарии, епархиальные и духовные училища, академии, должности законоучителей в светской мужской и женской средней школе, профессоров богословия в высшей школе).

Деятельность духовных академий была отмечена определенной спецификой. Киевская, например, готовила своих воспитанников к работе в Западных губерниях, где значительным влиянием среди населения пользовались католическая и униатская церкви. В ней обучались также будущие священнослужители из славянских стран и Греции. В Казанской академии студентов ориентировали в первую очередь на деятельность среди нехристианских народностей Поволжья, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока, в районах распространения раскольничества и сектантства, а также в зарубежных странах, которые Российская империя включала в сферу своего влияния (Монголия, Северный Китай). Их специализация протекала в миссионерских группах татарского и монгольского отделов. В первой из них изучались татарский и арабский языки, этнография татар и чувашей, история миссии, «обличение мухамеданства», священные тексты по крещенотатарскому переводу. В монгольской группе студенты вооружались знаниями монгольского и калмыцкого языков, этнографии «монгольских племен», основ ламаизма в Тибете, буддизма, «истории и обличения ламайства»[122]. Значительное место в программе Академии было отдано истории раскола, «разоблачению сектантства»[123].

учебными заведниями, сходными с европейскими университетами позднего средневековья и начала Нового времени. Их формирование в высшие духовные учебные заведения завершилось в начале XIX в: в 1814 г. в Московскую духовную академию с пребыванием в Троице-Сергиеве была переименована Славяно-греко-латинская; в 1819 г. вновь открылась Киевская духовная академия, упраздненная в 1817 г.; в 1909 г. в Петербургскую была переименована Александро-Невская академия; в 1842 г. возобновилась деятельность Казанской духовной академии, прекращенная в 1818 г.

[121] ПСЗ, собр. III, т. 30, № 33274, § 1.

[122] Годичный акт в Казанской духовной академии 8 ноября 1897 г. Казань, 1897, С. 27—30.

[123] Речь и отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1915—1916 академический год. Казань, 1916, С. 40—41.

На православные духовные академии, в качестве важнейшей, возлагалась задача воспитания в своих питомцах «любви к святой церкви и ее установлениям и преданности престолу и отечеству» [124]. Они имели ограниченный контингент студентов (таблица № 7), абсолютное большинство которых было на полном казенном содержании или получало стипендии. Студенты находились под постоянным надзором специальных служителей. В подавлющем своем большинстве они постоянно проживали в академических общежитиях, и лишь незначительная их часть имела право жить вне академий, но «только у родителей» [125].

В академии принимались в первую очередь выпускники духовных семинарий, окончившие по I разряду (с отличием), «имеющие рекомендации семинарского начальства или прибывшие к экзаменам с ведома семинарского начальства». Принимались также и окончившие светские средние учебные заведения: до конца 1902 г. на общих основаниях, а позднее — при наличии только высших баллов (4 и 5) в аттестатах и свидетельствах об окончании средних учебных заведний. Среди студентов были и уже обладавшие священным саном. До 1911 г. в академии не принимались те из духовных лиц, которые были женаты. Исключение делалось для Казанской и Киевской академий [126]. В 1911 г. это ограничение было отменено [127].

Православные духовные академии являлись также центрами «ученой разработки богословия на церковном, строго-православном основании». Они присваивали ученые степени кандидата, магистра, доктора богословия. Обладатели этих ученых степеней могли иметь звания доцента, экстраординарного и ординарного профессора. В профессора, согласно уставу академий, избирались лица «строго православного образа мыслей и церковного направления» предпочтительно в священном сане [128].

В 1914 г. в Государственную думу был внесен законопроект об учреждении Томской духовной академии. Авторы его, 82 правых депутата, от имени ревнителей православной церкви Восточной Сибири указывали на почти полное отсутствие в этом районе пастырей с высшим духовным образованием, что, по их мнению, являлось препятствием к «всемерному проникновению русскими идеалами» обитателей Сибири. Согласно законопроек-

---

[124] ПСЗ, собр. III, т. 30, № 33274, § 2.
[125] Там же, § 147.
[126] Там же, § 137, 141, 142.
[127] ПСЗ, собр. III, т. 31, № 35667.
[128] ПСЗ, собр. III, т. 30, № 33274, § 2, 9, 12, 65, 66.

Таблица № 7

Контингент студентов богословских высших учебных заведений

№№ пп	Духовные академии	Число учащихся по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Казанская	205	26,9	172*	18,7	271	25,0	245	23
2	Киевская	166	21,7	205*	22,2	204	18,8	204	19,1
3	Московская	155	20,3	222*	24,1	240	22,1	244	22,9
4	Петербургская	179	23,4	263*	28,5	306	28,2	302	28,4
5	Римско-католическая в Петербурге	60	7,8	60	6,5	64	5.9	70	6,6
6	Армяно-Григорианская в Эчмиадзине	данных нет							
	Итого:	765	100	922	100	1085	100	1065	100

* *По состоянию на 1906—1907 учебный год*

Источники: Отчет обер-прокурора св. Синода К. Победносцева по ведомству Православного исповедания за 1898. СПб., 1910, С. 145; То же, за 1905—1907 годы. СПб., 1910, С. 152; Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 г. Пг., 1917, С. 60; ЛГИА, 46, Петербургская духовная академия, оп. 1. д. 986-а, л. 1—8 об.; д. 1026, л. 3; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 261, л. 7; Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. I. Петроград. Данные на 1января 1918 г. Пг., 1920, С. 58.

ту, новая академия могла бы подготовить из сибирских уроженцев «образованных пастырей» для миссионерской деятельности среди сектантов и старообрядцев, которые «заняли наступательное положение в отношении православной церкви». Они же должны были активно способствовать успеху колониальных экспансионистских устремлений самодержавия, развернув деятельность среди «язычников» не только Сибири, но и Японии, Китая и особенно Монголии. По мысли авторов законопроекта, Томская духовная академия должна была дать преподавателей высшей квалификации для духовных и светских учебных заведений, а также могла восполнить отсутствие историко-филологического факультета в местном университете и стать центром изучения Сибири «в бытовом и историческом отношении». При ней предполагалось создание археологического музея и археологической комиссии [129].

Зконопредложение 82-х было поддержано св. Синодом и при-

[129] Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия II. 1913—14 гг. Вып. IV. СПб., 1914, № 409, С. 3—5.

нято общим собранием Государственной думы [130]. Его прохождению воспрепятствовала, однако, начавшаяся война.

В 1913 г. был утвержден «всеподданнейший» доклад обер-прокурора св. Синода В. К. Саблера о создании Женских богословско-педагогических курсов в Московском Скорбященском монастыре. По решению св. Синода, они открылись в 1914/15 учебном году. Это было третье государственное высшее женское учебное заведение. Оно имело целью «доставлять высшее богословско-педагогическое образование женщинам и подготовлять начальниц, воспитательниц и учительниц для средних женских духовно-учебных заведений.» Выпускницы курсов должны были поднять «недостаточный» образовательный уровень педагогического персонала епархиальных училищ. Курсы были призваны также служить «удовлетворению нужд православной церкви, преимущественно миссионерского характера», причем православно-христианская миссия выпускниц должна была найти приложение в среде женщин-матерей, оказывавших «большое влияние на религиозное воспитание своих детей», а также женщин из семей сектантов и раскольников.

Учебная программа, рассчитанная на три года, состояла из богословских, философских, словесно-исторических дисциплин. Слушательницы изучали также французский, немецкий и английский языки [131]. Педагогическую практику слушательницы проходили в епархиальном училище при курсах. На курсах преподавали обладатели ученых богословских степеней, включая «наставников», приглашенных из Московской духовной академии, а также преподаватели светских учебных заведений. К преподованию небогословских предметов допускались женщины.

Армяно-Григорианская духовная академия Армянского экзархата состояла из среднеобразовательной (6 семинарских классов) и высшей (3 академических курса) ступеней. Она являлась духовно-образовательным центром не только для русских подданных, но и для армян, проживавших за пределами империи. В академию принимались преимущественно лица, с успехом окончившие школы при монастырях и духовные семинарии. Выпускники академии получали назначения на высшие должности духовной иерархии, а также в духовно-педагогическую сферу. Наиболее способные направлялись «для усовершенствования в науках» в российские и зарубежные университеты.

---

[130] Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия II. Ч. V. СПб., 1914, стб. 1091.

[131] ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 6, д. 1557, л. 4—6.

В 1834 г. в Вильне открылась Римско-католическая духовная академия (ведомство иностранных исповеданий Министерства внутренни хел). В 1842 г. она была перебазирована в Петербург [132]. В число студентов Академии принимались только выпускники римско-католических семинарий (о контингенте студентов смотри таблицу № 7), Учебный курс, рассчитанный на 4 года, включал, помимо богословских наук, русскую литературу и историю, латинский, греческий, еврейский, французский, немецкий, русский языки. Выпускники академии, в зависимости от успехов в учебе, получали звания «действительный студент», «кандидат», «магистр» с золотым крестом.

Подготовка пасторов евангелической церкви, господствовавшей в прибалтийских губерниях, была сосредоточена на богословском факультете Юрьевского университета. В 1910 г. в местных общественных кругах обсуждался, правда безрезультатно, поврос о преобразовании его в академию.

5.
Инженерно-промышленные институты

Эта группа высших учебных заведений отличалась разнообразием организационных форм. Среди них были двухфакультетные технологические и многофакультетные политехнические институты, готовившие инженеров для различных отраслей фабрично-заводствкой промышленности, а также моноотраслевые инженерные школы — горные, путей сообщения, электротехническая, архитектурно-строительная.

До конца XIX в. ведущее место среди них занимали технологические институты — Петербургский (1828 г.), Харьковский (1885 г.), Московское техническое училище (1830 г.), дававшие «высшее технологическое образование по специальностям механической и химической» [133] (соответственно они подразделялись на два отделения). Система обучения в них была приспособлена к требованиям промышленности 70—80-х годов XIX в., когда гос-

---

[132] История Вильнюсского университета (1579—1979). Вильнюс, 1979, С. 112—114.

[133] ПСЗ, собр. III, т. 5, № 2870, ст. 1, т. 7, № 4310, ст. 1; т. 14, № 10789, ст. 1. См.: Технологический институт им. Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В 2-х т. Т. I. Л., 1928; Сто лет Московского механико-машиностроительного института им. Н. Э. Баумана. 1832—1932. М., 1933; Прокофьев В. И. Московское высшее техническое училище. 125 лет. М., 1955.

подствовала мелкая и средняя фабрика, требовавшая инженера-универсала, владевшего всеми организационными премудростями фабричного производства.

Такой инженерный универсализм был, однако, практически недостижим для подавляющего большинства студентов-технологов. «Решительно невозможно было... одновременно учиться по громадному пестрому многопредметному плану и заниматься хоть какой-нибудь, самой немудреной, оригинальной работой — исследовательской, маломальски похожей на самостоятельное творчество. Круглый год голова набита тяжелым «общеобразовательным» грузом, в который входят предметы, бесконечно далекие от выбранной специальности... Только летом, после полосы зачетов и экзаменов, начинаешь ощущать, как мало-помалу возвращается естественная человеческая способность размышлять, наблюдать окружающее» [134], — вспоминал о годах учебы в Московском техническом училище советский ученый академик В. В. Шулейкин.

Но наиболее существенно господствовавшую в технологических институтах доктрину поколебал быстрый рост в конце XIX в. отечественной промышленности, сопровождавшийся появлением новых ее отраслей на базе дифференциации старых. Остроактуальным стал вопрос об инженерах не с универсальной, а строго профильной подготовкой по целому спектру автономных специализаций. Для этого потребовалась новая для России инженерная школа с гибкой многофакультетной структурой, способной оперативно откликаться на требования экономики. Осознание этой необходимости, однако, пришло не сразу и не без борьбы мнений. Часть профессуры и чиновников заинтересованных ведомств отстаивала незыблемость традиционной инженерной школы, оправдывая свой консерватизм ссылкой на «специфику русских условий» [135]. И все же, на рубеже веков среди специалистов возобладало мнение, что инженер, владеющий глубокими знаниями в области одной технической специальности, «окажется несравненно более полезным, чем энциклопедист, обладающий лишь верхушками сведений по различным отраслям техники и не умеющий применять их к делу» [136]. Такой взгляд на задачи инженерно-промышленного образования требовал широкого внедрения в систему российской высшей школы поли-

---

[134] Шулейкин В. В. Дни прожитые. М., 1956, С. 53.
[135] Сто лет Московского механическо-машиностроительного института, С. 72.
[136] Техническое образование, 1897, № 6, С. 88—89.

технических институтов [137]. Их преимущества, утверждал профессор В. Л. Кирпичев, «были достаточно доказаны практикой как западноевропейских государств, так и великой заатлантической республики с ее техническими университетами» [138].

31 января 1898 г. Комиссия по техническому образованию Русского технического общества постановила: ...«Наиболее целесообразным типом высших технических учебных заведений являются политехникумы, в которых молодые люди подготавляются к различным специальностям. Соединение различных специальностей в одном учебном заведении доставляет возможность общения между преподавателями, это должно плодотворно влиять на самый дух преподавания, давая ему большую и ширину, и глубину» [139].

Идея политехникума обрела сторонников и в правительственных кругах. Наиболее горячим ее приверженцем был министр финансов С. Ю. Витте. Он писал в своих мемуарах: «У меня появилась мысль устроить высшие коммерческие и технические университеты в России в форме политехнических институтов, которые содержали бы в себе различные отделения человеческих знаний, но имели бы организацию не технических школ, а университетов, т. е. такую организацию, которая наиболее способна была бы развивать молодых людей, давать им общечеловеческие знания вследствие соприкосновения с товарищами, занимающимися всевозможными специальностями» [140]. Более обстоятельно эта мысль обосновывалась в его докладе на заседании Государственного совета 19 февраля 1899 г.[141].

---

[137] До открытия в 1898 г. Киевского политехнического института в Российской империи действовал лишь один политехникум в Риге (1862 г.). Он был создан на деньги прибалтийских купцов и промышленников по образцу лучших политехнических институтов Германии и Швейцарии. На протяжении первых 35 лет своей истории действовал как неправительственное учебное заведение, в котором обучались в основном отпрыски местной буржуазии, в значительной степени немецкого происхождения. Преподавание велось на нмецком языке приглашенными из Германии профессорами. В 1896 г. по инициативе министра финансов С. Ю. Витте Рижский политехникум был преобразован в государственное учебное заведение с преподаванием на русском языке. См.: Юбилейный сборник к 50-летию Рижского политехнического института 1862—1912. Рига, 1912.

[138] Из истории Киевского политехнического института. Т. I (1898—1917 гг.). Киев, 1961, С. 22.

[139] Записки имп. Русского технического общества, 1898, № 4, С. 30.

[140] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2, М., 1960, С. 255.

[141] Данилевский В. В. История основания Ленинградского политехнического института//Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. Л., 1948, № 1, С. 5—6.

Идя навстречу многочисленным ходатайствам промышленников и купечества [142], С. Ю. Витте в 1898 г., умело преодолев значительное противодействие консерваторов, провел через Государственный совет законопроекты об основании политехникумов в Варшаве, Киеве, Петербурге [143].

Идея политехнизации инженерного образования пробила себе путь даже в консервативном Министерстве народного просвещения. В 1898 г. его глава И. Д. Делянов поставил вопрос об изменении принятого в 1896 г. закона об открытии Томского технологического института, поскольку министерство решило придать ему политехнический характер ввиду «существенных преимуществ политехнической системы, признанных Государственным советом при учреждении в 1898 г. политехнических институтов». Сверх традиционных механического и химического отделений Томский технологический институт получил еще инженерно-строительное и горное [144].

В начале XX в. обладателями политехнических институтов стали в 1907 г. Новочеркасск (Донской), а в 1915 г. — Нижний Новгород. Их создание было связано с драматической судьбой политехникума в Варшаве. В конце 1905 г. последний был закрыт из-за студенческих волнений. Ввиду этого Министерство торговли и промышленности внесло в Совет министров предложение временно воспользоваться учебным персоналом и денежными средствами бездействующего учебного заведения для организации нового политехникума в одном из городов Юго-Востока России с плодородными черноземами, богатыми каменным углем, нефтью, железной и другими рудами. Предложение было принято. Новый политехникум открылся в Новочеркасске [145]. Возобновивший в 1908 г. свою деятельность Варшавский политехнический институт в 1915 г. был эвакуирован из оккупированного

---

[142] В 1896—1900 гг. в официальные инстанции поступили ходатайства торгово-промышленной общественности об открытии политехникумов в Варшаве, Владикавказе, Киеве, Казани, Нижнем Новгороде, Одессе, Перми, Петербурге, Тифлисе. Они сопровождались обещаниями значительных пожертвований деньгами, земельными участками, домами. Директор Петербургского лесного института Н. С. Шафранов обратил даже внимание на такой характерный для конца XIX в. факт: «Там, где возникают школы на общественные средства, предпочитают политехникумы» (Техническое образование, 1897, № 6, С. 88).

[143] Отчет председателя Государственного совета за сессию 1901—1902 гг. СПб., 1903, С. 8.

[144] Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899—1900 гг. Т. 1, СПб., 1900, С. 115.

[145] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 563, л. 43.

германскими войсками Царства Польского в Нижний Новгород. В 1917 г. он был переименован в Нижегородский [146].

В 1914 г. был принят закон о Самарском политехникуме [147]. В докладе IV Государственной думе министр торговли и промышленности следующим образом обосновал необходимость его учреждения: «Расположенная в середине Поволожья, в узловом пункте Великой Сибирской магистрали, Ташкентской железной дороги..., выросшая в течение 50 лет из незначительного города в крупнейший и влиятельнейший город Поволжья в торгово-промышленном отношении, Самара с каждым годом ускоряет ход своего развития...». Открыть институт предполагалось 1 января 1915 г.[148], но начавшаяся война помешала этому.

В 1907—1916 гг. в законодательных инстанциях находился законопроект об учреждении политехнического института в Тифлисе. Решение о его открытии было принято уже Временным правительством [149].

Политехнические институты имели подвижную многопрофильную структуру (четыре-шесть отделений), определявшуюся местными условиями и общероссийскими потребностями. Помимо традиционных химического и механического отделений, политехникумы имели также металлургическое, горное, электромеханическое, инженерно-строительное (инженерное), архитектурное, кораблестроительное, сельскохозяйственное, инженерно-мелиоративное, экономическое (коммерческое) отделения. Согласно названным специализациям действовала и дифференцированная система инженерных профессиональных званий. Так, выпускники Петербургского политехнического института получали звания: менженера-металлурга, инженара-электрика, морского инженера, кандидата экономических наук, инженера-механика, инженера-строителя [150]. Горные отделения присваивали звание горного инженера, сельскохозяйственные — ученого агронома, инженерно-мелиоративные — инженера-мелиоратора, строительное в Рижском политехникуме — инженера-архитектора.

Многоотраслевая гибкая организационная структура политехникумов имела существенное преимущество перед прочими

---

[146] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 1, Учебный отдел Министерства торговли и промышленности, д. 5867, л. 316 об.

[147] СУ, 30 января 1914 г., № 825.

[148] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия вторая. 1913—14. Вып. X. Спб., 1914, № 863, С. 1—3.

[149] Собрание узаконений Временного правительства, 12 апреля 1917, № 970.

[150] ПСЗ, собр. III, т. 22, № 21046, ст. 38.

типами инженерных школ. Она сравнительно легко дополнялась новыми специализациями в виде отделений, подотделов, специальных курсов. Так, в Петербургском политехникуме в 1909 г. были учреждены новые отделения — механическое и инженерно-строительное [151], в 1911 г. — в составе кораблестроительного отделения организован курс воздухоплавания [152]; в 1916 г. учреждены химическое отделение, а также автомобильно-воздухоплавательный подотдел кораблестроительного отделения и мелиоративный подотдел инженерно-строительного отделения. На электромеханическом отделении было усилено преподавание радиотелеграфии [153]. В 1912 г. в Донском политехническом институте были учреждены агрономическое отделение и курс нефтяного дела [154].

Узкая профессионализация позволила сократить курс обучения в Петербургском, Киевском, Варшавском, Донском политехникумах до 4-х лет против 5 — в технологических институтах [155]. Вместе с тем выпускники политехникумов получили усиленную инженерно-техническую подготовку. В 1903 г. Д. И. Менделеев докладывал С. Ю. Витте о своих впечатлениях о выпускных экзаменах в Киевском политехникуме: ...«Такой общей совокупности специальных работ кончающих студентов, какую я видел у студентов первого выпуска Киевского политехникума, нельзя встретить в известных мне университетах и технологических институтах, т. к. в этих последних большинство представляемых диссертаций носит характер теоретический и не сопровождается, как здесь, собственными лабораторными исследованиями, встречающимися там лишь как особые исключения» [156]. Все это предопределило большую популярность политехникумов среди абитуриентов. Политехнические институты стали крупнейшими по числу студентов высшими инженерными школами (см. таблицу № 8).

Рядом с многопрофильными техническими институтами действовали инженерные школы, готовившие кадры для конкретных отраслей экономики. В конце XIX в. по проблеме их организационного устройства высказывались две точки зрения. Одну из них представляли приверженцы моноотраслевых учебных заве-

---

[151] ПСЗ, собр. III, т. 29, № 32264.
[152] ПСЗ, собр. III, т. 31, № 35222.
[153] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 5, С. 2; № 6—7, С. 3.
[154] ПСЗ, собр. III, т. 32, № 37588.
[155] В Рижском политехническом институте сокращенный курс был на сельскохозяйственном (4 года) и коммерческом (3,5 года) отделениях. Лишь в Томском технологическом был сохранен 5-летний курс на всех отделениях.
[156] Менделеев Д. И. Сочинения. т. XXIII. М., 1952, С. 157.

Таблица № 8

Контингент студентов инженерных высших учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число студентов по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Московское техническое училище	718	11,8	2094	13,1	2666	11,4	2237	11,4
	Технологические институты:								
2	Петербургский	841	13,9	1965	12,3	2276	9,8	1812	9,2
3	Томский	—		1513	9,5	1184	5,1	488	2,5
4	Харьковский	644	10,6	1121	7,0	1494	6,4	1420	7,2
	Политехнические институты:								
5	Варшавский	270	4,5	не работал		974	4,2	1639[1]	8,3
6	Донской	—	—	162	1,0	664	2,8	820[2]	4,2
7	Киевский	360	5,9	1997	12,5	2033	8,7	1889	9,6
8	Петербургский	—	—	2468	15,4	4977	21,3	3396	17,3
9	Рижский	1347	22,2	1664	10,4	2084	8,9	1801	9,2
	Горные институты								
10	Петербургский	445	7,3	724	4,6	944	4,1	300	1,5
11	Екатеринославский	77[3]	1,3	185	1,2	549	2,4	551[4]	2,8

[1] *По состоянию на 1915/16 учебный год.*
[2] *По состоянию на 1916 г.*
[3] *По состоянию на 1899/1900 учебный год.*
[4] *По состоянию на 1915 г.*

№№ пп	Учебные заведения	Число студентов по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
	Инженеров путей сообщения:								
12	Петербургский	875	14,4	1061[5]	6,6	1388[6]	5,9	1161	5,9
13	Московский	141	2,3	390[7]	2,4	556[8]	2,4	678[9]	3,4
14	Электротехнический институт в Петербурге	свед. нет				691[10]	3,0	736	3,7
15	Институт гражданских инженеров в Петербурге	353	5,8	638	4,0	849	3,6	750	3,8
	Итого:	6071	100	15982	100	23329	100	19678	100

[5] *По состоянию на 1 января 1907 г.*
[6] *По состоянию на 1912 г.*
[7] *По состоянию на 1904/05 учебный год.*
[8] *По состоянию на 1 января 1913 г.*
[9] *По состоянию на 1 января 1916 г.*
[10] *По состоянию на 1912 г.*

Источники: Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1897 г. СПб., 1902, 1902, С. 515, 519, 525; Отчет министра народного просвещения за 1907 г. СПб., 1909, ведомость № 15, 16; Народное образование в 10 губерниях Царства Польского за 90 лет. 1816—1906 г. Его успехи и развитие за последнее 40-летие. Низшие, средние и высшие школы. Университет. Варшава, 1907, С. 123; Список студентов Варшавского политехнического института имп. Николая II на 1915/1916 учебный год. Нижний Новгород, 1916; Отчет о состоянии Киевского политехнического института имп. Александра II за 1898 г. Киев, 1899, С. 4; Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных Учебному отделу Министерства торговли и промышленности за 1907/08 учебный год. СПб., 1909, С. IX; То же, за 1913/14 учебный год. СПб., 1916, С. XIII;Отчет о состоянии Екатеринославского горного института имп. Петра I за 1915 г. Екатеринослав, 1916 С. 25; Обзор деятельности Министерства путей сообщения за 10-летие 1895—1904 гг. СПб., 1906, С. 245, 253; ЦГИА СССР, ф. 226, оп. 4, д. 1143, л. 54; Куломзин А. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПБ., 1912, С. 30—31; Отчет по Московскому институту инженеров путей сообщения имп. Николая I за 1915 г. М., 1916, С. 38; Отчет по имп. Московскому инженерному училищу за 1912 г. М., 1913, С. 45; То же, за 1915 г. М., С. 38; Ленинградский инженерно-строительный институт за 125 лет. Л., 1958, С. 23; Институт гражданских инженеров имп. Николая I. Личный состав, распределение учебных занятий и пр. Сведения на 1907—1908 г. С. 17—41.

дений — Горного института (1773 г.), Института путей сообщения (1809 г.), Института гражданских инженеров (1842 г.), дававших студентам универсальную технологческую подготовку. Они утверждали: «Политехникумы в отдельных своих частях всегда будут стоять ниже специальных учреждений. Если позво-

лят средства, лучше всего учреждать учебные заведения для подготовки техников одной специальности». Сторонникам иной точки зрения, прозвучавшей, например, в комиссии по народному образованию Русского технического общества (22 октября 1897 г.), моноотраслевой институт с узкой профессиональной направленностью представлялся как бы отделением (с подотделами) «одного обширного российского политехникума». Они выступали за развертывание многоотраслевой сети таких институтов-отделений [157]. Последней точке зрения и было отдано предпочтение в правительственных сферах и в торгово-промышленных кругах. Ее привлекательность предопределялась видимой дешевизной проектов будущих высших учебных заведений для оперативной подготовки «узких» инженеров. Попытка реализации этих проектов очень скоро обнаружила их иллюзорность.

До 1896 г. подготовка инженеров по строительству и эксплуатации железных дорог, прочих сухопутных и водных коммуникаций, а также портовых сооружений была сосредоточена в Петербургском институте инженеров путей сообщения с 5-летним курсом обучения (1809 г.) [158]. До 1824 г. он действовал сначала как закрытое военизированное, а с 1825 г. как чисто военное учебное заведение. С 1865 г. стал готовить гражданских инженеров. В 1890 г. получил новое положение, сохранившее силу до 1917 г. Относясь к категории достаточно крупных учебных заведений (таблица № 8), он вместе с тем уже со второй половины XIX в. явно не справлялся с задачей обеспечения инженерными кадрами российской железнодорожной сети.

С целью «возможно быстрее пополнить ощутившийся тогда недостаток в техниках на постройках и эксплуатации по путям сообщения» в 1896 г. было открыто Московское инженерное училище [159]. Оно готовило специалистов по укороченной 3-летней программе. Прохождение этого курса давало право на звание «практикант училища» [160], что позволяло занять вакантное место техника на железной дороге для обязательной 2-летней «строи-

---

[157] Техническое образование, 1897, № 6, С. 85.

[158] См.: Ларионов А. М. История Института инженеров путей сообщения имп. Александра I за первое столетие его существования. 1810—1910. СПб., 1910, с. 30; см. также: Абрагамсон А. Столетний юбилей Института инженеров путей сообщения имп. Александра I. Киев, 1910; Ленинградский ордена Ленина институт железнодорожного транспорта им. академика В. Н. Образцова. 1809—1959 г. М., 1960.

[159] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 528, л. 2.

[160] ПСЗ, собр. III, т. 16, № 12988, ст. 19.

тельной и вообще инженерной практики»[161]. Только после одобрения советом училища отчета о практике выпускник получал профессиональное звание «инженер-строитель»[162]. Оно было рангом ниже звания «инженер путей сообщений». Для получения последнего инженер-строитель должен был сдать в Петербургском институте путей сообщения дополнительное испытание по особой программе[163].

Московское инженерное училище было экспериментальным учебным заведением — новой для России организационной формой, которая, по мысли ее «зобретателей», как раз и должна была ускорить подготовку специалистов без значительных финансовых затрат. Однако очень скоро она стала давать сбои. Практиканты училища попосту были вытеснены со строительных работ дипломированными специалистами — выпускниками Петербургского института инженеров путей сообщения и политехникумов. Не увенчалась успехом и предпринятая в 1910 г. попытка специальной министерской комиссии «пристроить» практикантов на частные железные дороги, притом «без претензий на оплату их труда и на обязательные инженерные места»[164]. Все это вместе взятое предопределило «малолюдность» Московского инженерного училища в сравнении со старшим собратом в Петербурге. В конце концов была проведена кардинальная организационная перестройка училища с переименованием его в Московский институт инженеров путей сообщения[165]. Реформа привела к росту контингента студентов (таблица № 8).

В 1916 г. министерство разработало проект реорганизации системы подготовки инженеров путей сообщения, что обусловливалось, во-первых, предстоявшим с 1917 г. расширением масштабов железнодорожного строительства, а во-вторых, дифецитом инженерных кадров для «настоящих потребностей». Предполагалось увеличить контингент студентов петербургского института почти вдвое, а московского — вчетверо и открыть в 1917—1921 гг. новый институт инженеров путей сообщения в одном из южных городов империи (Екатеринослав, Киев, Харьков или Ростов-на-Дону)[166]. Проект так и остался на бумаге. Самодержавию не

---

[161] Там же, ст. 4.
[162] Там же, ст. 21.
[163] Там же, ст. 17.
[164] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912—1913 годы. Восьмая сессия. СПб., 1913, стб. 2776.
[165] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 528, л. 2.
[166] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 632, 634—639 об.

осталось времени на его законодательное рассмотрение.

25 марта 1916 г. в Государственную думу поступило законопредложение «Об учреждении при политехникумах железнодорожных отделений» [167]. Он «застрял» в Комиссии по народному образованию. Безрезультатным было и его обсуждение 27 мая 1916 г. в Совете министров [168].

Подготовкой специалистов для различных технических служб путей сообщения были заняты также технологические и политехнические институты. Они широко привлекались на строительство путей сообщения. Выпускниками Петербургского и Харьковского технологических институтов, а также Московского технического училища монопольно пополнялся инженерный состав паровозных и вагонных депо, железнодорожных мастерских, поскольку институты путей сообщения специалистов этого профиля не выпускали.

К концу XIX в. высшее горное образование было сосредоточено в Петербургском горном институте (1773 г.) [169]. До 1866 г. он действовал как закрытое учебное заведение типа военного кадетского корпуса с 3-летним, фактически среднетехническим, курсом (Институт корпуса горных инженеров). В 1866 г. институт был преобразован в открытое высшее учебное заведение. В 1896 г. он получил новое положение, действовавшее до 1917 г. В 1904 г. в его структуру были введены горный (готовил специалистов по геологии, горнодобыче, рудничному делу) и заводской (готовил металлургов) разряды. Будучи небольшим по числу студентов (таблица № 8) Петеребургский горный институт не мог в одиночку справиться с задачей полнокровного снабжения инженерными кадрами российской горной промышленности. Вот почему в 1896 г. С. Ю. Витте — горное образование всех уровней в ту пору находилось в его ведении — благожелательно отнесся к ходатайству Екатеринославской городской думы об организации в Екатеринославе высшей горной школы по типу Московского инженерного училища [170]. При этом министр поставил условие, что основную часть расходов на содержание нового

---

[167] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созы. Сессия 1915—16 гг. Вып. СПб., 1916, № 194.

[168] ЦГИА СССР, ф. 229, Канцелярия министра путей сообщения, оп. 4, д. 1911, л. 24.

[169] См.: Горный институт. Юбилейный сборник. 1773—1923. О., 1926; Ленинградский Ордена Ленина и Ордена Трудового красного знамени Горный институт им. Г. В. Плеханова. 1773—1973. М., 1973, с. 69.

[170] Техническое образование, 1897, № 3, С. 23.

учебного заведения возьмут на себя южнорусские горнопромышленники [171]. Последние, однако, не приняли данного условия. На своем съезде (ноябрь 1896 г.) они постановили выделить единовременно лишь 100 тыс. руб. и отвергли предложенный С. Ю. Витте проект высшего учебного заведения с сокращенной программой обучения, заявив, что нуждаются не столько в самих инженерах, сколько в горных и закодских техниках [172]. В соответствии с этим пожеланием в 1899 г. в Екатеринославе было открыто Высшее горное училище — «полувысшее учебное заведение» с курсом наук, рассчитанным на 3,5 года, выпускавшее не инженеров, а горных техников [173]. Однако уже в 1903 г. срок обучения в училище был продлен до 4-х лет [174], а с 1904 г. оно стало выпускать рудничных инженеров и инженеров-металлургов [175].

Однако и после своей реорганизации Екатеринославское горное училище оставалось второстепенным высшим учебным заведением. Профессиональный и сословный статус его выпускников был на ранг ниже, чем у питомцев прочих инженерных школ [176]. Для получения звания горного инженера от них требовались 2-летний стаж работы на горнопромышленных предприятиях и сдача специальных испытаний в Петербургском горном институте [177]. Это предопределило устойчивую «малолюдность» училища (таблица № 8). Оклады его профессоров и преподавателей также были значительно ниже, чем в других высших технических учебных заведениях, что вызывало значительную текучесть преподавательского состава [178].

Весьма скоро такая академическая «неполноправность» Екатеринославского горного училища перестала удовлетворять южнорусских горнопромышленников. В мае 1907 г. на своем очередном съезде они ходатайствовали перед Министерством торговли и промышленности о превращении училища в полноправное высшее учебное заведение [179]. Только в 1912 г. оно было преобра-

---

[171] Техническое образование, 1896, № 6, С. 26.
[172] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 527, л. 48.
[173] Обзор деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за IV год его существования (30 марта 1897 — 30 марта 1898 г.). СПб., 1898, с. 277.
[174] ПСЗ, сообр. III, т. 13, № 22958, ст. 4.
[175] ПСЗ, собр. III, т. 14, № 23848, ст, 1.
[176] ПСЗ, собр. III, т. 13, № 22958, ст. 17.
[177] Там же, I, ст. 19,
[178] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 527, л. 50.
[179] Там же, л. 49.

зовано в Екатеринославский горный институт, приравненный по программам обучения и юридическому статусу к Горному институту в Петербурге [180]. По новому проекту положения об институте, разработанному в 1916 г.[181], к его прежним отделениям должны были присоединиться геологоразведочное и маркшейдерское. Последние, однако, открылись только в 1918 г.[182].

Реформированное по образцу Петербургского горного института, Екатеринославское горное училище не решило, однако, назревшей к началу XX в. проблемы коренной перестройки горного инженерного образования, на необходимость которой указал 19 июля 1911 г. Совет Министров, признавший штаты и финансирование горных институтов недостаточными, учебные программы, не отвечавшими современным требованиям, а их учебно-вспомогательные учреждения — недостаточно развитыми [183].

С конца прошлого столетия не снимался и вопрос о создании специального высшего учебного заведения в Екатеринбурге или Перми для обеспечения инженерными кадрами горнозаводского Урала. В конечном итоге в 1914 г. был принят закон об открытии Екатеринбургского горного института с горнопромышленными факультетами и особым курсом лесоводства, т. к. уральская промышленность базировалась не на минеральном, а на древесном угле, производство которого требовало услуг специально подготовленных ученых лесоводов [184]. Необходимость в таком учебном заведении весьма красноречиво обоснована была, например, в представлении министра в Государственную думу. В нем обращалось внимание на местные особенности уральского горнопромышленного района, которые требуют специально подготовленных специалистов [185]. Практическое осуществление этого закона было приостановлено начавшейся войной.

Одним из зримых показателей научно-технического и экономического прогресса России конца XIX — начала XX вв. было внедрение в ее быт телефонно-телеграфной связи и электроэнергетики. «Электрическое освещение вводится теперь не только в го-

---

[180] ПСЗ, собр. III, т. 32, № 37369.
[181] СУ, 18 июля, 1914 г., № 2018.
[182] Екатеринославский горный институт им. т. Артема-Сергеева. Екатеринослав, 1924, С. 15.
[183] ЦГИА СССР, ф. 12,6, п. 7, д. 527, л. 9.
[184] СУ, 18 июля 1914 г., № 2019.
[185] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия II. 1913—1914. Вып. X, СПб., 1914, № 862, С. 1.

родах, но даже в местечках, на фабриках, заводах и других промышленных заведениях. В некоторых городах начинают устраивать электрические трамваи, на железных дорогах вводят электрическую сигнализацию», — констатировал в 1898 г. председатель электротехнической группы Московского отделения Русского технического общества М. Е. Кульчицкий. И добавил: «Вместе с тем у нас чувствуется крайний недостаток в русских электротехниках, и все более крупные и серьезные электрические установки рассчитываются заграничными инженерами и производятся под их непосредственным наблюдением» [186].

Эти слова были сказаны в тот год, когда Государственный совет приравнял среднетехнический по первоначальному статусу Электротехнический институт к высшим учебным заведениям. Он начал отсчет своей истории в 1886 г., когда было создано 3-годичное Техническое училище почтово-телеграфного ведомства, готовившее телеграфистов, надсмотрщиков за телеграфными линиями, механиков. Необходимость в таком учебном заведении возникла в связи с переходом в руки государства из-под опеки иностранных контрагентов российской телеграфной сети [187]. Почти полное отсутствие соответствующих кадров побудило Министерство внутренних дел в 1885 г. войти в Государственный совет с законопроектом об учреждении Телеграфного института, который должен был в кратчайший срок подготовить дипломированных специалистов для работы в центральном аппарате почтово-телеграфного ведомства и в почтово-телеграфных округах. Проект был возвращен «ввиду дороговизны его исполнения». Вместо самостоятельного высшего учебного заведения Государственный совет нашел целесообразным создать специальное телеграфное отделение в одном из технологических институтов. Возражая против этой точки зрения, министр внутренних дел Д. А. Толстой заявил, что телеграфная техника не является «общим достоянием промышленности», а составляет «исключительное достояние правительства». Изъятие обучения этой технике из специального ведомства министр считал «неудобным, плохо ведущим к цели и нежелательным» [188]. В результате было принято компромиссное решение об учреждении среднетехнического училища для подготовки телеграфных служащих. Однако уже в первый год деятельности этого учебного заведения обнаружилось, что исключение из его курса «высшей

[186] Техническое образование, 1898. № 2, С. 71—72.
[187] Десятилетие Электротехнического института. СПб., 1896, С. 2.
[188] Там же, с. 2—6.

общенаучной подготовки» не позволяет полноценно преподавать слушателям предметы специальные. В 1891 г. курс обучения в училище был увеличен до 4-х лет. Училище было переименовано в Электротехнический институт [189], но без повышения статуса. « К высшим учебным школам должны причисляться заведения, дающие общую научную подготовку. Для электротехники общие знания необходимы лишь в той мере, в которой могут осветить законы электричества... Поэтому относить электротехнический институт к высшим учебным заведениям было бы не согласно с истинным его значением» [190], — заключил Государственный совет. Лишь в 1898 г. институт был переведен в разряд высших учебных заведений и стал готовить «инженеров по электротехнической специальности» [191]. При утверждении нового статуса института возник вопрос о специализациях студентов, т. к. его деятельность уже вышла за пределы одного телеграфного ведомства. Не случайно поэтому в новом уставе указывалось: «Учебный курс института продолжается пять лет... Начиная с четвертого курса, допускается специализация по различным отраслям электротехники» [192]. Позднее эта статья была конкретизирована. В структуру Электротехнического института были введены отделения: электротехническое, электромеханическое, телеграфов и телефонов.

До октября 1917 г. институт имел незначительный контингент студентов (таблица № 8). Его выпускникам-специалистам по телефонотелеграфии и электроосвещению присваиваломь звание «инженер-электрик». Сверх того, они наравне с инженерами-технологами имели право проектировать электротехнические сооружения и руководить всякого рода строительными работами [193]. Институт стал крупным научно-исследовательским центром с широкой лабораторной базой, где осуществлялись важнейшие научные исследования в области телеграфии, радиосвязи, электротехники.

Петербургский электротехнический институт готовил инженеров преимущественно для государственных нужд. Потребности капиталистической промышленности, хотя и далеко не в пол-

---

[189] Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1897—1898 гг. СПб., 1898, С. 80.
[190] Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина) 1886—1961. Л., 1963, С. 19.
[191] ПСЗ, собр. III, т. 19, № 18050, ст. 1.
[192] Там же, ст. 4.
[193] Там же, ст. 17.

ной мере, было призвано удовлетворять электромеханическое отделение, в 1902 г. включенное в состав Петербургского политехникума. С конца XIX в. московские фабриканты совместно с научной общественностью безуспешно добивались открытия в первопрестольной государственного электротехнического института [194].

Несколько государственных высших учебных заведений готовили специалистов по строительству. Инженерно-строительные отделения Варшавского, Киевского, Петербургского, Рижского (инженерное отделение) политехникумов и Томского технологического институтов обслуживали промышленное строительство. Выпускники Института гражданских инженеров, строительного отделения Рижского политехникума, архитектурного отделения Высшего художественного училища живописи, скульптуры, архитектуры Академии художеств связывали свою судьбу с гражжанским строительством. Сверх того, выпускники всех без исключения инженерных высших учебных заведений имели право на производство строительных работ промышленного профиля.

Единственной в России специальной архитектурно-строительной школой был Институт гражданских инженеров (1842 г., Петербург) Министерства внутренних дел. У его истоков стояло закрытое военизированное Строительное училище, созданное путем слияния Архитекторского (1830 г.) и Гражданских инженеров (1832 г.) училищ. Оно готовило «строителей всех родов сооружений по гражданско-строительной и дорожной частям» [195]. В 1877 г. училище стало открытым высшим учебным заведением, получило новое организационное устройство. Цель его деятельности осталась прежней (выпускники получали звание «гражданский инженер»). В 1882 г. оно переименовывается в Училище гражданских инженеров [196], а в 1899 г. получает новое устройство и последнее название [197]. Институт состоял из архитектурно-строительного и инженерно-дорожного отделений. По прохождении 5-летнего курса их выпускники получали звание «гражданский инженер» [198]. Выпускникам прочих высших учебных заведений институт предоставлял также возможность переквалификации. Претенденты на профессиональное звание «граж-

---

[194] Техническое образование, 1897, № 5, С. 84; 1898, № 1, С. 67.
[195] Краткий исторический очерк 50-летия Института гражданских инженеров, бывшего строительного училища. 1842—17 декабря 1892. СПб., 1892, С. 4.
[196] Там же, С. 14.
[197] ПСЗ, собр. III, т. 19, № 17136, ст. 1.
[198] Там же, ст. 6, 24.

данский инженер» в течение одного-двух лет проходили практические занятия, завершавшиеся экзаменами [199]. Окончившие институт гражданских инженеров в большинстве своем поступали на государственную службу (о контингенте его студентов смотри таблицу № 8).

6.
Высшие учебные заведения сельскохозяйственного профиля

В эту группу народнохозяймтвенных учебных заведений входили земледельческие, межевой и ветеринарные институты.

А конце XIX — начале XX вв. проблемы высшего сельскохозяйственного образования стали предметом широкой общественной дискуссии. Первое слово в ней принадлежало преподавателям высших учебных заведений, деятелям научных и научно-практических обществ. Выход из кризиса, в котором находился аграрный сектор российской экономики, они видели на пути повышения земледельческой культуры. Важная роль в этой агрикультурной концепции отводилась высшей сельскохозяйственной школе, переориентированной с крупного помещичьего хозяйства на массовое, крестьянское. «...Улучшение нашего сельского хозяйства нуждается в известного рода специалистах, как то: сельскохозяйственных механиках, сельскохозяйственных инженерах, сельскохозяйственных архитекторах,ветеринарах, землемерах» [200], — писал известный ученый-агроном, профессор агрономии Петербургского университета И. А. Стебут.

Уже в конце прошлого столетия участникам дискуссии был ясен главный социальный адрес высшего сельскохозяйственного образования. Это были, во-первых, «хозяева» в широком смысле этого слова (люди с деньгами или землевладельцы), а не только помещики, во-вторых, «наемные заведующие хозяйством» [201]. «Высшая сельскохозяйственная школа предназначается для специального образования самостоятельно управляющих, организаторов, крупных администраторов»,[202] — подчеркивал профессор Стебут. Последние предназначались для государственного

[199] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 316.
[200] Стебут И. А. Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование. Сборник статей. СПб., 1889, С. 31.
[201] Там же, С. 43.
[202] Там же, С. 99.

аппарата и органов общественного самоуправления. Речь вместе с тем шла не просто о специалистах высшей квалификации, но о «научно-образованных деятелях»[203], «общественных агрономах», наконец, о новом типе «общественного деятеля-хозяина»[204], которые свое главное предназначение видели в том, чтобы вывести отечественное сельское хозяйство «на правильный путь и руководить им в сложных и разнообразных почвенных, климатических, экономических и бытовых условиях»[205]. Подготовка специалистов-аграрников такого класса требовала и нового типа образования, построенного на сочетании сельскохозяйственных, естественно-научных, экономических и юридических знаний[206]. Вот почему на рубеже веков значительную актуальность приобрел вопрос об организационных формах высшей сельскохозяйственной школы. Широкое хождение, например, имел проект включения аграрного образования в состав университетского, подобно тому, как это было принято в Германии, Франции, Швейцарии, США, Японии[207]. Такой точки зрения придерживались те, кто настаивал «на необходимости для агронома столь же основательного и всесторонне научного и экономического образования, широкого общего и общественно-политического развития»[208]. Для этого предлагалось включение в структуру университетов специальных кафедр в соответствии с местными условиями. Для «немногих, наиболее передовых в сельскохозяйственном отношении местностей» рекомендовалось создание при университетах «агрономических институтов, стремящихся дать всестороннее, исчерпывающее знакомство с агрономической наукой»[209].

За этапом общетеоретической сельскохозяйственной подготовки должна была следовать специализация: для тех, кто собирался посвятить себя «чисто научным проблемам» — в университете; для будущих агрономов-практиков — в местных агрономических школах, стоящих в тесной связи с земством. Задачу последних авторы проекта видели в подготовке «не только чиновников или общественных деятелей, но и опытных специалистов отдельных отраслей агрономических знаний, организаторов и ру-

---

[203] Мещерский И. И. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. СПб., 1893, С. XXIII.
[204] Щусев С. В. Сельскохозяйственная наука и высшая школа. М., 1911, С. 10.
[205] Мещерский И. И. Указ. соч., С. XXIII.
[206] Там же; Щусев С. В. Указ. соч., С. 10.
[207] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 526, л. 72 об.
[208] Ярилов А. А. Типы высших сельскохозяйственных школ. М., 1916, С, 219—220.
[209] Там же, С. 223.

ководителей отдельных индивидуальных хозяйств, педагогов, ученых»[210].

Участники XII съезда естествоиспытателей и врачей (1911 г.) в Москве высказались за организацию агрономических отделений при университетах и открытие новых самостоятельных агрономических высших учебных заведений. Однако, учитывая трудности создания университетских отделений, они в качестве переходной меры предложили развернуть на естественных факультетах университетов, помимо штатной кафедры агрономии, несколько новых сельскохозяйственных кафедр[211].

Идею организации в университетах сельскохозяйственного факультета («агрономического университета») поддерживали выдающиеся ученые-агрономы Прянишников, Сабанин, Дояренко. В этом им виделся путь к созданию агрономического университетского образования промежуточного типа, сочетающего принципы университетского научно-теоретического и преобладавшего в специальной высшей школе практического преподавания. В 1909 г. в Государственную думу был внесен законопроект (так и не ставший законом) об учреждении агрономических факультетов в Казанском, Новороссийском, Киевском и Харьковском университетах[212].

Но проект соединения высшего сельскохозяйственного образования с университетским имел и своих противников. Среди них был и главноуправляющий ведомством землеустройства и земледелия А. В. Кривошеин. В специально посвященной думскому законопроекту записке на имя Председателя Совета министров от 28 декабря 1909 г. он подчеркивал: «Приспособление университетов к целям подготовки агрономов... потребовало бы значительно более глубокой ломки университетских курсов, тем более что в преподавании основ агрономического знания, по мысли авторов законопроекта, должны принять участие два факультета — физико-математический и юридический[213]». И. А. Стебут, признавая за университетом приоритет в сообщении студентам глубоких знаний по фундаментальным естественным наукам, был в то же время уверен, что и в специализированных аграрных институтах возможно основательное научное преподавание, сочетаемое с широкой практикой в опытных хозяйствах. В универ-

---

[210] Там же, С. 228.
[211] Щусев С. В. Указ. соч., С. 14.
[212] ЦГИА СССР, ф. 1291, Земский отдел Министерства внутренних дел, оп. 120—1910, д. 47, л. 19—20.
[213] Там же, л. 19 об.

ситетах же, опасался профессор, «дело сельского хозяйства могло бы совершенно затеряться». Вместе с тем он стоял за то, чтобы аграрные институты находились вблизи университетов и пользовались их научной поддержкой [214].

Большинство приверженцев самостоятельных сельскохозяйственных высших школ высказывалось за их многофакультетное, политехническое утройство. Так, совет профессоров Московского сельскохозяйственного института последовательно добивался увеличения числа его отделений. В 1913 г. он ходатайствовал об открытии четвертого по счету, лесного отделения. Против политехнизации института вместе с тем возражал Д. Н. Прянишников. В 1917 г. он опубликовал специальную брошюру по этой проблеме. В ней политехническая структура аграрного института представлялась равнозначной «дезагрономизации». Автор писал: «И всякую крупную отрасль, привлекающую значительное число учащихся (как ветеринария, лесоводство) выгодно устраивать в виде самостоятельной школы; выгода заключается не только в рублях, но и в экономии общего числа кафедр при более равномерном их образовании, в экономии... при управлении школой». Особенно решительно Д. Н. Прянишников возражал против инженерного факультета в сельскохозяйственом институте, рекомендуя его выделение в «особую автономную школу» [215].

Проблема подготовки инженерных кадров для сельского хозяйства приобрела актуальность уже в конце 80-х годов XIX в. За сельскохозяйственные факультеты в инженерных институтах высказались, например, участники Съезда деятелей по техническому образованию в России (декабрь 1889 — январь 1890 гг.) [216]. Реальное воплощение эта идея обрела с организацией Киевского и Донского политехникумов, в структуру которых такие факультеты были введены. В 1910 г. Учебный отдел Министерства торговли и промышленности выступил с рекомендацией ввести сельскохозяйственную специализацию в программу Екатеринославского горного института, поскольку она охватывает предметы, необходимые будущему агроному [217].

---

[214] Стебут И. А. Указ. соч., С. 47.

[215] Прянишников Д. Н. Агрономическая школа и политехнический строй. Пг., 1917, С. 15—17.

[216] Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889—1890. Труды III отделения. Сельскохозяйственное образование. СПб., 1890, С. 133—134.

[217] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 29 об.

Обсуждение вопроса о высшем сельскохозяйственном образовании в начале XX в. переросло узкие академические рамки. Оно вызвало живой отклик в общественной среде, близко стоявшей к сельскохозяйственной практике. «Редкий съезд, земское собрание, сельскохозяйственное общество и общественное учреждение вообще не обсуждают вопросов сельскохозяйственного образования»[218], — констатировалось в одном из документов Главного управления землеустройства и земледелия за 1910 г. Об этом же свидетельствуют и многочисленные ходатайства земств, органов городского самоуправления, дворянских обществ, съездов сельских хозяев об открытии новых высших учебных заведений аграрного профиля.

Расширение агропомощи сельским хозяевам становится проблемой, созвучной столыпинскому аграрному курсу. В 1911 г. Совет министров в связи с учреждением в Донском политехникуме сельскохозяйственного факультета подчеркнул: «Наблюдаемый ныне почти повсеместно переход к усовершенствованным формам землепользования вызывает усиленный спрос на техников указанной специальности. Достаточно упомянуть, что многие земства прибегают даже к приглашению для инструкторской деятельности особых участковых агрономов»[219]. В условиях сохранения помещичьего землевладения и сельской общины интерес общественности и государства к проблемам развития высшего сельскохозяйственного образования оставался малоэффективным в социально-экономическом отношении[220].

Среди агрономических высших учебных заведений наиболее крупным по числу студентов, основательным по качеству их подготовки и авторитетным по профессорско-преподавательскому составу являлся Московский сельскохозяйственный институт. Его история началась в 1865 г., когда по плану специального комитета под председательством статс-секретаря П. А. Валуева была создана Петровская земледельческая и лесная академия, представлявшая собой «общедоступные курсы для всех желающих ознакомиться с сельским и лесным хозяйством». Это было общественное учебное заведние, «вольное» по своему академическому строю и принимавшее в свои стены всех желающих без экзаменов. Переводные экзамены в академии не проводились, а выпускные устанавливались для стипендиатов и претендентов

---

[218] ЦГИА СССР, ф. 382, Ученый комитет Министерства земледелия, оп. 5, д. 4720, л. 1 об.
[219] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2; д. 563, л. 751 об.
[220] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 17, С. 77.

на ученую степень. Таковые составляли ничтожный процент среди студентов [221].

Последующие три десятилетия в истории академии были отмечены существенными реорганизациями: в 1873 г. обязательным условием для поступления в нее стало среднее образование; в 1883 г. было ликвидировано лесное отделение (в нем «не усматривалось настоятельной потребности за преобразованием С.-Петербургского земледельческого института в С.-Петербургский лесной институт»); в 1889 г. было расширено теоретическое и практическое преподавание. В 1890—1894 гг. занятия в академии были приостановлены из-за студенческих беспорядков, а в 1894 г. на ее базе был открыт Московский сельскохозяйственный институт.

По плану Министерства земледелия и государственных имуществ институту предписывалось готовить специалистов «для проведения в жизнь различных мероприятий, направленных к поднятию сельского хозяйства» [222]. Его задачи определялись следующим образом: «...Имеет целью доставлять учащимся в нем высшее образование по сельскому хозяйству и по сельскохозяйственному инженерному искусству. Сообразно с этим институт подразделяется на два отделения: сельскохозяйственное и сельскохозяйственно-инженерное» [223]. Первое готовило агрономов, второе — инженеров-агрономов. Курс обучения был 4-летним. Институт был организован по типу привилегированных учебных заведений с высокой платой за учение (400 руб.), рассчитанных преимущественно на детей помещиков. Контингент студентов составлял 250 чел., проживавших на полном пансионе в специальном общежитии с отдельными комнатами. «Весь быт института, — вспоминал один из его питомцев, — был устроен так, чтобы по окончании мы могли бы занять командные агрономические высоты» [224].

Фактически все студенты, за исключением 2—3-х (1913 г.), обучались на сельскохозяйственном отделении. Учебные программы отличались многопредметностью. «Мы должны были быть и почвоведами, и горными инженерами, и энтомологами, и фито-

---

[221] См.: Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева. К 100-летию основания. 1865—1965. М., 1969.

[222] Краткий обзор деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за первый год его существования (30 марта 1894 — 30 марта 1895 г.). СПб., 1895, С. 32.

[223] ПСЗ, собр. III, т. 15, № 10787, ст. 1.

[224] Фридолин С. П. Исповедь агронома. М., 1925, С. 39.

патологами, и бактериологами, и метеорологами, и ботаниками, и химиками, и физиками, а потом уже полеводами и животноводами, ветеринарами и т. п.»[225], — вспоминал С. П. Фридолин. На освоение общенаучных курсов уходило 2 года обучения из 4-х. С III курса начиналось теоретическое изучение земледелия, зоотехники, ветеринарии, лесоводства и прочих прикладных сельскохозяйственных дисциплин. К практическим работам допускались только старшекурсники. Учебная ферма была как бы слепком с крупного помещичьего скотного двора, «о крестьянском животноводстве, кормлении, содержании скота в деревнях говорилось лишь вскользь...» [226]. Только К. А. Тимирязев, П. А. Костычев да немногие другие профессора «снижали высоты научных достижений до практических применений их в условиях мелкого хозяйства» [227].

Однако скоро институт стал утрачивать черты помещичьей кастовости. К началу XX в. в составе его студентов в значительном числе появились выходцы из крестьянских семей, имевших надельные земли, а также выпускники духовных семинарий и ветеринарных институтов. Институт перестал быть закрытым учебным заведением. В 1911 г. было упразднено и общежитие при нем [228]. В результате начался быстрый рост контингента его студентов (таблица № 9). «Из небольшой специальной школы он вырос в крупный сельскохозяйственный политехникум» [229].

После первой российской революции в связи с переменами в правительственном аграрном курсе были существенно изменены учебные программы и методика преподавания. Они приобрели большую практическую направленность. Указом 9 июня 1912 г. Главное управление землеустройства и земледелия получило право учреждать при сельскохозяйственных институтах по мере надобности опытные базы. Значительно увеличилось число профессоров и преподавателей.

Инженерное отделение, представлявшее собой «как бы второстепенный технический придаток к основной школе» [230], уравнивается в правах с агрономическим, что было вызвано возросшими потребностями в инженерах-мелиораторах. В 1913 г. было учреж-

---

[225] Там же, С. 23.
[226] Там же, С. 27.
[227] Там же, С. 32.
[228] ПСЗ, собр. III, т. 31, № 35564.
[229] Иверов И. Московской сельскохозяйственный институт за шесть лет (1908—1914 гг.). М., 1914, с. 1.
[230] Там же, С. 12.

Таблица № 9

Контингент студентов земледельческих высших учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число студентов по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 февр.-сент.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Московский сельскохозяйственный институт	201	15,0	773	37,2	1332	40,3	1188	37,0
	Институ сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии	526	39,0	367	17,7	525	15,9	489	15,2
3	Петербургский лесной институт	501	37,2	529	25,5	719	21,7	700	21,9
4	Воронежский сельскохозяйственный институт	—	—	—	—	195*	5,9	220	6,9
5	Высшие курсы при Никитском училище садоводства и виноделия	11	0,8	11	0,6	11	0,3	11	0,3
6	Межевой институт	108	8,0	396	19,0	525	15,9	600	18,7
	Итого:	1347	100	2076	100	3307	100	3208	100

* *По состоянию на 1 января 1915 г.*

Источники: Обзор деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за V год его существования (30 марта 1898—30 марта 1899 г.) СПб., 1899, С. 93, 251; Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1914 г. Пг., 1915, С. 26, 199; Отчет состояния Московского сельскохозяйственного института за 1908 г. М., 1909, С. 24; То же за 1914 г. М., 1915, С. 95; Извлечение из отчёта министра народного просвещения за 1897 год. СПб., 1902, С. 530; Отчет министра народного просвещения за 1907 г. СПб., 1909, ведомость № 15; Отчет о состоянии Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства за 1914 гражданский год, а относительно преподавания за 1913—1914 учебный год. Пг., 1916, С. 12; Отчет по Лесному управлению за 1907 г. СПб., 1908, С. 53; Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Пг., 1920, С. 21, 51; Памятная книжка Константиновского межевого института за 1897-98 учебный год. М., 1898, С. 62; То же на 1 января 1908 г. М., 1908, С. 5; То же за 1914 г. М., 1916, С. 68.

дено отделение рбоведения [231]. В том же году совет института безуспешно пытался добиться учреждения лесного отделения [232].

Старейшим аграрным высшим учебным заведением империи был Институт сельского хозяйства и лесоводства в городе Новая

[231] ПСЗ, собр. III, т. 23, № 39907.

[232] Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева..., С. 95.

Александрия (Люблинская губерния Царства Польского). Его предыстория началась в 1816 г. открытием чисто польского по составу студентов и преподавателей Института земледельческого хозяйства в Маримонте (пригород Варшавы). В 1861 г. вследствие студенческих волнений он был перебазирован в небольшой уездный город в 150 км от Варшавы — Новую Александрию (Пулавы) [233], а в 1862 г. преобразован в Политехнический и земледельческо-лесной институт [234]. В 1863 г. институт закрывается из-за причастности многих его студентов к польскому восстанию. В 1869 г. он открылся вновь, но уже как Институт сельского хозяйства и лесоводства с сельскохозяйственным и лесным отделениями [235]. Теперь преподавание в институте велось на русском языке, причем к преподаванию допускались только лица русского происхождения. Диплом выпускнику института выдавался при непременном условии свободного владения русским языком [236].

Новоалександровский институт относился к числу второразрядных высших учебных заведений с укороченным по времени курсом обучения (3 года). Облегченными были и правила набора студентов: принимались не только обладатели аттестата зрелости, но и прослушавшие полный курс классической гимназии, а из реальных училищ — выпускники не только VII, но и VI классов [237]. С 1887 г. в институт принимались окончившие Лодзинское высшее ремесленное училище [238]. В 1893 г. он получил «полную организацию»: повысились требования к научному цензу его преподавателей, до 4-х лет был продлен курс обучения, усилены практические занятия, расширена профессорская коллегия, второе увеличены ассгнования [239].

В 1905 г. в связи с бойкотом института студентами польской национальности совет профессоров вынес постановление о целесообразности его перебазирования в Курск или Саратов, деловая общественность которых готова была предоставить необходимые средства и помещения. Министр народного просвещения И. И. Толстой с пониманием воспринял эти инициативы. В записке на имя Председателя Совета министров С. Ю. Витте

---

[233] Фурсенко И. Д. Харьковский ордена Трудового красного знамени сельскохозяйственный институт им. В. В. Докучаева. Очерки истории. Киев, 1968, С. 7.
[234] Мещерский И. И. Указ. соч., С. 214.
[235] Там же, С. 223.
[236] Там же.
[237] Там же.
[238] Фурсенко И. Д. Указ. соч., С. 21.
[239] Техническое образование, 1896, № 3, С. 161—162.

он подчеркивал, что малочисленность контингента студентов (таблица № 9) предопределила неэффективность «высоких» на него расходов и «недостаточность размеров пользы от него». Министр писал: «Если бы такой ценой достигалась определенная политическая цель укрепления культурным путем русского влияния в среде местного польского населения, тогда, конечно, вопрос о размере денежных расходов отодвинулся бы на задний план. Но этой особой задачи Новоалександровский институт совершенно не выполняет» [240].

18 августа 1906 г. Совет министров признал необходимым перевести Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии в одну из внутренних губерний [241]. Однако постановление это не было выполнено, хотя вопрос не был снят с повестки дня вплоть до 1917 г. В 1914 г. институт в Новой Александрии претерпел очередное преобразование. По своим учебным программам и составу кафедр он стал аналогичным московскому институту. Существенно возросли государственные ассигнования. В том же году, оказавшись в зоне военных действий, институт был переведен из Новой Александрии в Харьков.

В 1912 г. был учрежден Воронежский сельскохозяйственный институт для обеспечения агрономами и научного обслуживания сельского хозяйства Черноземного центра России. Он действовал в составе одного агрономического факультета с учебным курсом, принятым в Московском сельскохозяйственном институте [242].

В группу аграрных высших учебных заведений входил и Лесной институт. Отправным пунктом его истории стало создание в 1803 г. в Царском селе Практического лесного училища (Фрост-институт) с лесным, межевым и офицерским отделениями [243]. Затем училище было преобразовано в Лесной корпус и переведено в Петербург. В 1863 г. на основе этого учебного заведения была создана Лесная академия, закрытая с созданием в 1865 г. Петровской земледельческой и лесной академии [244]. В освободившемся его здании обосновался бывший Горыгорецкий земледельческий институт (основан в 1848 г.), в котором было образовано лесное отделение. В 1877 г. это отделение и стало самостоя-

---

[240] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 492, л. 18.
[241] Там же, л. 26.
[242] ПСЗ, собр. III, т. 22, № 37242.
[243] Крупнейший лесной вуз СССР. М., 1967, С. 188.
[244] Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование Александра III. 1881—1894. СПб., 1901, С. 39.

тельным учебным заведением — Петербургским лесным институтом [245].

По положению 1880 г. курс обучения в институте был увеличен с 3 до 4 лет [246]. В 1902 г. было введено новое положение об институте [247], согласно которому существенно возросла численность преподавательского корпуса, было расширено преподавание естественно-научных и прикладных сельскохозяйственных дисциплин. Большее внимание в институте стало уделяться практике лесоведения. С 1900 г. Лесной департамент ввел для студентов-выпускников «беседы» чиновников-практиков «по вопросам степного лесоразведения, хозяйства и возобновления сосновых и дубовых лесов, укрепления песков и оврагов и хозяйственной разработки леса» [248]. Институту была придана Охтенская лесная дача [249]. Вместе с тем с конца XIX в. актуальной становится проблема модернизации системы подготовки лесоводов путем введения в нее технических и инженерных дисциплин. Остро стояла задача увеличения незначительного по численности студенческого контингента института (таблица № 9).

В 1916 г. директором института был составлен проект его реорганизации, в котором предусматривалось введение новых отделений: технологического — для подготовки специалистов по механическоий и химической обработке древесины и торфа и инженерного — для подготовки инженеров по заготовке и транспортировке леса, мелиорации. Проект был одобрен проходившим в агусте 1916 г. Всероссийским торгово-промышленным съездом. Однако отсутствие средств не позволило провести эту реорганизацию [250].

К разряду высших учебных заведний ведомством земледелия были отнесены и Высшие курсы при Никитском училище садоводства и виноделия (1888 г.) [251]. Они готовили «образованных специалистов по виноделию», которые с успехом могли бы занимать должности учителей в винодельческих учебных заведениях, а также управляющих «значительными винодельными хозяйствами». В число слушателей-практикантов принимались

---

[245] Там же.
[246] Там же.
[247] ПСЗ, собр. III, т. 22, № 21319.
[248] Обзор деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за седьмой год его существования. СПб., 1901, С. 215.
[249] Крупнейший лесной вуз СССР, С. 190.
[250] Там же, С. 30—31.
[251] ПСЗ, собр. III, т. 14, № 10733.

окончившие с отличием средние сельскохозяйственные училища, а также выпускники прочих средних или высших учебных заведений, в которых преподавались естественные науки и химия. При этом первые должны были пройти предварительную практику в винодельческом хозяйстве. Все поступившие на курсы обеспечивались стипендией Главного управления землеустройства и земледелия (300 руб. в год), а также других ведомств. Курс обучения был рассчитан на 2 года и состоял из узкоспециальных предметов по технологии виноделия, основам виноградарства, правилам ведения складского хозяйства. Преподавание вели ученые специалисты Никитского сада, обладавшие высшим образованием. Выпускники курсов направлялись преимущественно в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия, а также в ведомства, стипендиатами которых они являлись. Лучшие из них командировались на казенный счет за границу для усовершенствования или на 1—2 года оставлялись при курсах. Обычно контингент слушателей-практикантов не достигал двух десятков человек (таблица № 9).

Агрономические кадры высшей квалификации готовили сельскохозяйственные отделения Рижского, Киевского, Донского политехникумов [252]. Они были созданы по инициативе и в интересах местных землевладельцев и сориентированы, в первую очередь, на потребности регионального сельского хозяйства. Так, помещики Юго-Западного края в 1896 г. выдвинули категорическое требование возложить на организуемый с участием их капиталов политехникум в Киеве обязанность готовить агрономов для местных свеклосахарных латифундий. Они писали в комитет по организации института: «Почти полное отсутствие образованных агрономов особенно чувствительно у нас, где сельское хозяйство является главнейшей отраслью промышленности. В большинстве крупных хозяйств руководителями являются или же теже немцы или чехи» [253].

Предшественником сельскохозяйственного факультета в Донском политехникуме был инженерно-мелиоративный факультет. Он был создан как «одна из мер» против недородов и неурожаев, достигавших в юго-восточной части империи «размеров настоящих голодовок», а в некоторых местах приобретавших характер хронического бедствия [254]. В 1912 г. факультет был пре-

[252] ПСЗ, собр. III, т. 16, № 12895, ст. 1; ПСЗ, собр. III, т. 18, № 15609, ст. 1; ПСЗ, собр. III, т. 29, № 32142, ст. 10.
[253] Техническое образование, 1896, № 8, С. 24.
[254] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 563, л. 168.

образован в отделение. Вместе с вновь организованным агрономическим отделением они составили единый сельскохозяйственный факультет. Его задача заключалась в подготовке специалистов для «южных губерний Европейской России, Крыма, Каказа, Туркестана, где были развиты скотоводство, культура чая, виноградной лозы, хлопка, пробкового дуба, аптекарских и благоуханных растений, т. е. тех отраслей сельского хозяйства, которые в других странах (достаточно указать на Францию) служат источником благосостояния, а иногда и богатства» [255].

Определенный вклад в развитие российского сельского хозяйства вносил и Харьковский технологический институт. В его программу в 1895 г. было введено преподавание сельскохозяйственного машиностроения. При институте была также учреждена станция для испытания сельскохозяйственных машин и орудий [256].

Сельскохозяйственный факультет был предусмотрен в составе учрежденного в 1914 г., но так и не открытого Самарского политехнического института. Его необходимость Министерство торговли и промышленности обосновывало следующим образом: «Основным промыслом населения Самарской губернии является земледелие. Однако вследствие полного отсутствия агрономических знаний среди земледельческого населения как в крестьянском, так и частновладельческих хозяйствах оно ведется неудовлетворительно и пользование землей носит скорее экстенсивный характер» [257].

Чрезвычайно важное значение для России имела межевая служба. В ее функции входило, во-первых, проведение геодезических работ для определения и юридического закрепления границ поземельной собственности, межевания земельных владений и их технического улучшения, а также для осуществления изыскательских работ, проведения дорог, каналов, составления военных, административных и народнохозяйственных карт. Во-вторых, на эту службу возлагалось наблюдение за строгим соблюдением межевого законодательства, стоявшего на страже земельной собственности, в первую очередь помещичьей. Пополнением межевого ведомства кадрами высшей квалификации был занят Межевой институт. Его история началась с основания в 1779 г. школы для выучки молодых людей межевой и землеустроитель-

---

[255] Там же, л. 168 об.
[256] ПСЗ, собр. III, т. 15, № 12254.
[257] Приложения к Стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия вторая. 1913—1914 гг. Выпуск X. СПб., 1914, № 863, С. 1.

ной специальностям. Постепенно школа развилась в среднее учебное заведение, которое в 1860 г. было преобразовано в высшее (перворазрядное). Это был закрытый институт, дававший воспитанникам одновременно общее (по программе реального училища) и специальное образование[258]. Он предназначался, в первую очередь, для детей чиновников межевого ведомства, которым предоставлялись места в интернате и полное государственное содержание. Первоначально общеобразовательная ступень охватывала I—VII, а специальная — VIII классы. В 60-х годах XIX в. среднее межевое образование стало завершаться в VI классе. С конца 80-х годов курс Межевого института распределялся следующим образом: I—VI классы — общеобразовательные, VII—IX — среднее межевое образование (землемерное отделение), X—XI — высший межевой (инженерный) курс. В 1896 г. специальные отделения слились в единый «систематический высший межевой курс». Наплыв в институт выпускников средних учебных заведений привел к существенному росту числа его студентов (таблица № 9), а это сделало ненужными общеобразовательные классы.

Московский межевой институт превратился в учебное заведение с 4-летним курсом обучения, студентами которого становились лица со средним образованием. В 1905 г. был ликвидирован последний осколок старого устройства — интернат[259]. Вместо казенного содержания была введена стипендия в 300 руб. для казеннокоштных студентов[260]. Вместе с тем организационная структура института и система подготовки межевых инженеров оставались архаичными. В нем отсутствовали традиционные для высших учебных заведений кафедры, а преподавание вели преимущественно специалисты-практики. Лишь чтение отдельных предметов поручалось внештатным профессорам. Учебно-педагогический процесс имел сугубо практическую направленность[261]. «Во все времена существования института, — отмечали составители его отчета за 1897/98 учебный год, — и временами весьма резко, при составлении его учебных планов находила себе место мертвящая мысль о том, что научное образование

---

[258] Памятная книжка Константиновского межевого института за 1897—98 учебный год. М., 1898, С. VIII—IX.

[259] Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1905-06 гг. СПб., 1906, С. 389.

[260] Там же, С. 401.

[261] Приложение к стенографическим отчетам. Государственная дума IV созыв. Сессия II. 1913—14. Вып. X. № 861, С. 2.

вовсе не нужно для успешной деятельности в межевом ведомстве и что последнее... должно преследовать только узкую цель пополнения кадров межевых чиновников»[262].

Ограничение задач института подготовкой «узких» специалистов не отвечало требованиям времени. В 1905 г. Министерство юстиции направило в Государственный совет законопроект о введении в штат Межевого института семи профессорских должностей, а следовательно, и о его кафедральной организации. Законопроект был отклонен[263]. Заодно Государственный совет осудил и предшествующую реорганизацию института, превратившую его в открытое учебное заведение. Главное следствие этого члены Совета видели в охвативших институт студенческих беспорядках из-за резкого сокращения в его контингенте детей чиновников межевого ведомства.

В 1913 г. Министерство юстиции внесло в Государственную думу проект нового Положения и штата Константиновского межевого института. Проектировалось введение 3-х специализаций для студентов — геодезической, межевой и землеустроительной; создание коллегии профессоров; учреждение 100 казенных стипендий по 360 руб. каждая; уравнение межевых инженеров в правах с выпускниками университетов. Рекомендовалось ввести это Положение в действие с 1 июля 1914 г. Однако утверждение проекта в указанный срок не состоялось[264]. В 1916 г. он был отклонен Государственным советом[265].

В начале XX в. царским правительством были предприняты шаги по расширению сферы высшего сельскохозяйственного образования. Было разработано несколько проектов открытия новых учебных заведений, но ни один из них не был реализован. Наиболее близким к практическому исполнению был проект создания Высших молочнохозяйственных курсов при Молочнохозяйственном институте в Вологде, открытом по закону от 3 июня 1911 г. Институт имел целью «научную разработку вопросов молочного хозяйства и молочного скотоводства, а равно теоретическую и практическую подготовку образованных деятелей по

---

[262] Памятная книжка Константиновского межевого института за 1897—98 учебный год. М., 1898, С. X.

[263] Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1905—06 гг. СПб., 1906, С. 392, 397.

[264] См.: Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия II. Ч. V. СПб., 1914, стб. 1207.

[265] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия XII. СПб., 1916, стб. 1428.

молочному хозяйству и молочному скотоводству»[266]. Он был не случайно размещен в Вологодской губ., которая являлась центром маслоделия, а также перевалочным пунктом экспорта сибирского масла, проходившего здесь необходимые анализы.

Институт был размещен в приобретенном казной имении купца Ф. Баумана, где в течение 40 лет без всякой поддержки государства велись научные исследования в области молочного животноводства и подготовка специалистов в этой отрасли сельского хозяйства[267]. Зоотехническая и молочнохозяйственная опытные станции, животноводческая ферма, химическая и бактериологическая лаборатория, научные кабинеты, библиотека и мастерская должны были служить не только научно-исследовательским целям, но и быть научно-педагогической базой Высших молочнохозяйственных курсов. Научный персонал института должен был составить их педагогический корпус. Курсы предназначались, в первую очередь, для мужчин и женщин, имевших высшее и среднее образование и «пробывших на практике по молочному хозяйству не менее года». Для прочих устанавливались особые правила приема[268]. Выпускникам предполагалось присваивать звание «ученого специалиста по молочному хозяйству»[269]. С 1914 г. на счет института стали поступать казенные ассигнования, однако начавшаяся первая мировая война приостановила их. Высшие молочнохозяйственные курсы так и не начали приема слушателей.

Неосуществленными остались также проекты организации сельскохозяйственных институтов в Омске и Минске. Законопроекты о них застряли в законодательных инстанциях. Вопрос о создании Омского института был возбужден органами самоуправления и предварительно решался в образованном в январе 1913 г. межведомственном совещании при Главном управлении землеустройства и земледелия под председательством товарища главноуправляющего П. Н. Игнатьева. Из восьми сибирских городов, претендовавших на открытие в них высших учебных заведений[270], оно предпочло центр Западной Сибири Омск, к кото-

---

[266] СУ, 3 июня 1911, ст. 1187.

[267] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910—11 годы. Сессия VI. СПб., 1911, стб. 2455.

[268] СУ, 3 июня 1911 г., ст. 1187.

[269] Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1914 год. Пг., 1914, С. 26.

[270] Томск, Омск, Ново-Николаевск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Семипалатинск, Нерчинск.

рому примыкали районы с разнообразными почвами и климатическими условиями, удобные для «переселенцев-землепашцев». Проектируемый институт должен был состоять из агрономического, ветеринарного, культурно-технического, лесного факультетов.

С поставновлением совещания согласился и Совет министров, признавший, что Западная Сибирь, где сельскохозяйственный промысел имеет уже в настоящее время особенно важное значение и куда направляется наиболее сильное переселенческое движение из внутренних черноземных губерний, в первую очередь нуждается в собственном центре высшего сельскохозяйственного образования. Ведомству земледелия было поручено разработать законопроект об организации Омского сельскохозяйственного института. Особый журнал Совета министров от 25 апреля и 25 июля 1913 г. был утвержден царем [271]. Дальнейшего законодательного хода это дело, однако, не получило. 26 августа 1916 г. Омский отдел Московского общества сельских хозяев ходатайствовал об открытии в городе сельскохозяйственного института «до окончания войны, чтобы заранее край мог приступить к организации своих сил и подготовке к послевоенному мирному труду» [272], но безуспешно.

Вопрос об организации сельскохозяйственного института в Минске обсуждался в IV Государственной думе в 1914 г. по инициативе ряда депутатов от северо-западных губерний. В их представлении указывалось: «Весьма обширный и своеобразный в природном и хозяйственном отношениях Северо-Западный край нуждается в научном исследовании и в деятелях по сельскому хозяйству... Этот край вообще весьма беден местными русскими культурными силами, и все местные деятели прибывают сюда со стороны... Вопрос о подготовке местных русских деятелей имеет здесь значение государственной важности» [273]. Законопроект вызвал острые дебаты, получившие скорее политическую, нежели культурно-историческую и социально-экономическую направленность. Депутат от Ковенской губ. Янушкевич заявил, что законопроект «ничего не имеет общего с наукой», т. к. Минск является «центром русского национализма в Северо-Западном крае». Минску противопоставлялась Вильна, пользовавшаяся в проправительственных сферах репутацией «полонизированного» города.

---

[271] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 646, л. 117—121.
[272] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 606 об.
[273] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы, IV созыв, сессия II. 1913—14. Выпуск III. СПб., 1914, № 263, С. 2.

Дебаты закончились в пользу Минска, да иначе и не могло быть в правой по составу Думе[274]. Главному управлению землеустройства и земледелия была поручена разработка проекта устройства Минского сельскохозяйственного института с агрономическим и инженерно-мелиоративным факультетами. Законопроект, однако, не вернулся в законодательные инстанции. После Февральской революции вопрос о расширении числа высших сельскохозяйственных учебных заведений обсуждался в комиссии по реформе высшей школы Временного правительства в контексте проекта об учреждении Таврического института в Симферополе. В структуре этого своеобразного университета, который по своим задачам, программам и методике преподавания должен был соответствовать «физико-географическим особенностям, природным богатствам и действительным потребностям населения Таврической губернии и прилегающих к ней районов», был предусмотрен агрономический факультет[275].

К категории сельскохозяйственных можно с известными оговорками отнести ветеринарные институты в Казани (1894), Харькове, Юрьеве (1873 г.), Варшаве (1889 г.) Министерства народного просвещения, поскольку они готовили ветеринарных врачей не только для животноводства, но и для Военного министерства, Государственного коннозаводства, подведомственной Министерству финансов пограничной стражи.

В системе высшей школы ветеринарные институты занимали периферийное положение. Преобразованные в высшие учебно-практические заведения из ветеринарных училищ (Харьковский, Юрьевский — 1873 г., Варшавский — 1889 г., Казанский — 1894 г.), они вплоть до 1916 г. сохранялись в первозданном виде. По оценке специалистов, их структуре недоставало кафедр бактериологии, диагностики, офтальмологии, ветеринарного законоведения[276]. Не отвечал современным требованиям количественный и качественный состав профессорско-преподавательских коллегий институтов. Для получения в них профессуры не требовалось докторского звания. И профессора и доценты избирались из магистров ветеринарии. В Варшавском ветеринарном институте профессорские должности не были предусмотрены вовсе[277].

---

[274] Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия II. СПб., 1914, стб. 1900—1901, 1904.

[275] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 316, л. 1—9.

[276] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия 12-я Пг., 1916, стб. 1044.

[277] ПСЗ, собр III, т. 9, № 6042, ст. 8.

Заниженными в сравнении с университетами были требования к образовательному цензу абитуриентов. В число последних допускались окончившие 6 классов гимназий, духовные семинарии и реальные училища [278]. На год короче, чем на медицинских факультетах университетов, был учебный курс ветеринарных институтов.

Чрезвычайно низким был общественный престиж специальности ветеринарного врача. Академик К. И. Скрябин, выпускник Юрьевского ветеринарного института 1904 г., вспоминал, что о существовании ветеринарных высших учебных заведений он узнал, случайно прочтя статью «Ветеринария» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. «К стыду своему, — писал он, — я до этой статьи ничего о ветеринарии не знал, никогда ни одного ветеринарного врача в глаза не видел и даже никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из моих знакомых когда-либо обращался за помощью к ветеринарному врачу, хотя многие из них имели и лошадей и собак, и других животных» [279].

В результате все четыре ветеринарных института были малочисленны по контингенту студентов, а количество подготовленных ими специалистов не отвечало потребностям страны в ветеринарных врачах (см. таблицу № 10).

Наименьшей, в сравнении с прочими высшими учебными заведениями, была и сумма казенных ассигнований на нужды ветеринарного образования. Но и эти ограниченные траты рассматривались руководством Министерства финансов как чрезмерные. В 1893 г. оно поставило вопрос о нецелесообразности содержания четырех ветеринарных институтов. Было предложено упразднить один из них, увеличив за счет высвобождаемых сумм ассигнования прочим. Созданная в 1894 г. для изучения этого предложения межведомственная комиссия заключила, что Россия необходимо не мнее 4-х кардинально реформированных ветеринарных институтов. Материалы комиссии долго оставались без надлежащего правительственного внимания. В 1905 г. к ним вернулось созванное Министерством народного просвещения совещание профессоров, а в 1912 г. межведомственное совещание под председательством Н. Л. Пештича, действовавшее при Ветеринарном комитете Министерства внутренних дел. В результате были

---

[278] ПСЗ, собр. II, т. 18, № 52228, ст. 30.

[279] Скрябин К. И. Моя жизнь в науке. М., 1969, С. 30. В другом месте этой книги он вспоминал, что «окружающие явно высказывали недоброжелательство к ветеринарии» (там же, с. 35).

Таблица № 10

Контингент студентов ветеринарных институтов

№№ пп	Институты	Число студентов по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Юрьевский	260	23,7	365	25,4	341	19,7	329	19,1
2	Харьковский	294	26,8	554	38,6	500	28,9	491	28,5
3	Казанский	399	36,3	421	29,4	417	24,1	442	25,6
4	Варшавский	145	13,2	95	6,6	471	27,3	463	26,8
	Итого:	1098	100	1435	100	1729	100	1725	100

Источники: Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1897 г. СПб., 1902; Отчет министра народного просвещения за 1907 г. СПб., 1909, ведомость 22; То же, за 1913 г. СПб., 1916, вед. 22; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 261, л. 1—2.

разработаны новые уставы ветеринарных институтов [280], не ставшие, однако, законами.

В 1914 г. Ветеринарный комитет единолично возбудил вопрос о реформе ветеринарного образования. В число сформулированных им предложений входили: расширение до 500 чел. контингента студентов каждого из действовавших ветеринарных институтов, увеличение к 1925 г. числа последних до 10, уравнение профессоров ветеринарии в служебных правах и льготах по выслуге лет с профессорами университетов, повышение научного ценза младших преподавателей, увеличение числа кафедр до 13 в каждом институте, повышение образовательного ценза абитуриентов, увеличение казенных ассигнований [281]. В 1914—1916 гг. этот проект был рассмотрен в Государственной думе и Государственном совете [282], а 1 июля 1916 г. «высочайше» утвержден [283]. Однако реализован он не был.

Вопрос о реорганизации всего дела подготовки ветеринарных врачей в конце XIX—начале XX вв. приковывал к себе значи-

[280] Коропов В. М. История ветеринарии в СССР. М., 1954, С. 178—181.

[281] Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия II. Ч. V. СПб., 1914, стб. 755—760; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия IV. Вып. V. СПб., 1916, № 326.

[282] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия 12-я. Пг., 1916, стб. 1044.

[283] СУ, 26 июля 1916 г., № 1664,

чительное внимание общественности. Он поднимался на I (1903 г.) II (1910 г.), III (1914 г.) всероссийских съездах ветеринарных врачей, которые настаивали на расширении масштабов и углублении научного содержания деятельности высшей ветеринарной школы [284]. В 1903 г. Съезд деятелей по молочному хозяйству выразил мнение о необходимости создания в Западной Сибири специального учебного центра по ветеринарии в виде отделения при медицинском факультете Томского университета. Необходимо, подчеркнул съезд, ликвидировать «отсутствие надлежаще поставленной помощи и надзора, недостаток в научных деятелях в области эпизоотологии» [285]. Постановление поддержала специальная комиссия профессоров медицинского факультета Томского университета [286]. Однако общественная инициатива вызвала резкое противодействие со стороны попечителя местного учебного округа Л. И. Лаврентьева, а вслед за ним и руководства Министерства внутренних дел [287].

Такая же судьба постигла и проект организации ветеринарного института в Саратове, выдвинутый в 1903 г. саратовским губернским земством. Он был поддержан советом профессоров Казанского университета, который постановил, что учреждение такого высшего учебного заведения в центре юго-восточной, по преимуществу скотоводческой, полосы Европейской России «несомненно, принесло бы громадную пользу». Но Министерство народного просвещения порекомендовало земским деятелям Саратовской губ. направить ассигнуемые ими средства на улучшение финансового положения любого из существующих ветеринарных институтов [288]. Безуспешными были также ходатайства об открытии ветеринарных институтов в Москве (Московское общество ветеринарных врачей), в Каменец-Подольске (Подольское губернское земство), в Самаре (Самарская городская дума) [289].

Итак, на период с 90-х годов XIX в. до 1917 г. приходится завершающий этап формирования государственной высшей школы царской России. Процесс этот протекал под определяющим воз-

[284] Коропов В. М. Указ. соч., С. 184, 186, 191.
[285] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 633, л. 10.
[286] Там же, л. 14—15.
[287] Там же, л. 10 об, 17.
[288] Там же, л. 4—9.
[289] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 718, 711, 715.

действием экономической конъюнктуры. Промышленный подъем 90-х годов XIX в. вызвал самые значительные перемены в отечественном инженерном образовании. Открылись наиболее прогрессивные по организационному принципу политехнические институты в Варшаве, Киеве, Петербурге, Томске. Был осуществлен эксперимент, правда неудачный, с подготовкой «узких» инженеров. В конечном итоге он дал стране столь необходимые новые институты инженеров железнодорожного транспорта в Москве и горный в Екатеринославе.

Промышленная депрессия 1903—1910 гг. резко затормозила дальнейшее развитие этой буржуазной тенденции в сфере российского высшего образования. К 1913 г. были созданы лишь Донской (в Новочеркасске) политехникум да сельскохозяйственный институт в Воронеже. На этом строительство народнохозяйственной высшей школы в России прекратилось.

В исследуемое время было создано 8 новых высших учебных заведений, не имевших отношения к материальному производству. Это пополнение высшей школы отличалось значительным разнообразием организационных форм.

Но не только внутриэкономическая обстановка определяла ход развития сферы высшего образования. Существенное воздействие на этот процесс оказывала и политическая ситуация в России эпохи трех революций. В условиях перманентного обострения внутриполитического положения царизм с большой осмотрительностью шел на открытие новых высших учебных заведений, ибо видел в студенческой молодежи постоянного «возмутителя спокойствия». Не внушала ему политического доверия и либеральная профессура. На развитии государственной высшей школы вширь отразилась и первая мировая война, превратившая в клочки бумаги законы о создании ряда новых высших учебных заведений.

Увеличение в конце XIX — начале XX вв. числа государственных высших учебных заведений до 65 — а они составляли фундамент российского высшего образования — не привело к удовлетворению потребностей страны в дипломированных специалистах. Об этом 13 июня 1916 г. докладывал царю министр народного просвещения П. Н. Игнатьев. Коренной реорганизации, подчеркивал он, требовало инженерное образование. На повестке дня стоял вопрос не только о приспособлении преподавания «к определившимся потребностям страны», но, главное, об открытии новых учебных заведений разных специальностей. «Нельзя упускать из виду, — подчеркивал министр, — что вся тех-

ника, все прикладные науки и профессии покоятся на данных чистой науки, которая разрабатывается именно в факультетах (университетов — А. И.). Развитие высших технологических знаний неразрывно связано с параллельным ростом высших учебных заведений, культивирующих чистую науку».

В докладе указывалось и на острейший дефицит врачей, погасить который способны были бы «по крайней мере 10 новых медицинских школ», и на необходимость нарастить число ветеринарных институтов, т. к. действующие «не в состоянии значительно увеличить свои выпуски». «Недостаток специально образованных химиков-фармацевтов, — констатировал П. Н. Игнатьев, — поставил нашу фармацевтическую промышленность в полную зависимость от иностранных рынков».[290] Считал министр народного просвещения необходимым и открытие новых университетских физико-математических, историко-филологических и юридических факультетов, поскольку средняя школа не обеспечена нужным числом преподавателей математики, физики, химии, географии, русского и древних языков, истории, а «многообразные потребности государственной и общественной жизни» не удовлетворялись в полной мере специалистами с высшим юридическим и финансово-экономическим образованием [291].

На недостаточное развитие государственной высшей школы указывают и многочисленные ходатайства об учреждении новых учебных заведений, в изобилии поступавшие в правительственные инстанции от торгово-промышленных организаций, земств, городских дум, научно-технических обществ, дворянских собраний, торгово-промышленных съездов, а также от некоторых дальновидных администраторов (см. приложение 4). По своей массовости они порой приобретали характер общественных кампаний.

Обращает на себя внимание и факт количественного преобладания в системе государственных высших учебных заведений тех, что готовили специалистов непроизводственного профиля (в 1917 г. — 40, или 61,5%). Маломощность правительственной высшей школы усугублялась несовершенством ее географического размещения (см. приложение 5) [292]. 62 (95,4%) входивших в нее учебных заведения в 1917 г. располагались в Европейской России и лишь 3 (4,6%) — на территории ее необъятной Азиат-

---

[290] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 591 и об.
[291] Там же, л. 591 об. — 592.
[292] Подробно см.: Иванов А. Е. География высшей школы//Источниковедческие и историографические проблемы русской культуры. М., 1985.

ской части (в Томске и Владивостоке). 36 из них (55,4%) размещались в Петербурге (25) и Москве (11); прочие 29 (44,6%) — в 22 городах (преимущественно по одному). Крайняя разреженность центров высшего образования, огромные расстояния между ними даже в Европейской части страны оказывали прямое воздействие на численность и социальный состав студентов. Для большинства выпускников средней школы из семей с невысоким достатком перспектива оказаться в чужом городе, вдали от родительского крова, без должной материальной поддержки становилась непреодолимым препятствием к высшему образованию.

Неразвитость сети государственных высших учебных заведений России конца XIX — начала XX вв. обнаруживается и при сопоставлении ее количественных показателей с аналогичными данными по отдельным странам Западной Европы. В 1909 г. в России насчитывалось 9 университетов, а в 1912 г. — 10. Соответственно в Германии их было 22 и 32, в Италии — 17 и 28, во Франции — 14 и 27, в Великобритании — 16 и 18. В Испании в 1912 г. насчитывалось 10 университетов. Минимально уступали России по этому показателю Австрия (8 и 9) и Швейцария (7) [293].

Будучи страной в значительной степени аграрной, Россия вместе с тем существенно уступала по числу земледельческих высших школ (6 в 1912 г.), например, Германии, в которой насчитывалось 8 специальных учебных заведений и 11 университетских факультетов этого профиля, и Франции, обладавшей 7-ю агротехническими высшими школами. В 1912 г. в России было 6 политехникумов (все прочие инженерные школы были монопрофильными), а в Германии — 10, во Франции — 8, в Австрии — 7. Российские политехникумы к тому же отличались менее разнообразной, нежели зарубежные, структурой. В них было по 4—6 факультетов против 5—7 в Германии. Абсолютно не привились в России так наз. «смешанные» университеты, в которых традиционные факультеты соседствовали с инженерно-техническими и земледельческими. Таковые были широко распространены в Германии (агрономические и лесные), Великобритании (инженерные), Франции (агрономические и инженерные), Италии, Бельгии, Венгрии. В Соединенных Штатах университеты насчитывали по 12—14 факультетов [294].

---

[293] См.: Марголин Д. Справочник по высшему образованию. Киев, 1911; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 526, л. 72 об — 73.

[294] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 526, л. 72 об. — 73.

Одно из последних мест среди цивилизованных стран мира занимала Россия и по численности населения на одно государственное высшее учебное заведение. Такое признание в 1907 г. сделал Ученый комитет Министерства народного просвещения [295]. И действительно, в 1912 г. это соотношение выглядело следующим образом: в России — 2,4 млн. чел. против 0,4 млн. чел. в Швейцарии, 0,8 млн. чел. во Франции, 0,9 млн. чел. в Италии, 1,1 млн. чел. в Германии, 1,3 млн. чел. в Австрии [296].

[295] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 349, л. 176.
[296] Подсчет автора. Источники: Марголин Д. Справочник по высшему образованию. Киев, 1911; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 526.

ГЛАВА II

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Не удовлетворяемые государством всевозраставшие потребности капиталистической России в дипломированных специалистах вызвали к жизни неправительственную («вольную») высшую школу, созданную инициативой буржуазной интеллигенции и отчасти на средства торговопромышленных кругов. Это была специфическая, не субсидируемая государством система общественных и частных учебных заведений. Первые, по определению совета Женского медицинского института (1909 г.), устраивались на «идейной основе» [1] как чисто просветительские учреждения. Все их средства, поступавшие от общественных организаций и отдельных филантропов, а также в виде платы за обучение, полностью предназначались для оплаты труда преподавателей, развития учебно-вспомогательной базы и усовершенствования учебного процесса, материальной помощи учащимся и т. д. Вторые, частные, по большей части устраивались на коммерческих началах, поскольку должны были не только содержать себя, но и давать «хозяину» личную прибыль в виде процента на затраченный капитал [2].

Возникнув в 60—70-х годах прошлого столетия, «вольные» высшие учебные заведения действовали с перебоями, в условиях полицейских утеснений, вопреки субъективной неприязни к ним царизма (ведь еще жива была память об участии первых курсисток в народническом движении). И все же накануне 1905 г. в России действовали уже 14 общественных высших учебных заведений.

Первая российская революция временно ослабила ограничения и стеснения, чинимые самодержавием высшей школе. 3 декабря 1905 г. был утвержден «всеподданнейший» доклад

[1] ЦГИА СССР, ф. 733, Департамент народного просвещения, оп. 154, д. 483, л. 196.
[2] Там же, л. 196 об.

министра народного просвещения И. И. Толстого, разрешавший открытие «частных» (официальное название негосударственных высших учебных заведений) курсов с программой выше среднего[3]. Это была несомненная уступка самодержавия бурзуазной общественности. Указывая на рост численности учащихся всех категорий в сравнении с 1904 г., В. И. Ленин писал: «*Пятый* год, год великого пробуждения народных масс в России, год великой народной борьбы за свободу под руководством пролетариата, этот год *заставил* даже наше казенное ведомство сдвинуться с мертвой точки». Одним из показателей «быстрого» ведомственного прогресса[4] Министерства народного просвещения можно считать начавшийся с 1905 г. ускоренный процесс образования неправительственных высших учебных заведений. В 1905—1907 гг. количество их возросло на 36.

В последующий период (1908—1913 гг.) возникло еще 26 «вольных» высших учебных заведений, причем 13 из них — только в 1908—1909 гг. Открытие их в условиях оголтелых гонений на студенчество и профессуру являлось одним из проявлений столыпинского бонопартизма в отношении буржуазии. Последняя проявляла растущий интерес к проблемам высшего образования. Не случайно 11 (44%) из вновь созданных учебных заведений были профессионально-техническими. Уступки царизма в этом направлении выглядели и своеобразной «платой за услуги» торгово-промышленных кругов в борьбе с революцией.

Наконец, в 1914—1917 гг. неправительственная высшая школа пополнилась 12 учебными заведениями (большинство из них возникли в 1915—1916 гг.). Создание их в экстремальных условиях империалистической войны диктовалось острейшей необходимостью расширения сферы высшего образования в интересах укрепления экономического и оборонного потенциала России, а также стремлением приглушить антиправительственные настроения части молодежи, остававшейся вне стен государственной высшей школы.

По подсчетам автора, в 1900—1917 гг. в России насчитывалось более 80 общественных и частных высших учебных заведений (см. приложения 2, 3). Состав их постоянно менялся, сократившись к февралю 1917 г. до 59[5].

---

[3] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 143, л. 458 об.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 23, С. 126.

[5] Отсутствие сводной систематической статистики неправительственной высшей школы чрезвычайно затруднило подсчеты автора. Они осуществлены на основе обработки большого комплекса источников, преимущественно архивных, офи-

Неправительственная высшая школа заполняла социальные «пустоты» в государственной системе высшего образования. Это понимала и царская администрация. В 1916 г. Совет министров констатировал: «Частная школа прежде всего должна пойти навстречу в удовлетворении потребности в образовании тех групп населения, которые по той или иной причине не могут получить этого удовлетворения от школы правительственной» [6]. И действительно, она предназначалась в первую очередь для женщин, лишенных государством возможности получить высшее образование иным путем [7]. На это указывает наличие в ее составе 30 женских и 29 «смешаных» (с совместным обучением для мужчин и женщин) высших учебных заведений. Открыты были ее двери и для юношей, оказавшихся за стенами государственных университетов из-за отсутствия аттестата зрелости, неудач на конкурсных экзаменах в инженерные институты или из-за процентных норм для «лиц иудейского исповедания». Проникали в нее, правда вопреки административным установкам, и исключенные из государственной высшей школы за участие в революционном движении. Однако следует отметить, что неправительственный сектор, к 1917 г. почти сравнявшийся с государственным по числу учебных заведений, не расширил «географию» российской высшей школы. Острый недостаток профессорско-преподавательских кадров обусловил тот факт, что общественные и частные высшие учебные заведения возникали и действовали преимущественно в центрах высшего образования со сложившимися научно-педагогическими традициями и базой (см. картосхему).

1.
Высшие учебные заведения университетского типа

Основной сектор неправительственной высшей школы составляли учебные заведения университетского типа. По подсчетам автора, в конце XIX — начале XX вв. их численность равнялась 49, а по

циального и отчасти неофициального характера. Полученные результаты, на наш взгляд, близки к реальным, хотя и требуют дальнейших уточнений.

[6] ЦГИА СССР, ф. 1276, Совет министров, оп. 3, д. 801, л. 138.

[7] Только 3 из 65 государственных высших учебных заведений были женскими (Петербургские педагогический и медицинский институты, Высшие женские богословско-педагогические курсы в Москве). Совместно обучались женщины с мужчинами только в Высшем художественном училище Академии художеств.

состоянию на февраль — октябрь 1917 г. — 29 (23 женских и 6 — для женщин и мужчин). Имея за малым исключением ту же, что и университеты, научно-теоретическую основу своей деятельности, они были чрезвычайно разнообразны по контингенту учащихся, образовательному цензу абитуриентов, организационным формам, целям и методам преподавания.

Действовали эти учебные заведения преимущественно в центрах высшего образования — Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Варшаве, Одессе. Томске, Харькове, Риге, Юрьеве, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Новочеркасске, где концентрировались значительные научные силы и сложилась достаточно развитая научно-исследовательская база. Без этих условий учебные заведения не могли в полной мере достичь университетского уровня, как это случилось, например, с Высшими общеобразовательными курсами Киселева в Оренбурге или Высшими научно-образовательными курсами в Уфе. Острый дефицит преподавателей, особенно профессоров, испытывали Высшие женские курсы в Тифлисе.

Абсолютно преобладали в названной группе **женские** по составу учащихся учебные заведения. В своем развитии высшая женская школа прошла в России ряд этапов. Начало первому (1872—1886 гг.) было положено открытием «в виде опыта» Московских высших женских курсов профессора В. И. Герье — первого в России женского университета. 21 мая 1873 г. публикуется правительственное распоряжение об обязательном возвращении на родину до 1 января 1874 г. всех российских девушек-студенток Цюрихского университета, дабы вырвать их из-под влияния русской революционной эмиграции. В нем указывалось: «Правительство не может допустить мысли, чтобы 2—3 докторских диплома могли искупить зло, и потому признает необходимым положить конец этому ненормальному движению» [8]. При этом желающим учиться гарантировалась возможность «приобрести научные знания в пределах отечества». В 1876 г. Министерству народного просвещения было разрешено учреждать высшие женские курсы в университетских городах. Они открылись в Казани (1876 г.), Петербурге и Киеве (1878 г.). Однако ходатайства общественности об учреждении таких же курсов в Одессе (1879 г.), Варшаве и Харькове (1881 г.) были отклонены. В 1886 г.

---

[8] Правительственный вестник, 1873, 21 мая, № 120. Подробнее см.: Федосова Э. П. Бестужеские курсы — первый женский университет в России. М., 1980, С. 43—47.

в условиях политической реакции был приостановлен прием слушательниц и на действовавшие курсы.

Следующий этап (1889—1905 гг.) ознаменовался возобновлением приема слушательниц, но только на одни Петербургские высшие женские курсы. Ходатайства общественности об открытии аналогичных учебных заведений в других городах получали, однако, безапелляционный отказ. «Высшие женские курсы уже существовали в некоторых городах России, но дали отрицательные результаты и постепенно закрыты. Что касается С.-Петербургских высших женских курсов, то опыт их еще так кратковременен, что пока затруднительно судить о достигаемых ими результатах, а потому и учреждение таковых курсов в других городах является преждевременным» [9], — таков был ответ министра народного просвещения И. Д. Делянова ходатаям из Казани и Одессы.

Твердолобая позиция ведомства просвещения побуждала общественность искать обходного пути к цели. И он был найден в виде платных «публичных научных лекций» при университетах Новороссийском (естественно-математический цикл), Харьковском (историко-филологический цикл) [10] и «коллективных уроков» при Московском обществе воспитательниц и учительниц. Последние по существу продолжили дело закрытых курсов В. И. Герье, поскольку состояли из лекций, семинарских и лабораторных занятий, проводимых профессорами Московского университета. В 1899 г. «уроки» посещали 800 слушательниц [11].

В 1900 г. Н. П. Боголепов признал «неудобным оставление этого дела вне ближайшего контроля органов правительства». Он возбудил в Государственном совете вопрос о закрытии «коллективных уроков» и учреждении под «фактическим и обязательным контролем Министерства народного просвещения» Московских высших женских курсов, подобных Петербургским. Законопроект был утвержден [12].

Третий этап развития высшей женской университетской школы (1905—1917 гг.) характеризовался быстрым ее ростом. Помимо Петербургских (Бестужевских) и Московских (бывш. Герье), в 1905—1917 гг. возникли высшие женские курсы в Вар-

---

[9] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 191, 1895, д. 1547, л. 34—35 об.

[10] Там же, л. 7—8, 29—30.

[11] Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. 1872—1972.—М., 1972, С. 19.

[12] Отчет по делопроизводсту Государственного совета за сессию 1899—1900 гг. Т. I. СПб., 1900, С. 73.

шаве, Казани, Одессе, Томске (Сибирские), Харькове, Юрьеве [13], Тифлисе, Новочеркасске [14] (см. приложение № 2).

Это были общественные учебные заведения, организованные в основном в университетских городах. Они дублировали задачи, организационное устройство и учебные программы университетов, пользовались их помещениями и учебно-вспомогательными учреждениями, а также услугами их преподавателей. Так, например, в отчете Варшавских высших женских курсов за 1910/11 учебный год мы читаем: «Деятельность совета и правления курсов почти всецело определялась началами, обязательными в университете для обоих этих учреждений... Состав преподавателей, программы, производство экзаменов должны быть те же, как в университете; уклонение вызывалось необходимостью и было незначительным» [15]. В официальном обзоре деятельности Высших женских курсов в Киеве за 1913 г. подчеркивалось, что они «чутко относились ко всяким изменениям» в программах местного университета [16].

Зконом 19 декабря 1911 г. «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительниц» высшие женские курсы, программы которых признавались «равными университетским», получали официальный статус высших учебных заведений. Их выпускницы допускались к «окончательным экзаменам» в государственных испытательных комиссиях для лиц мужского пола при университетах, получали диплом и соответствующее ему звание [17]. В 1912 г. специальная комиссия при Министерстве народного просвещения отнесла к разряду «университетских» вышеперечисленные женские курсы (за исключением Тифлисских), что сделало их еще более популярными среди выпускниц женских средних учебных заведений (таблица № 11).

Рядом с «общественными» в 1905—1917 гг. действовали

---

[13] Закрылись в 1915 г. из-за отсутствия средств. Были крайне малолюдны: в 1908 г. на курсах обучалось 15 чел., в 1913 — 78 (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 839).

[14] Действовали до 1916 г. в составе одного естественного факультета, затем были преобразованы в Высшие женские сельскохозяйственные курсы. В 1910г. на них обучалось 110 чел., в 1914 — 70 чел. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 134, л. 10; д. 907, л. 29 об.).

[15] Отчет о состоянии Варшавских высших женских курсов за 1910/1911 год. Варшава, 1912, С. 3.

[16] Краткий обзор истории современного состояния Высших женских курсов в г. Киеве. Киев, 1913, С. 6.

[17] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 268, л. 1—4 об.

Таблица № 11

Контингент слушательниц общественных высших женских курсов

№№ пп	Общественные высшие женские курсы	Численность слушательниц на					
		1908/1909 гг.		1913—1914 гг.		1917 г.	
		абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Московские (Герье)	4738	32,2	7155	35,0	8326	35,0
2	Петербургские (Бестужевские)	4352	29,6	6289	30,8	5900	24,8
3	Киевские	2221	15,1	2971*	14,5	3049	12,8
4	Казанские	832	5,7	1044	5,1	1541	6,4
5	Одесские	1343	9,1	770	3,7	2594	11,0
6	Харьковские	409	2,8	1004	5,0	1000	4,2
7	Сибирские (в Томске)	80**	0,5	226	1,1	708	3,0
8	Тифлисские	208	1,4	292	1,4	400	1,7
9	Варшавские (с 1917 г. — Ростовские)	519	3,5	689	3,4	278	1,1
	Итого:	14702	100	20440	100	23796	100

* *Данные на 1912/1913 учебный год.*
** *Данные на 1910 год.*

Источники: ЦГИА СССР, ф. 733, п. 154, д. 188, л. 123 об.; д. 483, л. 313, 319, 324, 330, 333, 339; оп. 155, д. 134, л. 11 об.; д. 652, л. 174; д. 839, л. 29; д. 1035, л. 29, 475; оп. 205, д. 164, л. 13; оп. 225, д. 261, л. 1—2; Петроградские высшие женские курсы за 1913—1914 гг. СПб., 1916, С. 35. Краткий обзор истории и современного состояния Высших женских курсов в г. Киеве, Киев, 1913, С. 31; Отчет о состоянии Варшавских высших женских курсов за 1909—1910 учебный год. Варшава, 1911, С. 5; Отчет о состоянии Варшавских женских курсов за 1913—1914 академический год. Варшава, 1915, С. 9; Список учебных заведений ведомства министерства народного просвещения, (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1914 г. СПб., 1914.

«частные» высшие женские курсы: Естественно-научные при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон; Историко-литературные и юридические Н. П. Раева; при Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта (учрежденные Дмитриевым) — все в Петербурге; Московские высшие женские историко-филологические и юридические В. А. Полторацкой; Киевские частные общеобразовательные вечерние женские при гимназии А. В. Жикулиной; Екатеринославские высшие женские курсы, учрежденные коммерц-советником Копыловым и Тихоновой (см. приложение 2).

Их учредители заведовали административно-хозяйственной и финансовой частью, а научно-организаторскую и педагогическую работу поручали преподавателям местных казенных выс-

ших учебных заведений. Так, соучредителем и председателем Естественно-научных курсов при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон был профессор зоологии Петербургского университета В. М. Шимкевич. В его функции входили созыв совета преподавателей, наблюдение за преподаванием и экзаменами [18]. Преподавали на этих курсах профессора Горного, Путей сообщения, Электротехнического, Гражданских инженеров, женских Медицинского и Педагогического институтов, Артиллерийской и Петербургской духовной академий [19]. В 1914 г. на историко-филологическом отделении курсов В. А. Полторацкой преподавали Ю. И. Айхенвальд (русская литература), Р. Ф. Брандт (славяноведение), А. А. Грушка (история римской литературы), М. К. Любавский (древнерусская история), В. И. Пичета (русская история XVIII в.), С. И. Радциг (римская история). На юридическом факультете работали такие видные правоведы, как В. М. Хвостов, М. Н. Гернет, И. М. Гольдштейн [20].

Университетский уровень частных высших женских курсов, однако, не стал безусловным основанием к подведению их под юрисдикцию закона 19 декабря 1911 г. ввиду того, что они, по мнению министерских чиновников, носили «более коммерческий, нежели просветительский характер». И все же Министерство народного просвещения в 1912 г. признало за их выпускницами (исключая Екатеринославские высшие женские курсы) право на университетский диплом.

Однако не все частные высшие женские учебные заведения смогли встать вровень с университетами. Учредители некоторых из них, будучи озабочены, в первую очередь, прибыльностью своего «предприятия», всячески экономили на преподавателях и научном обеспечении учебного процесса. Такие учебные заведения, однако, весьма скоро закрывались, как, например, Харьковские высшие женские курсы, учрежденные Н. И. Невиандт [21], Женские историко-литературные курсы Н. Нагурной в Варшаве, Рижские общеобразовательные курсы им. И. А. Гу-

---

[18] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 11 об.

[19] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 656, л. 19—21.

[20] Ежегодник Высших женских юридических курсов и историко-филологических курсов в Москве, учрежденных В. А. Полторацкой. 1914—1915 академический год. М., 1915, С. 51—52, 55.

[21] 4 апреля 1910 г. в газете «Студенческая жизнь» было напечатано письмо слушательниц Харьковских высших женских курсов Н. И. Невиандт. Авторы его от имени своих 700 подруг писали: «На курсах полный развал. Нет обещанных клиник и аппаратов. Платы собрано 300 тыс. руб. Профессора разбегаются, профессорской коллегии нет...».

сева при женской гимназии Штегман и др. (см. приложение № 3). Некоторые из частных высших женских курсов не выдерживали конкуренции с аналогичными учебными заведениями. Например, соседство с популярнейшими Бестужевскими курсами послужило причиной «малолюдности», а следовательно и финансовой нежизнеспособности Женских юридических курсов Е. И. Песковой [22].

В целом частные высшие женские курсы были как бы вторым эшелоном неправительственной высшей женской школы. Контингент их учащихся состоял преимущественно из тех, кто способен был вносить более высокую, чем на курсах общественных, плату за учение [23]. Данное обстоятельство предопределило сравнительную немногочисленность контингента слушательниц в учебных заведениях этой категории (таблица № 12).

Самым многолюдными отделениями (факультетами) высших женских курсов были историко-филологические и физико-математические, готовившие в основном учительниц средних учебных заведний. Лишь немногие слушательницы посещали юридическое отделение, т. к. спрос на труд женщины-юриста в России был крайне ограничен.

В традиционную университетскую структуру отдельных высших женских курсов вводились и новые профессиональные специализации. Так, например, для привлечения «значительно большего числа слушательниц» в состав малолюдного юридического факультета Высших женских курсов в Киеве в 1909 г. было включено экономико-коммерческое отделение. Соединение юридического образования с коммерческим открывало «доступ к практической деятельности в различных административных, промышленных и торговых учреждениях» [24]. На Высших женских естественно-научных курсах М. А. Лохвицкой-Скалон в Петербурге преподавание химии преследовало цель готовить не только учителей, но и лаборантов для промышленных предприятий [25]. С 1914 г. в составе Одесских высших женских курсов действовало химико-фармацевтическое отделение [26]. В 1913 г. в составе Частных вечерних высших женских курсов в Киеве при гимназии

---

[22] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 188, л. 30 об.

[23] На частных высших женских курсах учебная плата колебалась между 80 и 150 руб., а на общественных — между 50 и 100 руб.

[24] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 56 об.

[25] Марголин Д. Справочник по высшему образованию. Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения России. Пб. — Киев, 1911, С. 240.

[26] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 205, д. 3242.

Таблица № 12

Контингент слушательниц частных высших женских курсов

(действовавших до 1917 г.)

№№ пп	Частные высшие женские курсы	Численность слушательниц на					
		1908/1909 учебн. год		1913/1914 учебн. год		1917 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Высшие женские естественно-научные курсы в в Петербурге при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон	957	37,6	1138	36,8	785	20,0
2	Петербургские высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева	929	36,6	630	20,4	568	14,5
3	Петербургские высшие женские курсы при Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта,	283*	11,2	307	9,9	243	6,2
4	Высшие женские юридические и историко-филологические курсы В. А. Полторацкой в Москве	247*	9,7	890	28,8	1889	48,2
5	Киевские частные общеобразовательные вечерние женские курсы А. В. Жикулиной	126	5,0	129	4,1	134	3,4
6	Екатеринославские высшие женские курсы, учрежденные Копыловым и Тихоновой	—	—	—	—	300	7,7
	Итого:	2542	100	3094	100	3919	100

* *Данные на 1 января 1911 г.*

Источники: ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 310, 315, 336, 338; оп. 155, д. 1035, л. 535; оп. 205, д. 3643, л. 3; оп. 226, д. 261, л. 1—2; Ежегодник высших женских юридических и историко-филологических курсов в Москве, учрежденных В. А. Полторацкой. 1914—1915 акад. год. М., 1915, С. 59, 63., Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1911 г., б. м. и т.; То же. Составлен к 1 января 1914 г. СПб., 1914.

А. В. Жикулиной открылось педагогическое отделение [27]. В программу естественного отделения Тифлисских высших женских курсов в качестве необязательных предметов были включены: техническая химия, почвоведение, растениеводство, виноградарство, виноделие, молочное хозяйство и пр. [28].

Второй по численности группой негосударственных женских учебных заведений университетского типа были **медицинские курсы и институты,** действовавшие по программе университетов (см. приложение 2). Они компенсировали отсутствие на большинстве высших женских курсов медицинских факультетов. Иключение в этом плане составляли приуниверситетские курсы в Москве, Киеве (правда, в 1908 г. и их медицинские факультеты обособились в самостоятельные школы) и Тифлисские высшие женские курсы [29].

В 1909 г. Министерство народного просвещения предписало советам профессоров медицинских факультетов университетов и Женского медицинского института в Петербурге определить свое отношение к неправительственным высшим медицинским школам, об открытии которых ходатайствовали многие частные лица и общественные организации [30]. В своих ответах профессора решительно отвергли частнопредпринимательскую, ради «денежных выгод», основу медицинского образования. «Высшие медицинские курсы не могут быть делом частных предпринимателей, они должны быть либо правительственными, либо общественными, либо образованными на пожертвованные капиталы и притом настолько материально обеспеченными, чтобы плата за обучение не была единственным источником их существования» [31] — к такому заключению пришел, например, совет Женского медицинского института в Петербурге.

Это единодушное мнение, видимо, принималось в расчет Министерством народного просвещения. В России действовал лишь один частный Московский женский медицинский институт профессора П. Г. Статкевича и доктора А. Б. Изачека (перво-

---

[27] Там же, д. 3643.

[28] Шохоль К. Р. Высшее женское образование в России. СПб., 1910, С. 108.

[29] Совместно с мужчинами женщины обучались медицине в Петроградском частном университете при Психоневрологическом институте и на Юрьевских частных университетских курсах естественных и медицинских наук профессора М. И. Ростовцева. С 1897 г. по 1904 г. статус общественного имел Женский медицинский институт в Петербурге, перешедший затем в категорию государственных.

[30] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 195—196, 217—229.

[31] Там же, л. 196 об.

начальное название его — Частные высшие женские медицинские курсы), созданный в 1909 г., т. е. до вышеупомянутого опроса. Опыт его деятельности вполне подтвердил опасения профессуры [32].

Все прочие неправительственные медицинские школы для женщин, возникшие в 1909—1916 гг. в Харькове [33], Одессе [34], Саратове [35], Ростове-на-Дону [36], Киеве [37], создались только на общественных началах. В них преподавали профессора и приват-доценты местных университетов, поэтому они имели статус высших учебных заведений и пользовались устойчивой популярностью среди женщин, стремившихся к высшему медицинскому образованию (см. таблицу № 13).

25 августа 1915 г. был издан циркуляр Министерства народного просвещения, рекомендовавший учреждение химико-фармацевтических отделений при высших женских курсах и медицинских институтах. Во исполнение его в 1916 г. А. В. Лесневской было разрешено открыть в Петрограде Высшие фармацевтические курсы, не успевшие, однако, развернуть свою работу. Отделения того же профиля открыли Московские и Одесские высшие женские курсы. Женщины обучались также на химико-фармацевтическом отделении Петроградского частного университета при Психоневрологическом институте.

После Февральской революции Комиссия Временного правительства по реформе высшей школы наметила неотложные мероприятия в области высшего женского образования. В первую очередь, они распространялись на учебные заведения, не обладавшие статусом университетских. Наиболее радикальная реорганизация ожидала Тифлисские высшие женские курсы,

---

[32] 7 марта 1917 г. слушательницы института ходатайствовали перед Министерством просвещения Временного правительства о передаче Московского женского медицинского института «из рук частных предпринимателей» в казну, поскольку постановка дела в нем находится «в самом печальном состоянии». В результате выпускницы института не пользовались «доверием общества». Причину всех этих неурядиц слушательницы видели в «самовластии» профессора Статкевича: «преследование им чисто коммерческих целей создало невозможное отношение между курсистками и профессурой и профессоров к самому директору». (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 666, л. 39).

[33] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 268, л. 435.

[34] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 47 об.

[35] Отчет о состоянии Саратовских высших женских курсов Санитарного общества (от 25 октября 1915 г. по 1 января 1907 г.). Саратов, 1917, С. 1—3.

[36] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 719, л. 157 об.

[37] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 713, л. 23. В 1917 г. постановлением Временного правительства был создан Казанский женский медицинский институт (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 631, л. 9).

Таблица № 13

Контингент слушательниц общественных и частных высших женских медицинских учебных заведний

№№ пп	Высшие женские медицинские учебные заведения	Численность слушательниц на					
		1909/1910 учебн. год		1913/1914 учебн. год		февраль—сентябрь 1917 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Киевский женский медицинский институт	993	40,8	сведен. нет		1300	22,3
2	Московский женский медицинский институт П. Г. Статкевича и А. Б. Изачека	467	19,2	1015	80,9	1650	28,3
3	Высшие женские медицинские курсы в Одессе	171	7,0	239	19,1	529	9,1
4	Харьковский женский медицинский институт	800	33,0	сведен. нет		1300	22,3
5	Саратовские высшие женские курсы Саратовского санитарного управления	—	—	—	—	600	10,3
6	Женский городской медицинский институт в Ростове-на-Дону	—	—	—	—	450	7,7
	Итого:	2431	100	1254	100	5829	100

Источники: ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 249; 334; оп. 155, д. 268, л. 400 об.; д. 1035, л. 459 об.; оп. 156, д. 719, л. 157 об.; оп. 205, д. 3250, л. 6 об.; д. 261, л. 1—2.

которым предстояло составить основу Кавказского университета [38]. Был утвержден устав Екатеринославских высших женских курсов. Они стали высшим учебным заведением [39].

Полная перестройка ожидала и обладавшие правами университетских Петроградские высшие женские курсы при биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта (учрежденные Дмитриевым). На их основе предполагалось создать Земский университет им. П. Ф. Лесгафта для «широкого распространения как общего, так и специального образования, отвечающего потребностям земской и городской жизни». Особое внимание в программе этого высшего учебного заведения уделялось подготовке педагогов, специалистов по вопросам народного образования для органов

[38] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 314, л. 1, 21—24.
[39] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 315, л. 47—48.

земского и городского самоуправления. Университет должен был стать научно-методическим центром по организации народных университетов, популяризации научных и практических знаний «в широких слоях населения», путем устройства как систематических, так и эпизодических курсов. Его учебное подразделение должно было состоять из естественно-исторического (основной), словесно-исторического, общественно-экономического, педагогического, физического образования, сельскохозяйственного факультетов. Их студентами могли стать женщины и мужчины со средним образованием любого типа. Не обладавшие таковым цензом могли стать вольнослушателями.

Наконец, Земский университет им. П. Ф. Лесгафта должен был вести и исследовательскую работу по земско-городской проблематике. Для этих целей в его структуру вводился научно-исследовательский институт [40].

В составе высших учебных заведений, работавших по университетской программе, были и предназначенные **для совместного обучения мужчин и женщин.** Наибольшей известностью среди них пользовался Психоневрологический институт — «ученое и высшее учебное учреждение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук» [41]. Институт был основан в 1907 г. по инициативе выдающегося ученого-психиатра профессора В. М. Бехтерева [42]. В задачи этого научно-исследовательского центра входила подготовка педагогов средней школы, юристов, врачей-психиатров и неврологов. Соответственно институт имел педагогический (с историко-филологическим и естественным отделениями), юридический и медицинский (с 1912 г.) факультеты, обнимавшие «науки, имеющие тесное соприкосновение с психикой человека» [43].

Имея университетскую структуру, Психоневрологический институт вместе с тем не повторял полностью университеты в своих программах и методах преподавания. Основу деятельности его факультетов составляло широкое психологическое образование, в то время как на историко-филологическом, юридическом и даже медицинском факультетах казенных университетов психология была в числе второстепенных предметов.

---

[40] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 309, л. 1—4.
[41] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ), собр. III, т. 27, № 29267, ст. 1.
[42] Аналогичные институты действовали в Австрии, Германии, Франции, Швейцарии
[43] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 97, л. 271 об.

Такая направленность учебно-педагогической деятельности Психоневрологического института вытекала из его научно-исследовательской программы. 3 апреля 1908 г. на акте открытия учебных занятий В. М. Бехтерев заявил, что институтом будет изучаться не только человеческий мозг, но и «психология отдельных личностей и народных масс, а также сравнительная психология народов, которая стала выдвигаться за последнее время как особая научная дисциплина» [44]. Обучение в институте разбивалось на два цикла — основной (общий для студентов I и II курсов) и специальный, пофакультетный (III—V курсы). Задача основного, или общеобразовательного, цикла заключалась в углублении подготовки, полученной студентами в средней школе, а также в расширении их знаний по анатомии, физиологии, нервной деятельности человека. Студенты I и II курсов изучали химию, физику, общую биологию, математику, введение в философию, общую социологию, историю, логику, историю культуры и искусств, политическую экономию, общую теорию права и государства, анатомию, физиологию, общую и сравнительную психологию, анатомию и физиологию нервной системы, антропологию, экспериментальную психологию [45]. Студенты III—V курсов, получая профессиональную ориентацию, помимо предметов университетского цикла, много времени отдавали анатомии, физиологии, особенно психологии. Так, на педагогическом факультете большое внимание уделялось психологии детского возраста, анатомическим и физиологическим особенностям развивающегося организма, умственной и школьной гигиене [46]. При факультете действовал Педагогический институт. На юридическом факультете изучались антропология в связи со сравнительной психоанатомией народов, криминальная антропология с уголовной социологией и психологией преступности [47].

До 1911 г. медицинские дисциплины в Психоневрологическом институте преподавались только врачам, и притом лишь психиатрия, неврология, психология. В медицинских высших учебных заведениях курсы этих предметов давались «в крайне сокращенном виде». В 1912/13 учебном году открылся медицинский фа-

---

[44] Бехтерев В. М. Задачи Психоневрологического института. СПб., 1908, с. 6—7. С помощью этих наук, выражал уверенность оратор, «удастся улавливать народный пульс, когда они будут освещать психологическую сторону общественных событий и дадут возможность предвидеть исход народных движений» (там же, с. 7).

[45] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 97, л. 271 об. — 272.

[46] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 801, л. 13 об. — 14.

[47] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 97, л. 273.

культет, потребность в котором возросла в связи с преобразованием Военно-медицинской академии в учебное заведение, обслуживавшее только нужды армии [48]. Главными предметами были нервно-хирургическая клиника, психиатрия, учение о гипнозе и внушении, общественная медицина, фабричная медицина. Факультет опирался на развитую научно-исследовательскую базу (клиники для эпилептиков, нервных и душевных болезней, экспериментально-клинический институт для изучения алкоголизма, хирургическая и нервно-хирургическая клиники им. Н. И. Пирогова) [49]. Курс обучения будущих психоневрологов продолжался 6 лет.

Как было отмечено на одном из заседаний Совета министров в 1914 г., Психоневрологический институт неизменно встречал со стороны правительства «вполне благожелательное отношение», которое выражалось в даровании ему земельного участка под строительство собственных зданий, неоднократных казенных ассигнованиях и в предоставлении льгот по воинской повинности слушателям [50]. Однако при всем этом он до 1916 г. не обладал статусом высшей школы. Причиной тому была позиция руководства Министерства народного просвещения, считавшего его деятельность как высшего учебного заведения «незаконной». 25 июня 1914 г. Л. А. Кассо доводил до сведения Совета министров: «Преимущественное развитие получила не научная деятельность института, отступившая на второй план, а учебная; уже с первого года институт... открыл целый ряд курсов, которые с течением времени превратились в частное высшее учебное заведение для лиц обоего пола в составе обычных четырех факультетов университетов». Причем это «незаконное» учебное заведение, подчеркивал министр, оказалось вне контроля Министерства народного просвещения, а потому стало источником студенческих «беспорядков», которым не противостояла отличавшаяся «определенным противоправительственным направлением» профессорская коллегия. Кассо потребовал закрытия Психоневрологического института [51]. Однако, вопреки этому мнению, Совет министров пришел к заключению, что «расширение намечавшихся с самого начала возникновения института учебных при нем курсов до настоящих, весьма обширных, пределов не может... быть истолковано как безусловное нарушение высочайше утверж-

[48] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 801, л. 50 об., 67 об.
[49] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 801, л. 67 об.
[50] Там же, л. 93.
[51] Там же, л. 68—70.

денного устава института». Он заключил, что закрытие Психоневрологического института «несомненно, произвело бы крайне неблагоприятное впечатление, тем более нежелательное, что институт основан и содержится преимущественно на частные средства» [52].

Созданная в 1915 г. новым министром П. Н. Игнатьевым специальная комиссия для всестороннего выяснения состояния Психоневрологического института сделала вывод, что он «вполне может удовлетворять требованиям, которые предъявляются к частным высшим учебным заведениям» [53]. В 1916 г. был принят новый устав Психоневрологического института. От предшествующего его отличала подробнейшая законодательная регламентация всех сторон деятельности этого научного и учебного учреждения (82 статьи против 44). По-новому, с учетом 8-летнего опыта деятельности института, была сформулирована его цель: «Разработка и распространение гуманитарных, естественно-исторических и медицинских наук с подробным изучением психологии и неврологии» [54]. Учебная часть института получила статус высшей школы и наименование «Частный петроградский университет», призванный давать лицам обоего пола «университетское образование со специальной подготовкой, соответственно задачам института». Его выпускникам предоставлялось право сдавать выпускные экзамены в государственных комиссиях Петроградского университета, а медицинский факультет имел собственную экзаменационную комиссию [55].

«Нерушимым», указывалось в отчете Психоневрологического института, остался его учебный план [56]. Вместе с тем существенно изменилась структура факультетов: теперь институт состоял из медицинского, юридического, словесно-исторического, естественно-исторического факультетов и двух отделений — педагогического и химико-фармацевтического. Педагогическое отделение было создано по ходатайству самих студентов как «орган, объединяющий деятельность факультетов в области подготовки будущих педагогов». Химико-фармацевтическое отделение возникло в связи с войной.

Учебный отдел при Психоневрологическом институте, а затем

---

[52] Там же, л. 93—94.
[53] Там же, л. 107 об.
[54] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 205, д. 78, л. 1.
[55] Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее СУ), 15 июля 1916 г., № 1609, ст. 1, 3, 38, 73, 74.
[56] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 205, д. 81, л. 2.

и университет при нем имели первоклассную профессорскую коллегию. Здесь преподавали: В. М. Бехтерев, Н. Е. Введенский, П. Ф. Лесгафт (медицина); М. Н. Гернет, Н. А. Гредескул, Н. И. Кареев, Е. В. Тарле (история); Ф. Д. Батюшков, С. А. Венгеров, И. А. Бодуэн-де-Куртэне, С. К. Булич (литература, филология); М. А. Рейснер, М. П. Чубинский (государствоведение); Д. Н. Овсянико-Куликовский, В. А. Вагнер, Э. Л. Радлов (психология); В. Н. Сперанский, Н. О. Лосский (философия) и другие видные российские ученые.

Прием в число студентов мужчин и женщин, окончивших средние учебные заведения всех типов, а в число вольнослушателей и лиц, не имевших среднего образования, умеренная плата за обучение и высокое качество преподавания обеспечили университету при Психоневрологическом институте широкую популярность среди интеллигентской молодежи. Он был одним из самых крупных в России высших учебных заведений (таблица № 14).

Частные университетские курсы естественных и медицинских наук в Юрьеве, учрежденные в 1908 г. профессором местного университета М. И. Ростовцевым, состояли из естественно-исторического, математического и медицинского с фармацевтическим отделением (открыт в 1910 г.) факультетов [57]. В 1917 г. курсы действовали в составе одного медицинского факультета [58]. В 1909 г. М. И. Ростовцев безуспешно ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о разрешении открыть на курсах ветеринарный факультет. Отказ мотивировался «несовместимостью» преподавания ветеринарных наук с университетским курсом по медицине [59].

На Юрьевских курсах учились мужчины и женщины со средним «домашним» и ниже среднего (по «поверочному испытанию») образованием. (таблица № 14). Преподавали им профессора Юрьевского университета. В 1912 г. курсы получили статус высшего учебного заведния. Их выпускники сдавали «окончательные испытания» в государственных экзаменационных комиссиях при Юрьевском университете [60].

По программе юридического факультета университета действовал созданный профессорами И. Х. Озеровым, А. М. Гуляевым, А. М. Калистратовым, И. М. Гольдштейном, С. А. Котляревским, Г. С. Фельдштейном Московский юридический институт (1915 г.).

---

[57] Марголин Д. Указ. соч., с. 297.
[58] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 206, д. 261, л. 2.
[59] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 118, 123 об.
[60] Марголин Д. Указ. соч., С. 297.

Таблица № 14

Контингент студентов общественных и частных высших учебных заведений университетского типа для мужчин и женщин

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на					
		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Психоневрологический институт	421	23,3	3000[1]	49,0	6212[2]	56,0
2	Частные университетские курсы в Юрьеве	420[3]	23,3	данных нет		1000	9,0
3	Юридический институт в Москве	—		—		320	3,0
	Новороссийский высший международный институт в Одессе			данных нет			
5	Высшие географические курсы при Докучаевском почвенном комитете	—		—		150	1,3
6	Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского	964[4]	53,4	3133	51,0	3361	30,0
7	Томский городской народный университет им. П. И. Макушина			данных нет			
8	Нижегородский городской народный университет	—		—		77	0,7
	Итого:	1805	100	6133	100	11120	100

[1] *По состоянию на сентябрь 1914 г.*
[2] *По состоянию на 1 января 1917 г.*
[3] *ПО состоянию на 1909/10 учебн. год.*
[4] *По состоянию на 1908/10 учебн. год.*

Источники: ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 94, л. 274; оп. 205, д. 81, л. 3 об.; оп. 226, д. 173, л. 13; д. 261, л. 2; Марголин Д. Справочник по высшему образованию для поступающих во все высшие учебные заведения. Киев, 1911, С. 297; Воробьева Ю. С. Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского.//Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. Сб. статей. М., 1979, С. 177; Нижегородский городской народный университет. Отчет за 1916—1917 учебный год. Год второй. Нижний Новгород, 1918, С. 13; Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Вып. 1. Петроград. Пг., 1920, С. 42; То же. Вып. II. Москва, М., 1922, С. 40.

Его студентами были выпускники классических гимназий и других приравненных к ним учебных заведений (таблица № 14). От женщин помимо свидетельства о среднем образовании требовалось удостоверение о сдаче дополнительный экзаменов в объеме курса мужских классических гимназий [61].

«Деятелей на поприще проведения русских политических интересов за границей» готовил Новороссийский (в Одессе) высший международный институт, открытый в 1914 г. А. В. Верцинским. Его программа включала юридические науки (общая теория права, еждународное, сравнительное, нотариальное, уголовное, административное, церковное право и др.), науки политические (социология, этнография, всеобщая история, история политических партий, всеобщая история дипломатии, национальные движения за границей), а также науки экономические. В институт принимались мужчины и женщины, окончившие средние учебные заведения. Выпускники допускались к экзаменам в государственных юридических комиссиях при университетах [62]. Слушатели могли командироваться за границу.

Подготовить специалистов для географических исследований, «столь необходимых России с ее малоизведанными окраинами и слабо изученными богатствами природы и народного творчества», — такова была цель Высших географических курсов при Докучаевском почвенном комитете (ведомство Министерства земледелия). Они открылись в 1916 г. для мужчин и женщин с образованием «не ниже среднего». Принимались на курсы и студенты высших учебных заведений. На первом году обучения слушатели получали необходимый запас знаний по физике, химии, геологии, ботанике, зоологии, анатомии, физиологии человека. II и III курсы посвящались изучению основного цикла географических наук. IV год обучения отводился изучению географии России «с широким освещением отдельных сторон русской природы и русской жизни» (климат, почвы, растительность, геоморфология и гидрология, геология, этнография, антропология, экономгеография, археология, историческая география) [63].

После Февральской революции курсы были преобразованы в Петроградский географический институт. Комиссия Временного правительства по реформе высших учебных заведений вынесла постановление об организации аналогичного института в Киеве [64].

---

[61] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 1238, л. 15.
[62] Устав Новороссийского высшего международного института. Одесса, 1916.
[63] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 1, С. 45.
[64] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 286, л. 3, 6—7 и об.

Ученых специалистов и знатоков восточной письменности, особенно еврейско-семитической, учителей «еврейских предметов» готовили Курсы востоковедения барона Д. Г. Гинцбурга (были разрешены Министерством просвещения в 1907 г., закрылись в 1916 г.). Предназначались исключительно для лиц иудейского исповедания со средним образованием любого типа. Обладавшие меньшим образовательным цензом зачислялись вольнослушателями. Абитуриенты проходили через вступительные экзамены (один из семитических языков, библейский текст на еврейском языке, один из трактатов Талмуда и пр.) [65]. Среди слушателей преобладали студенты высших учебных заведений, служащие из различных городов и мест [66].

Учебная программа курсов включала следующие предметы: курс изучения Талмуда, арабская словесность, еврейская грамматика, еврейская археология, еврейские древности, история евреев, экономическое и правовое положение евреев в Польше и Литве, философские сочинения древнееврейских авторов [67]. Преподавание велось на русском языке. Преподавали на курсах окончившие еврейско-арабский разряд восточного факультета Петербургского университета, а также отдел семитических наречий философских факультетов иностранных университетов [68]. В 1909 г. на курсах состояло 30 чел., в т. ч. 6 женщин; в 1913 г. — 17 чел., в т. ч. 2 женщины; в 1916 г. — 29 чел., в т. ч. 4 женщины [69].

Совершенно особый, новаторский тип учебного заведения, открывавшего возможность к прохождению университетской программы, представляли собой **народные университеты:** в Москве им. А. Л. Шанявского (1908 г.), в Томске им. П. И. Макушина (1915 г.), в Нижнем Новгороде (1916 г.). В декабре 1916 г. Министерство народного просвещения утвердило также уставы Киевского народного университета и Харьковского народного дома наук [70], не успевших, однако, в полной мере развернуть учебную

---

[65] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 340, л. 43 об., 167.

[66] Там же, л. 149.

[67] ЛГИА, ф. 2046, Курсы востоковедения бар. Гинцбурга, оп. 1, д. 9.

[68] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 340, л. 164.

[69] Отчеты курсов востоковедния бар. Гинцбурга за 1909—1916 гг. (ЛГИА, ф. 2046, оп. 1, д. 9, 16, 28, 33, 38).

[70] В письме от 23 марта 1917 г. в Министерство народного просвещения харьковский городской голова констатировал, что такое название было продиктовано из Петрограда как непременное условие открытия этого учебного заведения. Он просил разрешения вернуться к первоначальному названию, предусмотренному в проекте университета, ибо «Народный дом наук не может быть усвоен народной массой в подлинном его смысле» (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 647, л. 47).

деятельность. Они предназначались, в первую очередь, для тех, кто не имел среднего образования и был лишен доступа в высшую школу. Принимались сюда мужчины и женщины не моложе 16 лет без каких-либо дополнительных ограничений. Занятия в народных университетах проводились в вечернее время, поскольку слушатели совмещали учебу со службой. Крупнейшим по числу слушателей был университет им. А. Л. Шанявского (таблица № 14).

Народные университеты были созданы по инициативе и на деньги буржуазии и находились в ведении городских дум, которые формировали их попечительные советы и правления. Организационные принципы этих учебных заведений разрабатывались либеральной профессурой. Так, например, устав Университета им. А. Л. Шанявского был составлен при участии М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, К. А. Тимирязева, А. Н. Реформатского и др.[71] В уставе этого учебного заведения подчеркивалось, что он «имеет целью служить широкому распространению высшего научного образования и привлечению симпатий народа к науке и знанию»[72]. Аналогичная статья вошла и в уставы народных университетов в Томске[73] и Нижнем Новгороде[74]. Наука и знания для устроителей этих учебных заведений были «источником добра», средством обновления общественной жизни и вместе с тем «противоядием разразившимся забастовкам»[75]. Так полагал, в частности, либеральный золотопромышленник А. Л. Шанявский.

Этот тезис встретил сочувствие и в среде либералных бюрократов. Член Государственного совета Н. М. Аничков в выступлении по проекту положения о народном университете Шанявского заверял своих коллег, что с организацией этого учебного заведения «в народную среду проникнет свет знания, который озарит ее; иначе эта среда фальшиво толкует разные явления природы и разрешает понятия об условиях жизни»[76].

---

[71] Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1983, с. 244. См. также: Сперанский Н. Возникновение Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского. Историческая справка. М., 1913.

[72] ПСЗ, собр. III, т. 28, № 50520, ст. 3.

[73] ЦГИА СССР, ф. 133, оп. 155, д. 904, л. 123.

[74] Нижегородский городской народный университет. Отчет за весенний семестр. 1916 г. Год первый. Нижний Новгород, 1916, С. 7.

[75] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия I. 1907—1908. Том II. СПб., 1908, С. 461. Воробьева Ю. С. Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973, С. 14—16.

[76] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907—1908 годы. Сессия третья. Заседания 1—44 (1 ноября 1907—5 июня 1908 г.). СПб., 1908, стб. 1977.

Идея организации общедоступных народных университетов была с одобрением воспринята либеральной интеллигенцией (П. Н. Милюков — в Государственной думе, М. М. Ковалевский — в Государственном совете).

Против народных университетов выступали «правые». Университет А. Л. Шанявского — «это новый этап революционной пропаганды», результат деятельности левых, захвативших систему просвещения, заявил депутат Государственной думы В. М. Пуришкевич. С ним солидаризировались коллеги по фракции, включая Маркова 2-го и Беляева[77]. В Государственном совете противником университета А. Л. Шанявского был П. Н. Дурново[78]. Арбитром в этом споре выступил Председатель Совета Министров П. С. Столыпин, который, действуя в духе своей бонапартистской политики, одобрил идею А. Л. Шанявского о создании народных университетов.

Народные университеты были учебными заведениями и одновременно своеобразными просветительскими обществами. По своей организационной структуре они являлись учебными комбинатами, объединявшими высшую (академическое отделение), общеобразовательную среднюю (научно-популярное отделение) и многоотраслевую профессиональную (для дальнешего усовершенствования и переподготовки «людей практики») школы.

Собственно высшими учебными заведениями были академические отделения народных университетов. Как указывалось в уставах Харьковского народного дома и Томского народного университета, они были приближены по программе к университетам и рассчитаны на лиц с подготовкой в пределах средней школы[79]. Академические отделения подразделялись на группы предметов (факультеты): в Московском — на естественно-историческую и общественно-философскую (последняя подразделялась, в свою очередь, на общественно-юридический и историко-филологический циклы)[80]; в Томском — на естественно-истори-

---

[77] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1908, стб., 1994.

[78] Сабашников М. В. Указ. соч., с. 246—247. В речи по случаю открытия университета им. А. Л. Шанявского 21 июля 1911 г. попечитель Московского учебного округа А. А. Тихомиров предупредил его устроителей, что они «отвечают перед богом за те омрачения, которые могут произойти от их деятельности» (там же, С. 281).

[79] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 647, л. 15.

[80] Московский городской народный университет А. Л. Шанявского. 1916—1917 академический год. Второе издание. М., 1916, С. 6.

ческую и историко-филологическую [81]; в Нижегородском — на литературную, историческую, экономическую (в 1917 г. преобразована в общественно-юридическую) [82]. Курс обучения на академическом отделении в Московском и Томском народных университетах был 3-летним, в Нижегородском — 2-летним. Преподавание на них велось в основном по программам государственных университетов. Однако это не было полным дублированием. В Университете А. Л. Шанявского, например, читались эпизодические курсы, не предусмотренные планами других высших учебных заведений [83]. При составлении программ учитывались различные интересы слушателей, стремившихся либо получить университетское образование, либо дополнить полученное уже ими высшее образование, либо углубить свои познания в «области, которую они избрали предметом своей жизненной работы» [84]. Все это делало учебный процесс в народных университетах более чутким к социально-экономическим потребностям страны. Комиссия по организации Нижегородского народного университета записала в своем решении, что программы его «должны приспосабливаться к условиям жизни» [86].

Занятия организовывались по индиуидуальным планам, позволявшим осуществить более четкую профессиональную ориентацию слушателей (предметная система). Особенно целенаправленно этот принцип выдерживался в Нижегородском университете.

В неразрывной связи с академическими действовали научно-популярные отделения, предназначавшиеся для тех, кому не хватало среднеобразовательных знаний. В уставах Харьковского народного дома наук и Томского народного университета научно-популярное отделение определялось как «идеальная» средняя

---

[81] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 904, л. 129.

[82] Нижегородский городской народный университет. Отчет за весенний семестр 1916 г. Год первый. Нижний Новгород, 1916, с. 40—41; То же за 1916—17 учебный год. Год второй. Нижний Новгород, 1918, С. 13. В 1916 г. совет Нижегородского народного университета постановил открыть еще и агрономический факультет. Но это решение не было выполнено из-за недостаточной подготовки слушателей и сложностей, связанных с оборудованием лабораторной базы факультета (Отчет за весенний семестр 1916 года, С. 56—57).

[83] Подробно см.: Воробьева Ю. С. Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского//Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. Сб. статей. М., 1979, С. 172—174.

[84] Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского 1916—1917 академический год. Год 9-й. Второе издание. М., 1916, С. 6.

[85] Нижегородский городской народный университет. Отчет за весенний семетр 1916 г., С. 7—8.

школа, но без древних языков (латынь — для желающих) [86]. Комиссия по организации народного университета в Нижнем Новгороде видела задачу его среднеобразовательной ступени в том, чтобы приблизить высшее образование к типу школ, наиболее доступных массе населения — к 4-классной прогимназии и начальному училищу [87].

В программу деятельности народных университетов входили и научные исследования, проводившиеся силами преподавательского корпуса. В полной мере эта задача была реализована в Университете А. Л. Шанявского [88]. Он превратился в крупный научный центр в области естествознания (физика, биология). Высок был его авторитет и в области преподавания гуманитарных наук. Достичь этого университету позволила персоклассная преподавательская коллегия. Здесь работали такие выдающиеся естествоиспытатели, как П. Н. Лебедев, П. П. Лазарев, Ю. В. Вульф, Н. К. Кольцов, А. Н. Реформатский, ученицы В. О. Ковалевского — О. В. Ермолова, М. В. Павлова. Среди преподавателей общественных наук были А. А. Мануйлов, А. А. Кизеветтер, П. Н. Сакулин, М. Н. Гернет и др. Преподавательские коллегии академических отделений прочих народных университетов были сформированы в основном из деятелей местных высших учебных заведений. В Нижегородском народном университете преподавали московские профессора и приват-доценты.

В ряду учебных заведний, работавших по программе, близкой к университетской, особняком стояли **археологические институты** в Петербурге (1877 г.) и Москве (1907 г.). Они готовили научных работников. В 1909 г. Ученый комитет Министерства народного просвещения квалифицировал московский институт как подобие историко-археологического факультета или историко-археологического отделения историко-филологического факультета университета [89]. Эта характеристика применима и к институту петербургскому. В официальном справочнике о Московском археологическом институте причина создания обоих учебных заведений определялась следующим образом: «Круг познаний, требуемых от археолога и от археографа, настолько специален, что требует-

---

[86] ЦГИА СССР, ф. 733, оп 156, с. 647, л. 15.

[87] Нижегородский городской народный университет. Отчет за весенний семестр 1916 г., С. 7.

[88] Подробнее см.: Воробьева Ю. С. Московский народный университет им А. Л. Шанявского//Государственное руководство высшей школой... С. 184—186.

[89] ЦГИА СССР, ф. 889, Ардашевы, оп. 1, д. 37, С. 1.

ся особый цикл лекций и особые практические занятия. Посему нельзя было ограничиться только расширением историко-филологического факультета университетов, а потребовалось учреждение нового института, сперва в С.-Петербурге и ныне в Москве» [90].

Основателем Петербургского археологического института был известный археограф Н. В. Калачов, директор архива Министерства юстиции. Важнейшую причину плачевного состояния архивного дела в России он видел в отсутствии специально подготовленных архивариусов. В 1873 г. созданная по его инициативе Временная комиссия об устройстве архивов высказалась за создание Археологического института, аналогичного французской Школе хартий. Первоначально предполагалось открыть его как государственное учреждение. Однако отказ в казенной субсидии побудил Калачова добиться открытия этого учебного заведения на общественные пожертвования, которые и стали постоянным финансовым источником деятельности Петербургского археологического института [91]. Он готовил археографов-архивистов-специалистов» по русской старине для занятия мест в архивах, правительственных, общественных, частных» [92]. Курс обучения в нем был 2-летним.

Основателями Московского археологического института стали некоторые профессора и любители старины во вглаве с бывшим министром народного просвещения ген. В. Г. Глазовым [93]. Он имел более широкие, нежели институт в Петербурге, задачи. Первостепенное значение придавалось «разработке археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами» [94]. Более многообразными были и просветительские цели Московского археологического института. Он готовил специалистов не только для государственных и частных архивов, но и для музеев и библиотек [95], причем не только археографов, но и археологов. Институт состоял из археологического и археографического (архивного) отделений [96]. Курс обучения в нем был 3-летним [97]. Таким образом, Московский археологический институт сочетал

---

[90] Справочник Московского археографического института. М., 1909, С. 5.
[91] Об открытии в С.-Петербурге Археологического института. СПб., 1877.
[92] ПСЗ, собр. II, т. 4, № 60369, ст. 1.
[93] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, л. 63.
[94] ПСЗ, собр. III, т. 27, № 28844, ст. 1.
[95] Там же, § 1.
[96] Там же, § 7.
[97] Там же, § 5.

в себе черты научно-исследовательского учреждения и высшего учебного заведения.

Археологические институты предназначались, прежде всего, для окончивших высшие учебные заведения любого профиля, которые зачислялись в «действительные студенты» [98]. Среди студентов Петербургского археологического института в 1898—1900 гг., например, были выпускники университетов, военных и духовных академий, Академии художеств, Училища правоведения, Александровского и Демидовского лицеев, историко-филологических институтов, петербургских горного, технологического, лесного, электротехнического, Рижского политехнического, Харьковского ветеринарного институтов, Морского технического училища [99]. Не имевшие высшего образования зачислялись вольнослушателями. К последней категории относились, например, студенты различных высших школ.

Выпускники Петербургского археологического института по окончании 2-летнего курса получали аттестаты и звание «действительный член» (имевшие высшее образование) и «сотрудник» (вольнослушатели) [100]. Выпускники института в Москве после защиты диссертации получали звание «ученый археолог» и «ученый архивист». Они зачислялись в состав «членов института». Не защитившие диссертации получали звание «окончивший курс института» и зачислялись в состав «членов-сотрудников» [101]. Вольнослушатели по прохождении полного курса и защите диссертации получали звание «окончивший институт» и зачислялись в «члены-сотрудники». Наиболее успевавшим из них совет института мог присвоить звание «ученый археолог» или «ученый архивист». Не защитивший диссертацию вольнослушатель получал только звание «окончивший институт» [102]. Студенты высших учебных заведений все названные звания получали только по предъявлению диплома. Оба института пользовались устойчивой популярностью среди российских интеллигентов и не испытывали недостатка в учащихся (таблица № 15).

Институты работали по разным учебным программам. В Петербургском археологическом преподавались только предметы,

---

[98] ПСЗ, собр. III, т. 32, № 37710; ПСЗ, собр. III, т. 27, № 28844, 2, 4.

[99] Отчет о состоянии Археологического института в 1898—99 годы//Вестник археологии и истории. Вып. XII. СПб., 1899, С. 6; То же, за 1899—1900 гг.// Вестник археологии и истории. Вып. XIV. СПб., 1901, С. 12.

[100] ПСЗ, собр. II, т. 4, № 60369, ст. 6.

[101] ПСЗ, собр. III, т. 27, № 28844, § 3.

[102] Там же, § 4.

Таблица № 15

Контингент учащихся археологических институтов в Петербурге и Москве

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на							
		1897/88 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Петербургский археологический институт	148	100	615	73,0	542[1]	35,5	203	16,2
2	Московский археологический институт	—		228	27,0	984[2]	64,5	1052	83,8
	Итого:	148	100	843	100	1526	100	1255	100

[1] *По состоянию на 1912/13 учебный год.*
[2] *То же.*

Источники: Вестник археологии и истории. Вып. XVI. СПб., 1904, С. XI; То же. Вып. XX. СПб., 1911, С. III; То же. Вып. XXII. СПб., 1914, С. 17; Отчет о состоянии Московского археологического института за 1907/1908 академический год. М., 1910, С. 7; То же, за 1912/1913 академический год. М., 1914, С. 38; Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Вып. I. Петроград. Пг., 1920, С. 54, 82; То же. Данные к 1 января 1918 г. Москва. М., 1922, С. 32.

необходимые археографам и архивистам: палеография, в особенности русская, русские древности по частному и общественному быту (до XVIII в.), хронология, генеология, нумизматика, сфрагистика, геральдика, архивоведение, древняя география (до XVIII в.) [103]. Значительно шире была программа преподавания в Московском археологическом институте, поскольку его задача заключалась не только в подготовке архивистов-археографов, но и археологов. Она включала в себя изучение археологии, истории искусства и архитектуры, вспомогательных исторических дисциплин (помимо преподававшихся в Петербургском археологическом институте — эпиграфика, дипломатика, метрология и хронология), архивоведния, библиотеко- и музееведения, русской истории (история учреждений и пр.), изучения юридических древностей, истории русского языка и русской литературы, исторической географии, этнографии [104].

В Московском археологическом институте более основатель-

[103] ПСЗ, собр. II, т. 4, № 60369, ст. 9.
[104] ПСЗ, собр. III, т. 27, № 28844, § 8.

ными, нежели в Петербургском, были и практические занятия. Помимо лекций, слушатели участвовали в осмотрах исторических памятников, архивов, музеев (как в России, так и за рубежом), вели самостоятельную архивно-изыскательскую работу, производили археологические раскопки. На III курсе они готовили диссертации.

В обоих археологических институтах преподавали известные историки, филологи, литературоведы, искусствоведы. В Петербургском археологическом в разное время работали С. Ф. Платонов, Н. И. Веселовский, В. И. Сергеевич, Н. П. Лихачев, А. С. Лаппо-Данилевский, В. Н. Перетц, Л. О. Миллер, И. В. Ягич, Н. К. Рерих и другие. Среди преподавателей Московского археологического института были А. И. Соболевский, Р. Ф. Брандт, И. В. Цветаев, С. И. Соболевский, В. К. Мальберг, В. А. Городцов, А. И. Успенский, Н. Н. Фирсов, Н. И. Новосадский и другие. Помимо учебных занятий, преподаватели Московского археологического института читали публичные лекции по археологии и археографии, причем не только в Москве, но по приглашению местных архивных комиссий и в Смоленске, Витебске, Калуге, Нижнем Новгороде, Ярославле.

В 1917 г. Комиссия Временного правительства по реформе высшей школы утвердила положение о Киевском археологическом институте [105] и намеревалась рассмотреть проект создания такого же института в Казани [106].

И Петербургский, и Московский археологические институты являлись своеобразными научными обществами, объединявшими в качестве членов специалистов-профессионалов по древнерусской истории, филологии, искусствоведению (преимущественно профессора и преподаватели высших учебных заведений), собственных выпускников, просто любителей и покровителей отечественной старины. В Петербургском археологическом институте последние подразделялись на действительных, почетных членов и сотрудников. Первая, самая многочисленная категория состояла из выпускников института и «изъявивших в особой подписке» желание содействовать своими трудами его целям [107].

В число почетных членов принимались те, кто оказал институту «значительные нравственные услуги» или ежегодно вносил на его счет не менее 500 руб. [108]. Среди таковых, например, были:

---

[105] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 315, л. 18.
[106] ЦГИА СССР, ф. 1037, Рождественский С. В., оп. 1, д. 18, л. 3.
[107] ПСЗ, собр. II, т. 4, № 60369, ст. 7.
[108] Там же, ст. 14.

вел. кн. Сергей Александрович, министр внутренних дел, а затем Председатель Совета министров П. А. Столыпин, министры народного просвещения Г. Э. Зенгер, П. М. Кауфман, А. Н. Шварц, Л. А. Кассо. Наука и искусство были представлены вице-президентом Академии художеств И. И. Толстым, директором имп. Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, председателем Военно-исторического общества Д. А. Скалоном, историком С. Ф. Платоновым, академиком живописи М. П. Боткиным. Немногочисленные лица, не входившие в штаты института, но оказавшие ему содействие своими трудами и исследованиями, а также денежными пожертвованиями, получали звание «сотрудник института» [109].

Более многоступенчатой представляется иерархия членов Московского археологического института: члены-учредители (подписавшие проект положения об институте) [110]; почетные члены, известные своими трудами в области археологии, оказавшие институту «особые услуги», жертвователи (не менее 5 тыс. руб. единовременно или по 500 руб. ежегодно) [111]; действительные члены, окончившие институт с защитой диссертации; члены-сотрудники, окончившие институт без защиты диссертации [112]. Действительными членами и членами-сотрудниками могли стать также не обучавшиеся в институте, но «приобретшие известность своими учеными трудами и познаниями в области археологии» [113].

Это была более «открытая», нежели в Петербургском археологическом институте, и не столь «парадная» коллегия. Наряду с членами царской фамилии, чиновниками высшего ранга, церковными иерархами в нее входило значительное число представителей ученого корпуса.

Постоянными пожертвованиями значительных денежных сумм покупали себе право на почетное членство в институте филантропствовавшие любители «русской старины» из среды крупной российской буржуазии — Н. И. Гучков, С. П. Рябушинский и другие.

---

[109] Там же, ст. 8.
[110] ПСЗ, собр. III, т. 27, № 28844, § 17.
[111] Там же, § 13, 14.
[112] Там же, § 3.
[113] Там же, § 16.

2.

Педагогические высшие учебные заведения

В 1906—1917 гг. их насчитывалось 6 (5 общественных и частное). До октября 1917 г. дожили пять из них. Они являлись центрами разработки и преподавания теоретических и прикладных проблем школьной и дошкольной педагогики, возрастной физиологии и психологии. В этой области они удерживали преоритет перед правительственными [114] и «вольными» высшими учебными заведениями университетского типа, которые готовили педагогов.

Центральное по научной значимости место в этой группе учебных заведений занимала Петербургская педагогическая академия, созданная в 1907 г. по решению Всероссийского съезда по педагогической психологии при Лиге образования [115].

Академия являлась «высшими курсами» ведомства Министерства народного просвещения для подготовки «опытных и знающих экспериментаторов по педагогическим вопросам», а именно высококвалифицированных педагогов, экспертов по различным вопросам народного образования, организаторов внешкольного просвещения, директоров учебных заведений, школьных врачей-гигиенистов [116]. Слушателями Педагогической академии были мужчины и женщины — выпускники российских и зарубежных высших учебных заведений. Не обладавшие этим образовательным цензом принимались вольнослушателями (таблица № 16).

Основными предметами, преподававшимися в академии, были педагогическая психология, история педагогики, школьная гигиена, патологическая гигиена, школоведение. Поскольку для их усвоения требовалась подготовка по анатомии, физиологии, гистологии, общей психологии, истории, философии, энциклопедии права, то при академии читались специальные курсы по этим дисциплинам. Слушателям предлагалась специализация в области преподавания: 1) педагогики и психологии, логики; 2) русского языка и словесности; 3) математики и физики; 4) естествознания; 5) географии; 6) исторических и юридиче-

[114] За исключением Педагогического института П. Г. Щелапутина, где учащиеся получали основательную подготовку по теоретической и прикладной педагогике.

[115] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 195, л. 13 об. — 14 об.

[116] Марголин Д. Указ. соч., С. 287.

Таблица № 16

Контингент учащихся общественных педагогических высших учебных заведений

№№	Учебные заведния	Число учащихся по состоянию на					
		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Московские педагогические курсы при Обществе воспитательниц	1138	80,7	878	71,0	500	94,5
2	Петербургские педагогические курсы Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию	56*	3,9	сведений нет		сведений	нет
3	Киевский женский Фребелевский институт	69	4,9	338	27,3	сведений	нет
4	Академия педагогических наук Лиги образования в Петербурге	148	10,2	сведений нет		сведений	нет
5	Педагогические курсы Общества экспериментальной педагогики в Петербурге	—		21	1,7	29	5,5
	Итого:	1411	100	1237	100	529	100

* *По состоянию на 1905/06 учебный год.*
** *По состоянию на 1915 г.*

Источники: Сороколетие Московских педагогических курсов при Обществе воспитательниц и учительниц 1872—1912 гг. М., 1912, С. 48; Отчет Московских женских педагогических курсов при Обществе воспитательниц и учительниц за 1914 г. М., 1915, С. 8; Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 2. Москва. Данные к 1 января 1918 г. М., 1922, С, 36; Отчет Совета С.-Петербургского Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию за 1905—1906 г. СПб., 1907, С. 7; То же за 1911—1912 г. СПб., 1913, С. 1; Отчет о деятельности Киевского Фребелевского общества для содействия делу воспитания 1908/1909 учебный год. Киев, 1910, С. 6; То же за 1910/1911 учебный год. Киев, 1913, С. 15; То же за 1912/1913 и 1913/1914 учебные годы. Киев, 1915, С. 40; Техническое и коммерческое образование, 1910, № 5, с. 59; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 195, л. 17; ЦГИА СССР, оп. 155, д. 525, л. 91.

ских наук; 7) новых языков; 8) истории народного образования. С 1910 г. была введна специализация в области искусства. При академии действовали психологическая лаборатория, гигиенический кабинет, экспериментальная школа [117]

Педагогическая академия много сделала для организации

[117] Техническое и коммерческое образование, 1910, № 5, С. 59.

и проведения летних учительских курсов. Популярностью среди учителей пользовались ее труды — «Педагогическая академия в очерках и монографиях» (т. 1—5. СПб., 1909—1914). По просьбе Самарского губернского земства, преподавателями академии был составлен проект организации Женского педагогического института в память 19 февраля 1861 г. Он был единогласно одобрен в 1911 г. общим земским собранием [118].

В разное время в Педагогической академии преподавали: М. М. Ковалеский, А. А. Корнилов, Е. В. Тарле, Н. И. Кареев, С. Ф. Ольденбург, А. С. Лаппо-Данилевский, И. М. Гревс (история), Н. А. Гредескул, И. Х. Озеров (правоведение), А. А. Шахматов, И, А. Бодуэн-де-Куртене, Д. Н. Овсяников-Куликовский, С. А. Венгеров (филология), Л. И. Петражицкий, Н. О. Лосский (философия), В. И. Вернадский (естествознание). И. П. Павлов (физиология) и другие крупные ученые.

В 1911 г. совет Педагогической академии представил в Министерство народного просвещения проект нового устава. В приложенной к нему докладной записке указывалось на недостаток в России учителей, «хорошо понимающих основы воспитания и объединенных знанием главнейших начал современной педагогики» [119]. Их подготовке мешало отсутствие авторитетного педагогического центра: «Академия наук не берет на себя труда разработки педагогических проблем и не содействует созданию в России педагогической науки. Университеты не имеют ни особых кафедр педагогики, ни даже тесно связанных с ними кафедр психологии. Если где и читают курсы педагогики (например, в Казани и Москве), то эти курсы занимают довольно одинокое положение, лишающее их широкого влияния на постановку школьного дела в России». Не решали этой проблемы, подчеркивалось в записке, и государственные высшие педагогические учебные заведения (историко-филологические институты, Женский педагогический институт), т. к. они преследовали исключительно учебные цели. Не смогли стать центрами, авторитетными в педагогическом отношении, и кафедры педагогики духовных академий, поскольку единственный профессор каждой из них «затерялся среди богословских и филологических наук» [120].

Совет академии предлагал преобразовать ее в центр развития науки о воспитании. В качестве важнейшего условия для

---

[118] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 195, л. 20.
[119] Там же, л. 12.
[120] Там же, л. 12 об.

этого выдвигалось наделение ее правом присуждения ученой степени доктора педагогики после защиты диссертации [121]. Обладая такой прерогативой, академия стала бы готовить кадры преподавателей педагогики для высших педагогических учебных заведений и университетов [122]. Исполнение этого плана ставилось в зависимость от выделения государственных субсидий.

Изложенные предложения были безоговорочно отвергнуты Министерством народного просвещения. Основанием к этому стало экспертное заключение академика Э. Л. Радлова. Он полагал, что новый устав в сочетании с государственными ассигнованиями превратил бы академию «в частное учебное заведение, содержимое на казенные средства и пользующееся всеми правами правительственного учреждения, стоящего вне всякого контроля со стороны министерства» [123]. Такая бесконтрольность представлялась Радлову особенно опасной ввиду того, что многие члены руководившей Педагогической академией Лиги образования были «политически неблагонадежны», поскольку принадлежали к кадетской партии [124]. Решительно возражал оппонент и против превращения академии в центр научной аттестации, видя в этом покушение на привилегию университетов. По его мнению, учебная программа Педагогической академии была по уровню ниже университетской, а состояние педагогики не давало оснований отнести ее к разряду наук, по которым присваивалась докторская степень. В 1916 г. Педагогическая академия была переподчинена Обществу экспериментальной педагогики, в составе которого и действовала до 1917 г.

В 1913 г. в 4-летнее высшее учебное заведение были преобразованы Петербургские педагогические курсы Общества экспериментальной педагогики (осн. в 1910 г.), состоявшие в ведении Министерства народного просвещения. Их слушателями были мужчины и женщины с образованием не ниже среднего. В отличие от других высших учебных заведений в них принимались и выпускники учительских семинарий, сдававшие, правда, вступительные экзамены [125]. В 1913 г. на первый курс были приняты по рекомендации ряда губернских земств 14 народных учителей [126].

---

[121] Там же, л. 22.
[122] Там же, л. 22 об.
[123] Там же, л. 48 об.
[124] Там же, л. 51 об.
[125] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 525, л. 77 об.
[126] Там же, л. 91 об.

Слушатели посещали лекции, составляли и обсуждали рефераты, участвовали в психологических экспериментах, старшекурсники бывали на уроках в коммерческом училище. В 1916 г. первому выпуску курсов Министерство народного просвещения разрешило сдачу окончательных экзаменов в испытательных комиссиях при университетах по предметам словесного отделения [127].

Курсы были малолюдны (таблица № 16): за 1913—1915 гг. через них прошло всего 50 чел., многие из которых выбыли «за переходом в другие высшие учебные заведения и призывом на военную службу».

В 1906—1914 гг. в Москве действовали вечерние 2-годичные Женские общеобразовательные педагогические курсы, учрежденные А. Д. Алферовым, готовившие преподавательниц и воспитательниц для средних учебных заведений. «Действительными слушательницами» на курсы принимались выпускницы средних учебных заведений. Программа этого учебного заведения включала историю педагогических идей, физиологию, психологию, гигиену, историю школы, методику преподавания русского языка, словесности и арифметики, языковедние, историю русской и иностранной литературы, историю искусств, законоведение, политическую экономию, математику, русскую и всеобщую историю [128].

Неправительственной педагогической школе принадлежал приоритет перед государственной и в подготовке специалистов высшей квалификации для начальной школы и дошкольного воспитания. Среди учебных заведений этого профиля наибольшей известностью пользовались Московские педагогические курсы им. Д. И. Тихомирова при Обществе воспитательниц и учительниц, о чем свидетельствуют данные о контингенте слушательниц этого учебного заведения (таблица № 16). Они были основаны в 1872 г, и первоначально ставили скромную задачу: «дать учительницам недостающее им теоретическое и практическое знакомство с педагогикой и методами преподавания предметов первоначального обучения». В 1891—1907 гг. учебная программа курсов была существенно расширена (до 18 общеобразовательных и специальных педагогических дисциплин). Изменились и их задачи. Теперь речь шла уже о том, чтобы «приготовить широко и всесторонне образованных педагогов и обосновать их педагоги-

[127] Там же, л. 92—93 об.
[128] Шоколь К. Р. Указ. соч., С. 105.

ческую подготовку на историческом, психологическом и философском фундаменте»[129].

В последующие годы курсы претерпели ряд существенных организационных перестроек. К 1912 г. их учебная программа включала уже до 50 предметов: общую и педагогическую психологию, училищеведение, педагогическую патологию, гигиену, обзор детской литературы, историю и методику физических упражнений, методику преподавания русского языка, арифметики, истории, географии, рисования, подвижных игр, выразительного чтения, ручного труда и др. Соответственно усложнилась и организационная структура курсов, где были отделения: 1) народных учительниц (3-годичное); 2) предметных учительниц младших классов средних учебных заведений и школ повышенного типа (2-годичное; дробилось на словесный, исторический, физико-математический, биологический, географический циклы); 3) руководительниц детских садов; 4) специально-педагогическое; 5) руководительниц детской гимнастикой и играми (все одногодичные)[130].

С 1908 г. при курсах действовал детский сад, а с 1911 г. — институт детской психологии и неврологии, руководимый выдающимся педагогом Г. И. Россолимо и содержавшийся на его средства[131]. Среди преподавателей курсов были Ю. И. Айхенвальд (русская литература), П. П. Блонский (история педагогических идей), В. Н. Бочкарев (русская история), С. С. Розанов (всеобщая литература), М. А. Чехова (дошкольное воспитание), Н. В. Чехов (организация школьного дела), Г. И. Рассолимо (детская патология)[132].

Сходными по задачам с Тихомировскими были Петербургские педагогические курсы (для женщин и мужчин) Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию (основаны в 1872 г., преобразованы в высшие 3-летние в 1907 г.) и 2-летний Женский Фребелевский институт Киевского Фребелевского общества для содействия делу воспитания (осн. в 1907 г.). В отчете Петербургских фребелевских курсов за 1907/08 учебный год указывалось, что они преследуют цель широкой научной подготовки слушателей, т. к. предстоящая им педагогическая дея-

---

[129] Сороколетие Московских педагогических курсов при Обществе воспитательниц и учительниц. 1872—1912 гг. М., С. 33.
[130] Там же, С. 45.
[131] Там же.
[132] Московские женские педагогические курсы при Обществе воспитательниц и учительниц. Отчет за 1914 г. М., 1915, С. 14.

тельность «не будет ограничиваться сферой одной лишь какой-нибудь специальности, а будет охватывать все воспитание и образование ребенка» [133]. Киевский институт на первый план выдвигал «целый ряд нучных дисциплин, необходимых учительнице, желающей стоять на должном уровне современных педагогических требований» [134].

И петербургские курсы, и киевский институт имели сходные учебные программы по педагогическим и методическим дисциплинам, состоявшие из следующих предметов: педагогика, психология, физиология человека, гигиена, патологическая педагогика, сведения о детских болезнях, особенно инфекционных, сведения о методах ухода за больными детьми, теория фребелевской системы воспитания, методика преподавания русского языка, арифметики, пения, рисования, лепки, гимнастики, обзор детской литературы. Программа педагогических курсов в Петербурге включала в себя и значительный цикл общеобразовательных гуманитарных (история культуры, искусства, философии, русская литература), естественных (физика, химия, минералогия в связи с геологией и палеонтологией, ботаника, зоология, землевладение) предметов [135].

Оба учебных заведения имели основательную учебно-практическую базу. При курсах в Петебурге действовали детский сад и образцовая начальния школа. При институте в Киеве, помимо этих учреждений, функционировала психологическая амбулатория для трудновоспитуемых детей [136]. Оба ученых заведения имели немногочисленный, но устойчивый контингент слушательниц (таблица № 16).

2,

Высшие учебные заведения для подготовки деятелей искусств

В неправительственном секторе высшей школы было сосредоточено фактически все высшее образование в области музыкального и театрального искусства и искусствознания.

В состав Русского музыкального общества входили консер-

[133] Отчет совета С.-Петербургского Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию за 1907—1908 год. СПб., 1909. С. 10.
[134] Марголин Д. Указ. соч., С. 247.
[135] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 195, д. 717, л. 59 об; 147 об.
[136] Марголин Д. Указ. соч., С. 247.

ватории в Петербурге (1862 г.), Москве (1866 г.), Киеве (1912 г.), Одессе (1913 г.), Саратове (1912 г.). Они являлись «высшими специальными учебно-музыкальными учреждениями, имевшими целью образовывать оркестровых исполнителей, виртуозов на инструментах, концертных певцов, драматических и оперных артистов, капельмейстеров, учителей музыки» [137]. Это были крупные учебные заведения (таблица № 17), куда принимались через конкурсные испытания мужчины и женщины, обладавшие «данными к развитию художественных талантов, например, прекрасным голосом». Образовательный ценз абитуриентов должен был быть не ниже курса мужских и женских прогимназий. Недостаток общеобразовательной подготовки учеников восполнялся

Таблица № 17

Контингент студентов высших учебных заведений для подготовки специалистов в области искусств и искусствознания

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Петербургская консерватория	771	39,1	1378	47,1	2389[1]	33,2	1136	22,5
2	Московская консерватория	454	23,0	617[2]	21,1	1203[3]	16,7	1000	19,8
3	Киевская консерватория	—		—		895	12,5	909[4]	18
4	Одесская консерватория	—		—		836	11,6	1296[5]	25,7
5	Саратовская консерватория	—		—		600[6]	8,4	сведений	нет
6	Московское музыкально-драматическое училище	336	17,0	452	15,5	726	10,1	сведений	нет

[1] *По состоянию на 1915/16 уч. год.*
[2] *По состоянию на 1905/06 уч. год.*
[3] *По состоянию на 1915/16 уч. год.*
[4] *По состоянию на 1914/15 уч. год.*
[5] *По состоянию на 1915/16 уч. год.*
[6] *По состоянию на 21 октября 1912 г.*

[137] ПСЗ, собр. II, т. 53, № 58592, ст. 1.

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на							
		1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
7	Московское училище живописи, ваяния и зодчества	412	20,9	477	16,3	540[7]	7,5	500	10,0
8	Петроградский институт истории искусства	—		—		—		100	4,0
	Итого:	1973	100	2924	100	7189	100	4941	100

[7] *По состоянию на 1 сентября 1914 г.*

Источники: Очерк пятидесятилетия деятельности С.-Петербургской консерватории. Пг., 1914, с. 81; ЛГИА, ф. 361, Петербургская консерватория, оп. 11, д. 620, л. 21; Отчет Московского отделения Русского музыкального общества за 1897/1898 г. М., 1898, С. 7; То же за 1905—1906 г. М., 1906, С. 125; То же за 1915/1916 учебный год. М., 1916; Наука в России. Справ. ежегодник. Вып. I. Петроград. Данные на 1 января 1918 г. Пг., 1920, С. 63, То же. Вып. 2. Москва, М., 1922, С. 34, 35; Отчет Киевского отделения Русского музыкального общества и учрежденной при нем Киевской консерватории за 1913—1914 г. Киев, 1914, С. 10; То же за 1914—1915 г. Киев, 1916, С. 10; Отчет Одесского отделения имп. Русского музыкального общества и состоящей при нем Консерватории за 1913—1914 год. Одесса, 1914, С. 69; То же за 1915—1916 год. Одесса, 1916, С. 18; Торжество открытия Саратовской консерватории имп. Русского музыкального общества 21 октября 1912 г. Саратов, 1913, С. 8; Отчет музыкально-драматического училища Московского филармонического общества за 1899—1900 учебный год. М., 1900, С. 8; То же за 1907—1900 учебный год. М., 1909, С. 15; То же за 1911—1912 учебный год. М., 1912, С. 9; Отчет Московского художественного общества и состоящего при нем Училища живописи, ваяния и зодчества за 1899—1900 г. М., 1899, С. 20; То же за 1907—1908 г. М., 1909, С. 65; То же за 1914—1915 г. М., С. 58.

преподаванием «научных предметов» по программе средних учебных заведений [138].

В составе Московского филармонического общества действовало Музыкально-драматическое училище (1878 г.). Оно состояло из двух отделений: музыкального для подготовки певцов, инструменталистов, теоретиков музыки, композиторов и драматического — для подготовки актеров драматических театров. С 1903 г. при училище действовали общеобразовательные классы с программой 7-классной женской гимназии [139]. По числу учащихся это учебное заведение мало уступало некоторым периферийным консерваториям (таблица № 17).

[138] Там же, ст. 24, 25.

[139] Отчет музыкально-драматического общества за 1902—1903 учебный год. М., 1904, С. 83.

Выпускниками музыкально-драматического училища были многие выдающиеся музыканты, например, Л. В. Собинов, В. С. Калинников, драматические актеры Е. К. Лешковская, О. Л. Книппер-Чехова, И. М. Москвин, В. Э. Мейерхольд. Преподаватели в нем, например, В. И. Немирович-Данченко, А. И. Южин, О. А. Правдин.

В составе Московского художественного общества действовало Училище живописи, ваяния и зодчества (осн. в 1843 г.). Пройдя через неоднократные реорганизации, оно к концу XIX в. превратилось фактически (но не юридически) в высшее учебное заведение, учебный курс которого по содержанию был «не ниже курса, проходимого в Высшем училище при имп. Академии художеств». На архитектурном же отделении он был даже выше, поскольку на его освоение требовалось не 5, а 6 лет. Эта констатация заключалась в одном из безрезультатных ходатайств Московского художественного общества о законодательном преобразовании училища в высшее учебное заведение [140].

Училище состояло из общеобразовательного и художественного отделений, прохождение которых было не параллельным, а последовательным (с 1898 г.). Цель первого заключалась в том, чтобы дать будущим художникам общее среднее образование. Второе отделение давало специальное образование в области живописи, ваяния и зодчества. Будущие живописцы и ваятели обучались 4 года, зодчие — 6 лет. [141] Училище было крупной художественной школой, по числу учеников значительно обгонявшей своего академического собрата (таблица № 17).

Не менее представительной, чем в Петербурге, была и его преподавательская коллегия. В 1898/99 учебном году, например, в нее входили академики живописи А. Е. Архипов, Н. А. Касаткин, И. И. Левитан, В. А. Серов, художники С. А. Коровин, Л. И. Пастернак, скульптор П. П. Трубецкой, академики архитектуры Л. Г. Васильев, Ф. И. Дворжецкий-Богданович, С. У. Соловьев, преподаватели общеобразовательного отделения профессора В. О. Ключевский, А. И. Кирпичников.

Подготовкой искусствоведов был занят Институт истории искусств (1916 г.) в Петрограде. Учившиеся в нем женщины и мужчины со средним и высшим образованием в течение 3-х лет

---

[140] О преобразовании Московского училища живописи, ваяния и зодчества в высшее учебное заведение и о рассмотрении проекта устава и штата Московского художественного общества и состоящего при нем училища художества М., 1908, С. 32.

[141] Там же, С. 31—32.

специализировались на отделениях русского и византийского искусства, древнего искусства (Восток, Греция, Рим), западноевропейского искусства, истории и теории музыки [142]. При институте устраивались эпизодические курсы искусствоведческой подготовки для преподавателей средних и высших учебных заведений.

4.

Народнохозяйственные высшие учебные заведения

В 1910—1916 гг. в России действовало 27 общественных и частных высших учебных заведений, готовивших специалистов для народного хозяйства (см. приложение 2, 3). В 1917 г. таковых осталось 16.

Заметное место среди них, да и в отечественной высшей школе в целом, принадлежало **коммерческим школам**, число которых к 1913 г. достигло 15. Однако до февраля — октября 1917 г. «дожили» только 6 — в Москве, Киеве, Харькове, Петербурге. Все они (за исключением одного) были подотчетны Министерству торговли и промышленности. Экономико-коммерческое отделение действовало также в составе приуниверситетских Киевских женских курсов.

Высшая коммерческая школа обеспечивала капиталистическое хозяйство специалистами по торговле (включая внешнюю) и промышленности, банковско-страховому, кооперативному делу, в области коммунально-муниципальных и административных служб. Буржуазия, в первую очередь купечество, немало сделала для развития высшей коммерческой школы. «Самым выдающимся явлением последних лет в области профессионального образования следует признать развитие интереса к высшему коммерческому образованию в среде торгово-промышленного класса», — писал в 1915 г. журнал «Техническое и коммерческое образование». В этом интересе его редакции виделся зримый признак того, что «купечество осознало себя как класс общества, могущий стоять на одной из верхних ступеней общественного развития» [143].

Вопрос о высшем коммерческом образовании вызрел «в недрах купеческих организаций» [144]. Коммерческие институты рас-

[142] Устав Института истории искусств. Пг., 1916, С. 2.
[143] Техническое и коммерческое образование, 1915, № 4, С. 6—7.
[144] Там же, С. 8.

сматривались торгово-промышленной общественностью как чисто корпоративные учебные заведния. «В настоящее время в крупных торговых и фабричных фирмах уже нельзя обойтись без научно подготовленных специалистов и техников»[145], — утверждал в 1911 г. депутат Государственной думы М. Я. Капустин. Член Государственного совета от Академии наук и университетов А. В. Васильев полагал, что коммерческие институты будут «укреплять преемственные поколения лиц, ведущих коммерческое дело»[146].

Проблемами высшего коммерческого образования занимались, в первую очередь, биржевые комитеты, городские купеческие общества, состоявшие «из самих вдохновителей русской торговли»[147], общества распространения коммерческого образования, всероссийские и региональные торгово-промышленные съезды. На деньги купцов и промышленников были созданы крупнейшие и самые жизнеспособные коммерческие институты. Буржуазия стремилась к наращиванию их числа[148], заботилась (и небезуспешно) об укреплении их юридического статуса, уделяла немало внимания усовершенствованию их организационного устройства, научной и учебной деятельности.

Широкой популярностью высшее коммерческое образование пользовалось и у буржуазной интеллигенции. По ее инициативе в 1905—1912 гг. было создано большинство (правда, недолговечных из-за финансовых неустройств) коммерческих учебных заведений высшего типа (см. приложение 3).

Существенна роль в строительстве высшей коммерческой школы профессоров казенных университетов и институтов. Они нанимались буржуазией в качестве специалистов для разработки проектов организации коммерческих высших учебных заведений и составляли преподавательский корпус последних. Профессорам, преподавашим в коммерческих школах, устанавливались более щедрые, нежели в казенных высших учебных заведениях, оклады.

Идея полноправного высшего коммерческого образования встретила противодействие в среде крайних консерваторов, кото-

---

[145] ЦГИА СССР, ф. 1278, Государственная дума, оп. 2, д. 3557, л. 111 об.

[146] Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1911—12. Сессия седьмая. СПб., 1912, стб. 33825.

[147] Техническое и коммерческое образование, 1915, № 4, С. 10.

[148] В апреле 1914 г, журнал «Техническое и коммерческое образование» (№ 4) сообщал, что желание открыть коммерческие институты выразили Минская и Казанская городские думы, Одесский и Омский биржевые комитеты. Сибирские депутаты Государственной думы составили законопроект о создании коммерческого института в Сибири (С. 25).

рые считали коммерческие институты противоречащими «русскому духу», а потому стремились накрепко замкнуть их выпускников в сфере частного предпринимательства, не допуская последних в государственный аппарат. «Люди, получившие образование в частных коммерческих училищах, не подготовлены к государственной службе и не могут быть назначенными на государственную службу» [149], — заявил в 1912 г. лидер правых в III Государственной думе Марков 2-й.

Однако «правые» не нашли должной поддержки в высших эшелонах власти. Царизм, стоявший за насаждение капитализма «сверху», в целом благосклонно относился к инициативам буржуазии в области коммерческого образования. В 1897 г. было разрешено Общество распространения коммерческих знаний, развернувшее активную деятельность. К 1907 г. оно обладало недвижимостью, которая оценивалась в 1 млн. руб. [150]. Представители крупнейших капиталистических объединений, таких, например, как Общество заводчиков и фабрикантов, привлекались к обсуждению составленного в 1909 г. Министерством торговли и промышленности законопроекта о высшем коммерческом образовании. К сведению были приняты также и результаты анкеты по этому вопросу, распространенной в 1911 г. среди биржевых комитетов Советом съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства [151]. Правительство сделало существенный шаг навстречу буржуазии, решившись удовлетворить основное ее пожелание о юридическом уравнении выпускников и преподавателей неправительственной коммерческой высшей школы в служебных и сословных правах и в льготах по воинской повинности с выпускниками и преподавателями казенной высшей школы.

3 июня 1912 г. вступил в силу закон о высшем коммерческом образовании. Он опубликован в виде нового положения (устава) о Московском и Киевском коммерческих институтах (раздельно) [152]. Первый из них был создан в 1906 г. в виде 4-летних Высших коммерческих курсов Общества распространения коммерческого образования [153]. В 1907 г. получил оконча-

---

[149] Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет. 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. СПб., 1912, стб. 2093.

[150] Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. СПб., 1912, стб. 2084.

[151] Техническое и коммерческое образование, 1912, № 2, С. 57.

[152] ПСЗ, собр. III, т. 32, № 37186, 37187.

[153] СУ, 28 сентября 1906 г., № 230, ст. 1645. В свою очередь, были созданы на базе упраздненных 2-летних коммерческих курсов. Их устав, учебные программы разработал организационный комитет, в который вошли профес-

тельное наименование. До 1917 г. его бессменно возглавлял проф. П. И. Новгородцев.

Институт в Киеве был создан в 1908 г. Начало ему положили Высшие коммерческие курсы, организованные в 1906 г. профессором местного университета М. В. Довнар-Запольским [154]. Они предназначались в первую очередь для женщин (мужчины принимались по специальному постановлению совета). Закрылись курсы из-за отсутствия средств. Обращение их учредителя к торгово-промышленной общественности осталось безрезультатным. М. В. Довнар-Запольский стал директором Киевского коммерческого института.

По новому положению каждый институт состоял из двух отделений — экономического, готовившего специалистов с профессиональным званием «кандидат экономических наук», и коммерческо-технического — для подготовки коммерческих инженеров. Каждое из названных отделений членилось на подотделы, где студенты, начиная с III курса, получали специализацию. Набор подотделов определялся местными потребностями. Так, экономическое отделение Московского коммерческого института имело, например, коммерческо-финансовый, административно-финансовый, промышленнй, педагогический подотделы. Комерческо-техническое отделение этого же института среди прочих имело подотделы торгового агенства, промышленный, фабричной инспекции, земско-городской [155]. Курс обучения в институте был 4-летним. Указанные преобразования имели следствием резкое возрастание численности студентов (таблица № 18). Способствовал этому и высокий уровень преподавания, который обеспечивался сильной по составу профессорской коллегией. В Московском коммерческом институте в 1913)14 учебном году преподавали, например, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев (государственное право), А. А. Мануилов (политическая экономия), А. Ф. Фортунатов (экономическая география), Д. М. Петрушевский, А. А. Кизеветтер (история), С. А. Чаплыгин, А. А. Эйхенвальд (физика) и др. [156].

14 июля 1916 г. было утверждено положение Харьковского

сора А. А. Фортунатов, Е. Н. Трубецкой, С. П. Виноградов, А. Н. Глаголев, Я. Я. Никитский, А. Ф. Готлих (50 лет Института..., С. 9).

[154] СУ, 23 ноября 1906 г., № 272, ст. 1910.

[155] Отчет Московского коммерческого института. 1912—1913 год. М., 1914, С. 30, 42—43.

[156] Отчет Московского коммерческого института. 1913—1914 год. М., 1915, с. 4- -7.

Таблица № 18

Контингент студентов коммерческих высших учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на					
		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 год учебн.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Московский коммерческий институт	1846	60,8	3470	41,5	6647	51,6
2	Киевский коммерческий институт	991[1]	32,7	4028	48,2	5109[2]	39,7
3	Харьковский коммерческий институт	—	—	316	3,8	600[3]	4,7
4	Петербургский институт высших коммерческих знаний	—	—	223	2,6	310[4]	2,4
5	Петербургские высшие коммерческие курсы М. В. Побединского	198	6,5	47	0,6	100	0,8
6	Практическая восточная академия	—	—	280	3,3	101	0,8
	Итого:	3035	100	8364	100	12867	100

[1] *По состоянию на 1908/09 учебн. год.*
[2] *По состоянию на 1914/15 учебн. год.*
[3] *По состоянию на 1916 г.*
[4] *По состоянию на 1915/16 учебн. год.*

Источники: Записка о Киевском коммерческом институте. Киев, 1910, с. 37; Статистические сведения о состоянии учебных, подведомственных Учебному отделу Министерства торговли и промышленности на 1913/1914 учебный год. Пг., 1916, С. XIII; Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916. Сессия двенадцатая. СПб., 1916, стб. 1776; Техническое и коммерческое образование, 1916, № 7, С. 48; ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 1, д. 6044, л. 13.

коммерческого института [157]. Основанием ему послужили Высшие коммерческие курсы Харьковского купеческого общества (осн. в 1912 г.). К их судьбе были причастны городское самоуправление и Совет съезда горнопромышленников Юга России, ходатайство которого перед Министерством торговли и промышленности сыграло главную роль в создании курсов.

Ко времени преобразования в институт курсы были вполне сложившимся учебным заведнием, состоявшим из одного ком-

[157] СУ, 14 июля 1916, № 1583.

мерческо-экономического отделения с подотделами — коммерческо-экономическим, местного хозяйства, промышленным, горнопромышленным, педагогическим. В учебном процессе значительное место отводилось практическим занятиям слушателей в лабораториях, семинариях, учебно-вспомогательных учреждениях и «чрезвычайно богатых кабинетах» по различным отделам естественных наук, права, статистике, счетоведению, высшему финансовому вычислению [158]. В программу курсов был включен также цикл дисциплин, сориентированных на подготовку коммерческих деятелей для горной промышленности. Это была «плата» горнопромышленникам, которые частично содержали это учебное заведение [159]. В 1916 г. член Государственного совета фон Дитмар охарактеризовал Харьковские высшие коммерческие курсы как «одно из замечательных явлений в ряду... созданий общественной инициативы» [160]. Преобразование в институт не потребовало ломки учебного строя курсов. Изменился лишь их юридический статус, который был идентичен статусу московского и киевского институтов. Это обстоятельство не успело, однако, в полной мере сказаться на численности студентов Коммерческого института в Харькове (таблица № 18).

Менее удачливыми были учредители частного Петербургского института высших коммерческих знаний (1910 г.) с 4-летним курсом наук. Законопроект о предоставлении ему прав государственных высших учебных заведений, поступивший в Государственную думу 26 апреля 1916 г., был задержан, хотя за ним стояли достаточно влиятельные силы буржуазии, представленные Петроградским обществом содействия высшему коммерческому образованию, Азовско-Донским, Донским земельным, Волжско-Камским земельным банками, рядом акционерных обществ, не говоря уже об отдельных промышленниках и биржевиках [161]. В 1917 г. институт был лишь переименован в Петроградский коммерческий.

Как частное учебное заведение, бюджет которого формировался за счет платы слушателей за обучение и личных средств учредителя, действовали Петербургские высшие коммерческие курсы М. В. Побединского. Они открылись в 1897 г. как счетоводные и готовили бухгалтерских работников. В 1906 г. курсы

---

[158] Государственный совет. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия двенадцатая. СПб., 1916, стб., 1776—1778.
[159] Там же, стб. 1776.
[160] Там же, стб. 1777.
[161] ЦГИА СССР, ф. 616, Лагорио А. Е., оп. 1, д. 237, л. 5об—26.

стали высшим учебным заведением с 3-летним курсом обучения, дававшим слушателям высшее коммерческое и политико-экономическое образование [162]. Первые два года обучения были для слушателей общеобразовательными. Их программа слагалась из коммерческих, экономических, юридических дисциплин, философии, психологии, политической экономии и экономической истории, общей химии, французского, немецкого, английского языков. Выпускной курс посвящался профессиональной специализации на трех отделениях. Первое — торгово-промышленное — готовило «научно образованных руководителей и ответственных работников» промышленных и торговых предприятий. Оно имело также подотделы местного хозяйства (выпускало функционеров городского и земского самоуправления) и педагогическое (для будущих преподавателей коммерческих дисциплин). Второе отделение — страхового дела — выпускало работников для «всех ступеней страховой деятельности». Третье — железнодорожное — давало подготовку для работы в правлениях, управлениях, службе сборов, на телеграфе железных дорог [163].

В 1917 г. Высшие коммерческие курсы М. В. Побединского были преобразованы в Петроградский торгово-промышленный институт. Достаточно высокая плата за обучение (65—110 руб. в год) и, главное, юридическая неполноправность вручаемого этим учебным заведением диплома обусловили малочисленность контингента его студентов (таблица № 18).

К категории коммерческих относилась Практическая восточная академия Общества востоковедения, контроль за деятельностью которого осуществляло Министерство торговли и промышленности. Она была создана на базе Курсов востоковедения в 1910 г. с целью подготовки специалистов «с практическим знанием восточных языков и стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности... в восточных окраинах и сопредельных с ним странах» [164]. Академия состояла из коммерческого, окраинно-административного, консульского отделений, слушатели которых получали специализацию по конкретной стране (Китай, Япония, Корея, Монголия, Персия, Турция, а также Средняя Азия). На коммерческом отделении изучались таможенная политика и тарифы, условия торговли в различных странах, торговое право стран Востока.

---

[162] СУ, 31 августа 1906 г., № 212, ст. 1140.
[163] Техническое и коммерческое образование, 1910, № 7, С. 48—65.
[164] СУ, 24 февраля 1910, № 31, ст. 261, 1.

Программа окраинно-административного отделения включала следующие предметы: административное, экономическое и хозяйственное устройство сопредельных России восточных стран, местное, политическое, пограничное право, действовавшее на восточных окраинах империи. Консульское отделение давало подготовку по международному праву, истории дипломатии, военному устройству конкретной восточной страны, консульской службе, французскому языку. Слушатели всех отделений получали всестороннюю языковую подготовку, знакомились с историей, географией, этнографией, государственным устройством стран Востока, с новейшим состоянием их отношений с Россией.

В академию принимались имевшие среднее и высшее образование. Курс обучения был 3-летним. Выпускники получали диплом и звание «восточника». Академия брала на себя обязательство оказывать им содействие в получении должностей на Востоке или на восточных окраинах России. Лучшие слушатели в летнее время командировались в изучаемую страну. Сложная учебная программа, неопределенность правового положения выпускников, узкая финансовая база обусловили ограниченность контингента этого учебного заведения (таблица № 18).

В 1911 г. Общество востоковедения возбудило перед Министерством торговли и промышленности ходатайство о преобразовании Практической восточной академии в высшее учебное заведение для обслуживания «потребностей всех ведомств в лицах, подготовленных для службы и деятельности на наших окраинах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока». Программой ее реорганизации предусматривалось увеличение казенных ассигнований, предоставление ее выпускникам служебных и сословных прав, льгот по воинской повинности[165]. Необходимость реорганизации Практической восточной академии признало и специально созванное межведомственное совещание. Оно констатировало, что восточный факультет Петербургского университета, Лазаревский и Восточный институты, Учебное отделение Министерства иностранных дел, Восточные курсы Министерства юстиции, Подготовительная восточная школа Военного министерства не в полной мере удовлетворяли потребности империи в кадрах восточников практического профиля. Поэтому поддержку получило намерение торгово-промышленного ведомства превратить Практическую восточную академию в «объединяющий

[165] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1359, л. 3 об; ЦГИА СССР, ф. 560, Министерство финансов, оп. 28, д. 1140, л. 60.

центр в деле ознакомления с Востоком». Совещание предусмотрело расширение программы реорганизованной академии. Ее страноведческая часть должна была охватить: на Ближнем Востоке не только Турцию (турецкий разряд), а также ее бывшие колонии в Европе — славянские государства, Румынию, Грецию (балканско-славянский разряд); на Среднем Востоке первостепенное значение придавалось Персии (персидский разряд); на Дальнем Востоке первенствующее значение признавалось за Японией и ее колонией — Кореей, Китаем с подвластными Тибетом и областями Восточного Туркестана, Монголией с областями, населенными родственными бурятам баргутами и калмыкам — драгунчарами [166] (соответственно японский, китайский, монгольский разряды). Языковая часть программы соответственно предполагала языки болгарский, сербский, новогреческий, румынский, армянский, турецкий, грузинский, персидский, индустанский, монгольский с наречиями, китайский, тибетский, японский, корейский, арабский. К действовавшим в составе академии отделениям должно было присоединиться военное для подготовки специалистов по вооруженным силам стран Востока и сопредельных с Россией европейских держав в их восточных владениях.

Контингент слушателей реформированной Практической восточной академии должны были составлять лица с высшим коммерческо-экономическим образованием, а также окончившие военные академии (для военного отдела). Для выпускников средних учебных заведений предусматривались особые условия приема. Наряду с курсом академии, они должны были пройти курс коммерческого института или коммерческо-экономического отделения политехникума [167]. Ведомства могли бы командировать в академию для переподготовки своих чиновников. Выпускникам предполагалось предоставлять служебные и сословные права вместе со званием «восточника» [168].

Проект нового положения о Практической восточной академии до конца 1915 г. натолкнулся на противодействие Министерства иностранных дел, которое расценило его как вмешательство в свои прерогативы и как возможную помеху намеченной реформе своего Учебного отдела, а потому предлагало придать Восточной академии чисто коммерческую направленность [169]. В результате проект не получил законодательного оформления.

---

[166] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1359, л. 5—7,
[167] там же, л. 10—11 об.
[168] Там же, л. 22 об—23.
[169] Там же, л. 65 об., 138, 184 об.

Наиболее дееспособными после коммерческих неправительственными высшими учебными заведениями народнохозяйственного профиля были **сельскохозяйственные.** В начале XX в. в них насчитывалось 6 (3 — женских, 3 — для мужчин и женщин) (см. приложение 2 и 3). До 1917 г. просуществовали 5 из них. Лишь Харьковские высшие сельскохозяйственные курсы Н. И. Невиандт были частными, прочие — общественными. Все они были подконтрольны Главному управлению землеустройства и земледелия.

Их появление вызывалось потребностью в агрономических кадрах, выпуск которых государственной высшей школой был явно недостаточен. «Спрос на интеллигентные силы с сельскохозяйственным образованием со стороны улучшения положения нашего сельского хозяйства громаден!» [170] — констатировал в 1891 г. профессор агрономии И. А. Стебут. Спустя полтора десятка лет о крайней необходимости развития сельскохозяйственного образования в то время, когда «решается вопрос о крестьянском землевладении и землепользовании», говорил товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием Ф. П. Никитин на открытии С.-Петербургских сельскохозяйственных курсов 1 октября 1906 г. [171]

В конце XIX—начале XX вв. весьма популярной в России стала идея экономической и общественно-культурной целесообразности включения в сферу агрономической деятельности женщин, поскольку 70% их было занято в сельскохозяйственном производстве [172] Для этого требовалось открыть им путь к высшему агрономическому образованию. По мнению профессора Стебута, с его развитием «женщина, затрудняющаяся теперь в приискании себе куска хлеба, найдет хороший заработок в сельском хозяйстве». Он считал в высшей степени полезным, «если женщина, сосредотачивавшая теперь свою благотворительную деятельность в городах, перенесет эту деятельность в обездоленную деревню» [173].

В 1897 г. на имя министра земледелия поступило ходатайство

---

[170] Стебут И. А. Нуждается ли русская интеллигентная женщина в специальном сельскохозяйственном образовании. М., 1891, С. 38.

[171] С.-Петербургские сельскохозяйственные курсы, состоящие в ведении Главного управления землеустройства и земледелия. Отчет за осенний триместр 1906 года. СПб., 1907, С. 3.

[172] Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912, С. 12.

[173] Стебут И. А. Указ. соч., С. 38.

об учреждении в Петербурге женского сельскохозяйственного института. Оно было подписано видными деятельницами женского движения и крупными российскими учеными (Д. И. Менделеев, И. В. Мушкетов, А. С. Фамицын, А. Н. Бекетов) [174]. В том же году по инициативе И. А. Стебута возникло Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию. Его московское отделение в 1900 г. организовало в Петровско-Разумовском (под Москвой) первые в России женские сельскохозяйственные курсы высшего типа. Их преподавателями были профессора Московского сельскохозяйственного института. Курсы вскоре были закрыты [175]. Безуспешные попытки создания подобных учебных заведений на рубеже XIX и XX вв. предпринималист в Харькове и Киеве.

Лишь в 1904 г. благодаря усилиям общественности в Петербурге были созданы Женские сельскохозяйственные курсы Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию, получившие официальное название Стебутовских. Первоначально они были 2-годичным средним специальным учебным заведением [176]. 19 января 1907 г. Главное управление землеустройства и земледелия утвердило новое положение к тому времени уже 3-годичных Стебутовских курсов, в котором, в частности, указывалось, что их цель — «давать высшее сельскохозяйственное образование, необходимое для научной и практической деятельности». Они стали действовать по 4-летней программе Московского сельскохозяйственного института. В том же году началось строительство специального учебного здания для курсов. С 1909 г. их летней резиденцией стало учебное имение в Новгородской губ. [177]

Согласно новому положению, на курсы без экзаменов принимались выпускницы высших и средних учебных заведений. Прочие проходили через экзаменационный конкурс по математике в объеме 8-ми классов мужской гимназии. При большом наплыве абитуриенток предпочтение отдавалось имевшим высшее образование и наиболее нуждавшимся по роду деятельности в агрономических знаниях. Выпускницам курсов после сдачи экзаменов в особой комиссии в присутствии представителя от ведомства земледелия [178] присваивалось звание «агроном».

---

[174] Техническое образование. 1897, № 14, С. 31.
[175] Шохоль К. Р. Указ. соч., С. 128.
[176] Стебут И. А. Указ. соч., С. 38.
[177] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 3, С. 41.
[178] Марголин Д. Указ. соч., С. 240.

Реорганизация Стебутовских курсов привела к быстрому росту контингента их слушательниц (таблица № 19).

В 1908 г. по примеру Стебутовских в Москве открываются Высшие женские сельскохозяйственные курсы при женской гимназии С. К. Голицыной [179] (таблица № 19). Их организаторами были преподаватели Московского сельскохозяйственного института во главе с Д. Н. Прянишниковым. Они же вели и занятия в этом учебном заведении. Голицынские курсы давали своим выпускницам основательную теоретическую и практическую (на базе учебных ферм и частных хозяйств) подготовку к сельскохозяйственной деятельности.

Крупным высшим учебным заведением были Петербургские сельскохозяйственные курсы, открытые в 1906 г. кружком приват-доцентов Петербургского университета и группой агрономов. Их слушателями были мужчины и женщины с подготовкой не ниже 6 классов гимназии, причем предъявления свидетельства об образовании при поступлении на эти курсы не требовалось, что предопределило большой наплыв учащихся (таблица № 19). Курсы должны были содействовать «поднятию земледельческой культуры у крестьян», распространению среди них «улучшенных способов и приемов сельскохозяйственной культуры». Главная их цель заключалась в подготовке «образованных хозяев — землевладельцев или управляющих для владельчески имений», а также общественных деятелей в области сельского хозяйства: земских агрономов, организаторов хозяйств и сельскохозяйственного производства на местах, а также специалистов по отдельным отраслям хозяйства — огородничеству, плодоводству, молочному делу и пр. [180]

Агрономов-универсалов для Юго-Востока Европейской России готовили открытые в 1913 г. Высшие сельскохозяйственные курсы Саратовского общества сельского хозяйства. В 1916 г. Новочеркасские высшие женские естественно-научные курсы были преобразованы в Новочеркасские высшие женские сельскохозяйственные курсы Донского сельскохозяйственного общества [181]. Одновременно были основаны Воронежские высшие женские сельскохозяйственные курсы, которые, однако, не развернули своей работы.

---

[179] Там же, С. 277.

[180] С.-Петербургские сельскохозяйственные курсы, состоящие в ведении Главного управления землеустройства и земледелия. Отчет за осенний триместр 1906 года. СПб., 1907, С. 12, 77.

[181] Высшая сельскохозяйственная школа в СССР. М., 1948, С. 39.

Таблица № 19

Контингент учащихся общественных сельскохозяйственных высших учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на					
		1907/08 учебн. год		1914/14 учебн. год		1917 год	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Стебутовские женские сельскохозяйственные курсы	196	26,9	525	23,1	1200	32,7
2	Голицынские женские сельскохозяйственные курсы	62	8,5	520	22,9	900	24,5
3	Сельскохозяйственные курсы в Петербурге	471	64,6	1124	49,4	900	24,5
4	Высшие сельскохозяйственные курсы в Саратове	—	—	105	4,6	450	12,3
5	Новочеркасские женские сельскохозяйственные курсы	—	—	—	—	223	6,0
	Итого:	729	100	2274	100	3673	100

Источники: Техническое и коммерческое образование, 1916, № 3, с. 43; ф. 733, оп. 226, д. 261, л. 9; Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям к 1 января 1913 г. Вып. 2-й. СПб., 1913, С. 62—63; Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1914 год. Пг., 1915, С. 26; Русский календарь на 1915 г. А. Суворина. Пг., 1915, С. 231; С.-Петербургские сельскохозяйственные курсы. Отчет за 1906—1907—1908 учебные годы. СПб., 1906, С. 44.

Наименее развитым в системе «вольной» высшей школы было **инженерное образование.** Оно было представлено шестью (четырьмя женскими и двумя с совместным обучением) учебными заведениями (приложение 2, 3). В 1917 г. действовали 5 из них.

Российская буржуазия предпочитала готовить кадры руководителей производства в государственных высших учебных заведениях, предоставлявших выпускникам определенную дозу сословных и служебных привилегий. К тому же создание инженерных институтов было делом чрезвычайно сложным из-за хронического дефицита преподавательских кадров вышей квалификации. Поэтому, будучи готовой к немалым тратам на нужды высшего технического образования, торгово-промышленная общественность предпочитала делать их преимущественно на государственной основе. Фактически все инженерно-технические учебные заведения в конце XIX — начале XX вв., влившиеся в состав российской высшей школы (политехникумы, горный институт в Екате-

риславе), создавались в значительной степени на деньги буржуазии и только по прошествии первого организационного этапа переходили на баланс государственного казначейства.

Те немногие неправительственные высшие инженерные школы, которые возникли и действовали в России в начале XX в., были созданы по инициативе интеллигенции. Они ориентировались преимущественно на женский контингент учащихся, что вызывалось разительным неполноправием женщин в сфере высшего технического образования.

Первый из известных нам проектов частного политехнического института с механико-техническим и электротехническим отделениями был составлен директором частного реального и коммерческого училища К. К. Мазингом при участии преподавателей петербургских высших учебных заведений и практических инженеров. В обосновании к проекту укзывалось: «Настала пора разрешить учреждение высших учебных заведений и на частные средства. До сих пор наше законодательство не предусматривает такого вида училищ, подобно тому, как сорок лет тому назад законодательство не предусматривало и частных гимназий» [182]. В 1904 г. проект был рассмотрен в Министерстве народного просвещения и направлен в Государственный совет, но дальнейшего движения не получил.

Реальное начало инженерному сектору неправительственной высшей школы было положено организацией в 1905 г. Общества изыскания средств для технического образования женщин, учредительницами которого были лидеры движения за женское равноправие П. Н. Ариян, Е. И. Конради, П. С. Стасова, В. П. Тарновская, А. П. Философова. Общество задалось целью собрать средства на основание первой в России, да и в мире, женской инженерной школы. Оно полагалось в первую очередь на помощь «промышленного мира». Однако этот расчет не оправдался. Так, братья Нобели пожертвовали Обществу лишь 3 тыс. руб. Собранных средств едва хватило на открытие в 1906 г. в Петербурге первых в России Высших женских политехнических курсов. Они и в дальнейшем испытывали неизбывные финансовые трудности, которые погашались в основном платой курсисток за обучение. Учредителями курсов были П. Н. Ариян и профессора Петербургского института инженеров путей сообщения В. И. Курдюмов и Н. А. Белелюбский. Цель курсов сводилась к тому, чтобы «дать высшее техническое образование женщинам в тех отраслях

[182] Техническое образование, 1905, № 5, С. 87.

техники, где по роду деятельности применение женского труда представляется наиболее желательным». Первоначально они состояли из инженерно-строительного (с инженерным и архитектурным отделениями) и электрохимического (с электротехническим и химикотехническим отделениями) факультетов [183]. В 1911 г. отделения были преобразованы в факультеты [184]. Архитектурный факультет готовил «технически и художественно развитых» помощников строителей общественных и частных зданий. Помимо архитектурных проектов, слушательницы должны были выполнить проектные работы по канализации и водоснабжению, отопительным системам, вентиляции, электромеханике, дорогам. На курсах преподавалось также декоративное искусство. Инженерно-строительный факультет выпускал инженеров городского и земского хозяйства, железнодорожных и портовых сооружений. Специалистов высшей квалификации для работы на городских, земских, промышленных электротехнических сооружениях, осветительных станциях готовил электротехнический факультет. В задачу химического факультета входила подготовка инженеров-технологов по переработке нефти, сахароварению, пивоварению, металлургии, керамическому и цементному производству. Выпускал он также и «чистых» химиков [185]. На курсы принимались окончившие высшие женские учебные заведения и выпускницы средней школы по конкурсу аттестатов (имевшие по русскому языку, математике, физике оценки не ниже 4-х баллов). Курс обучения был 5-летним [186]. Выпускницы не получали никаких профессиональных и сословных прав [187].

В 1915 г. был утвержден новый устав курсов с переименованием их в Петроградский женский политехнический институт. Окончившим его теперь присваивалось звание инженера (механика, химика, электрика, строителя, архитектора). К 1917 г. первый российский политехникум для женщин вырос в крупное учебное заведение (таблица № 20).

На Высших женских политехнических курсах (в институте) работали преимущественно профессора и преподаватели петер-

---

[183] Там же, С. 84—87.

[184] ЛГИА, ф. 139, Петербургские женские политехнические курсы, оп. 1, д. 13163, л. 16 об.—20.

[185] Первые женщины-инженеры. Л., С. 14—17.

[186] Марголин Д. Указ. соч., С. 268—270.

[187] Это вызвало недовольство слушательниц. В 1910 г. они объявили забастовку и потребовали утверждения нового устава курсов, в котором были бы предусмотрены профессиональные права выпускниц (Студенческая жизнь. 1910, № 10, С. 11).

Таблица № 20

Контингент учащихся общественных и частных инженерных высших учебных заведений

№№ пп	Учебные заведения	Число учащихся по состоянию на					
		1905/06 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	Петербургские высшие женские политехнические курсы	224	95,3	498*	77,6	1436	61,6
2	Курсы высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас	11	4,7	144**	22,4	160	6,9
3	Московский женский политехнический институт	—		—		500	21,5
4	Частный политехнический институт в Екатеринославе	—		—		235	10,0
	Итого:	235	100	642	100	2331	100

* *По состоянию на 1912 г.*
** *По состоянию на 1912/13 учебн. год*

Источники: ЛГИА, ф. 139, Петербургские женские политехнические курсы, оп. 1, д. 13163, л. 39; д. 11967, л. 2; Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. I. Петроград. Данные к 1 января 1918 г. Пг., 1920, С. 33; То же. Вып. 2, Москва. М., 1922, С. 20; Техническое и коммерческое образование, 1917, № 1, С. 235, Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных Учебному отделу Министерства торговли и промышленности, на 1912—1913 учебный год. Пг., 1914, С. 265.

бургских институтов Технологического и Путей сообщения. Это были крупные ученые — инженеры А. А. Байков, А. Е. Порай-Кошиц, П. П. Федотьев, В. Л. Курбатов (химический факультет), Б. Г. Гальперин, Н. А. Белелюбский (инженерно-строительный факультет), Л. Н. Бенуа, В. А. Покровский, В. А. Белогруд, И. А. Фомин (архитектурный факультет).

Опыт деятельности первой российской инженерной школы для женщин был учтен поборниками женского равноправия Москвы. В 1916 г. министр народного просвещения П. Н. Игнатьев утвердил устав Московского женского политехнического института в составе инженерно-строительного (программа Института путей сообщения) и архитектурного (программа Института гражданских инженеров и архитектурного отделения Ака-

демии художеств) отделений. В перспективе должны были открыться отделения механическое, химическое, электротехническое [188]. Учредителями института были профессора Н. А. Белелюбский, В. И. Гриневицкий, А. А. Эйхенвальд, Н. Е. Жуковский, члены Государственной думы, крупнейшие московские промышленники А. И. Коновалов, М. М. Новаков.

В институт принимались выпускницы женских гимназий и равнозначных учебных заведений. Их контингент не должен был превышать 600 чел. (таблица № 20). Московский женский политехникум открылся в 1917 г.

В 1906 г. в Петербурге открылись частные четырехлетние курсы высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас. По объему учебной программы они относились к «учебным заведениям высшего типа» ведомства Министерства торговли и промышленности [189]. Занятия на курсах строились по программе архитектурного отделения Академии художеств. 29 апреля 1907 г. И. Е. Репин писал Л. П. Молас, что программа курсов «так превосходно составлена, что мне, не шутя, захотелось самому поступить учиться архитектуре и всему, что к ней относится» [190]. На курсы принимались выпускницы средних учебных заведений. Для получивших домашнее образование был обязателен экзамен по математике [191].

К категории высших инженерных школ относились 4-летние Петербургские женские строительные и Московские женские технико-строительные курсы. Первые давали своим слушательницам специальность гражданского инженера. Вторые являлись специальным учебным заведением для изучения архитектуры и смежных с нею дисциплин (архитектурное и техническое отделение) [192].

В целом можно заключить, что общественная и частная высшая инженерная школа предлагала российской женщине ограниченный круг специализаций. Но главное заключалось в том, что техническое образование расширяло ее гражданскую правоспособность. Вот как эта идея была выражена учредителями

---

[188] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 8, С. 42.

[189] Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1914—1915 учебный год. Пг., 1917, С. 158.

[190] ЛГИА, ф. 830, Женские курсы высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой, оп. 2, д. 1, л. 1.

[191] Марголин Д. Указ. соч., С. 273.

[192] Там же, с. 270—271; 272—273. Автор не располагает более подробными данными об этих учебных заведениях.

Курсов высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас: «Дать слушательницам знания, строго нужные для архитектурного и графического дела, развить изящный вкус и навык к специальному труду, сообразно их способностям, откуда и явится для них возможность стать в глазах общества в уровень тех прав, которые могут быть только результатом их знания и трудоспособности» [193].

В группу неправительственных инженерных входили также учебные заведения с совместным обучением. К ним относились, например, Электротехнические курсы в Москве ведомства Министерства торговли и промышленности, основанные в 1910 г. Их организацией завершились многолетние (с 1897 г.) и многочисленные ходатайства московского отделения Русского технического общества и Московской городской думы о создании в Москве электротехнического института [194].

Курсы были учреждены особым обществом, в которое вошли: московский городской голова Н. И. Гучков, профессора П. Д. Войнаровский, А. А. Воронов, М. А. Шателен, А. А. Эйхенвальд, преподаватели средних учебных заведений, инженеры. На них проходили переквалификацию мужчины и женщины с высшим техническим и физико-математическим образованием. Выпускники курсов получали диплом, не дававший, однако, служебных и сословных прав [195].

В 1916 г. был утвержден устав Политехнического института в Екатеринославе ведомства Министерства народного просвещения (учредители инженер-технолог А. А. Пресс и горный инженер Л. Г. Рабинович) [196]. Он предназначался для мужчин и женщин иудейского исповедания, окончивших средние учебные заведения.

Институт состоял из электротехнического и механического, инженерно-строительного и архитектурного, экономического и коммерческого отделов. Курс обучения был 4-летним, учебная программа — аналогичной программе правительственных высших технических учебных заведений. Выпускники должны были получать право на сдачу экзаменов в правительственных высших учебных заведениях ведомства Министерства народного

---

[193] Марголин Д. Указ. соч., С. 274.

[194] Техническое образование, 1897, № 5, с. 84; 1898, № 1, С. 67; № 2, С. 71—72; 1900, № 2, С. 80.

[195] Техническое и коммерческое образование, 1911, № 1, С. 67. Автор не располагает более подробными сведениями об этом учебном заведении.

[196] СУ, 26 января 1916 г., № 116.

просвещения и на получение званий инженера и кандидата коммерции (I и II разряда).

Институт открылся 31 января 1917 г. в составе электротехнического и механического факультетов. Экономический факультет предполагалось открыть осенью 1917 г. «Ввиду крайне затруднительных условий нынешнего времени» первый набор в институт был крайне малочисленным (таблица № 20).

Итак, к 1917 г. российская «вольная» высшая школа сформировалась в профессионально дифференцированную, динамичную систему, по темпам роста опередившую государственную высшую школу. Она усиливала наиболее слабые профессиональные звенья последней (педагогическое, медицинское, сельскохозяйственное образование), дополняла отсутствовавшие (экономическое, музыкального искусства) и в определенной степени смягчала последствия охранительных ограничений доступа к высшему образованию значительных по численности категорий российской молодежи.

По мере нарастания экономического и политического кризиса в стране позиции «вольной» высшей школы укреплялись. Под давлением объективных потребностей страны в кадрах царизм мирился с ее деятельностью и вынужденно признавал юридическую равноправность с государственными ведущих ее секторов (университетского, медицинского, музыкального, коммерческого, сельскохозяйственного).

Следует, однако, помнить, что самодержавие уступало лишь незначительную площадку для строительства неправительственной высшей школы. Из массы предложений об устройстве высших учебных заведений полностью или частично на средства торгово-промышленных объединений, земств, городских органов самоуправления, частных лиц правительство удовлетворяло далеко не все (см. прилож. 4). Вопрос об открытии таких высших учебных заведений выносился на основе тщательной проверки дееспособности кредиторов (отвергались проекты, требовавшие государственных дотаций); собирались и анализировались данные о сословном и национальном составе будущего контингента студентов, о политической благонадежности учредителей. Положительное решение, как правило, сопровождалось указанием на то, что выпускники таких учебных заведений, помимо свидетельства о прослушании курса, не имеют никаких служебных

и сословных прав [197]. Тем самым устанавливалась юридическая неполноценность высшего образования, полученного в частной и общественной школе. Его обладатели в большинстве как бы не включались в разряд дипломированных специалистов.

Причина такого подхода крылась не столько в недоверии к качеству знаний, которые давала «вольная школа», сколько в подозрительном отношении к ней как воспитательной системе, не охваченной всесторонним государственным контролем. И действительно, финансовая независимость от государства и некоторая отстраненность от государственных учреждений обусловливали более демократический состав ее студентов. Она вбирала в себя ту часть молодежи, которая не смогла пробиться сквозь многочисленные ограничения, которые выстраивались на пути в государственную высшую школу. Этот социально «отбракованный» элемент в глазах царизма был склонен к политической «неблагонадежности». Проблематичной была и верноподданность преподавательского корпуса общественных и частных высших учебных заведений. В значительной степени он формировался из профессуры государственных высших учебных заведений, в большинстве своем разделявшей либеральные умонастроения.

---

[197] См. уставы неправительственных высших учебных заведений в справочниках для абитуриентов: Воротинцев Н. Спутник конкурсантов и поступающих в высшие учебные заведения без конкурса на 1912. СПб., 1912; Марголин Д. Справочник по высшему образованию. Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения России. Пг.—Киев, 1915; он же. Вадемекум по высшему женскому образованию: Полный сборник правил и программ всех высших женских общеобразовательных и частных учебных заведений в России. Киев, 1915; Спутник конкурсанта. Подробный сборник сведений об учебных заведениях и курсах, подготовляющих к практической профессиональной деятельности. Пг., 1914; Шмулевич П. К. Справочная книга для поступающих в высшие учебные заведения на 1915—1917 гг. СПб., 1915—1917.

ГЛАВА III

УПРАВЛЕНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ

1.

Организационные принципы управления высшей школой

До 1917 г. управление российской высшей школой было многоведомственным. 65 государственных высших учебных заведений на правах местных учреждений входили в состав десяти министерств, а также св. Синода, Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям имп. Марии Федоровны (далее — ведомство имп. Марии). Под их же наблюдением находились и 59 неправительственных высших учебных заведения (см. приложение 6).

Министерства самостоятельно определяли свою «академическую политику». По собственной инициативе они входили с законодательными предположениями по этим вопросам в Совет министров, Государственный совет, Государственную думу, а посредством «всеподданнейших докладов» доводили до сведения Николая II об их состоянии и нуждах.

К февралю 1917 г. высшая школа России имела нижеследующую ведомственную структуру. В ведении Министерства народного просвещения находились 67 высших учебных заведений (28 государственных, 39 общественных и частных). Широк был диапазон получаемых в них профессиональных специализаций — юридическая, историко-филологическая, физико-математическая, востоковедческая, медицинская, инженерная, коммерческо-экономическая, аграрно-земледельческая, лесоводческая, ветеринарная. Представлены они были практически всеми существовавшими в России организационными формами высшего образования.

Министерство торговли и промышленности имело 13 высших

учебных заведений: 4 политехнических, 2 горных института[1] (государственный сектор), 7 общественных коммерческих институтов и курсов. Министерство земледелия[2] руководило 11 сельскохозяйственными (5 государственными, 6 частными) учебными заведениями. Министерству внутренних дел были подведомственны 11 высших учебных заведений (4 государственных, 7 неправительственных): Институт гражданских инженеров (Департамент общих дел), Электротехнический институт (Главное управление почт и телеграфов), Римско-католическая и Армяно-григорианская духовные академии (Ведомство иностранных исповеданий), консерватории (через подлежащее его контролю Русское музыкальное общество), московские Музыкально-драматическое и Живописи, ваяния и зодчества училища (через подконтрольные ему Филармоническое и Художественное общества). Кроме того, 22 государственных высших учебных заведения были распределены между ведомствами: военным (6), морским (3), св. Синода (5), путей сообщения (2), юстиции (2), имп. Двора (1), имп. Марии (2), иностранных дел (1).

В основе межведомственного распределения высших учебных заведений лежал отраслевой принцип, который, однако, был существенно нарушен. Организационно наиболее упорядоченными выглядели университеты и гуманитарные институты, сосредоточенные по преимуществу в Министерстве народного просвещения. Но и в эту группу высших учебных заведений были включены профессиональные специализации, распыленные по разнопорядковым ведомствам. Так, высшей юридической школой руководили министерства юстициии народного образования, а также ведомство имп. Марии. В первом находилось Училище правоведения, во втором — юридические факультеты университетов, Катковский и Демидовский лицеи, в третьем — Александровский лицей. В ведомстве учреждений имп. Марии был обособлен и Женский педагогический институт, в то время как все прочие учебные заведения педагогического профиля подчинялись Министерству народного просвещения. Подготовка востоковедов

[1] До учреждения Министерства торговли и промышленности в 1905 г. политехникумы в Варшаве, Киеве, Петербурге в составе Отдела промышленности входили в структуру Министерства финансов. Горные институты в Петербурге и Екатеринославе в составе Горного департамента с 1894 г. входили в ведомство Министерства земледелия и государственных имуществ.

[2] До 1905 г. — Министерство земледелия и государственных имуществ; в 1905—1915 гг. — Главное управление землеустройства и земледелия, с 1915 г. — Министерство земледелия.

курировалась министерствами народного просвещения, иностранных дел, торговли и промышленности.

Наиболее разительную картину ведомственная чересполосица представляла в сфере инженерно-промышленного и сельскохозяйственного высшего образования. Так, министерства торговли и промышленности и народного просвещения руководили инженерным образованием. Руководство архитектурно-строительным образованием было раздроблено между министерствами внутренних дел (Институт гражданских инженеров), торговли и промышленности (инженерно-строительные факультеты Варшавского политехникума, Курсы высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Д. П. Молас), народного просвещения (инженерно-строительные факультеты Рижского политехникума, Томского технологического института и «вольных» политехникумов).

Только в 1912 г. произошло объединение в Главном управлении землеустройства и земледелия всех базовых агрономических высших учебных заведений. Ему был переподчинен Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, состоявший до этого в ведении Министерства народного просвещения [3]. Однако островки высшего сельскохозяйственного образования в виде агропромышленных факультетов Рижского, Киевского, Донского политехникумов остались в министерствах торговли и промышленности и народного просвещения. Наконец, последнее ведомство сохраняло в своем подчинении и всю группу ветеринарных институтов, в значительной степени занятых медицинским обслуживанием сельскохозяйственного животноводства.

Ведомственно раздробленной оставалась и подготовка специалистов железнодорожного, горного и экономико-коммерческого профилей.

В итоге российская высшая школа конца XIX — начала XX вв. не представляла собой четко скоординированной системы, поскольку была плодом «случайных благоприятных конъюнктур в развитии того или иного ведомства, междуведомственных трений, несогласования политики министерств и преследования узковедомственных целей, столь характерных при прежнем режиме» (так охарактеризовала ее Комиссия по реформе высшей школы Временного правительства) [4].

По словам Д. И. Менделеева, «узкие ведомственные цели» министерств, стремившихся лишь к самообеспечению кадрами

[3] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), собр. III, т. 32, № 37639.

[4] ЦГИА СССР, ф. 733, Департамент народного просвещения, оп. 226, д. 280, л. 7.

высшей квалификации, порождали между ними «бедственную рознь» [5]. В Совете министров, Государственном совете, Государственной думе, во время докладов царю они вели себя как конкуренты, отстаивая интересы только «своих» высших учебных заведений.

С конца XIX в. вопрос об изменении руководства высшей школой ставился в среде царской бюрократии, торгово-промышленной буржуазии, либеральной общественности, профессуры. Исправление существующего положения связывалось с двумя альтернативными проектами. Один из них предполагал сосредоточение абсолютного большинства высших учебных заведений в ведении Министерства народного просвещения, другой — сохранение разноведомственности управления высшей школой, но по строго отраслевому принципу.

Первый из этих проектов был особенно популярен в консервативных правительственных кругах, высоко ценивших, главным образом, охранительный потенциал Министерства народного просвещения. Они сочувственно встретили централизаторский проект И. Д. Делянова, представленный царю в 1895 г. В нем, в частности, отмечалось, что разбросанность высших учебных заведений по 12 различным ведомствам причиняет существенный вред всему учебно-воспитательному строю [6]. Это мнение разделял и Николай II. 5 июня 1899 г. он распорядился, чтобы все «предположения» о новых высших учебных заведениях, а «равно об издании для существующих заведений этого рода правил, определяющих учебную жизнь в них, дисциплину, взаимные отношения учащих и учащихся и внутренний быт сих последних были возбуждаемы по предварительному соглашению с Министерством народного просвещения как главным руководителем учебного дела». 7 июля 1899 г. министр народного просвещения Н. П. Боголепов получил предписание Собственной его имп. величества канцелярии о необходимости «соблюдения относительно высших учебных заведений, хотя бы состоящих в заведывании различных министерств и главных управлений, возможного единообразия в руководстве внутренней жизнью таковых заведений» [7].

Эти «высочайшие» распоряжения имели охранительную подоплеку и были реакцией на студенческие беспорядки, охватившие высшую школу в феврале 1899 г. Однако попытка скоординировать таким образом борьбу против студенческого движения не

[5] Менделеев Д. И. Сочинения, Л.—М., 1952, т. XXIII, с. 188.
[6] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 194, д. 1617, л. 3об.
[7] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 286, л. 1.

увенчалась успехом. Узковедомственный эгоцентризм министров возобладал над охранительной «целесообразностью».

Всероссийская студенческая забастовка в феврале — марте 1901 г. вновь остро поставила вопрос об управлении высшей школой. В дневниковой записи, сделанной 20 марта военным министром А. Н. Куропаткиным, читаем: «В пятницу на прошлой неделе снова собирались у государя. Его величество предложил на обсуждение вопрос: не следует ли все высшие учебные заведения (кроме духовных и военных академий) подчинить министру народного просвещения. Все министры дружно восстали против этого» [8]. Неудачей закончилась и предпринятая в 1910 г. Л. А. Кассо попытка провести через Совет министров законопроект «О подведомственности промышленных высших учебных заведений», в котором проводилась идея подчинения последних Министерству народного просвещения [9].

Проект подчинения высших учебных заведений (исключая духовные, военные и находившиеся в ведомстве имп. Марии) Министерству народного просвещения имел многочисленных сторонников и в стане либеральной профессуры, преимущественно университетской. Однако ее подход к данной проблеме имел иной, чем у правительственных консерваторов, идеологический подтекст. Академических либералов интересовал не полицейско-охранительный, а научно-организационный эффект от централизации управления высшей школой. В 1905 г. Д. И. Менделеев писал: «Просвещение России много выиграет, когда большинство учебных заведений будет соединено под одним управлением, которое... преимущественно должно устанавливать уставы, блюсти и всемерно заботиться о снабжении их научными силами, отвечающими времени и потребностям». [10] Осуществление этого проекта профессура непременно связывала с широкой академической автономией, недостижимой в условиях самодержавия.

Сразу же после Февральской революции профессорская комиссия Временного правительства по реформе высших учебных заведений в числе первых приняла постановление о необходимости сосредоточения управления высшими учебными заведениями в ведомстве Министерства народного просвещения. т. к. «оно имеет своей основной единственной целью осуществлять дело развития всех видов образования, между тем как для

---

[8] ЦГВИА СССР, ф. 165, Куропаткин А. Н., оп. 1, д. 1896, л. 34об.
[9] ЦГИА СССР, ф. 741, Отдел промышленных училищ, оп. 11, д. 114, л. 52.
[10] Менделеев Д. И. Указ. соч., с. 189; см. также С. 23.

остальных ведомств это заведование высшими школами представляет собой побочную задачу и объясняется лишь преследованием ведомственных целей в деле подготовки потребных специалистов» [11]. Это стремление профессуры объяснялось, на наш взгляд, не только соображениями научно-методической и административной рациональности, но в значительной степени и ее стремлении к корпоративной консолидации.

Проект превращения Министерства народного просвещения в главный орган управления высшей школой поддерживали министры внутренних дел и юстиции, а также обер-прокурор св. Синода. Вместе с тем безоглядная консервативность Министерства народного промвещения вызывала критику со стороны руководства министерствами торговли и промышленности, финансов, а с началом осуществления столыпинской аграрной политики — и Главного управления землеустройства и земледелия. Эти, по выражению В. И. Ленина, «либеральные бюрократы» были в числе тех, кто «стремился старое самодержавие переделать в буржуазную монархию» [12] и являлся проводником насаждения капитализма «сверху» [13]. И поскольку высшая школа была одним из каналов проведения в жизнь этих устремлений, они пытались осуществлять «собственную «просветительную» систему и политику» [14]. Так, в ряду «буржуазных» мероприятий С. Ю. Витте в бытность его министром финансов (1892—1903 гг.) стояли и реформы в области высшего технического образования. Благодаря его инициативе и содействию были созданы технологические институты в Москве, Харькове, Томске, политехникумы в Варшаве, Киеве, Петербурге, высшее горное училище в Екатеринославе. Витте же принадлежала и идея создания высшего коммерческого образования в России. Но в своих начинаниях в области просвещения он неизменно наталкивался на противодействие министров народного просвещения Н. П. Боголепова, внутренних дел И. Л. Горемыкина, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. В 1898 г. во время обсуждения в Государственном совете вопроса об открытии нескольких инженерных институтов Боголепов выступил с громовой речью, смысл которой заключался в том, что в новые высшие учебные заведения «устремятся дети низших сословий». Парируя этот аргумент, С. Ю. Витте, в частности, сказал: «С такими понятиями

[11] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 279, л. 65.
[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 20, С. 329.
[13] Там же, С. 38.
[14] Толстой И. И. Заметки о народном образовании в России. СПб., 1907, С. 9.

нельзя занимать место министра народного просвещения»[15].

«Экономические министерства» отстаивали принцип отраслевого управления высшей школой. Так, в пояснениях к финансовой смете Министерства торговли и промышленности на 1910 г. подчеркивалось, что именно этому ведомству «надлежит заботиться... о подготовке деятелей на всех ступенях и поприщах торгово-промышленной жизни», ибо только оно и «в состоянии наилучшим образом приспособить преподавание к условиям места и времени». Данная посылка подкреплялась следующим аргументом: «Министерство... более всякого другого ведомства имеет возможность вызвать к жизни частную инициативу торгово-промышленных слоев населения и привлекать на дело специального образования средства торгово-промышленных классов»[16].

Такая позиция Министерства торговли и промышленности отвечала интересам буржуазии, которая желала сотрудничать на ниве высшего образования с компетентным партнером. В цитированных выше «объяснениях» этого ведомства к финансовой смете на 1910 г. подчеркивался факт «замечательного постоянства, с каким торгово-промышленный класс каждый раз, когда заходит речь об учреждении специального учебного заведения, заявляет желание о подчинении одному Министерству торговли и промышленности, почти всегда ставя это подчинение непременным условием открытия учебного заведения»[17]. О совпадении позиций говорят и выступления журнала «Техническое и коммерческое образование» — органа Комиссии по техническому образованию Русского технического общества. Отражая мнение крупных чиновников-технократов и российских промышленников, редколлегия журнала заявила в 1910 г. о том, что считает «наиболее целесообразным передать все промышленные учебные заведения из Министерства народного просвещения в Министерство торговли и промышленности»[18].

С конца XIX в. претензии на ведущую роль в руководстве высшим сельскохозяйственным образованием заявило ведомство земледелия. Еще в 1898—1899 гг. заинтересованные инстанции обсуждали вопрос о передаче ветеринарных институтов из Министерства народного просвещения в Министерство земледелия

---

[15] Высшая школа, 1937, № 11, С. 109.

[16] ЦГИА СССР, ф. 25, Министерство торговли и промышленности. Учебный отдел, оп. 5, д. 6, л. 258, 259.

[17] Там же, л. 258.

[18] Техническое и коммерческое образование, 1910, с. 43; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 1564, л. 26об.—47.

и государственных имуществ. Однако тогда все осталось по-старому. В 1909 г. этот вопрос возникает вновь по инициативе Главного управления землеустройства и земледелия. 31 декабря 1909 г. его руководитель А. В. Кривошеин уведомил министра народного просвещения А. Н. Шварца о согласии премьер-министра П. А. Столыпина на переподчинение ветеринарных институтов. 23 января 1910 г. Шварц ответил, что высшее ветеринарное образование должно находиться в прежнем ведомстве, т. к. оно дает не только «исключительно прикладные знания», но и «преследует еще чисто научные цели» [19].

В 1910 г. в докладе Главного управления землеустройства и земледелия на XII сессии Сельскохозяйственного совета было выражено стремление «иметь существенную долю участия в заведовании теми агрономическими отделениями, которые учреждаются при учебных заведениях других ведомств» [20]. Это пожелание было реализовано лишь в отношении Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии.

Сложившаяся система управления высшими учебными заведениями оставалась в целом неизменой до падения самодержавия. В целях координации деятельности министерств по руководству высшей школой с конца XIX в. стали создаваться межведомственные совещания и комиссии. Их координирующая роль резко возрастала в периоды обострения студенческого движения, когда они превращались во временные административные органы, оперативно разрабатывавшие общероссийские меры по «успокоению» учащейся молодежи. Результатом их деятельности были, например: «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» 29 июля 1899 г. [21]; «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» 22 декабря 1901 г. [22]; «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» 27 августа 1905 г. [23]

---

[19] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 598, л. 3об.

[20] ЦГИА СССР, ф. 1291, Министерство внутренних дел. Земский отдел, оп. 120, 1910, д. 47, л. 15 об.

[21] ПСЗ, собр. III, т. 19 № 17484.

[22] Журнал Министерства народного просвещения, 1902, февраль, Официальный отдел, С. 172.

23 ПСЗ, собр. III, т. 25, № 26692.

Действие этих нормативных актов распространялось на высшие учебные заведения почти всех ведомств.

Однако в тех случаях, когда подобные совещания созывались не для выработки срочных антистуденческих мер, а для разработки проектов университетского устава (совещания под председательством: П. С. Ванновского в 1902 г., В. Г. Глазова в 1905 г., И. И. Толстого в 1906 г., А. Н. Шварца в 909 г., П. Н. Игнатьева в 1916 г.), плана открытия новых высших учебных заведений и расширения старых (совещание 1911 г.), реформы высшего технического образования (совещание 1916 г.) и т. д., эффективность их была минимальной. В целом междуведомственные совещания не могли стабильно выполнять роль органа, координирующего деятельность высших учебных заведений различных министерств.

С началом первой мировой войны управление высшей школой чрезвычайно усложнилось. Шла эвакуация учебных заведений из прифронтовых зон. Готовились ускоренные выпуски специалистов из профессионально-технических институтов и с медицинских факультетов университетов. Студенты направлялись на оборонные заводы, в военные училища и на фронт, во всевозможные общественные и государственные учреждения, обслуживавшие нужды фронта. Налаживались исследования по заданиям военного ведомства. Лаборатории, научно-практические учреждения высших учебных заведений приспосабливались к потребностям военной промышленности, помещения учебных корпусов переоборудовались под военные госпитали.

В годы войны проблема управления высшей школой приобрела всероссийское значение. В 1916 г. депутат Государственной думы земец-октябрист В. В. Милютин говорил, что раздробленность высших учебных заведений по различным ведомствам ведет к отсутствию в их деятельности общих планов, целей, задач: «Ведомства зачастую не знают вполне и своих школ, не говоря уже о знакомстве с постановкой профессионального образования за границей». По его предложению была принята следующая резолюция: «Государственная дума выражает пожелание, чтобы Министерство народного просвещения выработало план профессионального образования, в осуществлении которого были бы согласованы ныне разрозненные действия отдельных ведомств» [24].

Исполнение этого постановления было возложено на министра народного просвещения П. Н. Игнатьева, занявшего в 1915 г.

---

[24] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 7, С. 45.

место умершего Л. А. Кассо. Новый министр выдвинул широкую программу преобразования университетов и высшей специальной школы. 22 марта 1916 г. по его инициативе был создан Совет по делам высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещеения [25] «в целях объединения управления подведомственными ему высшими учебными заведениями, для разработки и предварительного обсуждения законопроектов, правил, инструкций, общих мероприятий» [26].

Совет действовал под председательством министра или его товарища в составе постоянных ченов и приглашенных на конкретные заседания [27]. В число постоянных членов включались два представителя от совета Министра народного просвещения, председатель и один из членов ученого комитета, попечитель Петроградского учебного округа, директор Департамента народного просвещения, управляющий Отделом промышленных училищ (в качестве заместителей — вице-директор и помощник управляющего департамента и отдела), ректор Петроградского университета, директора петроградских Технолоического и Женского медицинского институтов [28]. Приглашались: по административным делам — руководители высших учебных заведений совместно с начальствующими над ними попечителями учебных округов; по специальным вопросам — профессора. Сверх того, участие в заседаниях совета могли принимать представители учебных заведений и ответственные чиновники других ведомств [29]. Журналы заседаний направлялись в структурные подразделения Министерства народного просвещения по принадлежности [30].

Совет по делам высших учебных заведений весьма энергично принялся за выполнение своих функций, которые в условиях военного времени были чрезвычайно широки: эвакуация высших учебных заведений, открытие университета в Перми, изучение финансового положения университетов и институтов, разработка правил приема абитуриентов, установление процентных норм, активизация деятельности медицинских факультетов и др.

Согласование действий ведомств, руководивших специальной высшей школой, было вречено Совету по делам профессиональ-

---

[25] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 639, л. 17; Техническое и коммерческое образование, 1916, № 8, С. 5.
[26] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 639, л. 18.
[27] Там же.
[28] Там же, л. 18.
[29] Там же, л. 18об.
[30] Там же, л. 19.

ного образования в империи («высочайше» утвержден 11 марта 1916 г.). Это был межведомственный коллегиальный орган. Проект его «Положения», разработанный в Министерстве народного просвещения, был одобрен затем весьма авторитетным по составу совещанием (1915 г.) представителей различных ведомств [31]. В письме П. Н. Игнатьева Председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру от 14 февраля 1916 г. указывалось, что с созданием этого органа «получилась бы возможность как равномерного распределения вновь открываемых учебных заведений по отдельным районам, так и более равномерного отпуска из средств государственного казначейства ассигнований на устройство и содержание однородных, хотя и разных ведомств учебных заведений» [32].

Совет действовал при Министерстве народного просвещения с канцелярией в составе отдела промышленных училищ [33]. Он должен был стать последней совещательной инстанцией по кардинальным проблемам высшего специального образования. Его рассмотрению подлежали: предложения ведомств об издании новых и изменении действовавших законоположений о специальных высших учебных заведениях; планирование развития высшей специальной школы; координация деятельности ведомственных специальных высших учебных заведений; согласование систем специального и общего высшего образования; составление заключений по вопросам, предложенным Советом министров.

К представлениям ведомств по вопросам высшей специальной школы в Совет министров должны были обязательно прилагаться журналы Совета по делам профессионального образования в империи [34].

Изучение состояния профессионального образования на местах, уровня потребностей в специалистах, характера промышленной жизни, разработка планов мероприятий по расширению профессиональных школ, определение сумм предстоящих государственных и общественных ассигнований на это дело предполагалось осуществлять силами областных и губернских советов по делам профессионального образования, подчиненных имперскому [35]. Министерство народного просвещения намеревалось

---

[31] ЦГИА СССР, ф. 1276, Совет министров, оп. 12, д. 1591, л. 1—2.
[32] Там же, л. 2об—3.
[33] Там же, л. 6.
[34] Там же,
[35] ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 7, д. 485, л. 30об.

также обращаться к услугам всероссийских и местных съездов по вопросам профессионального образования.

Председателем центрального имперского совета назначался министр народного просвещения П. Н. Игнатьев, а членами — представители ведомств: народного просвещения (15 чел.), торговли и промышленности (3 чел.), земледелия (4 чел.), путей сообщения (1 чел.), главного управления почт и телеграфов (1 чел.), православного исповедания (1 чел.), Академии художеств (1 чел.) [36]. Таким образом, Министерству народного просвещения, представленному наибольшим числом голосов (17 против 13), отводилась преобладающая роль в этом коллегиальном межведомтвенном органе.

В нем также были представлены «все живые силы» в лице земских и городских органов самоуправления, а также общественных организаций, вносивших существенный вклад в развитие высшего образования в стране. В качестве полноправных членов в совет вводились представители: московского (2 чел.) и петроградского (1 чел.) губернских земств, московской (2 чел.) и петроградской (1 чел.) городских дум, петроградского (1 чел.) и харьковского (1 чел.) отделений Русского технического общества, Общества поощрения женского профессионального образования (1 чел.) [37]. Совещательными голосами в совете были наделены представители 24 крупнейших российских торгово-промышленных организаций и объединений [38], проявлявших большую заинтересованность в развитии народнохозяйственных высших учебных заведений. В актив совета входили также крупнейшие рос-

---

[36] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 8, С. 4. Последние два ведомства были подключены к совету (как тесным образом связанные с ним) по постановлению правительства (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1291, л. 12об.

[37] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 8, С. 4—5.

[38] Съезды представителей: торговли и промышленности, акционерных страховых от огня обществ, русских фабрикантов земледельческих машин и орудий, горнопромышленников Юга России, Уральской горной области, Подмосковного района, Зангезурского района, металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов, золото- и платинопромышленников, марганцепромышленников, Бакинских нефтепромышленников, мукомолов, стеклозаводчиков, судовладельцев Волжского бассейна и Петрограда, Всероссийского общества льнопромышленников, Общества промышленников Царства Польского, Постоянной совещательной конторы железозаводчиков, Либавского общества фабрикантов и заводчиков, Всероссийского общества книгопродавцов и издателей (ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 7, д. 485, л. 64 и об.).

сийские научно-технические общественные организации [39].

Совет по делам профессионального образования в империи воплотил в себе идею компромиссного пути решения проблемы руководства высшей специальной школой. Идея эта имела хождение и в общественной среде. Еще в 1910 г. журнал «Техническое и коммерческое образование» отмечал, что в случае затруднений с объединением высшей школы в ведении Министерства народного просвещения целесообразно создать при нем центральный комитет для установления «живой и непосредственной связи между промышленной школой и промышленным практическим делом» [40].

По составу участников совет напоминал Особые совещания (по обороне, продовольствию, перевозкам, устройству беженцев), созданные царизмом в августе 1915 г. [41]. Руководящая роль в нем отводилась царским бюрократам, численно преобладавшим над представителями буржуазной общественности (28 чел, против 9). Роль крупной буржуазии ограничивалась при этом финансированием разрабатывавшихся советом проектов.

Новое учреждение так и не успело развернуть своей работы. Состоялось лишь два его заседания — 16 и 17 ноября 1916 г. [42]. В условиях нараставшего кризиса всей системы государственного управления накануне падения самодержавия оно оказалось нежизнеспособным.

Проблема объединения руководства высшей школой встала и перед Временным правительством. Созданная им комиссия по реформе высших учебных заведений пришла к заключению: «...Объединение всех высших специальных учебных заведений в одном ведомстве Министерства народного просвещения, призванном осуществлять задачу развития всех видов народного образования, представляется совершенно необходимым по ряду общегосударственных соображений и, прежде всего, в вопросе экономии средств государственного казначейства, а также научных сил, в которых ощущается столь большой недостаток при

---

[39] Русское техническое общество, Общество технологов, Русское металлургическое общество, Общество содействия успехам опытных наук и их практического применения им. Х. С. Леденцова при Московском университете и Московском техническом училище, Общество распространения технических знаний, Союз инженеров и техников (ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 7, д. 485, л. 6—).

[40] Техническое и коммерческое образование, 1910, № 1, С. 43.

[41] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, С, 302—305.

[42] ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 7, д. 485, л. 33.

организации новых высших учебных заведений»[43]. Однако перейти к реальным делам Временное правительство так и не успело.

2.

Законодательная основа управления высшей школой

Оперативное руководство высшими учебными заведениями осуществлялось на основе уставов (положений), которыми регламентировались их внутренняя организация, распорядок работы, взаимоотношения с руководящими инстанциями. Для государственной части высших учебных заведений уставы издавались в виде законодательных актов, для негосударственной — в виде ведомственных распоряжений. Однако и среди общественных и частных учебных заведений были такие, статус которых оформлялся законодательно. В их число входили коммерческие институты в Москве, Харькове, Киеве, частный политехнический в Екатеринославе, археологические институты в Москве и Петербурге, консерватории, предоставлявшие своим выпускникам определенные служебные и сословные права, а также Народный университет им. А. Л. Шанявского и Психоневрологический институт.

Уставы (положения) были двух типов — индивидуальные и групповые. Ко второму типу относились: университетский устав 1884 г., действие которого распространялось на все университеты, кроме Варшавского и Юрьевского; устав ветеринарных институтов 1873 г., действию которого не подлежал только институт в Варшаве; устав 1885 г. технологических институтов в Петербурге и Харькове; устав 1898 г. политехникумов в Варшаве, Киеве, Петербурге; положение 1912 г. о Московском коммерческом институте, которое было распространено на институты в Киеве и Харькове.

Рассмотрим Общий устав императорских российских университетов 1884 г.[44] Первый его отдел — «Общие положения» — объединял статьи о факультетской структуре университетов, ведомственной их принадлежности, органах внутреннего управления ими. Статьи второго отдела — «Управление университетом» — были разбиты на следующие тематические группы: «О по-

[43] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 280, л. 67.
[44] ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404.

печителе учебного округа», «О ректоре», «О факультетах», «О совете», «О порядке делопроизводства в собраниях факультетов и совете», «О правлении университета», «Об инспекторе студентов и его помощнике». Отдел III — «Устройство учебной части» — посвящался организации учебного процесса, экзаменов, деятельности учебно-вспомогательных учреждений. Отдел IV — «Личный состав университета по учебной части» — состоял из статей о принципах формирования преподавательской коллегии, о правах и обязанностях профессоров, приват-доцентов, лекторов, вспомогательного персонала. Статьи, составлявшие отдел V — «Об учащихся», определяли принцип формирования студенческого контингента, внутренний дисциплинарный режим и виды наказаний за его нарушения, а также систему материального «вспоможения» универсантам. Наконец, отдел VI — «Права и преимущества университета» — группировал статьи о привилегиях (юридических, имущественных, финансовых), которыми эти учебные заведения пользовались.

Аналогичным был тематический состав статей в уставах прочих высших учебных заведений. Различным могло быть лишь расположение структурных частей, что не имело принципиального значения.

Уставы и положения государственных высших учебных заведений были введены в действие преимущественно в 80—90-х годах прошлого столетия. Лишь незначительная их часть имела более раннее или более позднее проихождение. До октября 1917 г. ни один из них не был отменен. Бесплодными остались неоднократные попытки Министерства народного просвещения ввести новые уставы университетов [45] и высших инженерных школ [46].

---

[45] Проекты университетского устава были разработаны под руководством министров народного просвещения: П. С. Ванновского (Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. 1—5, СПб., 1903); В. Г. Глазова (Объявнительная записка к проекту общего устава имп. Российских университетов. СПб., 1905); И. И. Толстого (Труды совещания профессоров, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра гр. И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906); П. М. Кауфмана и А. Н. Шварца (см.: Новый проект университетского уставаВестник Европы, 1910, март, с. 334—351); Л. А. Кассо (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 6, д. 525); П. Н. Игнатьева (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1652).

[46] Основы проекта высших инженерных школ разрабатывались: в 1902 г. — Комиссией по преобразованию высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения (Труды... комиссии. Вып. 1—5. СПб., 1903); в 1916 г. — Совещанием профессоров при Министерстве народного просвещения (Проект общих оснований устава высших технических и иных специальных школ. СПб., 1907), в 1916 г. — Междуведомственной комиссией при Министерстве торговли и промышленности (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1565).

Это, однако, не свидетельствует о стабильности законодательства в области высшего образования в России. Правомерен скорее обратный вывод. Многие статьи основных документов о высших учебных заведениях многократно корректировались, буквально обрастая множеством законодательных дополнений, примечаний и примечаний к примечаниям. Так, к 1913 г. корректировку претерпели 42 статьи из 149 действовавшего устава российских университетов [47]. По состоянию на тот же 1913 г., многократным корректировкам подверглись все 38 статей устава технологических институтов в Петербурге и Харькове [48]. Все это красноречиво свидетельствует о несовершенстве законодательной основы российской высшей школы. Вносимые в уставы и положения изменения не нарушали, однако, основополагающего их принципа, который сводился к мелочной регламентации деятельности высших учебных заведений, не оставлявшей им и тени самостоятельности. Вместе с тем они усиливали тот разнобой в управлении высшей школой, который предопределялся ее разноведомственной принадлежностью. Совет министров в Особом журнале от 18 декабря 1906 г. констатировал: «...Устав университетов, утвержденный в 1884 г., а равно и уставы всех других высших учебных заведений... имеют один общий недостаток — это множественность преследуемых ими целей, несовместимость таковых одна с другой» [49].

Сравнительный анализ уставов указывает на кардинальные различия в организационных принципах руководства высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения, с одной стороны, и подведомственными прочим министерствам — с другой. Последние осуществляли его через специально предназначенные для этого учебные отделы [50], а также через отраслевые департаменты и главные управления [51].

Существенными особенностями было отмечено управление

---

[47] См.: Свод законов Российской империи. В пяти книгах. Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., (1913), ст. 400—549.

[48] См.: там же, ст. 1145—1183.

[49] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 563, л. 178.

[50] Министерства торговли и промышленности, путей сообщения, св. Синод (Учебный комитет).

[51] Министерства: земледелия, юстиции, внутренних дел, военное, морское, иностранных дел, имп. двора. Применительно к этой группе центральных ведомств можно назвать лишь два случая опосредованной связи: между консерваториями и МВД — через Русское музыкальное общество и между Высшим художественным училищем и Министерством имп. двора — через Академию художеств.

привилегированными высшими учебными заведениями (Александровский и Катковский лицеи, Училище правоведения) и Женским педагогическим институтом. Хотя согласно уставам они и входили соответственно в состав министерств народного просвещения, юстиции и ведомства имп. Марии, однако фактическими руководителями их были «высочайше» назначенные почетные попечители, подчиненные непосредственно императору. Так, в уставе Училища правоведения указывалось: «Попечитель есть главный непосредственный начальник училища». Это должностное лицо собственной властью разрешало прием и исключение воспитанников, назначало преподавателей, распоряжалось кредитами, руководило хозяйством, сносилось с министрами и главноуправляющими [52].

Попечитель Александровского лицея, подобно министру, имел право непосредственного доклада царю [53]. Можно представить, сколь безраздельной была власть почетных попечителей великих князей Сергея Александровича и Константина Константиновича (первого — над Катковским лицеем, второго — над Женским педагогическим институтом).

Управление высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения возлагалось на Департамент народного просвещения и Отдел промышленных училищ. Первому подчинялись университеты, ветеринарные, педагогические, востоковедные государственные, а также общественные и частные институты и курсы высшего типа; второму — инженерные и сельскохозяйственный в Новой Александрии (до 1912 г.) институты. Однако связь между руководящими и подчиненными инстанциями проходила непременно через канцелярию попечителя учебного округа, наделенного широкими полномочиями [54]. Попечитель осуществлял повседневное руководство всеми учебными заведениями, включая высшие, на территории данного учебного округа. Особенно обстоятельно его обязанности формулировались в уставе университетов 1884 г., действовавшем до Февральской революции: «Попечитель учебного округа заботится о благосостоянии университета, наблюдает за ходом университетского преподавания и за

[52] ПСЗ, собр. I, т. 23, № 11363, § 66—67.

[53] Рубец А. А. Краткая историческая памятка имп. Александровского, бывш. Царскосельского лицея. СПб., 1911, С. 13.

[54] Из этого правила исключение составляли Восточный институт во Владивостоке, состоявший «в ближайшем заведовании» приамурского генерал-губернатора (ПСЗ, собр. II, т. 19, ст. 3), а также Петербургский историко-филологический институт, состояший «под главным и непосредственным начальством» министра просвещения (ПСЗ, собр. II, т. 42, № 44767, ст. 2).

точным исполнением всеми принадлежащими к университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом или распоряжениями правительства, пресекает всякое уклонение от сих правил, возбуждает дела об ответственности виновных, ходатайствует о награждении достойных» [55]. Это положение было конкретизированно в 27 статьях основного университетского закона. В уставах же прочих высших учебных заведений оно обосновывалось менее пространно (Женского медицинского института — 11 статей) [56] или даже совсем лапидарно (Рижского политехникума — 3 статьи) [57], что, однако, не означало сужения всеобъемлющих административных прав попечителей.

Попечители учебных округов не могли обеспечить компетентного руководства, хотя бы из-за многообразия специализаций и организационных форм подотчетных им учебных заведений. Дефицит собственной компетентности они пытались компенсировать чисто бюрократическими, волевыми средствами. Управляющий отделом промышленных училищ писал в 1911 г., что по отношению к большинству высших технических учебных заведений управления учебных округов «обычно являлись лишь передаточной инстанцией, направляя ходатайства на благоусмотрение министерства, и весьма часто без выражения своего заключения». Нередко их отношения с руководством учебных заведений приобретали «весьма обостренный и порой личный характер». Таковыми, например, они были на протяжении 1904—1911 гг. между попечителем Западно-Сибирского учебного округа Лаврентьевым и Томским технологическим институтом. «Управление округа вдавалось в крайности, относясь отрицательно и представляя в министерство критические отзывы о таких специальных и даже программных вопросах жизни высшей технической школы, в которых едва ли оно могло считать себя компетентным» [58].

Еще менее упорядоченными были взаимоотношения попечителей учебных округов с администрацией неправительственных высших учебных заведений. За пределами попечительских прерогатив находились, например, Археологические институты в Москве и Петербурге, состоявшие только в «ведомстве министерства» [59].

---

[55] ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 6.
[56] ПСЗ, собр. III, т. 24, № 24495.
[57] См.: ПСЗ, собр. III, т. 16, № 12895.
[58] ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 7, д. 266, л. 5—6.
[59] ПСЗ, собр. II, т. 4, № 60369; ПСЗ, собр. III, т. 27, № 28844. Связь институтов с министерством была непосредственной. Московский археологический институт находился «под ведением особого попечителя», избиравшегося советом и утверждавшегося приказом по Министерству народного просвещения (§ 10).

Университет им. А. Л. Шанявского, находясь в ведении московского городского общественного управления, направлял на утверждение попечителя только программы систематических курсов и через него же на утверждение министра — годовые отчеты и списки приглашенных преподавателей [60].

Сложнее в этом отношении сложилась судьба Психоневрологического института. Согласно его первому уставу, утвержденному 9 июня 1907 г., ему предоставлялась широкая самостоятельность. В Министерство народного просвещения представлялся только отчет за год [62]. В 1916 г. его учебное подразделение было преобразовано в Петроградский частный университет в составе Психоневрологического института. Он оказался в непосредственном подчинении попечителю Петроградского учебного округа на общих основаниях с государственными университетами [63].

Все прочие общественные и частные высшие учебные заведения, подконтрольные Министерству народного просвещения, находились в безраздельном ведении попечителя учебного округа. Попечитель был первой инстанцией, рассматривавшей ходатайства об открытии новых высших учебных заведений. С его подробно обоснованным мнением (положительным или отрицательным) ходатайство шло затем в министерство. Вот типичные по форме образцы попечительских заключений по делам подобного рода. В 1900 г. киевский попечитель направил в министерство ходатайство общественности о возобновлении в Киеве высших женских курсов, закрытых в 1889 г., сопроводив его заключением, в котором выражал уверенность, что в состав слушательниц курсов «войдут личности вредного направления, вследствие чего усилится общее неустойчивое состояние сгруппированных в г. Киеве высших учебных заведений» [64]. В результате ходатайство было отклонено. Отказы следовали один за другим в 1903, 1904, 1905 гг. Лишь в 1907 г. министерство дало положительный ответ.

11 июля 1908 г. попечитель Кавказского учебного округа докладывал наместнику Кавказа о необходимости открыть в Тифлисе высшие женские курсы, которые избавят «многих родителей от необходимости посылать своих дочерей за пределы Кавказа

---

[60] ПСЗ, собр. III, т. 28, № 30520, ст. 6, 11.
[62] ПСЗ, собр. III, т. 27, № 29267, ст. 12.
[63] Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее СУ), 15 июля 1916, № 1609, ст. 39.
[64] Шохоль К. Р. Высшее женское образование в России. СПб., 1910, С. 76.

и тем ставить их вне своего влияния и надзора, особенно необходимых по условиям переживаемого времени и тех настроений, которые являются господствующими в известной, к сожалению, весьма значительной части молодежи». 8 ноября 1908 г. курсы были разрешены министром просвещения [65].

Бывали, однако, случаи несовпадения мнений руководства министерства и попечителя. Так, вопреки отрицательному попечительскому заключению, в Варшаве в сентябре 1906 г. были открыты Женские историко-литературные курсы Н. Нагурной [66].

В редких случаях (нам известен только один) попечитель собственной властью санкционировал открытие неправительственного высшего учебного заведения. Так было с Петербургскими женскими политехническими курсами Общества изыскания средств для технического образования женщин (25 августа 1905 г.) [67].

С попечителем согласовывались все ходатайства перед Министерством народного просвещения об изменениях в учебных программах и о контингенте учащих и учащихся. Успех здесь в знаительной мере зависел от отношений администрации учебного заведения с попечителем. Например, во «всеподданнейшем докладе» от 22 октября 1906 г. о присвоении выпускницам Женских естественно-научных курсов Лохвицкой-Скалон права преподавания во всех классах женских гимназиях министр народного просвещения просил у царя согласия «ввиду отличного отзыва попечителя Петербургского учебного округа» [68].

Главное предназначение попечителя министерство видело в обеспечении «спокойствия и порядка» в институтах и университетах. Как правило, эта должность замещалась «узкими» службистами. В своих воспоминаниях бывший министр народного просвещения в кабинете С. Ю. Витте, — И. И. Толстой писал о попечителях как о людях, не способных к плодотворной деятельности, ибо «министерство останавливало свой выбор на том или ином лице не по соображениями практического свойства, т. е. не выбирая хороших администраторов, а только потому, что тот или другой профессор имел репутацию человека консервативных убеждений...». Попечители всемерно выказывали себя «консерваторами», нередко были связаны с охранным отделением, следо-

---

[65] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 89, л. 13, 20 и об.
[66] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 143, л. 255 и об., 270.
[67] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 339, л. 8.
[68] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 143, л. 444 и об.

вали указаниям Министерства внутренних дел [69].

Ярким примером узколобого охранительства может служить заключение попечителя Западносибирского учебного округа Л. И. Лаврентьева по поводу ходатайства местной общественности об открытии ветеринарного отделения при медицинском факультете Томского университета. 22 июня 1904 г. Лаврентьев писал в министерство: «Я нахожу обучение в одном и том же учебном заведении лиц с совершенно различной подготовкой недопустимой. В ветеринарные институты, как известно, поступают лица, окончившие 6 классов гимназии и разного рода неудачники; в университет же Томский принимаются лишь имеющие аттестат зрелости или свидетельство зрелости и семинаристы, окончившие курс по первому разряду. ...Несомненно, что зачинщики волнений немедленно же воспользуются этим новым недоразвитым и неблаговоспитанным пришлым элементом и тотчас привлекут его на свою сторону. Эта новая армия застрельщиков будет мало-помалу добиваться первенствующей роли и удручающим образом станет действовать на желающее заниматься меньшинство» [70].

Попечители учебных округов самовластно управляли высшими учебными заведениями, порой даже вразрез с установками министерства, когда его возглавляли такие либерально настроенные деятели, как И. И. Толстой или П. Н. Игнатьев. На этот факт обратил внимание в 1916 г. депутат IV Государственной думы от Обл. Войска Донского Воронов во время обсуждения законопроекта о Тифлисском политехникуме. Он подчеркнул, что «новые течения», которые появились в деятельности Министерства народного просвещения с приходом в него П. Н. Игнатьева, «плохо или совсем не воспринимаются попечителями учебных округов; на местах политика и поведение господ попечителей далеко не согласуются с указаниями центрального ведомства Министерства народного просвещения» [71].

Ретроградство попечителей учебных округов вызывало острое недовольство в академической среде. Поэтому на совещаниях, посвященных разработке проектов новых уставов университетов и специальных институтов, в которых принимали участие представители всех ведомств, либеральная профессура подни-

---

[69] Государственная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, (далее ГПБ РО) ф. 781, Толстой И. И., д. 586, лл. 41, 64, 67.

[70] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 633, л. 15 об.

[71] Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия IV. Пг., 1916, стб, 5706.

мала вопрос о полном упразднении или максимальном ограничении власти попечителей и о подчинении высших учебных заведений непосредственно министерству.

Не вписывалась должность попечителя и в программу буржуазно-либеральных реформ системы народного образования, разработанных под руководством В. Н. Игнатьева. В проектах новых, но так и не введенных в действие уставов университетов и специальных высших учебных заведений должность попечителя не упоминалась [72]. Однако для самодержавия она до конца оставалась одним из форпостов охранительства в сфере народного образования.

Вопрос о попечителях вновь возник после Февральской революции в Комиссии по реформе высших учебных заведений. В мае 1917 г. она утвердила записку В. И. Вернадского «Об отношении попечителей учебных округов к высшей школе», центральный тезис которой гласил: «...Университеты и другие высшие школы управляются на основах полной академической автономии, и прекращается всякое отношение к ним попечителей учебных округов» [73]. Циркуляром Министерства народного просвещения от июня 1917 г. все подведомственные ему высшие учебные заведения (как правительственные, так и частные) исключались из ведения попечителей учебных округов и подчинялись непосредственно министру. 1 июля 1917 г. это положение было утверждено законодательно [74].

Мелочная опека, выражаемая в законодательных и нормативных предписаниях, имела следствием необыкновенный размах бюрократического бумаготворчества, в круговерть которого затягивались все структурные подразделения университетов и институтов. По свидительству профессора Варшавского политехникума А. Е. Лагорио, «чисто канцелярское бумажное дело» в них получило «развитие в самых обширных размерах». «Число входящих и исходящих бумаг достигает в продолжение года многих тысяч номеров, причем большая часть этой переписки по преимуществу относится к посторонним делам... и не имеет непосредственного отношения к учебно-научному делу. Вся эта переписка, включая и учебно-научную, распределяется, главным образом, между факультетами (отделениями) и между правлением и отчасти советом и настолько обширна, что профессора, зани-

[72] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1652, л. 45; Техническое и коммерческое образование, 1916, № 4, с. 40.
[73] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 210, л. 1.
[74] Там же, л. 27 об. 28—30 об.

мающие в высших учебных заведениях административные должности, ... до того обременены административными обязанностями и письмом, что не в состоянии достаточно времени уделять своим учебно-ученым занятиям»[75].

Первая русская революция несколько потеснила ведомственную диктатуру в определении распорядка деятельности высших учебных заведений. Советы университетов и институтов явочным порядком расширили свои учебные, дисциплинарные, административно-хозяйственные права. Однако с наступлением реакции правительственные позиции в стенах высшей школы были в полной мере восстановлены. 11 декабря 1908 г. воспоследовало разъяснение Сената профессорским коллегиям, что академическую автономию следует понимать лишь в пределах, установленных верховной властью.

3.

Попытки государственного планирования развития высшей школы

Они совпали с экономическим подъемом страны 1910—1913 гг., когда резко возросла потребность в кадрах высшей квалификации, в первую очередь, народнохозяйственного профиля. Почин был сделан Главным управлением землеустройства и земледелия, которое в 1910 г. представило в Совет министров перспективный план расширения сети сельскохозяйственных высших учебных заведений. Толчком к его разработке послужило законодательное предложение 33 членов Государственной думы об учреждении при физико-математических факультетах Харьковского, Казанского, Киевского и Новороссийского университетов агрономических отделений (1909 г.). Его рассмотрение в сельскохозяйственной комиссии Думы вылилось в обсуждение всего комплекса вопросов об организационных формах высшего сельскохозяйственного образования. Комиссия признала все преимущества за самостоятельными агрономическими высшими школами, не опровергая, впрочем, целесообразности существования агрономических факультетов при университетах и политехникумах[76].

[75] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 7, д. 6, л. 97 об.

[76] См.: Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам (части I—IV). Третий созыв. Сессия III. 1909—1910. Заседания 1—131 (10 октября 1909—17 июня 1910 г.). СПб., 1910. Было учтено и законодательное пред-

Она поставила вопрос о создании в каждом сельскохозяйственном регионе, «обнимающем несколько губерний, сходных в сельскохозяйственном отношении», агрономического высшего учебного заведения [77].

Во исполнение этого постановления, Главное управление землеустройства и земледелия разработало «Общий план учреждения высших агрономических учебных заведений империи», утвердив его на XII сессии своего сельскохозяйственного совета (ноябрь 1910 г.) [78].

Всем высшим сельскохозяйственным учебным заведениям, уже существовавшим и будущим, устанавливались зоны обслуживания: Московскому сельскохозяйственному институту — Центр нечерноземной зоны; агрономическому отделению Рижского политехникума — Прибалтийский район; Институту сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии — Привислинский край; агрономическому отделению Киевского политехникума — пограничные нечерноземный и черноземный районы Юго-Западной России; агрономическому отделению Донского политехникума — восточная часть «каштановой» полосы степного Юга.

Новые сельскохозяйственные институты предусматривались в первую очередь: в Воронеже — для Черноземного центра; в Саратове или Самаре — для Юго-Восточной России; в Екатеринославе — для Степного черноморья; агрономический факультет Новороссийского университета — для степного Юга; сельскохозяйственный институт в Казани или агрофакультет при Казанском университете — для пограничных юго-восточных и северо-восточных районов; агрономическое отделение при Томском университете — как одно из будущих сельскохозяйственных высших учебных заведений в Азиатской России [79]. Во вторую очередь предусматривалось открытие высшей агрошколы в Харькове для Черноземного центра, а в третью — в Перми или Екатеринбурге для Северо-Востока, особенно Приуралья [80].

План этот остался, однако, на бумаге. Совет министров санкционировал лишь открытие сельскохозяйственного института в Воронеже как «наиболее центральном и удобном пункте устройства в черноземной полосе первого рассадника высших

ложение Министерства народного просвещения об учреждении агрономических факультетов при политехнических институтах (См. там же).

[77] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 120—1910, д. 47, л. 3 и об.

[78] Там же, л. 96—104 и об.

[79] Там же.

[80] Там же, л. 16.

сельскохозяйственных знаний»[81]. Новое высшее учебное заведение открылось в 1913 г.

Идея перспективного планирования развития высшей школы нашла отклик и в Совете министров. Осенью 1910 г. во время поездки в Сибирь и Поволожье Председателю Совета министров П. А. Столыпину и главноуправляющему землеустройством и земледелием А. В. Кривошеину были вручены многочисленные ходатайства местных городских управлений и общественных учреждений об организации высших, преимущественно специальных, учебных заведений. Ходатаи брали на себя обязательство частично финансировать их устройство. Полученные материалы совокупно с ранее поступившими были внесены Столыпиным «на уважение» Совета министров[82], который принял решение о разработке плана насаждения новых высших учебных заведений. Для этой цели 10 февраля 1911 г. было создано особое, под председательством министра народного просвещения Л. А. Кассо, совещание товарищей министров и главноуправляющих ведомств народного просвещения, землеустройства и земледелия, торговли и промышленности, внутренних дел, путей сообщения, финансов и контрольного. Совещание, однако, отклонилось от поставленной перед ним задачи, ограничив ее «рамками благоразумной постепенности, ибо только при этом условии можно рассчитывать на обеспечение вновь открытых высших школ надлежащими денежными средствами и преподавательским персоналом»[83]. Соответствовали этой посылке и более чем скромные результаты его деятельности. Занятое рассмотрением отдельных ходатайств, а не анализом общероссийской потребности в специалистах, оно ограничилось предложениями по созданию малочисленной группы разноплановых по специализации и случайных по географии раз-

---

[81] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 6—7, С. 9. В 1917 г. комиссия по реформе высших учебных заведений Временного правительства оценила создание Воронежского сельскохозяйственного института как результат узковедомственных устремлений, считая, что в этом городе необходим был политехникум, либо университет (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 280, л. 67 об.).

[82] Правительству были заявлены предложения об открытии: 1) Академии сельского хозяйства, лесоводства и ветеринарии в Красноярске; 2) высших сельскохозяйственных школ в Томске, Воронеже, Казани и сельскохозяйственных факультетов при Томском технологическом институте и Екатеринославном горном училище; 3) политехнических институтов в Омске, Иркутске, Новониколаевске, Екатеринбурге, Перми, Самаре, Тифлисе, Нижнем Новгороде; 4) ветеринарного института и историко-филологического и физико-математического факультетов Томского университета (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 49, л. 66 об.).

[83] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1657, л. 47.

мещения учебных заведений. В начале 1912 г. эти предложения были рассмотрены Советом министров, который постановил: создать агрономический институт в Самаре, горный — в Екатеринбурге, медицинский факультет университета в Ростове-на-Дону. В постановление был также включен пункт о необходимости выяснить вопрос о подходящем пункте в Западной Сибири для сельскохозяйственного и ветеринарного институтов, а также о целесообразности дополнительного обсуждения вопроса о высшей школе на Кавказе[84]. 2 апреля 1912 г. царь утвердил это заключение следующей резолюцией: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, что с нее вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за рукодящее указание»[85]. Таким образом, утвердив худосочные результаты деятельности совещания Кассо, царь вместе с тем воспретил дальнейшее университетское строительство. Резолюция эта сыграла свою роль. До 1916 г. в России не появилось ни одного нового университета.

Но даже эта крайне ограниченная программа, намеченная совещанием, осталась нереализованной. Хотя 3 июля 1914 г. и были приняты законы об учреждении в Самаре политехнического, а в Екатеринбурге — горного институтов[86], открытию последних помешала начавшаяся война. Выполненным оказался лишь пункт о медицинском факультете в Ростове-на-Дону, чему «помогла» война, т. к. в 1915 г. сюда был эвакуирован Варшавский университет.

Первая мировая война резко подняла акции высшей школы как поставщика чрезвычайно дефицитных командных кадров для армии и оборонной промышленности. На повестку дня был поставлен вопрос о конструктивной реформе всей сферы высшего образования. За ее разработку взялся министр народного просвещения П. Н. Игнатьев. Первостепенное значение он придавал не только военной мобилизации высшей школы, но и разработке перспектив ее развития на предстоящее десятилетие. Вопреки сложившемуся в правящих сферах мнению П. Н. Игнатьев видел необходимость наращивать потенциал не только высшего профессионально-технического, но и университетского образования. Во «всеподданнейшем» докладе от 21 июня 1916 г. он утверждал: «...Как бы ни выдвигать вперед значение профессионального

[84] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 561, л. 93.
[85] Там же.
[86] СУ, 18 июля 1914 г., ст. 218, 219.

образования, необходимо иметь в виду, что университеты являются единственными рассадниками целых категорий деятелей, без которых не может обойтись ни высшая школа, ни средняя общеобразовательная и профессиональная школы, ни государственная и общественная работа»[87].

Еще более четко этот тезис был сформулирован в одном из докладов Игнатьева о развитии инженерно-технического образования (ноябрь 1916 г.): общее образование «имеет своей конечной целью познать мир, познать окружающую человека обстановку и уяснить ее», профессиональное образование «преследует задачи утилитарные и имеет своей конечной целью сделать мир удобнее». Поэтому развитие общего образования министр считал «необходимой предпосылкой для должного развития образования специального»[88].

С лета 1915 г. в Министерстве народного просвещения развертывается деятельная подготовка к разработке перспективного плана развития российской высшей школы. При этом «университетская» часть его была отнесена к компетенции созданного при министерстве Совета по делам высших учебных заведений. Другая же часть плана, касавшаяся профессионально-технической школы, была отнесена к компетенции ряда ведомств, интересы которых представлял Совет по делам профессионального образования в империи.

Что касается плана университетского строительства, то П. Н. Игнатьев был поставлен в весьма сложное положение царской резолюцией от 2 апреля 1912 г., которая категорически воспрещала создание новых университетов. Поэтому необходимо было ее дезавуировать, причем «высочайшей» же властью. Этой цели и был подчинен «всеподданнейший» доклад министра народного просвещения от 13 июня 1916 г. На его страницах весьма аргументированно было доказано, что Россия остро нуждается не только в народнохозяйственных специалистах высшей квалификации, но и во врачах, химиках-фармацевтах, учителях естественных и гуманитарных предметов для средних школ, в специалистах с высшим юридическим и финансово-экономическим образованием[89]. Министр убеждал царя, что готовить этих специалистов наиболее целесообразно в университетах, т. к. «высшее научное преподавание, связанное с разработкой наук, требует совокупных усилий проникнутых общим научным направлением

[87] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1657, л. 48.
[88] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 8, С. 5.
[89] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 561, л. 93—95.

представителей разнородных групп наук»[90]. В итоге запрет на открытие новых университетов был отменен[91]. Началась работа над планом университетского строительства, прекратившаяся, однако, с отставкой Игнатьева. Судя по подготовительным материалам, обобщенным уже Министерством народного просвещения Временного правительства, план должен был включать в себя экономико-географические и финансовые обоснования, меры по обеспечению будущих учебных заведений преподавательским персоналом, многосторонние статистические данные о реальном состоянии среднего и высшего образования в различных регионах страны. По предварительным наметкам, новые университеты должны были открыться в Ростове-на-Дону, Перми[92], Самаре, Ярославле (вместо Демидовского юридического лицея), Воронеже (или Тамбове), Екатеринославе (или Симферополе, или Керчи), Вильне (или Могилеве, или Смоленске, или Минске), Владивостоке, Ташкенте[93]. Даже эти весьма скудные данные позволяют судить о широте задуманного П. Н. Игнатьевым проекта, впервые в истории российских университетов предусматривавшего разрушение европоцентристской традиции в их размещении.

Основную роль министерство Игнатьева играло и в планировании инженерного образования, поскольку его партнер — ведомство торговли и промышленности — ограничило свое участие в этой работе составлением «всеподданнейшего» доклада от 5 сентября 1916 г. с предложением об устройстве политехникумов в Нижнем Новгороде и Одессе[94]. 16 ноября 1916 г. министр просвещения представил в Совет по делам профессионального образования доклад «К вопросу об установлении сети технологических институтов в империи», который являлся развернутым проектом плана на ближайшее десятилетие. Как подчеркивалось в докладе, война показала, что «до сего времени наше профессиональное образование развивалось слабо и несистематично, и потому-то многие технические задачи оказывались не по силам России за отсутствием должного количества работников, и осуществление этих задач откладывалось

---

[90] Там же, л. 94 об.
[91] Там же, л. 93.
[92] Эти два университета фактически были созданы, первый в 1915 г. в связи с эвакуацией в Ростов-на-Дону Варшавского университета, второй — в 1916 г. как эвакобаза Петроградского университета.
[93] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 292, л. 16—27 об.
[94] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 609—614.

с года на год»[95]. Главная установка проекта сводилась к тому, чтобы расширить сеть высших технических учебных заведений «в двойном и тройном масштабе», но гармонично с числом средних и низших училищ[96]. Проектом Игнатьева предусматривалась организация 11 новых технологических институтов в Вятке, Саратове, Иркутске, Кишиневе, Ташкенте, Вильне, Владивостоке, Благовещенске (первая очередь), Екатеринославе, Симферополе, Воронеже (вторая очередь)[97]. 19 ноября 1916 г. вопрос о расширении сети профессиональных учебных заведений был доложен царю, который принципиально одобрил намеченные планы и разрешил их дальнейшую разработку «в законодательном порядке»[98].

28 декабря 1916 г. П. Н. Игнатьев был уволен в отставку. Его сменил безликий Н. К. Кульчицкий-креатура Распутина. Работа над проектами была им приостановлена[99].

4.

Территориальное размещение высших учебных заведений

Аппарат управления высшей школой не справлялся и с такой своей функцией, как рациональное территориальное размещение высших учебных заведений в соответствии с текущими потребностями социально-экономического и культурного развития капиталистической России конца XIX — начала XX вв.

После первой российской революции инициатива в деле расширения сети высших учебных заведений всецело перешла к буржуазии и буржуазной интеллигенции. По архивным и опубликованным источникам автор выявил более 150 ходатайств общественности об организации на государственной основе новых институтов и университетов в 56 городах, в число которых входили и уже сложившиеся центры высшего образования (Петербург, Москва, Киев, Казань, Харьков, Одесса, Екатеринослав), и только складывавшиеся (Саратов, Нижний Новгород, Ростов-на-

[95] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 8, С. 6.
[96] ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 7, д. 485, л. 26 об.
[97] ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 11, д. 198, л. 51—66.
[98] Там же. л. 23 об.
[99] Задуманные П. Н. Игнатьевым мероприятия в основном вошли в программу деятельности Комиссии по реформе высшей школы при Министерстве народного просвещения Временного правительства.

Дону, Пермь, Тифлис) [100], и, наконец, 36 городов, где не было ни одного высшего учебного заведения.

Анализ этого материала свидетельствует о крайней неразвитости сети российских высших учебных заведений. Ведь ходатайства были поданы фактически изо всех экономически важных регионов Российской империи, включая и такие обделенные высшей школой, как горнопромышленный Урал (Екатеринбург), Западная (Барнаул, Красноярск, Новониколаевск, Омск) и Восточная (Благовещенск, Иркутск, Нерчинск) Сибирь, Средняя Азия (Ташкент), Закавказье (Тифлис, Баку, Владикавказ, Кутаиси).

Наибольшую активность и последовательность в отстаивании права на открытие новых высших учебных заведений проявляли города с ускоренно развивавшейся промышленностью и торговлей. Промышленники и купечество изъявляли готовность к внушительным финансовым пожертвованиям на обзаведение «собственными» университетами и профессионально-техническими институтами. Так, в 1903 г. бакинский нефтепромышленник Манташев намеревался пожертвовать 600 тыс. руб. на обустройство политехникума в Тифлисе и 100 тыс. руб. на стипендии его студентам [101]. В 1915 г. совещание представителей промышленности и торговли Нижнего Новгорода постановило путем новых сборов увеличить на 1 млн. руб. отпущенную ими же на устройство местного политехникума сумму в 700 тыс. руб. Согласие на новое пожертвование сразу же изъявили Башкиров — 500 тыс. руб., М. А. Дегтярев и Д. В. Сироткин — по 100 тыс. руб., В, М, Бурмистров — 50 тыс. руб. [102] На открытие политехнического института в Самаре городская дума ассигновала 870 тыс. руб., губернское земство — 350 тыс. руб., уезды — 100 тыс. руб., Уфимское губернское земство — 50 тыс. руб. [103] По нашим подсчетам, представители делового мира 18 городов в период с 1906 по 1917 гг. выразили намерение сделать взносы на основание новых высших учебных заведений в сумме более 13 млн. руб.

Нередко между городами-претендентами разгоралась конкурентная борьба. Так было в 1906—1908 гг., когда правительство объявило о намерении основать новый университет. Желание

---

[100] Из городов, где действовали высшие учебные заведения, в кампании не участвовали Новочеркасск, Вологда, Кронштадт, Ялта, Эчмиадзин.

[101] Техническое образование, 1903, № 5, С. 48.

[102] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 6, 7, С. 3.

[103] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 561, л. 83.

стать университетскими заявили 10 городов. Главным аргументом в этом споре была сумма общественных пожертвований: Саратов — 1 млн. 200 тыс. руб., Воронеж — 1 млн. 50 тыс. руб., Нижний Новгород — 750 тыс. руб., Витебск — 600 тыс. руб., Минск — 500 тыс. руб., Вильна — 300 тыс. руб., Могилев — 265 тыс. руб., Смоленск — 250 тыс. руб., Царицын — 100 тыс. руб.[104] Лишь один Ярославль оказался некредитоспособным. Победителем в конечном итоге вышел Саратов.

В 1910—1914 гг. в спор за право открытия политехникумов вступили Пермь и Екатеринбург. Пермское городское самоуправление доказывало, что институт должен быть учрежден «главнейше в интересах уральского сельского хозяйства, а не горного дела, как это полагает Екатеринбургская городская дума»[105]. Верх взял Екатеринбург, хотя он и уступал Перми по сумме пожертвований (1 млн. руб. против 1 млн. 200 тыс. руб.). Его поддержал министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, который писал 17 ноября 1910 г. П. А. Столыпину: «Этот город находится в центре горнопромышленного района, сосредоточивает в себе промышленную и торговую жизнь Урала и имеет невдалеке от себя Верхне-Исетские железоделательные заводы, могущие служить так же, как и находящиеся в окрестностях золотые россыпи и другие месторождения ископаемых, для практических занятий студентов. Пермь же на окраине всего района»[106].

99% общественных ходатайств об открытии государственных высших учебных заведений в различных городах отвергались. Вяло текущий процесс развития сети высших учебных заведений в значительной степени находился во власти случайных обстоятельств — пристрастий и умонастроений царя, его ближайшего окружения, руководивших высшей школой чинов. Большую роль играла и финансовая конъюнктура. Но главной причиной, сдерживавшей этот процесс, были охранительные устремления самодержавия. Обеспокоенный размахом студенческого движения, охватившего на рубеже веков все университетские города, Николай II в 1902 г. наметил к обсуждению в Государственном совете следующие вопросы: «О необходимости значительного сокращения студентов в столичных университетах. О необходимости закрытия высших женских курсов в Петербурге и об утверж-

[104] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 349, л. 174 об., 176, 186, 193 об., 197.
[105] ЦГИА СССР, ф. 1288, Главное управление местного хозяйства Министерства внутренний дел, оп. 5, д. 130—1910, л. 97.
[106] Там же, л. 88 об.

дении их, если нужно, во второстепенных городах. О недопущении устройства новых высших курсов в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе». В том же 1902 г. в проект рескрипта на имя нового министра народного просвещения Г. Э. Зенгера царь включил указание «разработать вопрос о перенесении отдельных факультетов столичных университетов в загородные местности»[107]. В 1916 г. на «всеподданнейшем» докладе министра Игнатьева об открытии недостающих факультетов в Томском и Саратовском университетах и об открытии университетов в Ростове-на-Дону и Перми царь начертал: «Согласен. Весьма полезно было бы учреждать университеты и другие высшие специальные учебные заведения по примеру Англии в менее крупных городах»[108].

Характерно, что при обсуждении в начале 1912 г. Советом министров вопроса об учреждении высшего учебного заведения на Кавказе министр внутренних дел выдвинул следующее возражение: «Во всех студенческих беспорядках последнего времени видную роль играют кавказские уроженцы, исключительно заполненный ими университет явится новым очагом революционного брожения..., а сосредоточением революционно настроенной молодежи в одном месте создастся бóльшая опасность для порядка, нежели распылением ее между многими русскими университетами»[109]. Возражая ему, кавказский наместник И. И. Воронцов-Дашков писал Председателю Совета министров В. Н. Коковцову: «Если даже допустить на момент, что Тифлис сосредоточит в себе особо революционный элемент всех высших школ империи, хотя для этого предположения нет никаких данных, то не лучше ли действительно сосредоточить весь горючий материал в одном месте, где удобнее всегда угрожающий пожар локализовать и потушить...»[110]. Эта охранительная перепалка затянулась до февраля 1917 г. Закон об учреждении в Тифлисе политехникума был принят уже Временным правительством 5 мая 1917 г.[111]

На решение вопроса о новых высших учебных заведениях воздействовали и великодержавные амбиции царского правительства. Так, открытие высшего учебного заведения на Кав-

---

[107] Заметки Николая II о народном образовании//Былое, 1918. № 2 (30), С. 64, 66.

[108] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 561, л. 93.

[109] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 526, л. 2 об.

[110] Там же, л. 4.

[111] Собрание узаконений Временного правительства, 5 мая 1918 г., № 970. Официально вопрос о политехникуме в Тифлисе был поднят еще в 1893 г. (см.: Техническое образование, 1898, № 2, с. 86—87).

казе во многом тормозилось опасениями, что оно станет «средоточием и орудием распространения сепаратистских идей» [112] и усилит «националистическо-армянское движение» [113]. Со времени воссоздания в 1869 г. Варшавского университета царизм не допускал также открытия высших школ в Вильне, Витебске, Минске, Могилеве.

Охранительные тенденции, глушившие развитие сети высших учебных заведений в стране, усиливались также недостатком средств на финансирование последних. Считая создание новых очагов высшего образования чрезмерно обременительным для имперской казны делом, Совет министров 9 февраля 1912 г. постановил, что государство берет на себя только расходы на содержание учебных заведений, но не расходы на их устройство [114]. Такого же порядка царское правительство придерживалось и до названного постановления. Это условие лишило многие города перспективы стать центрами высшего образования. Оно являлось также универсальным благовидным предлогом отклонения предложений неугодных претендентов.

В конце XIX — начале XX вв. процесс формирования сети высших учебных заведений носил стихийный характер. Неизбежным следствием этого была неоправданная концентрация университетов, лицеев, институтов в немногочисленных центрах Европейской России, просчеты в выборе мест расположения учебных заведений, в первую очередь, народнохозяйственных. Министр народного просвещения П. Н. Игнатьев констатировал в 1916 г.: «...Высшие технические школы как рассадники научно-технических знаний и естественные культурно-просветительные центры страны, должны быть более равномерно распределены по стране, чем это имеет место для сего времени, и каждый крупный промышленный и общественный центр страны, не исключая и наших дальневосточных окраин, должны иметь и свою высшую школу с развитием в ней тех отраслей специального знания, которые особенно важны для данной местности» [115].

О необходимости равномерного и целесообразного географического распределения новых центров высшего образования писал в 1917 г. в специальной записке на имя министра вице-директор департамента народного просвещения Министерства народного просвещения Н. О. Паличек. «...Неравномерное рас-

---

[112] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 89, л. 2.
[113] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 526, л. 2 об.
[114] Там же, л. 1 об.
[115] ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 7, д. 485, л. 27.

пределение высших учебных заведений, — подчеркивал он, — не только вызывает искусственную концентрацию учащейся молодежи в небольшом количестве крупных городов, но и отвлекает из провинции интеллигентных работников» [116].

5.

Финансирование высшей школы

Одним из важнейших рычагов управления российской высшей школой было ее финансирование. Самодержавие не считало выгодным вкладывать средства в сферу подготовки кадров. В работе «К вопросу о политике Министерства народного просвещения», написанной в качестве речи для депутата IV Государственной думы большевика А. Е. Бадаева (произнесена 17 июня 1913 г.), В. И. Ленин отмечал: «Россия не только бедна, она — нищая, когда идет речь о народном образовании.Зато Россия очень «богата» расходами на полицию, на войско, на аренды и десятитысячные жалования помещикам, дослужившимся до «высоких» чинов... Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям...» [117]

Разделяя воззрения консервативной части дворянства, царизм смотрел на высшую школу в первую очередь как на кузницу крамольной интеллигенции и источник студенческих беспорядков. В июне 1902 г. Николай II в своих заметках для памяти («мысли, подлежащие обсуждению в Государственном совете») писал: «...Необходимо, чтобы ведомства отказались от теперешнего порядка исключительного приема на службу лиц с высшим образованием, в особенности на низших должностях». [118] Царя неотступно преследовала мысль о необходимости сокращения численности студентов. С. Ю. Витте вспоминал о «политических затруднениях», с которыми столкнулся в конце XIX в., продвигая в жизнь идею создания Петербургского политехникума: «...Мне указывали, что я устраиваю такое заведение, которое впоследствии может внести смуту; говорили: разве мало у нас университетов, и с уни-

[116] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 206, л. 38 об.
[117] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 23, С. 129.
[118] Заметки Николая II о народном образовании.//Былое, 1918, № 2 (30), С. 64.

верситетскими студентами мы не можем справиться, постоянные беспорядки, а тут Витте под носом желает устроить еще новый громаднейший университет [119], который будет новым источником всяких беспорядков» [120].

В 1905 г., в период наивысшего подъема первой российской революции, в правящих сферах широкое хождение имела точка зрения о целесообразности «временного закрытия» всех высших учебных заведений империи, а также временного прекращения выплат казенного содержания профессорам и студентам или его сокращения «на все время бездействия высшей школы» [121].

Самодержавие никогда не принимало близко к сердцу нужны высшей школы. На этот факт указывал отставной министр народного просвещения И. И. Толстой, который писал в 1907 г.: «В спокойное время и Государственный совет, и министры, стоявшие во главе других ведомств, почти игнорировали нужды ведомства народного просвещения, и куда легче было управляющему морским министерством добиться ассигнований десятка-другого миллионов на военные суда неизведанной еще системы, чем министру народного просвещения получить один миллион на самые неотложные и ясные нужды университетов» [122]. Так, 6 марта 1907 г. на заседании Государственного совета было оглашено правительственное сообщение об отклонении законопроекта Министерства народного просвещения о реформе высшей школы в связи с тяжелым финансовым положением России, вызванным отменой выкупных платежей крестьян и увеличением расходов на платежи процентов и погашение военных займов [123].

Размер ассигнований на нужды высших учебных заведений находился нередко в зависимости от влиятельности и предприимчивости заинтересованных министров. Вспоминая об основании Петербургского политехникума, С. Ю. Витте откровенно писал: «Будучи министром финансов, мне было конечно, легче, чем другим министрам, иметь средства на устройство этого института». И далее: «...Мне указывали, когда я задумаю что-нибудь такое сделать, то нахожу деньги, а когда другие просят у меня деньги на свои потребности, я скуплюсь...» [124].

---

[119] Имеется в виду политехникум как многофакультетное высшее учебное заведение.
[120] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2, М., 1960, С. 256.
[121] ГАБ ОР, ф. 781, д. 113, л. 1.
[122] Там же, л. 4.
[123] Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия вторая. Заседания 1—16 (20 февраля — 5 июня). СПб., 1907, стб. 40—41.
[124] Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, С. 256.

О динамике государственного финансирования высшей школы свидетельствуют данные таблицы № 21, которые касаются 90% казенных высших учебных заведений России. В целом можно говорить о его застойном характере до 1912 г. как следствии затяжной промышленной депрессии и послереволюционной политической реакции. Некоторое оживление в финансировании высшей школы наметилось лишь к 1915 г., что было вызвано, с одной стороны, наступившим экономическим подъемом, с другой — активизацией правительственного внимания к высшей школе в связи с начавшейся войной [125].

Поведомственный анализ структуры правительственного финансирования высшей школы показывает, что самым обойденным в этом отношении было Министерство народного просвещения. Так, в 1912 г. 28 подведомственным ему казенным высшим учебным заведениям с контингентом студентов 55,5 тыс. чел. (74% учащихся государственных высших учебных заведений) выделялось 62,6% правительственных ассигнований на высшую школу. 35% этих сумм распределялись между прочими ведомствами, в распоряжении которых состояли 26% учащихся казенных высших учебных заведений. Так, 21,4% субсидий получало Министерство торговли и промышленности, в политехникумах и горных институтах которого обучалось 8582 чел. (11,4% студентов государственных высших учебных заведений). Не в пользу Министерства народного просвещения говорило и соотношение аналогичных показателей по ведомству земледелия — 2,6% (1959 чел.) контингента правительственных учебных заведений и 3,3% ассигнований [126]. Неудивительно, что Государственная дума и Государственный совет постоянно рассматривали законопроекты о сверхсметных ассигнованиях на нужды высшей школы, вносимые различными ведомствами.

Российская высшая школа имела хрупкую финансовую базу, о чем убедительно свидетельствует структура ее доходных статей. По официальным данным, в 1912 г. бюджет государственных, а также общественных и частных высших учебных заведений составлял 32.548.690 руб. Доля государственного казначейства в нем равнялась 19.900.056 руб., или 61%. Остальные

---

[125] Увеличение финансирования нельзя оценивать без учета инфляции и роста цен, вызванных условиями военного времени.

[126] Расчет студенческих контингентов по высшим учебным заведениями указанных ведомств сделан по материалам статистического обзора А. Н. Куломзина «Опытный подсчет состояния народного образования» (СПб., 1912).

Таблица № 21

Финансирование высших учебных заведений министерств народного просвещения, торговли и промышленности, земледелия, путей сообщения, внутренних дел, юстиции, имп. Двора в 1907—1915 гг.

(в милн. руб.)

Министерства	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Народного просвещения	6,9	7,0	7,2	7,3	6,3	7,7	7,8	7,8	10,6
Торговли и промышленности	1,6	1,7	2,5	2,1	2,1	2,7	2,3	2,3	2,1
Земледелия	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,9	1,0	1,3
Рутей сообщения	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	0,4
Внутренних дел	0,3	0,7	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
Юстиции	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Имп. Двора	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Итого:	10,2	10,8	11,5	11,1	10,4	12,3	12,6	12,8	15,6

Источники: Государственные росписи расходов на 1909—1916 гг. См.: Государственная дума III созыва. Сессия II. 1908—1909 гг. Доклады бюджетной комиссии. СПб., 1909; То же, Сессия III. 1909—1910. вып. II. СПб., 1910; То же, Сессия IV. 1910—1911 гг., вып. II, СПб., 1911; То же. III созыв. Сессия III. 1911—1912 гг. СПю., 1912, вып. II; То же, IV созыв. Сессия I, 1912—1913 гг. СПб., 1913, вып. IV; То же, IV Созыв. Сессия II. 1913—1914 гг. СПб., 1914, вып. V; То же, IV созыв. Сессия III, 1915. Пг., 1915. Отчеты о деятельности им. Академии художеств в 1907—1915 гг. СПб., 1909—1916.

12648634 руб., или 39% поступали за счет: 1) платы за учение и содержание в интернате (7.960259 руб. — 24,5%); 2) ассигнований из земских, городских, общественных средств (169349 руб.— 0,5%); 3) процентов с капитала и специальных средств (1858150 руб. — 5,7%); 4) прочих источников и частных пожертвований (2660876 руб. — 8%) [127]. Таким образом, важнейшей статьей финансовых поступлений после государственных ассигнований являлась плата за обучение, из которой складывались «специальные средства» высшей школы. Студентами покрывались самые большие расходные статьи ее, не обеспеченные штатными ассигнованиями. Рост числа студентов вел к существенному пополнению этих средств, что помогало учебным заведениям, по свидетельству И. И. Толстого, «удовлетворять свои главные потребности, несмотря на общее повышение цен в стране», а некоторым создавать даже «небольшие запасные капиталы» [128], с которых поступали банковские проценты.

[127] Куломзин А. Н. Указ. соч., С. 6.
[128] ГПБ РО, ф. 781, д. 568, л. 83.

Фонды «специальных средств» были, однако, крайне нестабильны из-за постоянных студенческих волнений, которые вели к сокращению контингента учащихся в результате полицейских репрессий и, следовательно, к нерегулярности поступлений и уменьшению взносов платы за обучение. В результате высшие учебные заведения оказывались в состоянии финансового кризиса. Так, например, было в 1905 г. И. И. Толстой вспоминал: «Несмотря на то, что все университеты реализовывали свои запасные капиталы, дефицит достиг самых критических размеров, составляя на все 9 университетов около 1 млн. руб., причем недостаток денег заставлял прекратить жалованье многим служащим, не только сверхштатным, но и штатным, экономить на отоплении и освещении зданий, не говоря об отказе от необходимого ремонта на текущий год»[129]. На величине специальных средств высших учебных заведений пагубно отозвалась и послереволюционная реакция, которая вела к снижению студенческого контингента. Так, в 1908—1912 гг. прекратилось поступление платы за обучение в университетах с 1786 чел. Не способствовало финансовому процветанию высшей школы и изгнание в 1908 г. из университетов большинства вольнослушательниц[130].

В еще более тяжелом состоянии оказалась высшая школа в годы первой мировой войны. На одном из своих заседаний в сентябре 1916 г. Совет по делам высших учебных заведений констатировал, что дороговизна продуктов, сокращение поступления платы за обучение ввиду призывов студентов на фронт создали в бюджете университетов дефицит в размере 727 тыс. руб. В 1917 г. он достиг уже 1678 тыс. руб.[131] В 1915 г., по оценке Министерства народного просвещения, на строительные нужды университетов было израсходовано 7 млн. руб., в то время как требовалось 15 млн. руб.[132]

В 1916 г. недобор в одну тыс. чел. слушательниц Бестужевских высших женских курсов создал в их финансах дефицит в 50 тыс. руб., который через три года при таком же положении дел грозил вырасти до 250—300 тыс. руб.[133] Следует иметь в виду, что острый недостаток средств сопровождался ростом расходов

---

[129] Там же, л. 83—84.
[130] Багалей Д. И. Экономическое положение русских университетов. СПБ., 1914, С. 5.
[131] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 281, л. 197.
[132] Объяснительная записка Министерства народного просвещения на 1916 г. Пг., 1915, С. 11.
[133] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 639, л. 102.

высших учебных заведений. Так, в 1916 г. расходы на содержание Петроградского университета, по свидетельству его администрации, «удвоились, а то и утроились».[134]

Вместе с тем сокращение бюджетных ассигнований распространялось далеко не на всю высшую школу. Обделялись финансами самые массовые ее подразделения — университеты и инженерные институты. В то же время государство не скупилось на содержание Александровского лицея и Училища правоведния, историко-филологических институтов, духовных и военных академий, где контингент учащихся был сравнительно невелик. Красноречивым свидетельством тому являются сравнительные усредненные данные о годовых затратах государственного казначейства на одного студента, представленные в таблице 22 (по состоянию на 1912 г.)

Определенный вклад в финансирование казенной высшей школы, преимущественно ее инженерно-технического звена, делала торгово-промышленная буржуазия через свои корпоративные организации и частные фонды, а также буржуазная общественность в лице органов земского и городского самоуправления. Как правило, вклад этот выражался в единовременных взносах. Так, в 1898 г. на основание Киевского политехникума было пожертвовано 950 тыс. руб.[135], политехнического института в Варшаве — 2 млн. руб.[136], Высшего горного училища в Екатеринославе — 550 тыс. руб.[137]. Сверх этих сумм предоставлялась также дорогостоящая в городе земля (либо со строениями, либо под застройку).

Следует отметить, что в конце XIX в. далеко не вся буржуазия осознавала в полной мере важность высшего образования для развития торговли и промышленности. Об этом, в частности, свидетельствуют приведенные выше данные о пожертвованиях. Нужно учитывать, что Варшава была центром промышленного района с высокоразвитыми европейскими формами капитализма, тогда как в Киевском районе преобладала переработка сельскохозяйственного сырья, в основном сахарной свеклы. Журнал «Техническое образование» в связи с основанием Киевского политехникума констатировал: «Многие капиталисты вовсе воздержались от пожертвований. Участие в пожертвованиях гос-

---

[134] Там же.
[135] Техническое образование, 1898, № 1, С. 72.
[136] Отчет председателя Государственного совета за сессию 1897—1898 гг. СПб., 1898, С. 4.
[137] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 527, л. 48.

Таблица № 22

Затраты государственного казначейства на одного студента в 1912 г.

Студенты	Средняя стоимость обучения одного чел. (в руб.)	Студенты	Средняя стоимость обучения одного чел. (в руб.)
Университетов	130	Александровского лицея и Училища правоведения	345
Демидовского юридического лицея	63	Историко-филологических институтов	859
Инженерных учебных заведений	203	Духовных академий	609
Сельскохозяйственных высших учебных заведений	216	Военных академий	2835

Источник: Кудомзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912, С. 29, 30, 31, 32, 33 (*подсчет автора*)

под сахарозаводчиков оказалось довольно слабым, хотя при их жирных дивидендах они могли бы без особых усилий внести свою лепту на учреждение такого полезного и необходимого учебного заведения, как политехнический институт». [138] Южнороссийские горнозаводчики ограничили свое участие в организации Екатеринославского высшего горного училища всего 100 тыс. руб. и к тому же отказались от долговременных финансовых обязательств по отношению к нему.

В годы промышленного подъема отношение буржуазии к высшей инженерной школе начало заметно меняться. В 1914 г. на организацию Екатеринбургского горного института было пожертвовано более 1 млн. руб. [139], Самарского политехникума — 1,35 млн. руб. [140] К 1916 г. на основание Тифлисского политехнического института поступило 720 тыс. руб. от Тифлиса, 500 тыс. руб. — от Баку, 500 тыс. руб. от нефтепромышленников [141].

[138] Техническое образование, 1897, № 3, С. 30.

[139] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия II. 1913—1914. Вып. X. СПб., 1914, № 862, С. 3.

[140] Там же, № 863, С. 7.

[141] Государственная дума IV созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия IV. Пг., 1916, стб. 57006.

Общественная и частная высшая коммерческая школа не получала государственных ассигнований. Исключение делалось только для Практической восточной академии, которая находилась на государственном обеспечении. На ее счет в Общество востоковедения в 1910—1911 годах поступало по 7,5 тыс. руб.[142], а с 1912 г. — по 28 тыс. руб. ежегодно[143]. Финансовая основа прочих учебных заведений этой категории складывалась из общественных и частных взносов, а главное — из платы за обучение.

Наиболее жизнеспособными были коммерческие институты, которые опекались торгово-промышленными сословными объединениями. Купцы и промышленники, во-первых, брали на себя расходы по организации этих учебных заведений, а затем поддерживали их материально и после открытия. Так, например, городская управа Киева внесла в 1908 г. на основание местного коммерческого института 87,7 тыс. руб., а также предоставила ему здание стоимостью в 340,7 тыс. руб. За последующие четыре года капитал института составил 250 тыс. руб., из которых 100 тыс. руб. пожертвовал сахарозаводчик Л. И. Бродский. К 1910 г. только стипендиальный капитал института составлял 150 тыс. руб.[144]. В 1910 г. для «полного укрепления института» местные промышленники установили взнос в его пользу с выдаваемых в Киеве купеческих и промысловых свидетельств на торговые и промышленные предприятия в размере 20%.[145]

Аналогичный сбор был установлен также в пользу Харьковских высших коммерческих курсов. В результате на счет последних ежегодно поступали отчисления, составлявшие более 35% их ежегодных трат.[146] В 1915 г. при обсуждении вопроса о преобразовании курсов в институт Харьковское купеческое общество гарантировало поступление на счет этого учебного заведния ежегодно 20 тыс. руб., получаемых посредством «самообложения торгово-промышленного класса».[147]

Совет Петроградского общества содействия высшему коммерческому образованию в 1915 г. гарантировал Министерству торговли и промышленности, что может в любое время исхо-

---

[142] СУ, 15 июня 1910, № 90, ст. 989.
[143] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1359, л. 3 об.—4.
[144] Техническое и коммерческое образование, 1915, № 4, С. 11.
[145] там же.
[146] Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли, и промышленности. 1914—1915 учебный год. Пг., 1917 С. XVIII—XIX. Далее — Статистические сведения... 1914—1915 г.
[147] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1382, л. 3 об.

датайствовать у торгово-промышленных кругов ежегодных отчислений в пользу Института высших коммерческих знаний, но «не хочет возлагать на купечество дополнительной обязанности каких-либо платежей»,[148] сверх уже осуществлявшихся эпизодически. И действительно, только в декабре 1916—июне 1917 г. на счет института в Азовско-Донском банке поступили добровольные взносы от правления Донского земельного банка в Таганроге (25 тыс. руб.), правления Акционерного общества северных бумажной и целлюлозной фабрик (10 тыс. руб.), Волжско-Камского коммерческого банка (4,9 тыс. руб.), от Б. А. Каминки (10 тыс. руб.), В. А. Введенского (500 руб.)[149]. Общество самостоятельно погашало дефицит института, который в 1911—1914 гг. составлял ежегодно 25 тыс. руб.[150], а в 1914/15 учебном году — около 17 тыс. рубл.[151] В 1915 г. оно ассигновало Институту высших коммерческих знаний 125 тыс. руб. на постройку нового учебного здания[152].

И все же не следует переоценивать роль взносов буржуазии на погашение текущих потребностей высшей коммерческой школы, о чем свидетельствует таблица 23.

Таблица № 23

Доля взносов буржуазии в бюджет высших коммерческих учебных заведений

Учебный год	Бюджет (тыс. руб.)	Доля взносов буржуазии в бюджет (в тыс. руб.)	
		Абс.	% от бюджета
1910/11	581528	65334	11,2
1911/12	957742	346754	35,2
1912/13	941656	105006	11,1

Источник: Сметы доходов и расходов специальных средств Министерства торговли и промышленности на 1913, 1914, 1915 гг. СПб., 1912—1914.

Основной приходной статьей коммерческих высших учебных заведений была плата студентов за обучение. Она была более высокой, нежели в казенных народнохозяйственных инсти-

[148] ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 1, д. 237, л. 12 об.
[149] Там же, л. 18—26.
[150] Там же, л. 12 об.
[151] Статистические сведения 1914—1915. СПб., 1917, с. XVIII—XIX.
[152] ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 1, д. 237, л. 12 об.

тутах, и колебалась в пределах 100—120 руб. в год. Общая сумма сборов за обучение доходила до 89% приходной части их бюджета.

Слабой финансовой базой обладали многочисленные частные коммерческие курсы в Петербурге, Одессе, Юрьеве, Харькове, созданные не только с образовательными, но и с предпринимательскими целями. Не имея необходимых капиталов, их учредители рассчитывали на прибыль от платы за обучение. Расчет этот, однако, не оправдался. Эти учебные заведения с доморощенными программами обучения и бедной учебно-вспомогательной базой, не дававшие своим выпускникам служебных и сословных прав, не привлекли большого числа слушателей. Отсюда — высокая плата за обучение. Так, в 1911 г. стоимость обучения на Высших торгово-промышленных курсах, учрежденных А. И. Ивановым-Чистяковым в Петербурге, равнялась 115 руб., а на Высших коммерческих курсах Чадова в Харькове доходила до 200 руб.[153] Это, в свою очередь, вело к еще большему снижению численности контингента слушателей. На Высших коммерческих курсах в Одессе, например, в 1913 г. обучалось всего 18 чел., выплативших 3775 руб., которые в значительной степени шли на содержание 24 преподавателей [154].

Финансовая несостоятельность привела к быстрому закрытию частных коммерческих курсов. Исключение составляли лишь Высшие коммерческие курсы М. В. Побединского в Петербурге. Их бюджетные дефициты погашались из личных средств учредителя. Только в 1914/15 учебном году на счет курсов им было внесено 16090 руб.[155]

Государство материально не поддерживало высшую коммерческую школу. При создании новых и реорганизации старых учебных заведений оно неукоснительно требовало доказательств их финансовой дееспособности. Буржуазию, естественно, не устраивало такое положение. Она добивалась казенных ассигнований высшей коммерческой школе, обязуясь, в свою очередь, понизить плату за обучение, недоступную «малоимущим торговым людям».[156] Однако эти пожелания неизмено отвергались.

Подавляющее большинство неправительственных высших учебных заведений находилось на полном финансовом само-

---

[153] Марголин Д. Справочник по высшему образованию. Руководство для поступления во все высшие учебные заведения России. Киев, 1911, С. 310—311.
[154] Куломзин А. Н. Указ. соч., С. 33.
[155] Статистические сведения... Пг., 1917, С. XVIII—XIX.
[156] Техническое и коммерческое образование, 1912, № 2, С. 57.

обеспечении. Лишь немногие из них пользовались регулярными государственными ассигнованиями. Так, Высшие женские курсы в Петербурге (Бестужевские) и Московские (Герье) получали соответственно 11,6 тыс. руб. и 27,8 тыс. руб. в год.[157]

Отдельные неправительственные высшие учебные заведения получали эпизодические казенные пособия. Наиболее крупные суммы выдавались, например, Психоневрологическому институту. В 1909—1912 гг. они составили 360 тыс. руб.[158], в 1913 г. институт получил субсидию в размере 163 тыс. руб.[159] В 1915/16 учебном году — 90 тыс. руб., а в 1916/17 учебном году — 120 тыс. руб.[160] получил из государственного казначейства Петербургский женский политехникум.

В целом же единовременная помощь из казенных фондов имела форму редких мелочных раздач. Так, например, Петербургские естественно-научные курсы М. А. Лохвицкой-Скалон в 1906 и 1907 гг. получали от казначейства по 1 тыс. руб.[161] В 1914 г. Новочеркасским высшим женским курсам была единовременно выдана 1 тыс. руб. вместо испрашиваемых ежегодно 3,5 тыс. руб.[162] В 1915 г. Варшавские высшие женские курсы получили от казны единовременно 11 тыс. руб. (вместо 40 тыс.) как не имевшие «никаких пособий от общественных учреждений и казны».[163]

Незначительными были общественные пожертвования неправительственным учебным заведениям университетского профиля (в первую очередь женским). Очень редко на их счет поступали пожертвования городских и земских органов самоуправления. Мало они интересовали и буржуазию. Пожалуй, наиболее благополучным в этом отношении был Психоневрологический институт. На его счет постоянно поступали частные пожертвования преимущественно от буржуазии, реже — от дворянства. В 1908 г. их сумма равнялась 108 тыс. руб., из которых 50 тыс. руб. были переданы казанскими промышленниками Алафузовыми[164]. В 1910 г. граф С. Ф. Ржеский предоставил институту право на

---

[157] Куломзин А. Н. Указ. соч., С. 38—39.
[158] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 97, л. 638.
[159] Куломзин А. Н. Указ. соч., С. 30.
[160] Первые женщины-инженеры. Л., 1967, С. 23.
[161] Шохоль К. Р. Указ. соч., С. 98.
[162] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 907, л. 3.
[163] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 654, л. 100 об.
[164] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 97, л. 278.

владение 11 тыс. дес. земли в Волынской губ.[165] Институту было пожертвовано также 70 тыс. руб.[166], из которых 60 тыс. руб. даровала княгиня И. И. Паскевич (анонимно) [167]. В 1908 г. Николай II пожертвовал из кабинетного фонда 30 тыс. кв. саженей земли в черте Петербруга для строительных потребностей института [168]. Значительные суммы институту давала плата за обучение. Они росли по мере быстрого увеличения численности студенческого контингента: если в 1908 г. со студентов было собрано около 30 тыс. руб. [169], то в 1913 г. — 226 тыс. руб.[170] Тяжелое материальное положение неправительственных высших учебных заведений усугубилось в годы мировой войны.

---

[165] Отчет о деятельности Психоневрологического института за 1910 г. СПб., 1910, С. 46.
[166] Отчет о деятельности Психоневрологического института за 1911 год. СПб., 1913, с. 34.
[167] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 87, л. 638.
[168] Там же, л. 279.
[169] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 145, д. 97, л. 278 об.
[170] Куломзин А. Н. Указ. соч., с. 30.

ГЛАВА IV

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

1.

Численность профессоров и преподавателей

Ответить на вопрос о численности профессоров и преподавателей дореволюционной России [1] непросто, поскольку соответствующая сводная статистика отсутствует. Она была растворена в разноведомственной отчетной документации [2]. Нам известно лишь одно дооктябрьское официальное статистическое издание А. Н. Куломзина, в которое включен «опытный подсчет» профессоров и преподавателей высшей школы России. Вот его результат: в 1912 г. в российских высших учебных заведениях преподавали 6831 чел.[3] Однако эти данные значительно завышены, ибо выведены без учета того факта, что преподавательский состав общественных и частных школ в значительной степени состоял из тех, кто одновременно работал в государственных высших учебных заведениях. По сходной причине значительно завышены аналогичные подсчеты советских историков: А. Я. Синецкого — 6655 чел.[4] и В. Р. Лейкиной-Свирской — 6400 чел.[5]

---

[1] Профессорско-преподавательский корпус делился на «старших» (ординарные и экстрадординарные профессора, адъюнкт-профессора) и «младших» (преподаватели, доценты, приват-доценты, ассистенты, лекторы, лаборанты, прозекторы, консерваторы, хранители музеев и т. п.) преподавателей. В государственных высших учебных заведениях разных типов и ведомственной принадлежности, а также в общественных и частных был свой набор перечисленных преподавательских должностей.

[2] Годовые отчеты ведомств и подчиненных им высших учебных заведений, ведомственные статистические справочники по народному образованию, списки чиновников.

[3] Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния народного образования. СПб., 1912, С. 6.

[4] Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950, С. 35.

[5] Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах, М., 1981 г.,

К этому выводу нас привел анализ годовых отчетов неправительственных высших учебных заведений. Так, многочисленные женские курсы, исключая Тифлисские (33 преподавателя в 1912 г.) [6], имели в основном те же преподавательские кадры, что и местные университеты и прочие государственные школы. Например, на естественно-научных курсах при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон в Петербурге читали лекции профессора Горного института, институтов Путей сообщения, Электротехнического, Гражданских инженеров, женских Медицинского и Педагогического, а также Артиллерийской и Духовной академий [7]. На историко-литературных и юридических курсах Н. П. Раева в Петербурге занятия вели преподаватели университета и политехникума, а также Александровского лицея [8]. В 1912 г. в состав 28 преподавателей Вечерних женских курсов А. В. Жикулиной входили 12 профессоров и 8 приват-доцентов Киевского университета и 2 профессора местной Духовной академии.[9] Лучшие педагогические силы столичных правительственных высших учебных заведений составляли преподавательские коллегии Петербургского психоневрологического института и Московского народного университета им. А. А. Шанявского. Общие с местными университетами штаты имели Варшавские и Казанские высшие женские курсы.

Преподаватели государственных университетов и инженерных институтов внештатно работали в высших коммерческих школах. Например, в Московском коммерческом институте в 1912/13 учебном году было всего 5 штатных преподавателей из 59, в Киевском — 19 из 96 [10]. В Петербургском женском политехникуме преподавали преимущественно профессора институтов Технологического и Инженеров путей сообщения [11]. Фактически «женским» филиалом Московского сельскохозяйственного института являлись Голицинские сельскохозяйственные курсы [12]. На

с. 97. Автор признает результаты своего подсчета «несколько завышенными», поскольку они не учитывают совместительских должностей.

[6] ЦГИА СССР, ф. 733, Департамент народного образования, оп. 154, д. 89, л. 49.

[7] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 656, л. 19—21.

[8] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 268, л. 343. Помимо профессоров и приват-доцентов, на курсах преподавали также и учителя некоторых мужских и женских средних учебных заведений.

[9] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 649, л. 21об.

[10] Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности за 1912—1912 учебный год. Пг., 1914, с. XII.

[11] Первые женщины-инженеры. Л., 1967, С. 25.

[12] Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912, С. 96.

Петербургских сельскохозяйственных курсах в 1913/14 учебном году работали преподаватели Военно-медицинской академии, университета, женских Педагогического и Медицинского, Горного институтов и института Гражданских инженеров [13]. Аналогичным было положение и на Стебутовских женских сельскохозяйственных курсах. Даже на академическом курсе Нижегородского народного университета педагогическую работу вели преподаватели московских и петербургских высших учебных заведений [14].

Вопрос о непомерно развитом совместительстве преподавателей, вредившем качеству педагогического процесса в высшей школе, многократно и безуспешно ставился на ведомственном [15] и общегосударственном [16] уровнях.

Только консерватории, а также московские училища — Филармоническое и Живописи, ваяния и зодчества — пользовались услугами в основном штатных преподавателей художественных дисциплин. Однако общеобразовательные предметы и в них вели совместители [17].

Автором произведен подсчет численности профессоров и преподавателей высшей школы России по состоянию на 1898/99 и 1913/14 учебные годы (таблица № 24). Для получения итоговых данных нам пришлось предварительно определить количество занятых педагогическим трудом в каждой из отраслей высшего образования. Все расчеты мы произвели, основываясь на материалах отчетов государственных учебных заведений, и отдельных ведомств, списков чиновников ряда министерств, статистических справочников. Этот подсчет также требует определенных поправок, причем скорее в сторону уменьшения. Он не учитывет, во-первых, всех совместительств в сфере государственного высшего образования. Ведь, например, в одних только университетах в 1913 г. числилось 655 внештатных преподавателей [18] — приват-доцентов, некоторые из которых вынуждены были совместительствовать ради заработка одновременно в нескольких местах. Приватные преподаватели были и в Константиновском межевом

---

[13] Петровские сельскохозяйственные курсы. Отчет за 1913/1914 академический год. Пг., 1916—1915, С. 4—8.

[14] Нижнегородский городской народный университет. Отчет за весенний семестр 1916 года. Год первый. Нижний Новгород, 1916, С. 12—13.

[15] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 139, л. 1—об.—2.

[16] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908—1909 годы. сессия четвертая. СПб., 1909, стб. 2222.

[17] Отчет Московского художественного общества и состоящего при нем Училища живописи, ваяния и зодчества за 1898/99 год. М., 1899, С. 4.

[18] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. Пг., 1916.

институте, Александровском лицее. Не учтена в полной мере численность штатных преподавателей неправительственных высших учебных заведений, чему, помешало отсутствие необходимых данных.

Итак, в 1898/99 учебном году в России действовали около 2,5 тыс. профессоров и преподавателей, а в 1913/14 учебном году их было около 4,5 тыс. За полтора десятилетия рост составил, таким образом, 2 тыс. чел., или 80%, тогда как студенческий контингент за это же время вырос на 103 тыс. чел., или на 319%. В результате, если в 1898/99 учебном году на одного преподавателя приходилось в среднем 13 студентов, то в 1913/14 учебном году — уже 27, а к 1917 г. это соотношение стало еще более неблагоприятным для преподавательского корпуса. Между тем царское правительство явно скупилось на финансирование новых штатных профессорско-преподавательских мест. Абсолютное большинство высших учебных заведений имело штаты, утвержденные еще в 80—90-х годах XIX в.

Эта неблагоприятная ситуация усугублялась процессом смены поколений в преподавательском корпусе. Научно-педагогическую авансцену высшей школы фактически уже покинуло поколение профессоров, вступивших на это поприще в 60—70-х годах XIX в. В университетах и учебных заведениях университетского типа ведомства просвещения к 1917 г. они составляли всего 11% [19]. Редели и ряды тех, кто приступил к преподаванию в 80-е годы (26%). Многие из них прослужили более 25 лет и перешли в рязряд внештатных. Еще более ярко выраженным этот процесс был в высшей технической школе. В инженерных институтах Министерства народного просвещения 81,6% преподавателей относились к поколению, приступившему к работе на рубеже XIX—XX вв.[20]

В силу названных причин российская высшая школа остро нуждалась в профессорах и преподавателях. Путем простого вычитания полученных нами данных (4477 чел) из итогового подсчета А. Н. Куломзина можно получить, хотя и не абсолютно точную, но достаточно корректную цифру, показывающую количество мест, не замещенных в 1913/14 учебном году штатными преподавателями — 2354 (34,5%).

Хроническим дефицитом преподавательских кадров страдали, в первую очередь, университеты и высшие учебные заве-

[19] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. СПб., 1917 (подсчет автора).
[20] Там же (подсчет автора).

Таблица № 24

Численность профессорско-преподавательского корпуса высших учебных заведений в 1898—1914 гг.

Типы высших учебных заведений	1898/99		1913/14	
	абс.	%	абс.	%
Университеты	1130	46,0	1510	33,7
Юридические	108	4,4	137[6]	3,0
Востоковедные	31	1,3	46	1,0
Педагогические	39	1,6	126[7]	2,8
Медицинские	73[1]	3,0	238[8]	5,3
Инженерные	476[2]	19,4	1304	29,1
Аграрные	137	5,6	213	4,7
Ветеринарные	51	2,0	129	2,9
Военные	27[3]	1,0	231[9]	5,2
Духовные	150[4]	6,1	155[10]	3,5
Музыкального театрального, изобразительного искусства	236[5]	9,6	388[11]	8,7
Итого:	2458	100	4477	100

1) Данные по Женскому медицинскому институту на 1902 г.; по Военно-медицинской академии — отсутствуют.

2) Данные по Варшавскому политехникуму на 1901/02 учебный год.

3) Данные по Военно-юридической академии и Интендантскому курсу на 1902 г.; по Артиллерийской, Инженерной, Генерального штаба академиям — отсутствуют.

4) Данные по Римско-католической и Эчмиадзинской армяно-григорианской духовным академиям на 1902 г.

5) Данные по Петербургской консерватории на 1901/02 учебный год.

6) Данные по Александровскому лицею на 1912 г.

7) Данные по Женскому педагогическому институту на 1912 г.

8) Данные по Военно-медицинской академии на 1912 г.

9) Данные по высшим военным учебным заведениям на 1912 г.

10) Данные по Римско-католической Духовной академии на 1912 г.; по Армяно-григорианской духовной академии — отсутствуют.

11) Данные по Саратовской консерватории отсутствуют.

Источники: Извлечения из отчета министра народного просвещения за 1898 г. СПб., 1901, ведомость № 4, С. 184, 185, 187—190, 534, 539, 544, 551; Отчет министра народного просвещения за 1913 г. Пг., 1918, ведомости № 4, 12, 20, С. 63, 64, 71, 73, 75, 76, 78—80; Отчет министра юстиции за 1898 г. СПб., 1898, С. 84; То же за 1912 г. СПб., 1913; Ежегодник России 1905 г. (год второй) СПб., 1906, С. 527, 529; Отчет Варшавского политехнического института за 1901—1902 учебный год. Варшава, 1903, С. 40; Отчет о состоянии Киевского политехнического института за 1898 г. Киев, 1899, С. 15; Русский календарь на 1903 г. А. Суворина. СПб., 1903, С. 352; Список личного состава Министерства путей сообщения. СПб., 1898, С. 595—605, 608—612; То же на 1914 г., СПб., 1914, С. 447—454, 455—462; Список членов Министерства внутренних дел. 1899. Ч. I. СПб., 1899 г., С. 172—180, 181—183; Там же 1914. Ч. I. СПб., 1914, С. 128—131, 202—210; Речь и отчет, читанные в годичном собрании Московского сельскохозяйственного института 26 сентября 1898 г. М., 1898, С. 55; Отчет по Лесному

дения, не связанные с народным хозяйством, хотя именно здесь была сосредоточена большая часть профессоров и преподавателей: в 1898/99 учебном году — 73%, в 1913/14 — около 63% (таблица № 24). В 1900/01 учебном году в университетах осталась незамещенной 121 штатная единица (22,6%) [21], в 1913/14 — 123 (из них 63 замещены профессорами, прослужившими 30 лет, 28 — приват-доцентами, 32 — не замещены вовсе) [22]. В 1915 г. только в Петербургском, Московском, Казанском, Новороссийском, Томском и Саратовском университетах число вакансий достигло 223.[23]

Количественный рост профессорско-преподавательского корпуса российской высшей школы в 1898—1914 гг. происходил в основном за счет тех, кто преподавал в инженерно-промышленных и сельскохозяйственных институтах: 664 чел, в 1898/99 учебном году и 1646 чел. — в 1913/14 учебном году. Прирост составил, таким образом, 148% (таблица № 24).

Однако и народнохозяйственные высшие учебные заведения испытывали нужду в преподавательских кадрах. В 1911 г. в политехнических и горных институтах Министерства торговли и промышленности незамещенными остались 58 кафедр. В представлении этого ведомства в Совет министров по данному вопросу подчеркивалось, что обязанности экстраординарных профессоров по некоторым кафедрам возложены «на лиц без должной ученой степени» и, следовательно, «процент незамещенных кафедр по существу еще больше» [24].

В 1913/14 учебном году в Петербургском и Московском институтах инженеров путей сообщения были вакантными соответственно 9 (из 35) и 23 (из 30) преподавательских должно-

---

управлению Министерства земледелия и Государственных имуществ за 1898 г. СПб., 1899, С. 18; Список чинов Министерства имп. двора 15 июля 1898. СПб., 1898, С. 477—489; То же 1914. СПб., 1914, С. 649—663; Отчет С.-Петербургского отделения имп. Русско-музыкального общества и Консерватории за 1900—1901 г. СПб., 1902, С. 145—148; Отчет Московского отделения Русского музыкального общества. 1898—1899. М., 1899, С. 99—100; То же за 1914—1915. М., 1916, С. 63—64; Отчет Одесского отделения Русского музыкального общества о состоящей при нем Консерватории за 1913—1914 гг. Одесса, 1914, С. 29—30; Отчет Киевского отделения Русского музыкального общества и учрежденной при нем Киевской консерватории за 1913—1914, г. Киев, 1914, С. 64—68; Отчет Московского филармонического общества и Музыкально-драматического училища за 1897—98 учебный год. М., 1898, С. 4—8. То же за 1913—14 учебный год. М., 1915, С. 49—52; Отчет Московского художественного общества и состоящего при нем Училища живописи, ваяния и зодчества за 1898—1899. М., 1899, С. 3—4; То же за 1914—15 гг. М., 1916; С. 52—55; Куломзин А. Н. Указ. соч., С. 30, 32, 36, 41; Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности на 1914—1915 учебный год. Пг., 1917, С. XII; Там же, на 1912—1913 учебный год. Пг., 1914, С. XII; Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1914 г. Пг.,1914, С. XII; Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1915, С. 26.

[21] Отчет Министерства народного просвещения за 1900 г. СПб., 1901, вед. 4.

[22] То же за 1913 г. Пг., 1916, вед. 4.

[23] ЦГИА СССР. ф. 740, Департамент общих дел, оп. 42, д. 114, л. 2.

[24] ЦГИА СССР, ф. 1276, Совет министров, оп. 7, д. 562, л. 3об.

сти [25]. В то же время две профессорские вакансии были зафиксированы в Электротехническом институте [26].

Заместить все штатные должности иным способом, кроме совместительства, администрация высших учебных заведений не могла, поскольку пополнение преподавательского корпуса было малочисленным. Причиной тому была крайне несовершенная система подготовки научно-педагогических кадров высшей школы России.

2.

Подготовка профессоров и преподавателей высшей школы «Профессорские стипендиаты»

Профессорско-преподавательский корпус пополнялся за счет тех выпускников высших учебных заведений, которые защитили магистерские и докторские диссертации или же, не обладая учеными степенями, были известны своими научными публикациями и научно-практическим опытом. Анализ 807 формулярных списков (личных дел), охватывающих весь педагогический состав университетов и гуманитарных высших учебных заведений Министерства народного просвещения (по состоянию на 1917 г.), дал следующие результаты: 80,4% (652 чел.) их профессоров и преподавателей получили университетское образование; 12,2% (99 чел.) были питомцами Медико-хирургической и Военно-медицинской академий; 3,6% (29 чел.) окончили духовные академии; 2,1% (17 чел.) были выпускниками историко-филологических и Лазаревского восточных языков институтов, Демидовского юридического и Катковского лицеев; 0,3% (3 чел.) окончили народнохозяйственные институты; столько же имели среднее образование; 1% (8 чел.) получили образование в зарубежных университетах [27].

Подготовка преподавателей указанных высших учебных заведений осуществлялась преимущественно в российских, а также зарубежных университетах, где «профессорские стипен-

[25] Список личного состава Министерства путей сообщения. 1914 г. СПб., 1914, С. 447—462.

[26] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел. 1913 г. Ч. I, СПб., 1913, С. 128.

[27] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. Пг., 1917 (подсчет автора).

диаты» (аспиранты) готовились к первой ученой степени магистра (Таблица № 25). Для получения профессуры требовалась защита докторской диссертации. Характерно, что каждый университет пополнял свою педагогическую коллегию в основном собственными силами.

Таблица № 25

Численность «профессорских стипендиатов» при университетах в 1899—1915 гг.

Годы	Оставленные при университетах	В т. ч. командированные в заграничные университеты	Годы	Оставленные при университетах	В т. ч. командированные в заграничные университеты
1899	184	19	1906	247	15
1900	206	21	1907	231	28
1901	183	14	1908	244	24
1902	218	21	1909	238	24
1903	201	13	1911	353	40
1904	207	17	1913	465	33
1905	245	14	1915	484	6
			Итого:	3706	289

Источники: Отчеты министра народного просвещения за 1899—1913 гг. СПб., 1900—1916; Галкин К. М. Высшее образование и подготовка научных кадров. М., 1958, С. 66; ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 42, д. 114, л. 4.

Подготовленные университетами научные кадры широко использовались в качестве преподавателей общетеоретических дисциплин и народнохозяйственными высшими учебными заведениями. Об этом свидетельствует анализ 125 формулярных списков, охвативших всех преподавателей пяти инженерных институтов Министерства народного просвещения. Он дал следующие итоги: почти 33% (41 чел.) были магистрами и докторами университетов; около 21% (26 чел.) — выпускниками Харьковского и 13,6 (17 чел.) — Петербургского технологических институтов; 13,6% (17 чел.) — Московского технического училища; 5,6% (7 чел.) — Рижского политехникума. Только 12,6% (16 чел.) педагогического состава этих учебных заведений были выпускниками петербургских Горного института и институтов Путей сообщения и Гражданских инженеров, Киевского политехникума, Инже-

нерной и Духовной академий, Академии художеств. Один человек (0,8%) окончил университет в Цюрихе [28].

И для этой категории высших учебных заведений характерна тенденция к укомплектованию преподавательских коллегий собственными выпускниками. Исключение составили Рижский политехникум и Томский технологический институт, где преподавали выпускники различных высших школ: в первом — преимущественно университетов (69%), во втором — Харьковского технологического института (43%).

Для удовлетворения собственных потребностей в профессорах прикладных дисциплин имели своих «профессорских стипендиатов» и некоторые народнохозяйственные высшие учебные заведения. Так, при инженерных институтах ведомства просвещения их было: в 1915 г. — 17 чел., в 1916 г. — 12 чел., в 1917 г. — 18 чел. и 20 кандидатов на стипендии [29].

Состояли «профессорские стипендиаты» и при высших учебных заведениях Министерства торговли и промышленности — политехникумах, Петербургском горном и даже при Московском коммерческом институтах [30]. В 1911 г. глава этого ведомства испрашивал у Совета министров кредит на содержание 50 «профессорских стипендиатов» [31]. Предусматривались они уставами петербургских Института путей сообщения [32] и Электротехнического [33].

В конце XIX — начале XX вв. институт «профессорских стипендиатов» оказался в центре внимания руководителей заинтересованных ведомств и научной общественности. Он был призван главным инструментом ликвидации всевозраставшего дефицита преподавателей высших учебных заведений. Вместе с тем общепризнанным в этих кругах был и тот факт, что организационные основы подготовки преподавателей требуют кардинальной перестройки. Острая критика института «профессорских стипендиатов» прозвучала, например, в 1902 г. в Комиссии профессоров по преобразованию высших учебных заведений при Министерстве

---

[28] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. Пг., 1917 (подсчет автора).

[29] ЦГИА СССР, ф. 1129, Шевяков В. Т., оп. 1, д. 28, л. 57—61, 73—76, 83—93 об.

[30] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), собр. III, т. 25, № 21040, ст. 16; т. 16, № 12662, ст. 35.

[31] Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее СУ), 3 июня 1912, № 955, ст. 17.
ЦГИА СССР, ф. 1276, д. 562, л. 5.

[32] ПСЗ, собр. III, т. 10, № 6797, ст. 30.

[33] ПСЗ, собр. III, т. 19, № 17050, ст. 30—31.

народного просвещения. Совершенно неудовлетворительным ею было признано материальное обеспечение «профессорских стипендиатов» — 600 руб. годовых для оставляемых при российских университетах и 1200 руб. — для командированных за границу. Однако и это незначительное пособие было недоступно большинству соискателей. В 1896 г. только 28 из 91 оставленного при университетах для подготовки к педагогической деятельности получили стипендию. В 1902 г. ее обладателями были менее 50% из 218 аспирантов [34]. С такими же материальными трудностями сталкивались и «профессорские стипендиаты» инженерных институтов Министерства народного просвещения.

Лишь в 1909 г. «профессорские» стипендии оставленным при отечественных университетах были повышены до 1200 руб., а командированным в зарубежные университеты — до 2000 руб. [35] С мая 1911 г. такие же стипендии были установлены и для будущих преподавателей инженерно-промышленных институтов ведомства народного просвещения [36]. В ноябре 1911 г. министр торговли и промышленности возбудил ходатайство перед Советом министров о повышении до того же уровня окладов содержания «профессорских стипендиатов» инженерных институтов его ведомства [37].

Улучшение материального положения «профессорских стипендиатов» несколько замедлило отток из их среды менее обеспеченных аспирантов, но не решил главной проблемы — значительного увеличения их общего числа, т. к. дополнительные ассигнования поглощались в основном надбавками тем, кто уже получал стипендии. В 1915 г. из 245 оставленных при Петроградском университете для приготовления к преподавательской деятельности только 111 чел. (43,3%) получили стипендию.[38] Таким образом, большая часть «профессорских стипендиатов» университетов не пользовались государственным вспомоществованием. И в 1917 г. сохраняло свою справедливость заявление профессора Демидовского юридического лицея В. Г. Щеглова на совещании по реформе высшей школы в 1902 г.: «Научный труд для многих талантливых молодых ученых ныне превратился в научный

---

[34] Галкин К. Т. Указ. соч., С. 57.

[35] Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1908—1909 годы. Сессия IV. СПб., 1909, стб. 2220—2225.

[36] ЦГИА СССР, ф. 1129, оп. 1, д. 28, л. 24об.

[37] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 562, л. 1—5об.

[38] Отчет о состоянии и деятельности имп. Петроградского университета за 1915 г. Пг., 1916, С. 39.

аскетизм. Посему и университетские кабинеты и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла. Многие способные ученые работники покидают ныне университет, находя себе на других практических поприщах лучшее обеспечение и жизнь. Посему и научные силы России и поныне все еще малочисленны по сравнению со странами Запада»».[39]

Главный порок существовашей системы подготовки преподавателей высшей школы профессура видела в том, что советы учебных заведений были фактически устранены от процедуры окончательного отбора кандидатов в «профессорские стипендиаты». Эта прерогатива безраздельно принадлежала соответствующим министерствам, руководившим системой высшего образования. «Только профессорской коллегии принадлежит право организации новых кадров для приготовления молодых людей к профессорскому званию. Если профессорская коллегия устранена от этого дела, которое совершается помимо факультета, путем назначения, то этим колеблется и принцип академической свободы науки, и сама вера в науку, и доверие к даваемым ею ученым степеням»,[40] — утверждал проф. В. Г. Щеглов.

Однако ведомства не желали поступаться своим исключительным правом формирования состава «профессорских стипендиатов». Более того, их диктат в этой области даже усиливался. Наиболее произвольный характер он приобрел в Министерстве народного просвещения при Л. А. Кассо. Находясь в состоянии постоянной конфронтации с либеральным большинством российской профессуры, академические права которой он всячески ущемлял, министр вознамерился лишить ее и возможности воздействовать на ход подготовки научной смены. В 1911 г. Кассо подготовил проект реорганизации института «профессорских стипендиатов». Главная цель этого проекта заключалась в том, что подготовку профессоров следовало в основном сконцентрировать в зарубежных, а не в российских высших учебных заведениях, поскольку последние не способны самостоятельно готовить научные кадры из-за отсутствия в России «научной атмосферы».[41] Проектом предусматривалась, в частности, организация при некоторых западноевропейских университетах «особых институтов или курсов для подготовки молодых людей к дальнейшей научной деятельности».[42]

---

[39] Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. IV, С. 132—133.
[40] Там же, С. 135.
[41] Галкин К. Т. Указ. соч., С. 70.
[42] ЦГИА СССР, ф. 741, Отдел промышленных училищ, оп. 4, д. 48, л. 74об.

Проект вызвал резкую критику научной общественности. 20 мая 1911 г. общее собрание Российской академии наук дало ему следующую оценку: «В высшей степени нежелателен... такой способ, который лишал бы наши университеты возможности руководить приготовлением их питомцев к профессорской деятельности».[43] Это не помешало, однако, Л. А. Кассо провести свой проект в законодательном порядке через Совет министров. 19 января 1912 г. законопроект был утвержден царем [44]. Согласно новому закону, зарубежные семинарии для подготовки «профессорских стипендиатов» открылись в Берлинском (гражданское и уголовное право), Тюбингенском (биология, физика), Парижском (математика, юриспруденция) университетах, а также в университете в Карлсруэ (механика и прикладные науки) [45]. В 1912—1915 гг. там обучался 51 чел., содержание которых поглощало 2/3 кредита, отпускавшегося Министерству народного просвещения на профессорские стипендии. К тому же размеры кредитования сокращалсиь (в 1913 г. — 155 тыс. руб., в 1914 г. — 130 тыс. руб.). В результате уже в 1912—1913 гг. большинство из тех, кто готовился к преподавательской деятельности при российских университетах, остались без казенного содержания, что привело к резкому сокращению их численности [46].

Попытался Кассо перенести в основном за границу и подготовку профессоров прикладных предметов для высших технических учебных заведений. Стипендиаты технологических институтов, Московского технического училища, Рижского политехникума обучались в университете в Карлсруэ, инженерных школах Цюриха, Донаушингена, Геттингена, Бостона (за границей же им предстояло защищать и диссертации). Их численность была незначительной и постоянно убывала: в 1913 г. — 9 чел., в 1917 г. — 4 чел. [47]

Не оправдались расчеты министра народного просвещения и на ускорение процесса подготовки профессоров из заграничных стипендиатов. Значительное число их не уложилось в двухгодичную программу и сроки их подготовки пришлось увеличить [48].

В целом Л. А. Кассо еще больше расшатал институт «профессорских стипендиатов». Государственная недальновидность

---

[43] Галкин К. Т. Указ. соч., С. 70.
[44] Там же.
[45] ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 4, д. 48, л. 7об.
[46] Галкин К. Т. Указ. Указ. соч., С. 71.
[47] ЦГИА СССР, ф. 1129, оп. 1, д. 28, л. 57—61, 73—76, 81об.—93об.
[48] Галкин К. Т. Указ. соч., С. 70.

предпринятых им мер отчетливо обнаружилась с началом первой мировой войны. Абсолютное большинство зарубежных, преимущественно немецких, курсов для подготовки российских «профессорских стипендиатов» закрылись. В 1915 г. только шесть человек готовились за границей (видимо, во Франции и США) к профессуре в университетах [49]. Ни одного стипендиата не командировали за рубеж инженерные школы Министерства народного просвещения [50].

Важным фактором бюрократического регулирования состава будущих преподавателей высшей школы являлась проверка их политической благонадежности. В принятых 21 мая 1884 г. Министерством народного просвещения правилах о «профессорских стипендиатах» (они действовали до 1912 г.) указывалось, что лица, участвовавшие в студенческие годы в «беспорядках», а также «чем-либо иным заявившие свою политическую неблагонадежность», не могут быть рекомендованы на «профессорские стипендии» или в заграничные командировки [51]. Это правило неукоснительно соблюдалось до 1917 г.

Значительная часть преподавательского корпуса высшей школы комплектовалась из лиц, не обладавших учеными степенями. В университетах это были приват-доценты, в группу которых, помимо обладателей ученых степеней (магистры и доктора наук, не работавшие в университетах [52], члены Академии наук, профессора народнохозяйственных институтов), входили и лица без ученых степеней, «приобретшие известность своими учеными трудами, а также сдавшие магистерские экзамены, не защитившие диссертации, но получившие «от одного из университетов свидетельства на право преподавания в звании приват-доцента» (в основном бывшие «профессорские стипендиаты») [53].

За исключением узкой группы профессоров по таким дисциплинам, как математика, физика, химия, технология, ботаника, зоология, от которых непременно требовался диплом доктора физико-математического факультета университета, преподавательские коллегии инженерно-промышленных и земледельческих

---

[49] ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 42, д. 114, л. 4.
[50] Там же, л. 13.
[51] ЦГИА СССР, ф. 1129, оп. 1, д. 28, л. 3.
[52] От них требовалось «доказать способность к преподаванию чтением лекций в продолжение не менее трех лет в звании приват-доцента университета или преподавателя другого высшего учебного заведения», чтобы получить звание профессора (ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 99).
[53] ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 109.

институтов составлялись преимущественно из тех, кто не обладал учеными степенями. Например, в уставах технологических, Рижского политехнического, Московского и Новоалександрийского сельскохозяйственных институтов учитывалось, что их профессора прикладных дисциплин избирались из лиц, «заявивших себя печатными трудами» или «практическими по этой специальности познаниями». Сходный порядок, хотя и с определенной спецификой, действовал и в прочих народнохозяйственных институтах [54].

Кто же были эти «заявившие себя печатными трудами» или «практическими... познаниями»? Как показывают списки чиновников различных центральных ведомств, это были, во-первых, профессора и преподаватели других высших учебных заведений, во-вторых, государственные служащие. Так, профессор Института гражданских инженеров Н. К. Чижов был членом Технико-строительного комитета МВД и председателем временной комисии по канализации и водоснабжению Петербурга, профессор того же института академик архитектуры Г. Д. Гримм — инспектором строительной части и главным архитектором ведомства учреждений имп. Марии [55], профессор Электротехнического института П. С. Осадчий — помощником начальника Главного управления почт и телеграфов, а также председателем междуведомственного радиотелеграфного комитета [56].

3.

Научная аттестация педагогического состава высшей школы

Важнейшим звеном процесса формирования профессорско-преподавательского корпуса была научная и педагогическая аттестация [57] вливавшегося в него пополнения. т. е. присвоение ученых

[54] ПСЗ, собр. III, т. 7. № 4310, ст. 244, т. 14, № 10787, ст. 47; т. 26, № 12895, ст. 35; СУ, 17 апреля 1893 г., № 156, ст. 24.

[55] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1913 г. Ч. I, СПб., 1913, С. 203.

[56] Там же. С. 127.

[57] По истории института научной аттестации в России также см.: Синецкий А. Я. Указ. соч.; Галкин К. Т. Указ. соч.; Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России.//История СССр, 1985, №2.

степеней (магистр, доктор) [58] и педагогических званий (профессор, приват-доцент, адъюнкт-профессор). Причем в одних случаях присвоение педагогического звания обусловливалось наличием ученой степени, в других — педагогическое звание присваивалось без ученой степени, являясь одновременно и формой научной аттестации.

В России отсутствовала единая научно-аттестационная система, построенная на общих критериях экспертной оценки и принципе защиты диссертационных трудов.

В университетах советы их факультетов присваивали после защиты соответствующих диссертаций ученые звания магистра и доктора по одному из 39 разрядов наук, внесенных в положение 4 января 1864 г. об ученых степенях. В 1900—1919 гг. в университетах было защищено 819 магистерских и докторских диссертаций по естественно-математическим и гуманитарным наукам (кроме медицинских) [58]. В год, таким образом, защищалось примерно 40 диссертаций. Это число значительно отставало от растущих потребностей в профессорах самих университетов и прочих высших учебных заведений. Главными центрами научной аттестации являлись Петербургский и Московский университеты, где было защищено 64,6% названных диссертаций.

Большее число защит происходило на медицинских факультетах университетов, а также в Военно-медицинской академии и Женском медицинском институте. Только в университетах в 1900—1909 гг. их число составило 423 против 397 [59] по прочим разрядам наук.

Магистры и доктора не только оседали в университетах (первые в качестве приват-доцентов и младших преподавателей, вторые — ординарных и экстраординарных профессоров), но и составляли научный костяк профессорско-преподавательских коллегий всех без исключения гуманитарных высших учебных заведений. Последние почти не готовили самостоятельно научно-педагогическую смену, а посылали большинство своих стипендиатов в университеты. Профессорами общенаучных дисциплин (математика, физика, химия, технология, ботаника, зоология)

---

[58] Только в Юрьевском и Варшавском университетах, помимо названных, присуждалась ученая степень кандидата, которая была рангом ниже магистерской и фактически приравнивалась к диплому I степени (ПСЗ, собр. II, т. 40, № 41667, ст. 70); Кричевский Г. Г. Указ. соч.//История СССР, 1985, № 2.

[59] Рассчитано по данным годовых отчетов Министерства народного просвещения и указ. статье Г. Г. Кричевского.

в инженерно-промышленных и земледельческих институтах могли быть опять-таки только магистры и доктора университетов (в качестве ординарных, экстраординарных или адъюнкт-профессоров).

Научную аттестацию профессоров и преподавателей прикладных (практических) наук, исключенных из разрядов диссертационных [60], народнохозяйственные институты осуществляли самостоятельно. В политехникумах и Петербургском горном институте Министерства торговли и промышленности, а также в петербургских институтах Инженеров путей сообщений и Электротехническом для замещения профессорских вакансий (кафедр) необходимо было иметь звание «адъюнкт». Для его получения требовалось: 1) выдержать испытание «по программе наук, одобренных отделением, применительно к испытаниям на степень магистра российских университетов», 2) публично защитить «ученую работу», 3) прочесть пробную лекцию [61].

В целом эта научно-аттестационная процедура была аналогична той, которую проходили магистры университета, а звание адъюнкта видимо, было сходно с ученой степенью магистра. Не случайно адъюнкт (равно как ординарный и экстраординарный профессора) Петербургского горного института должен был иметь магистерский диплом [62].

Точно такую же процедуру проходил и кандидат на профессорскую кафедру в Томском технологическом институте, но без звания адъюнкта [63]. В Петербургском лесном институте, где звание адъюнкта не было предусмотрено, будущие профессора прикладных дисциплин защищали только диссертации [64].

Еще более коротким был путь к профессуре в технологических, Рижском политехническом, Московском и Новоалександрийском сельскохозяйственных институтах и Институте гражданских инженеров. Они отбирались из имевших высшее образование по предмету преподавания и «заявивших себя печатными трудами» или «практическими по этой специальности познаниями» [65]. Исключение прикладных дисциплин из разрядов наук, по которым защищались диссертации, породило крайний разно-

---

[60] Среди 39 разрядов диссертационных наук была лишь одна прикладная — агрономия, представленная в университетах самостоятельной кафедрой.

[61] ПСЗ, собр. III, т. 25, № 2140, ст. 12 (устав Петербургского политехнического института). Аналогичные этой статьи включают и уставы прочих из названных институтов.

[62] ПСЗ, собр. III, т. 16, № 12662, ст. 35.

[63] ПСЗ, собр. III, т. 20, № 18869, ст. 8.

[64] ПСЗ, собр. III, т. 12, № 21319, ст. 39.

[65] ПСЗ, собр. III, т. 17, № 4310, ст. 29; т. 14, № 10789, ст. 24; т. 16, № 12895, ст. 35.

бой в критериях и процедуре научной аттестации подавляющего большинства преподавателей народнохозяйственных высших учебных заведений. Это, конечно, отрицательно сказывалось и на подготовке для них научно-педагогической смены.

В конце XIX—начале XX вв. данный вопрос приобрел большую практическую актуальность. Его положительного решения добивался, в частности, министр народного просвещения П. Н. Игнатьев. Созванное им в марте 1916 г. Особое совещание по реформе высших технических учебных заведений Министерства народного просвещения (участвовали члены Государственного совета и Государственной думы в лице видных ученых и деятелей инженерного образования, члены Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию, чиновники Министерства народного просвещения) приняло резолюцию о необходимости введения в высших технических учебных заведениях ученой степени «доктора прикладных наук, сообразно специальности отделений» [66]. Резолюция, в виде особого пункта, была включена в проект устава технологических институтов, разработанного в Отделе промышленных учебных заведений Министерства народного просвещения [67]. Но, как и большинство начинаний П. Н. Игнатьева в области высшего технического образования, проект был отвергнут.

Более практический характер вопрос об ученых степенях приобрел в сфере высшего сельскохозяйственного образования, где существовал острый дефицит преподавателей как старых, так и вновь открывавшихся сельскохозяйственных институтов. Расстановка сил, выступавших «за» и «против» положительного решения этого вопроса, весьма наглядно обозначилась во время обсуждения в июне 1912 г. в Государственном совете законопроекта «О предоставлении совету Московского сельскохозяйственного института права возводить в ученые степени магистра и доктора», внесенного Главным управлением землеустройства и земледелия [68]. Против законопроекта выступали «правые». А. С. Стишинский от их имени заявил: «Согласившись на предоставление высокого права возведения в ученые степени доктора и магистра сельскохозяйственному институту, было бы трудно возражать против предоставления такого же права институту Инженеров путей сообщения, технологическим

---

[66] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 2, С. 40.
[67] Там же, 1916, № 4, С. 40.
[68] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911—12. Сессия седьмая. СПб., 1912, стб. 4871.

институтам, политехникумам и даже... Академии генерального штаба — присуждать степени магистра стратегии и доктора тактики». В результате значительно понизилось бы «высокое звание этих степеней».[69]

С «правыми» солидаризировался профессор М. М. Ковалевский, выражавший мнение университетской профессуры. «Нам предлагается по частному случаю ломать вековой порядок высшего образования во всех цивилизованных странах, в том числе в России»,[70] — заявил он, добавив: «Ученые степени выдавались прежде всего за теоретические знания, а не за прикладные, т. к. прочное прикладное немыслимо в том случае, если не имеется достаточной теоретической подготовки».[71] В конечном счете законопроект не прошел. В 1911 г. Государственный совет вновь отклонил аналогичный законопроект, одобренный Государственной думой (внесен 35 депутатами).[72]

31 января 1914 г. Государственная дума по инициативе 32 депутатов, преимущественно от земско-городских органов самоуправления, возобновила обсуждение законопроекта «О предоставлении Московскому сельскохозяйственному институту права возводить в ученые степени магистра и доктора агрономии». Законопроект был поддержан П. Н. Игнатьевым, в то время товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием. Обсуждение его продолжалось до марта 1916 г., когда думское большинство заключило: Московский сельскохозяйственный институт «значительно превосходит физико-математические факультеты в отношении развития своей ученой и учебной обстановки по отношению к агрономии. Он имеет право присуждения ученых степеней магистра и доктора выпускникам сельскохозяйственных институтов или выпускникам физико-математических факультетов университетов по специальности «агрономия»»[73]. Однако высочайшее утверждение этого законопроекта так и не состоялось.

Правом присуждения только одной ученой степени магистра ветеринарии обладали ветеринарные институты (кроме Варшавского). Эта степень имела узкокорпоративный характер, поскольку присуждалась только выпускникам данных учебных

---

[69] Там же.
[70] Там же, стб. 4875.
[71] Там же, стб. 4876.
[72] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия II. 1913—14. Вып. II. СПб., 1914, № 144, С. 1.
[73] То же, сессия IV. 1915—16. Вып. III. Пг., 1916, № 134, С. 2—3.

заведений. Не был четко определен ее статус как ученого звания, более высокого, чем диплом врача-ветеринара. По уставу ветеринарных институтов оно соответствовало диплому I степени (с отличием) или ученой степени магистра университета [74]. Следовательно, если получение последней в университете требовало сдачи сложнейших магистрских экзаменов и публичной защиты в совете факультета диссертационной монографии, то путь к равнозначной ученой степени магистра ветеринарии был открыт каждому выпускнику ветеринарного института.

Узкокорпоративными были также ученые степени магистра и доктора богословия, которые присуждались духовными академиями по сходной с университетской процедуре. Наконец, уже Временное правительство создало еще один центр высшей научной аттестации по экономическим наукам. 12 апреля 1917 г. было издано постановление о предоставлении Петроградскому политехническому институту права присваивать ученые степени магистра и доктора политической экономии и статистики, а также финансового права.[75]

Право научно-педагогической аттестации собственных преподавательских кадров имели и некоторые неправительственные высшие учебные заведения. Им обладали, например, коммерческие институты в Москве и Киеве. Чтобы занять в них должность профессора одного из специальных предметов, требовалось звание адъюнкта, присужденное одним из российских высших специальных учебных заведений, либо самим институтом, но после выполнения такой же программы. Для занятия должности доцента в этих институтах требовалась либо ученая степень, либо доцентское звание [76].

С 1916 г. звание «профессор» стали присваивать Частный городской университет при Психоневрологическом институте, Московские высшие женские курсы и Киевский женский медицинский институт. Правда, оно не давало никаких служебных прав и являлось лишь почетным [77]. Самостоятельно профессорское звание своим преподавателям присваивали консерватории, Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а также Филармоническое училище.

Таким образом, в конце XIX—начале XX вв. в России отсутст-

---

[74] ПСЗ, собр. II, т. 48, № 52228, ст. 44.
[75] Сборник указов и постановлений Временного правительства Вып. I. 27 февраля — 5 мая 1917 г. Пг., 1917, С. 259—260.
[76] СУ, 3 июня 1912 г., № 955, ст. 12, 13; № 982, ст. 12, 13.
[77] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 719, л. 2.

вовала единая научно-аттестационная система. Это мешало делу оперативной подготовки научно-педагогической смены и отрицательно сказывалось на качестве педагогического процесса.

4.

Сословно-классовый и национальный состав профессорско-преподавательского корпуса

Все педагоги высших учебных заведений были потомственными и личными дворянами, а также личными и почетными гражданами (штатные — как чиновники, нештатные — по диплому о высшем образовании). Эта двухсословная структура, однако, не отражала истинной социальной природы профессорско-преподавательского корпуса. Выяснить ее можно, лишь располагая данными об изначальной сословной принадлежности профессоров и преподавателей. Их дают нам послужные списки преподавателей высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения за 1917 г. (всего 936).

Анализ этого источника показал, что ведущая тенденция развития сословно-классовой ситуации во всероссийском профессорско-преподавательском корпусе заключалась в демократизации его состава. Наиболее рельефно она обозначилась в университетах, учебных заведениях университетского типа и в народнохозяйственных институтах, где концентрировалась основная часть профессоров и преподавателей российской высшей школы. В 1917 г. в преподавательских коллегиях университетов и гуманитарных институтов (ведомства Министерства народного просвещения) на 6% снизилась доля потомственных дворян и на 4,8% возросла доля выходцев из буржуазных и особенно мелкобуржуазных слоев.

Расширение на 5% представительства детей личных дворян, обер-офицеров (до капитана), чиновников (в основном мелких), а также сохранение высокой доли выходцев из духовенства привели к увеличению разночинского элемента среди профессоров и преподавателей этих высших учебных заведений (см. таблицу № 26).

Еще более интенсивно буржуазные и мелкобуржуазные элементы внедрялись в профессорско-преподавательский состав инженерных институтов, готовивших руководящие кадры для

Таблица № 26

Сословный состав профессорско-преподавательского корпуса университетов и высших учебных заведений университетского типа ведомства Министерства народного просвещения за 1875—1917 гг.

№№ пп	Сословия	1875 г.		1904 г.		1917 г.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1.	Из дворян	129	41,0	209	39,2	271	33,4
2.	Из личных дворян, чиновников и обер-офицеров	45	14,3	91	17,1	182	22,4
3.	Из духовенства	56	17,0	111	20,9	132	16,2
4.	Из почетных граждан (потомственных и личных)	4	1,9	15	2,8	26	3,2
5.	Из купцов	23	7,3	28	5,3	38	4,7
6.	Из мещан	31	10,0	42	7,9	79	9,7
7.	Из крестьян и казаков	5	1,6	12	2,3	23	2,8
8.	Сыновья врачей, юристов, художников, учителей, инженеров	6	2,0	21	4,0	38	4,7
9.	Из иностранцев	16	5,0	3	0,6	22	2,7
	Итого:	315	100	532	100	811	100

Источники: Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884. М., 1976, с. 50, 170; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. СПб., 1917.

капиталистической промышленности. В этом убеждает нас анализ послужных списков 125 преподавателей технических высших учебных заведений Министерства народного просвещения (таблица № 27): 45,6% их происходили из буржуазных и мелкобуржуазных слоев; более высокое представительство среди них имели дети личных дворян, чиновников и обер-офицеров; на 9% меньше, чем в университетах, была потомственно-дворянская их часть.[78]

Демократизация состава профессорско-преподавательского корпуса определялась сословно-классовыми процессами, протекавшими в студенческом контингенте высшей школы, педагогический состав которой рекрутировался из ее же выпускников. Однако сословный состав преподавательских коллегий и студен-

[78] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. СПб., 1917 (подсчет — автора).

Таблица № 27

Сословный состав профессорско-преподавательского корпуса Петроградского, Харьковского, Томского технологических институтов, Московского технического училища, Рижского политехникума за 1917 г.

Сословия	1917	
	Абс.	%
Из дворян	33	26,4
Из личных дворян, чиновников и обер-офицеров	29	23,2
Из духовенства	6	4,8
Из почетных граждан (потомственных и личных)	10	8,0
Из купцов	8	6,4
Из цеховых и мещан	27	21,6
Из крестьян и казаков	6	4,8
Сыновья врачей, провизоров, артистов, художников, учителей, инженеров	5	4,0
Из иностранцев	1	0,8
Итого:	125	100

Источник: Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. СПб., 1917.

чества высших учебных заведений не совпадал по количественным показателям. В университетах в 1916/17 учебном году дворян среди профессоров и преподавателей было 33,4%, а среди студентов — всего 5%; детей личных дворян, чиновников, обер-офицеров — соответственно 22,4 и 29%; из духовносословных — 16,3 и 10%; детей почетных граждан и купцов — 7,9 и 12%; детей мещан и цеховых — 9,7 и 25%; крестьян и казаков — 2,7 и 13% (см. таблицы 26 и 32).

В инженерно-промышленных институтах эти соотношения, по тем же данным выглядят следующим образом: потомственные дворяне — 26,4 и 7,6%, дети личных дворян, чиновников, обер-офицеров — 23,2 и 14%; из духовно-сословных — 4,8 и 2%; из почетных граждан и купцов — 6,4 и 14,5%; из цеховых и мещан — 21,6 и 38,9%; из крестьян и казаков — 4,8 и 22,2% (см. таблицы 27 и 33).

Мы видим, что студенчество демократизировалось значительно интенсивнее, нежели профессорско-преподавательский корпус. На этот факт применительно к концу XIX в. впервые обратила внимание В. Р. Лейкина-Свирская. Она обоснованно объясняла его «результатом социальной обстановки, в которой

из массы учащихся млгли подняться к верхам ученой профессии лишь малочисленные элементы, наиболее обеспеченные или наиболее энергичные и способные (из разночинцев). С другой стороны, эта задержка несомненно была связана с реакционными политическими тенденциями в подборе и комплектовании ученых кадров, которые ярко проявлялись в 80-х годах».[79] Данный вывод в полной мере применим и к началу XX вв.

В целом сословная фильтрация состава профессоров и преподавателей была более результативной, нежели «просеивание» студенчества. Вплоть до 1917 г. значительную их часть составляли потомственные дворяне по рождению, преимущественно потомки служилого дворянства. Немало среди них было и представителей академических кланов — Семеновых-Тяншанских, Ляпуновых, Фортунатовых, Струве, Орбели, Рубинштейнов, Арбузовых и многих других. Они представляли второе и третье поколения профессоров, преимущественно университетских,[80] поскольку инженерно-промышленная высшая школа набрала силу только в конце XIX — начале XX вв.

Поместное дворянство в профессорско-преподавательском корпусе было представлено крайне незначительно. Об этом говорят косвенные данные, например, о владельцах фамильной земельной собственности. Среди 811 штатных профессоров и преподавателей университетов и учебных заведений университетского типа ведомства просвещения нами выявлен 51 (6,3%) землевладелец, причем у троих из них имения принадлежали женам.[81] Всего 6 (4,8%) землевладельцев было среди 125 штатных профессоров и преподавателей инженерно-промышленных институтов Министерства народного просвещения.[82]

Незначительное представительство в профессорско-преподавательских коллегиях столбового дворянства имело свои исторические причины. В течение более ста лет, начиная с открытия в 1755 г. Московского университета и по 1863 г., ученый корпус по своим социальным и материальным привилегиям стоял гораздо ниже чиновников многих государственных служб. Но и после 1863 г., когда сразу на два ранга были подняты чины ученых и вдвое повышено их содержание, дворянство неохотно

---

[79] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, С. 178.

[80] Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1990—1917 годах, С. 98.

[81] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. СПб., 1917 (подсчет автора).

[82] Там же.

направляло своих детей на стезю науки. Она требовала больших затрат умственных и физических сил, а также материальных средств, но взамен отнюдь не давала столь быстрой карьеры, как, скажем, военная или чиновничья служба. Не приносила научно-педагогическая деятельность и особых материальных благ.

Ее избирали лишь те из потомков стародворянских родов, для которых наука представлялась единственным жизненным призванием, как, например, Б. Н. Чичерин, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, А. Н. и Н. Н. Бекетовы, В. И. Вернадский. Перешагнув грань сословно-кастовой ограниченности, они уже по существу ничем не отличались от своих коллег, происходивших из личных дворян, чиновников, обер-офицеров, духовенства, почетных граждан, купцов, мещан и цеховых, крестьян и прочих сословий. Специфика научного знания, сходные условия научно-педагогического труда и более или менее равные возможности академической карьеры профессоров и преподавателей превращали их в бессословную профессионально-корпоративную группу буржуазной интеллигенции и стимулировали оппозиционные умонастроения, господствовавшие в российском академическом корпусе.

Профессорско-преподавательский состав российской высшей школы, так же как и ее студенческий контингент, был объектом воздействия вероисповедно-национальной политики самодержавия. Он формировался главным образом из православных по своей религиозной принадлежности, а следовательно, в абсолютном большинстве из русских. В 1917 г. в университетах и школах университетского типа ведомства Министерства народного просвещения таковые составляли 85,6% (694 чел. из 811), в инженерных институтах того же ведомства — 75,2% (94 чел, из 125).[83]

Из других национальностей среди преподавателей этих учебных заведений наиболее весомую группу составляли немцы (лютеране): соответственно 8% (65 чел.) и 20% (25 чел.).[84] В основном они концентрировались в университетах Москвы, Петербурга и западных губерний, в первую очередь Юрьевском, а также в Рижском политехникуме. Преподавателей этой национальности самодержавие особенно выделяло после русских. Исключение делалось для высших учебных заведений прибалтийских губерний, которые в конце XIX в. были русифициро-

[83] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. Пг., 1917 (подсчет автора).
[84] Там же.

ваны.[85] В связи с этим примечателен такой факт. В 1898 г. при создани Варшавского и Киевского политехникумов С. Ю. Витте, тогда министр финансов, распорядился при назначении профессоров и преподавателей в эти учебные заведения отдавать лицам православного и лютеранского исповедания предпочтение перед католиками. Последние избирались только в случае «выдающихся способностей и званий».[86]

Так, в 1917 г. в Варшавском университете преподавал всего один поляк, да и то только с 1906 г., когда в программу была введена польская словесность. Среди преподавателей Варшавского ветеринарного института поляков не было вовсе. В Киевском университете их было только два. В целом профессора и преподаватели польской национальности составляли 5% (40 чел, из 811).[87] Наибольшее число их работало в Харьковском (10 чел.) и столичных (по 5 чел.) университетах.

Не допускались в казенную высшую школу и преподаватели иудейского вероисповедания. Прочие национальности (армяне, эстонцы, латыши, буряты) были представлены в преподавательском корпусе высших учебных заведений Министерства народного просвещения, да и прочих ведомств, единицами.

Национальный состав педагогов негосударственной высшей школы был в основном таким же, как и в государственной.

5.

Правовое и материальное положение профессоров и преподавателей

Профессионально-правовое положение профессоров и преподавателей жестко регламентировалось уставами учебных заведений и ведомственными административно-бюрократическими предписаниями. В конце XIX — начале XX вв. академическая инициатива профессоров была крайне ограниченной, а у младших

[85] В 1889 г. в Юрьевском университете было около 87% профессоров и преподавателей немецкой национальности и только 8,7% — русских. В 1917 г. это соотношение выглядело следующим образом: 9,8% — немцы, 75,4% — русские (История Тартусского университета. 1632—1982. Тарту, 1982, с. 133).

[86] ЦГИА СССР, ф. 40, Всеподданнейшие доклады по части торговли и промышленности, оп. 1, д. 50, л. 103, 150 об.

[87] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. Пг., 1917 (подсчет автора).

преподавателей вообще отсутствовала. В целом все они были приравнены к чиновникам различного ранга.

Такое бесправное профессиональное положение резко противоречило стремлению профессорско-преподавательского корпуса к академической автономии, которой обладали их коллеги в западноевропейской и американской высшей школе. Она предполагала: 1) право контроля со стороны правительственной власти за деятельностью высших учебных заведений, но не всеобъемлющего руководства ими; 2) принцип самопополнения преподавательского состава посредством избрания на соответствующие должности советом профессоров без согласования с бюрократическими инстанциями; 3) избрание администрации учебных заведений (ректор, проректор, деканы, инспектор студентов) коллегией профессоров; 4) коллегиальное самоуправление преподавательского корпуса; 5) свободу науки и преподавания, т. е. педагогический и научный процесс без бюрократических регламентаций.

В условиях самодержавия столь широко понимаемая академическая свобода была, разумеется, недостижима. Однако на волне буржуазных реформ 60-х годов XIX в. был несколько либерализован и университетский режим. Устав 1863 г. расширил академические прерогативы совета профессоров, хотя, как показала Р. Г. Эймонтова, он «не только не занял руководящей роли в системе управления университетом, но не получил самостоятельности даже в решении вопросов, связанных исключительно с наукой и преподаванием».[88]

Однако даже бюрократически усеченные академические свободы профессорских коллегий не вписывались в политическую систему царизма, несовместимую «с какой бы то ни было самостоятельностью».[89] В 70-х годах XIX в. началось, а в 1884 г. принятием нового устава университетов завершилось победой целенаправленное наступление реакции на эти свободы.[90] Университетская контрреформа 1884 г. должна была покончить с оппозиционностью ученого корпуса, корпоративные привилегии которого отождествлялись правящей бюрократией с «независимостью убеждений, гордостью настоящего знания».[91] Другая цель контрреформы сводилась к тому, чтобы возвести стену между настав-

---

[88] Эймонтова Р. г. Университетская реформа 1863 г.//Исторические записки, № 70. М., 1961, С. 174.
[89] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 5, С. 227.
[90] Подробно см. Щетинина Г. И. Указ. соч.
[91] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 5, С. 227.

никами и учащимися, превратить профессоров и преподавателей в безоговорочных союзников администрации в ее противостоянии студенческим беспорядкам.

Эти полицейско-охранительные идеи, пронизывавшие университетский устав 1884 г., были перенесены и в уставы прочих казенных высших учебных заведений, которыми определялось отношение самодержавия к российским ученым вплоть до февраля 1917 г. Существо этого отношения с предельной точностью сформулировал в 1887 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом».[92] Исходя из этого охранительного постулата, царизм предоставлял решающее слово в деле формирования профессорско-преподавательского состава административно-бюрократическим инстанциям.

На большую часть всероссийского профессорско-преподавательского корпуса распространялся порядок заполнения вакансий, предписанный университетам: министр замещал их по собственному усмотрению или разрешал совету избрать кандидата и представить его на утверждение.[93] Применялся преимущественно второй вариант. Первый же вводился в действие в критических ситуациях, когда профессорская коллегия выходила из повиновения администрации. Так, например, было в 1911 г., когда места 130 профессоров и преподавателей, вынужденно покинувших Московский университет в знак протеста против произвола Кассо, были замещены простым назначением. По обоснованному убеждению В. И. Вернадского, «изгнание отдельных профессоров для терроризации оставшихся было поставлено целью практической политики П. А. Столыпина». Произвольно заполняя вакансии благонадежными лицами, Министерство народного просвещения не утвердило в том же 1911 г. в должностях профессоров С. А. Усова, избранного советом Московского университета.[94] Младшие преподаватели университетов (в основном приват-доценты) после избрания советом профессоров утверждались попечителем учебного округа.

Аналогичный университетскому порядок замещения профес-

---

[92] См.: Щетинина Г. И. Указ. соч., С. 177.
[93] ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 99.
[94] Вернадский В. И. 1911 г. в истории русской умственной культуры. СПб., 1912, С. 17, 18.

сур действовал в Женском медицинском институте [95], в Военно-медицинской и Морской академиях [96]. Несколько упрощен он был в Рижском политехническом, историко-филологических (в Петербурге и Нежине) институтах, Высшем художественном училище при Академии художеств [97]. Компетенция соответствующих министров ограничивалась рассмотрением и утверждением результатов баллотировок в коллегиях профессоров. «Профессор, преподаватели и наставники избираются конференцией и, по представлению директора, утверждаются в должности и увольняются от оной министром народного просвещения»,[98] — предписывал, например, устав Петербургского историко-филологического института.

Непосредственно министром, без баллатировки в совете, определялись в должности профессора Петербургского, Харьковского, Томского технологических институтов ведомства просвещения [99] и Петербургского института инженеров путей сообщения [100]. В Московском сельскохозяйственном институте профессура и вовсе назначалась «высочайшим приказом» по представлению главноуправляющего землеустройством и земледелием. [101]

В несколько завуалированной форме принцип единоначалия осуществлялся при заполнении профессорских вакансий в Петербургском политехническом институте. На усмотрение министра торговли и промышленности направлялись материалы о кандидатах на занятие вакантной кафедры, получивших большинство голосов. Если в течение года кафедра оставалась вакантной, то он назначал на нее профессора по собственному усмотрению. Но министр торговли и промышленности решал и вопрос об увольнении профессоров и преподавателей. Так, в январе 1911 г. были уволены «без прошения» профессора Киевского политехникума А. В. Нечаев, К. П. Шиндлер, С. П. Тимошенко — инициаторы протеста, выраженного советом института против административного гнета министерства. Затем были уволены еще семь профессоров и три ассистента, подавшие в отставку в знак солидарности с репрессированными товарищами. Министерство с го-

[95] СУ, 10 мая 1904 г., № 1241, ст. 15.
[96] ПСЗ, собр III, т. 10, № 6860, ст. 53—57.
[97] ПСЗ, собр. III, т. 30, № 33920, § 7.
[98] ПСЗ, собр. II, т. 12, № 44767, ст. 12.
[99] ПСЗ, собр. III, т. 7, № 4310, ст. 24; т. 14, № 10789, ст. 30; т. 20, № 18869, ст. 8 (младшие преподаватели назначались попечителем учебного округа).
[100] ПСЗ, собр. III, т. 14, № 10787, ст. 50.
[101] ПСЗ, собр. III, т. 10, № 6797, ст. 35.

товностью способствовало их уходу, поскольку все они отличались «оппозиционным отношением к правительственной власти».[102]

В Варшавском ветеринарном институте доценты и преподаватели (профессора в нем не были предусмотрены) назначались директором и утверждались попечителем. Министр же мог замещать вакантные должности по собственному усмотрению в случае надобности.[103]

Из множества процедурных форм замещения профессорских вакансий ведомства предпочитали простейшую — прямое назначение на должность. Она была единственной в высших учебных заведениях министерств юстиции, путей сообщения, военного, земледелия, св. Синода и преобладала в высших учебных заведениях министерств народного просвещения, торговли и промышленности, внутренних дел.

До первой российской революции во всех без исключения высших учебных заведениях империи прямым назначением замещались должности ректора (директора), проректора (там, где таковая предусматривалась), деканов факультетов или отделений. Этот порядок был изменен «Временными правилами об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» 27 августа 1905 г.[104] Указом от 17 сентября 1905 г. «Правила» были распространены на высшие учебные заведения прочих ведомств.[105] Кандидатов в ректоры и проректоры посредством баллотировки стали выдвигать советы (учебные комитеты) профессоров. Первые, по представлению министра, утверждались царем, вторые, по представлению попечителя учебного округа, — министром. Кандидатов на должность декана факультета (отделения), избранных факультетским собранием профессоров, утверждал министр.[106]

Таким образом, новый порядок хотя и изменил процедуру заполнения главных административных постов высших учебных заведений, украсив ее демократическим фасадом баллотировки, но не отменил прерогатив главы соответствующего ведомства в решении данного вопроса, чем широко пользовались царские сановники. В 1911 г. министерство народного просвещения не не утвердило избранного советом профессоров кандидата в про-

[102] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 235, л. 30 об.
[103] ПСЗ, собр. III, т. 9, № 6042, ст. 8.
[104] ПСЗ, собр. III, т. 25, № 26692.
[105] Там же, № 26718.
[106] Из действия этих законов были исключены духовные и военные академии, закрытые привилегированные высшие учебные заведеня.

ректоры Казанского университета, а в Томском университете утвержден был только третий избранник.[107] В Киевском политехникуме в том же году по настоянию Министерства торговли и промышленности был смещен директор Дементьев. Вместо него был назначен «сторонник строгого порядка» профессор Жуков.[108] Министерство просвещения собственным приказом отстранило от должности директора Женского медицинского института профессора С. С. Салазкина.[109]

Значительным, хотя и менее акцентированным, было воздействие государства на процесс формирования преподавательских коллегий и административного аппарата неправительственных высших учебных заведений. Так, если в отношении многочисленных высших коммерческих курсов Министерство торговли и промышленности ограничивалось утверждением в должности кандидата в директора,[110] то процедура регулирования административного и профессорско-преподавательского состава коммерческих институтов в Москве и Харькове была в целом аналогична принятой в государственных политехникумах.[111]

Министерство внутренних дел утверждение в должности профессоров и директоров консерваторий возлагало на председателя Русского музыкального общества. В компетенцию ведомства земледелия не входило назначение и даже утверждение преподавателей и администраторов подведомственных ему неправительственных высших чебных заведений. Например, в положении о Сельскохозяйственных курсах в С.-Петербурге только указывалось: «Преподаватели курсов избираются педагогическим советом из лиц с высшим образованием, известных своей научной и педагогической деятельностью».[112]

---

[107] Вернадский В. И. Указ. соч., С. 18.

[108] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 235, л. 30 об.

[109] Вернадский В. И. Указ. соч., С. 17.

[110] См. уставы высших коммерческих курсов: А. В. Федорова, Г. Ф. Файга в Одессе (СУ, 23 ноября 1906 г., № 272, ст. 1907); М. В. Побединского в Петербурге (СУ, 31 августа 1906, № 212, ст. 1440); Московского общества распространения коммерческого образования (СУ, 28 сентября 1906, № 220, ст. 1645); В. Ф. Штюрмера в Москве (23 ноября 1906, № 272, ст. 1908); М. В. Довнар-Запольского в Киеве (СУ, 23 ноября 1906, № 272, ст. 1910); А. И. Даринского, Е. В. Тарле и дру. в Петербурге (СУ, 21 августа 1907, № 131, ст. 1075); Е. В. Михайловой, рожденной Джунковской, в Петербурге (СУ, 22 августа 1908, № 129, ст. 1075); Г. Г. Маргенса в Юрьеве (СУ, 30 ноября 1910, № 200, ст. 1229).

[111] ПСЗ, собр. III т. 32, № 37186; 137187; СУ, 14 июля 1916 г., № 1583.

[112] Положение о сельскохозяйственных курсах в С.-Петербурге//С.-Петербургские сельскохозяйственные курсы. СПб., 1907, С. 71—74, п. 10.

Обязательному утверждению царем, по представлению министра народного просвещения, подлежали кандидатуры почетного попечителя и директоров археологических институтов в Москве и Петербурге. Министр соответственно утверждал кандидатуры избранных закрытой баллотировкой преподавателей.[113] Аналогичный порядок был распространен и на Петроградский частный университет Психоневрологического института.[114]

Преподавателями Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского «приглашались лица обоего пола, имеющие ученую степень или же известные своими познаниями и дарованиями попечительному совету». Только иностранные подданные допускались к преподаванию с разрешения попечителя учебного округа и по согласованию с московским градоначальником. В Министерство народного просвещения перед началом учебного года представлялся список лиц, приглашенных для чтения лекций.[115] Вместе с тем в совершенно идентичных народных университетах в Томске, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове утверждение в должности профессоров и преподавателей по предметам «высших наук» входило в компетенцию министра народного просвещения.[116] В большинстве же общественных и частных высших учебных заведений Министерства народного просвещения эти вопросы решались на уровне попечителей учебных округов.

В уставах всех без исключения государственных университетов, институтов, лицеев были перечислены вопросы, подведомственные ректорам (директорам), проректорам, инспекторам, советам (учебным комитетам) профессоров, факультетским собраниям, правлениям, хозяйственным комитетам. Они группировались по степени важности. Например, для советов университетов они имели следующую градацию: 1) «предоставленные окончательному разрешению» совета»; 2) «по которым заключения совета представляются на утверждение попечителя»; 3) «по которым заключения совета представляют, через попечителя, на усмотрение министра народного просвещения».[117] Аналогичным был круг полномочий прочих коллегиальных органов университетов.

---

[113] ПСЗ, собр. III, т. 37, № 28844, § 12; ПСЗ, собр. II, т. 4, № 60369, ст. 12.
[114] СУ, 15 июня 1916, № 1609, п. 67.
[115] ПСЗ, собр. III, т. 28, № 50520, ст. 42, 19.
[116] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 904, л. 123—129; Нижегородский городской народный университет. Год первый. Нижний Новгород, 1916, с. 52; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, л. 43.
[117] ПСЗ, сбор. III, т. 4, № 2404, ст. 30.

Она же с незначительными изменениями повторялась уставами высших учебных заведений других ведомств.

Анализ состава каждой из названных групп показал, что собственно профессорским коллегиям предоставлялось окончательное решение лишь сравнительно второстепенных вопросов. Для университетов, например, это были: 1) определение числа медалей, присуждаемых студентам за научные работы, и распределение их между факультетами; 2) присуждение ученых степеней.[118] Для Петербургского политехнического института: 1) утверждение к печати научных трудов; 2) присуждение звания адъюнкта; 3) избрание младших преподавателей, доцентов, библиотекаря;4) присуждение студентам медалей и ряд совсем малозначащих дел.[119]

По таким кардинальным вопросам, как утверждение учебных программ и внесение в них изменений, избрание профессоров, установление кафедральной структуры факультетов, утверждение инструкций должностным лицам и правил внутреннего распорядка и т. д., профессорские коллегии выступали как инстанции исполняющие, но не решающие. Окончательные постановления здесь выносил лично министр.

В уставах высших учебных заведений отсутствовали статьи, определявшие права и обязанности профессоров и преподавателей в области научной деятельности, хотя последняя всегда являлась необходимым элементом высшего образования.[120] Взаимоотношения между государством и ученым корпусом ограничивались в основном научно-аттестационным моментом в процессе должностных назначений и перемещений. Научно-исследовательская же деятельность являлась необязательной, добровольной, если она выходила за пределы педагогического процесса, строго регламентированного министерскими программами.[121] «Русские ученые совершали свою научную работу вопреки государственной организации,»[122] — писал в 1911 г. В. И. Вернадский. Лишь в годы первой мировой войны естественные и медицинские факультеты университетов, народнохозяйственные институты стали получать государственные задания на срочные научные раз-

[118] ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 30.
[119] ПСЗ, собр. III, т. 22, № 21046, ст. 54.
[120] Вернадский В. И. Письма о высшем образовании в России. М., 1913, С. 16.
[121] Причину широкого размаха научно-исследовательской деятельности в высшей школе В. И. Вернадский видел в том, что университетский устав 1884 г., дав «досуг профессорам от забот об университетском управлении, увеличил неожиданно их научную силу».
[122] Вернадский В. И. 1911 г. в истории русской умственной культуры, С. 8.

работки для нужд оборонной промышленности, полевой медицины, фармакологии и т. д.

Вместе с тем самодержавие не отказывалось от полицейско-бюрократического контроля над научным процессом в области политических (история, политэкономия, юриспруденция) наук. В 1885 г. был обвинен в неблагонадежности и смещен с поста ректор Харьковского университета профессор Г. М. Цехановецкий. Ему вменялось в вину изложение в курсе политэкономии теории. К. Маркса.[123]

В течение почти двух десятилетий учебное начальство пристрастно «исследовало» научное творчество приват-доцента, а затем профессора Казанского университета Н. Н. Фирсова. В 1893 г. помощник попечителя учебного округа В. В. Латышев так оценил сочинение молодого преподавателя «Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII века»: «Отдельные места в новейшей работе г. Фирсова... вполне соответствуют его мрачному предвзятому взгляду на рассматриваемое время и на отношение Московского правительства к народу».[124] В 1896 г. декан историко-филологического факультета Н. Я. Беляев писал в отзыве о лекциях Фирсова: «Интересуясь преимущественно отрицательными дурными сторонами русской исторической жизни, г. Фирсов и в своей научной работе и чтениях останавливается большей частью на наших экономических и социальных неурядицах и беспорядках».[125] В 1908 г. министр народного просвещения А. Н. Шварц получил из Министерства внутренних дел следующее донесение о лекциях Н. Н. Фирсова: «Характеризуя царя Федора Иоанновича как слабоумного, проводил параллель между ним и царствующим императором».[126] В 1914 г. Н. Н. Фирсов был выдворен, наконец, из университета как не способствовавший «развитию в слушателях патриотического чувства и верности исконным началам русской государственности...»[127]

Свободой научного творчества широко пользовалась зато правая профессура. Правые политические взгляды содействовали, например, быстрой научной карьере профессора Московского университета М. М. Богословского.[128]

---

[123] Щетинина Г. Н. Указ. соч., С. 170—171.
[124] Ермолаев И. П., Литвин А. Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Казань, 1976, С. 29—30.
[125] Там же, С. 37.
[126] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 74, л. 52.
[127] Ермолаев И. П., Литвин А. Л. Указ, соч., с. 54.
[128] Черепнин Л. В. Академик Михаил Михайлович Богословский//Исторические записки, Т. 93. М., 1974, С. 245.

В целом же самодержавие пренебрегало интересами отечественной науки. Ради незыблемости своих полицейско-охранительных устоев оно без сожаления выдворяло из высших учебных заведений всех, кого подозревало в оппозиционности. Среди них были такие выдающиеся ученые, как И. И. Мечников, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, Ф. Ф. Эрисман, Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев и многие другие.

Согласно уставам учебных заведений, профессора и преподаватели, так же как и студенты, являлись «отдельными посетителями» учебных помещений, строго исполнявшими предписанные им научно-педагогические функции. Отношения между учащими и учащимися ограничивались учебными занятиями: первые являлись здесь начальством, вторые — подчиненными. Вне педагогического процесса контакты между сторонами не поощрялись и расценивались как противозаконные и политически подозрительные. Однако, вопреки запрету, многие профессора и преподаватели постоянно общались со студенчеством. Сочувствуя его тяжелому материальному положению и академическому бесправию, профессура, тем не менее, призывала учащуюся молодежь воздерживаться от массового протеста против административно-полицейского произвола, дабы не подвергаться репрессиям. Учитывая это, власти попытались возложить на педагогов часть функций академической полиции — инспекции. Ставка делалась на более тонкое и незаметное осуществление полицейских функций в процессе непосредственного общения профессоров со студентами на «почве учебных потребностей», а также руководства научными и литературными студенческими кружками, разрешенными администрацией.[129] Словом, профессора и преподаватели должны были держать учащихся в поле зрения не только на занятиях, но во время их досуга, всячески отвлекая молодежь от жгучих политических и академических вопросов.

Дальнейшее развитие эта идея получила во «Временных правилах организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомств Министерства народного просвещения» от 22 декабря 1901 г. Из профессоров и преподавателей советами учебных заведений избирались (а попечителями учебных округов утверждались) председатели разрешенных администрацией студенческих организаций (кружки для занятий наукой, литературой, искусством, физкультурой, а также столовые, чай-

[129] Правительственный вестник, 1899, 22 июня.

ные, кассы взаимопомощи, библиотеки, читальни).[130] Еще ранее аналогичными функциями был облечен педагогический состав Военно-медицинской академии (официально) и Института инженеров путей сообщения (полуофициально).[131] «Временные правила» были обязательны для всех высших учебных заведений, исключая духовные, военные и закрытые сословно-кастовые.

Чтобы крепче привязать профессуру к своему академическому курсу, царизм попытался превратить ее в исполнителя откровенно карательных функций, предписанных «Временными правилами о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения» от 24 августа 1902 г., которым был придан межведомственный характер. В высших учебных заведениях создавались судебные коллегии из пяти судей-профессоров, компетенция которых распространялась на широкий круг дел, связанных с дисциплинарными проступками студентов. Они могли подвергать провинившихся «нравственному порицанию или даже увольнению из заведения»,[132] Вручая профессорской коллегии судебные функции, правительство расширяло ее корпоративные права, поскольку дисциплинарный суд являлся непременным элементом академической автономии. Но подкупая профессоров своим доверием, царизм взамен требовал от них более деятельного участия в охране порядка в высшей школе.

В итоге во имя превращения профессоров и преподавателей в «особый полицейский корпус с желтыми пуговицами» (выражение В. О. Ключевского) [133] царское правительство фактически признало их корпорацией, предназначенной не только для учебной, но теперь и для воспитательной работы. Однако этот расчет не оправдался. Массовый протест студенческого большинства против полицейских мер правительства 1899—1902 гг. предопределил отрицательное отношение к ним и либерального большинства профессоров и преподавателей. Они «с большей, чем у них принято, определенностью выражали явное недовольство этим даром правительства», еще более взбудоражившим студентов.[134]

Не привела к стабилизации обстановки в высшей школе

---

[130] Журнал Министерства народного просвещения, 1902, февраль, С. 172.
[131] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 286, л. 25—28.
[132] Журнал Министерства народного просвещения. Официальный отдел, 1902 г., октябрь, С. 80.
[133] Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли по истории. М., 1968, С. 306.
[134] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 6, С. 274—275.

и судебная деятельность профессуры. В 1904 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьев сигнализировал в Министерство о том, что профессорский дисциплинарный суд еще более расшатал дисциплину студентов, т. к. наказания его были чрезмерно мягкими, сводясь к выговорам и замечаниям.[135] Активность профессорских судов не стимулировал и фактически всеобщий бойкот их студенчеством.

Пределы профессионально-правового статуса профессуры существенно раздвинула первая российская революция, под напором которой царизм вынужден был дать высшей школе академическую автономию.[136] Сбылась мечта профессоров избирать своих непосредственных руководителей. Но одновременно на советы возлагалась и забота о поддержании порядка в стенах учебных заведений. Отныне они могли ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями о приостановлении занятий «вполне или частично на более или мнее продолжительный срок».[137] Тем самым профессура лишилась возможности устраняться под предлогом своего бесправия от борьбы со студенческими волнениями.

Расчет царизма вполне оправдался. В январе — октябре 1905 г. советы большинства высших учебных заведений по требованию Министерства внутренних дел вынесли постановления об их закрытии, дабы покончить со всенародными политическими митингами в учебных зданиях. «Из боязни за судьбу разрешенной Треповым университетской якобы свободы они борются сегодня с свободой революционной»,[138] — констатировал В. И. Ленин.

Такая «гибкость», однако, не оправдала расчетов профессуры на сохранение обретенной автономии. С наступлением политической реакции началось ее упразднение «черносотенным» министром народного просвещения А. Н. Шварцем, действовавшим в полном согласии с премьером Столыпиным. Самодержавие, оставаясь самодержавием, не могло не начать отнимать автономию,[139] подчеркивал В. И. Ленин. Процесс этот завершился в 1911 г. сокрушительным разгромом педагогических коллегий ряда университетов и институтов, организованным Л. А. Кассо.

---

[135] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 152, д. 156, л. 120.
[136] См. подробно: Иванов А. Е. Университеты России в 1905 г.//Исторические записки, Т. 88. М., 1971.
[137] ПСЗ, собр. III, т. 25, № 26692.
[138] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. II, с. 382.
[139] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 17, С. 214.

«Для высшей школы это означало попытку проведения в жизнь устава 1884 г., уничтожение всего, что было долгой борьбой достигнуто за последние десять лет»,[140] — писал В. И. Вернадский.

Профессионально-правовое положение профессоров и преподавателей определялось не только чисто академическими, но и откровенно полицейскими утеснениями. Охранка вела неусыпную слежку за их общественно-политической деятельностью. На каждого из них в Департаменте полиции и в губернских жандармских охранных отделениях велись досье, сведениями из которых снабжалась учебная администрации. Так, в 1899 г. только что вступивший на пост министра народного просвещения Н. П. Боголепов, желая подробнее познакомиться с профессорами и преподавателями столичных университетов, запросил необходимые ему данные у министра внутренних дел И. Л. Горемыкина. Они были получены. В сопровождавшем их письме Горемыкин просил своего коллегу «пользоваться означенными данными исключительно для... личных соображений», ибо они включали сведения «не только официальные, но и совершенно доверительного характера».[141]

Полицейская слежка за профессорами и преподавателями осуществлялась с целью своевременного пресечения их оппозиционных действий в учебных аудиториях и вне их, но в большинстве случаев этому мешало отсутствие полноценных улик, ибо профессура была начеку. Так, в донесении от 22 января 1908 г. казанского губернатора министру народного просвещения о «левых профессорах» Казанского университета указывалось: «При известной опытности, никто из этих профессоров не дал, к сожалению, фактических данных, подтверждавших их противоправительственную настроенность и вредное влияние на студенчество».[142]

В тех же случаях, когда улики позволяли применять полицейско-административные меры пресечения, они пускались в ход незамедлительно. Вот типичные примеры таких случаев. 15 мая 1900 г. по указанию товарища министра народного просвещения Н. А. Зверева была приостановлена заграничная командировка приват-доцента Киевского университета историка Е. В. Тарле. Вследствие политической неблагонадежности ему была запрещена педагогическая деятельность в учебных заведениях

[140] Вернадский В. И. 1911 г. в истории русской умственой культуры, С. 4.
[141] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 117, л. 1.
[142] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 74, л. 25.

ведомства народного просвещения. Поводом к такому решению послужил арест Е. В. Тарле вместе с участниками студенческой сходки 30 апреля 1900 г. В полицейском уведомлении об этом Н. П. Боголепову указывалось: «Тарле давно известен Департаменту полиции по сношению с лицами неблагонадежными в политическом отношении, и... по занимаемой им должности он легко может вселить в своих слушателях противоправительственное направление и вообще оказать на них вредное влияние».[143]

16 апреля 1901 г. Департамент полиции уведомил министра народного просвещения П. С. Ванновского, что Особое совещание по охране общественного порядка постановило воспретить хранителю минералогического кабинета Петербургского университета В. Агафонову за участие в студенческой демонстрации 4 марта 1901 г. жительство в университетских городах, Риге и Ярославле сроком на один год.[144]

В том же году Особое совещание постановило запретить на три года жительство в столичных и губернских городах, а также в фабричных местностях профессору Петербургского университета П. Ф. Лесгафту и приват-доценту того же университета М. Ю. Гольдштейну «за политическую неблагонадежность».[145]

9 апреля 1906 г. в Архангельскую губ. был выслан в административном порядке декан юридического факультета Харьковского университета кадет Н. А. Гредескул за публикацию статьи «Кто виноват» в защиту воспитанника харьковского реального училища, убившего полицейского пристава.[146]

18 марта 1908 г. приват-доцент юридического факультета Казанского университета А. И. Елистратов был оштрафован на 100 руб. за публичную лекцию «Административное право и народное образование».[147] В мае он был отстранен от чтения университетского курса. Попечитель Казанского учебного округа 31 мая 1908 г. писал по этому поводу министру народного просвещения: «Весьма вероятно, что со свойственной ему бестактностью Елистратов, будучи оставлен приват-доцентом, скоро снова допустил бы какой-либо неосторожный шаг вроде недавнего прочтения публичной лекции по большевистской программе, и это должно было бы вызвать его удаление из университета».[148]

---

[143] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 61, л. 204, 234—235.
[144] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 65, л. 47.
[145] Там же, л. 175.
[146] Право, 23 апреля 1906 г., № 6.
[147] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 74, л. 77.
[148] Там же, л. 234.

16 июля 1908 г. одесский генерал-губернатор Толмачев за «попустительство» студенческим беспорядкам в 1905—1907 гг. воспретил профессорам Одесского университета И. М. Занчевскому, Е. В. Васьковскому, Е. А. Косинскому чтение лекций. Им же и профессору С. П. Ярошевскому запрещено было также участие в заседаниях совета. Эта произвольная акция вызвала возмущение академической общественности России. Оно выразилось в запросе 63 членов Государственной думы, которые оценили действия Толмачева как «меру исключительную по своему содержанию и не имеющую прецедента в летописях военного положения». Для рассмотрения запроса в Министерстве внутренних дел была создана специальная комиссия. 19 ноября 1909 г. она признала действия одесского генерал-губернатора «незакономерными». Приказ последнего был аннулирован.[149] Однако это решение уже не имело реального смысла, поскольку постановлением Сената И. М. Занчевский и Е. В. Васьковский были смещены первый с поста ректора, второй — проректора и отстранены от службы в университете за «расстройство учебной жизни» в 1905—1907 гг. Официальный же ответ на думский запрос Министерство народного просвещения дало лишь в 1912 г. В нем указывалось, что в свете судебного процесса над Занчевским и Васьковским незаконные действия Толмачева по своему существу правомерны.[150]

Аналогичные обвинения были предъявлены и бывшему ректору Юрьевского университета Е. В. Пассеку. В 1910 г. приказом министра он был смещен со своего поста. Сенат возбудил против него уголовное дело, которое тянулось до 1912 г., когда подсудимый умер.[151] Вот как характеризовал его деятельность в 1907 г. следователь Департамента полиции: «...Пассек пользуется глубоким нерасположением всех консервативных профессоров, обвиняющих его в постоянном потакательстве всяким незаконным выступлениям студентов и в пристрастии к тем из лиц педагогического персонала, которые известны своими «освободительными взглядами». Он приближал к себе «энергичнейших революционных деятелей», известных в Юрьеве.[152]

Не без участия органов полиции в 1911 г. был смещен с поста ректора Московского университета и отстранен от преподавательской деятельности в казенной высшей школе профессор

---

[149] ЦГИА СССР, ф. 1278, Государственная дума, оп. 2, д. 2508, л. 4—6.
[150] Там же.
[151] История Тартуского университета, С. 140.
[152] ЦГАОР СССР, ф. 102, ДПОО, 1905/6, д. 3, ч. 44, л. 113 об.

А. А. Мануйлов. Вот фрагменты из его полицейского досье: «Пользуется большим влиянием в кадетских кругах, специалист по аграрному вопросу, противник правительственной земельной политики и в этом смысле поместил в «Русских ведомостях» много критических статей. Будучи ректором Московского университета, был близок к кружку левых профессоров, которые группировались вокруг редакции «Русских ведомомстей»; по всем академическим вопросам шел рука об руку с левыми профессорами, являлся энергичным противником университетского устава, выработанного Министерством народного просвещения, и поддерживал мысль о необходимости съезда левых профессоров».[153] Приведенные выше данные позволяют обоснованно говорить о профессиональной и гражданской неполноправности профессорско-преподавательского состава высшей школы. В. И. Вернадский писал по этому поводу: «Русский профессор находится под особым полицейским надзором. Каждый его шаг и каждое неосторожно сказанное им слово могут вызвать и не раз вызывали полицейские и административные возмездия, в результате которых являлось прекращение профессорской деятельности, стеснение, а иногда многолетнее ослабление научной работы. Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, вся его жизнь может пройти в душных тисках специального полицейского надзора».[154]

Положение поднадзорых постоянно задевало профессиональную и гражданскую честь, оскорбляло достоинство подавляющего большинства профессоров и преподавателей, питало их политическую и академическую оппозиционность, порождало многочисленные, хотя и неантагонистические, их конфликты с самодержавным государством.

Оппозиционные настроени среди профессоров и преподавателей подогревались и их недовольством своим материальным положением. По источникам благосостояния подавляющее большинство их было только чиновниками, поскольку не имело приносящей дохода недвижимости (имения, доходные дома, промышленные предприятия). В 1917 г. среди 807 преподавателей университетов и сходных по типу учебных заведений Министерства народного просвещения было 102 (12,6%) обладателя земельной

---

[153] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 201, д. 189, л. 27 об.
[154] Страницы биографии В. И. Вернадского. М., 1981, С. 201.

собственности и домов, из них землевладельцев — 51 чел. (6,3%).[155] Мелкие и средние (10—500 дес.) землевладельцы составляли среди них 3,8%, а крупные (один с имением в 6 тыс. дес.) — всего 2,5% [156]. 51 чел. (6,3%) владели домами.

Из 125 чел., преподававших в 1917 г. в народнохозяйственных институтах ведомства народного просвещения, недвижимостью владели 23 чел. (18,4%). Причем структура этой собственности в опеределенной степени соответствовала более буржуазному составу ее владельцев: у 4,8% из них (6 чел.) были имения (самое крупное не превышало 500 дес.), у 12% (15 чел.) — дома, у 1,6% (2 чел.) — промышленные предприятия (писчебумажная фабрика, каменноугольные копи).

Таким образом, жизненные блага основной массе профессоров и преподавателей российской высшей школы доставлял только педагогический труд, оценка которого самодержавием, выраженная в установленной законом заработной плате, их абсолютно не устраивала. В 1914 г. профессор Харьковского университета Д. И. Багалей писал: «Суммы, отпускаемые правительством на содержание университетов по штатам 1884 г., признанные недостаточными еще в момент введения этих штатов, увеличивались в крайне ограниченном размере... Осталась без справедливой оценки огромная заслуга университетов перед государством и страной, состоявшая в том, что они сумели организовать преподавание для двойного числа учащихся, главным образом, посредством чрезвычайного напряжения сил».[157] Еще хуже оплачивались услуги профессорско-преподавательского состава технологических, ветеринарных и Женского медицинского институтов ведомства народного просвещения. Недовольны своим материальным положением были и педагоги ряда высших учебных заведений прочих ведомств.[158]

В конце XIX — начале XX вв. вопрос о справедливой оплате труда тех, кто готовил столь необходимые стране кадры высшей квалификации, преобрел общественно звучание и стал частью требований глубокой реформы высшей школы. Речь шла не только о недостаточности отпускавшихся государственным казначейст-

---

[155] Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г. Пг., 1917 (подсчет автора).

[156] В 1904—1917 гг. число преподавателей из помещиков в университетах сократилось почти на 12% (см.: Щетинина Г. И. Указ. соч., С. 187).

[157] Багалей Д. И. Экономическое положение русских университетов. СПб., 1914, С. 3.

[158] Подробно см.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века, С. 184—186; она же. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг., С. 98—100.

вом на этот предмет сумм, но и о явной недооценке высокого государственного значения деятельности профессоров и преподавателей, которую самодержавие ставило гораздо ниже многих чиновничьих служб.

6.

Общественно-политический облик профессорско-преподавательского корпуса

Идейная жизнь этой количественно компактной группы профессиональной интеллигенции определялась постоянным противоборством либерального большинства и консервативного меньшинства профессоров и преподавателей. Такая расстановка политических сил наметилась еще в конце 40—начале 50-х годов XIX в. и четко установилась в 60—70-х годах.

На рубеже веков либеральная профессура ощущала себя частью всероссийской оппозиции самодержавию, охватившей широкие круги интеллигенции. Показательны в связи с этим предоставленные в 1899 г. министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным министру просвещения Н. П. Боголепову, только что вступившему на этот пост, данные полицейского досье, свидетельствующие о нижеследующих формах проявления оппозиционных умонастроений профессорами и преподавателями Московского и Петербургского университетов:

1) Критика действий правительства: профессор А. А. Остроумов (Московский университет, физико-математический факультет), «стремясь к популярности среди слушателей, нередко на лекциях своих произносил иронические намеки на неправильный образ действий университетской администрации и Министерства народного просвещения»; [159] приват-доцент А. А. Исаев (Петербургский университет, юридический факультет) заявлял, что «правительство, поддерживая капиталистический строй, ведет народ к разорению», выход из которого состоит «в поддержке мелких артелей и общинного хозяйства»; [160] профессор Л. В. Ходский (Петербургский университет, юридический факультет) выступает в Вольном экономическом обществе перед многочисленной публикой «с речами возбудительного характера, подвергая резкой критике деятельность правительства», допускает «самые

[159] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 117, л. 47. Группировка данных осуществлена нами.

[160] Там же, л. 7 об.

бесцеремонные» нападки на него в виде обвинений в «недостаточности отпускаемых средств на народное образование, в стремлении восстановить крепостное право, в составлении фальшивых бюджетов и подкупе иностранной печати, в непроизводительной трате накопившихся запасов золота на какие-то фантастические реформы в виде введения золотой валюты...» [161]

2) Участие в либеральных изданиях — газете «Право», журналах «Слово», «Новь», «Русская мысль». По поводу последнего издания в связи с сотрудничеством в нем видного историка В. О. Ключевского Департамент полиции сообщал в Министерство народного просвещения: «Журнал «Русская мысль» — тенденциозный орган печати, поставивший себе целью изменение существующего государственного режима путем резкой критики всех распоряжений правительства.[162]

3) Участие в земском движении: В. И. Вернадский (Московский университет, физико-математический факультет) поддерживал контакты с «основными деятелями либеральной партии тверского земства»; [163] профессор С. Ф. Ольденбург (Петербургский университет, восточный факультет) в 1893 г. был причастен к земскому кружку, который вел легальную борьбу за либеральные реформы, а также участвовал в 1895 г. в обсуждении земских адресов к Николаю II.[164]

4) Участие в кампании помощи голодающим: профессор В. И. Вернадский возглавлял одну из инициативных групп по сбору продовольствия и медикаментов для населения Уфимской и Самарской губ.[165]

5) Участие в просветительских кампаниях, например в организации в 1898 г. курсов общеобразовательных предметов при Петербургском педагогическом обществе (действовало при университете) [166], в деятельности комитета грамотности и комиссии по организации домашнего чтения.[167] Издание шеститомника «Библиотека русских социологов», в который вошли произведения Лаврова, Михайловского, Южакова, Чернышевского, Щапова (профессор истории Петербургского университета Н. И. Кареев).[168]

---

[161] Там же, л. 5—6.
[162] Там же, л. 35 об.
[163] Там же, л. 41 об.
[164] Там же, л. 21.
[165] Там же, л. 41 об.
[166] Там же, л. 41 об.
[167] Там же, л. 17 об.
[168] Там же.

6) Противозаконные контакты со студентами. По Петербургскому университету: выступление на студенческой сходке на тему «Роль народного образования как двигателя прогресса» (приват-доцент Д. Д. Гримм, 1895 г.); защита исключенных из университета студентов, организация студенческого кружка, в котором читались рефераты о политическом устройстве государств Западной Европы, а также получение адреса от студентов, выражавших сочувствие за гонения со стороны университетской администрации (приват-доцент М. И. Свешников, 1893—1898 гг.); участие в вечеринке студентов-марксистов, на которой предупреждал присутствовавших от «одностороннего увлечения теорией марксизма» (приват-доцент В. Г. Яроцкий, 1896 г.); речь о Т. Н. Грановском на вечеринке членов кассы взаимопомощи студентов (Н. И. Кареев, 1896 г.); участие в панихиде, посвященой М. Ф. Ветровой (проф. Н. И. Кареев, С. Ф. Платонов, А. Н. Бекетов, приват-доценты М. Ю. Гольдштейн, И. М. Гревс, 1897 г.).[169] По Московскому университету: организация петиции профессоров и преподавателей о смягчении участи высланных из Москвы студентов (проф. А. А. Остроумов, 1894 г.); подписи под этой петицией (проф. В. И. Герье, В. О. Ключевский, Н. И. Стороженко, В. Ф. Миллер, П. Г. Виноградов, Н. А. Умов, К. А. Тимирязев, М. А. Мензбир, Д. Н. Анучин, И. М. Сеченов и другие, всего 42 чел.). По Петербургскому университету: порицание студентов, не прикнувших к выступлениям своих товарищей в январе — феврале 1899 г., являвшимся на экзамены, а не бойкотировавшим их (В. И. Вернадский, Ю. С. Гамбаров, Н. Д. Зелинский, А. И. Чупров, приват-доцент И. Х. Озеров); участие в студенческих вечеринках, на которых говорилось «о необходимости тесного слияния профессоров со студенчеством в борьбе с настоящим режимом и политического воспитания молодежи» (проф. В. И. Вернадский, 90-е годы XIX в.).[170]

Накануне и в годы первой российской революции произошла организационная консолидация политических сил, представленных в профессорско-преподавательском корпусе. Вожаки его либерального фланга — а он в организационном отношении оказался мобильнее консерватиного — были деятельными участниками нелегальных организаций, стоявших у истоков буржуазных партий — «Беседы» (В. И. Вернадский, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский, Е. Н. и С. Н. Трубецкие, В. Е. Якушкин), «Союза

[169] Там же, л. 6 об.—26.
[170] Там же.

земцев-конституционалистов» (помимо названных, С. А. Муромцев), «Союза освобождения» (кроме участников «Беседы», П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, Н. А. Каблуков, И. В. Лучицкий, Н. А. Гредескул, и др.).[171]

В марте 1905 г. возник либеральный Академический союз, вошедший в состав Союза союзов. К октябрю он объединял 1800 профессоров и преподавателей 39 высших учебных заведний.[172] Почти в полном составе они влились в конституционно-демократическую партию, дав ей самых видных деятелей. Достаточно сказать, что из 54 членов ее первого ЦК 22 (40,7%) представляли российскую высшую школу [173]. Часть либеральной профессуры связала свою судьбу с партиями октябристов, демократических реформ и мирного обновления, в 1907 г. слившимися в единую мирнообновленческую. Немало в академической среде было и тех, кто держался либеральных умонастроений, но не разделял программных установок ни одной из буржуазно-либеральных партий.

Имел профессорско-преподавательский корпус и малочисленную «левую» группу. В нее входили, например, большевики — профессор П. К. Штернберг, приват-доценты М. Н. Покровский, Н. А. Рожков (Московский университет), Н. М. Лукин, В. П. Волгин (университет А. Л. Шанявского) и сочувствовашие российской социал-демократии — Н. М. Книпович (Петербургский университет), М. А. Рейснер (Томский университет). Профессор Казанского университета Н. Н. Фирсов симпатизировал неонароднический социальным доктринам. Но, пожалуй, наиболее типичными среди «левых» профессоров и преподавателей были беспартийные радикалы — К. А. Тимирязев, П. П. Лазарев, А. Н. Реформатский, М. Н. Гернет и другие.

Во всех высших учебных заведениях функционировали группы «правых» преподавателей. Это была малочисленная, но агрессивная сила, которая предельно активизировалась по мере наступления в стране правительственной реакции.

И все же пестрота политического облика профессорско-преподавательского корпуса не могла затушевать господствующего положения в нем либеральных устремлений. Это обусловли-

---

[171] Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983, С. 310—320.

[172] Иванов А. Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений//Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977, С. 111.

[173] Шелохаев В. В. Указ. соч., С. 310—320.

валось, прежде всего, его генетической связью с капитализмом, бурное развитие которого после отмены крепостного права вызвало повышение общественной ценности научного знания, что, в свою очередь, способствовало росту социального престижа людей науки. Профессорско-преподавательская коллегия превращается в корпорацию, выражавшую мнение ее либерального большинства и в определенной степени воплощавшую в себе черты общественного объединения, свободной ассоциации ученых. Она начинает выдвигать перед царизмом требование академических свобод, мотивируя его потребностями экономического и культурного прогресса России.

В условиях отсутствия в стране элементарных гражданских прав, когда было затруднено «иное проявление политического недовольства, как через посредство университетов»,[174] эти выступления выглядели чуть ли не покушением на прерогативы самодержавия. Однако по своему существу они являлись всего лишь оппозиционными демаршами.

Либеральный профессор был государственным чиновником, занимавшим далеко не последнюю ступень на иерархической чиновничьей лестнице и получавшим соответствующее казенное содержание. Не меньшую, если не большую, зависимость от царизма он ощущал и как ученый-профессионал, поскольку постоянно находился под угрозой потери университетского места и связанной с этим возможности вести научную работу. «Всякому понятно положение человека, внезапно лишившегося средств существования... — писал в 1911 г. К. А. Тимирязев, — но не всякий может оценить, чего лишает себя ученый — ученый не по мундиру только, который он носит, а по призванию, — когда лишает себя той обстановки, без которой немыслима его деятельность».[175]

В итоге даже либеральный профессор, не говоря уже о профессоре-реакционере, как бы прирастал к правящему классу, потреблявшему его знания и опыт, а заодно и «поступался своим оппозиционным правом за казенное жалованье»,[176] мечтая лишь

---

[174] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 7, С. 352.

[175] Тимирязев К. А. Наука и демократия. М., 1963, С. 60. В письме к жене от 29 августа 1899 г. В. И. Вернадский, жалуясь на тягостную обстановку в Московском университете, писал: «Конечно, приятно было бы уйти отсюда, но бросать самому научную работу в избранной области для меня очень тяжелая жертва... Но, очевидно, положение профессора непрочно и надо искать соответствующей должности, где была бы под рукой лаборатория» (Страницы автобиографии В. И. Вернадского, С. 168).

[176] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 2, С. 454.

об ограничении всевластия бюрократии. Поэтому-то он и не шел дальше умеренной оппозиции самодержавию. Политический идеал российского либерального профессора точно выразил член кадетской партии историк А. А. Кизеветтер: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией».[177]

Образцом гармоничного сочетания в государственном устройстве монархического и парламентского начал для такого либерального профессора была Великобритания, которая, по выражению П. Г. Виноградова, «неуклонно двигается в демократическом направлении, но двигается по доброй английской привычке, без скачков, под давлением скорее практических соображений, нежели отвлеченных принципов».[178] Причину мирного, неспешного движения Англии по пути прогресса Виноградов видел в «политическом такте правящих классов общества».[179] «Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 г., но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1879 г.», — писал тот же П. Г.Виноградов в 1905 г. в одном из своих «Политических писем», получивших широкий резонанс в либеральных кругах. Он предостерегал, что в случае, если Россия окажется на пути Франции, то ее ждут «неслыханные опасности, если не гибель».[180]

Итак, остановившаяся на полпути, возглавляемая либеральной буржуазией революция во имя того, чтобы заставить царизм поступиться частью своей неограниченной власти, — таким представляется либеральному профессору путь к политическому переустройству России. В. И. Ленин писал, что автор «Письма» исходил из факта завершенности буржуазно-демократического переворота 1789 г. во Франции, творцом которого «в известной части была активно-революционная масса народа», и незавершенности революции 1848 г. в Германии, приведшей лишь к «*уступкам* сохранившего свою власть короля».[181]

Либеральная профессура представляла собой интеллектуальную элиту российского либерализма. В ее среде он рекрутировал наиболее видных своих идеологов и лидеров, которых В. И. Ленин

---

[177] Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. (Воспоминания. 1881—1914). Прага, 1919, С. 409.
[178] Виноградов П. Г. Итоги XIX века//История XIX века, т. VIII, М., 1907, С. 254.
[179] Там же, С. 251.
[180] Русские ведомости, 1905 г., 5 августа.
[181] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. II, С. 226, 227.

характеризовал как «наиболее идейных, наиболее образованных, наиболее бескорыстных, наиболее свободных от непосредственного давления интересов и влияний денежного мешка людей».[182]

Свой идеал политического устройства России имела и консервативная профессура. Об этом писал в своем дневнике профессор русской истории Московского университета М. М. Богословский в 1916 г.: «Я предпочитаю сильную власть монарха, сидящего над партиями». И далее: «...У нас революции быть не может: революция есть резкая смена одного порядка другим порядком, старого порядка новым. У нас же может быть только смена хоть какого-либо, теперь существующего, порядка беспорядком, или, лучше сказать, смена меньшего беспорядка большим».[183] Свою уверенность в невозможности победоносной революции в России М. М. Богословский основывал на опыте истории: «Где же у нас тот общественный класс, который выносил бы в себе предварительно какой-либо новый порядок вроде третьего сословия в 1789 г.?», — спрашивал он.[184] Уже после свержения самодержавия Богословский писал: «Революция — роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы... Революция 1917 г. плохой порядок, но все же порядок, сменила беспорядком и развалом и потому может быть для нас гибельна».[185] Не определяя в целом политической физиономии профессорско-преподавательского корпуса, промонархическое меньшинство никогда не утрачивало своей социальной дееспособности, предельно активизируясь с усилением самодержавной реакции.

Итак, самодержавию не удалось превратить преподавателей высшей школы в однородный по сословному происхождению и идеологии корпус верноподданных чиновников. Социальные корни этой профессиональной группы интеллигенции уходили преимущественно в буржуазные и мелкобуржуазные слои российского общества. Тип ее социального поведения определялся, с одной стороны, генетической связью науки и всего дела подготовки специалистов высшей квалификации с капитализмом, с другой — чиновничьим статусом. Эта двойственность общественного положения предопределила идейный раскол профессорско-преподавательского корпуса на либерально-буржуазное боль-

---

[182] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. II, С. 352.
[183] Цит. по: Черепнин Л. В. Академик М. М. Богословский//Исторические записки, т. 93, М., 1974, С. 245.
[184] Там же.
[185] Цит. по: Черепнин Л. В. Указ. соч., С. 247.

шинство с конституционно-монархической оппозиционной платформой и консервативное меньшинство, видевшее в самодержавии надежного гаранта своих сословных прав и привилегий. Представительство прочих политических сил в академической среде было ничтожным.

Со второй половины XIX в. и по февраль 1917 г. либеральная профессура оставалась непременным оппонентом правительственного курса высшего образования.

ГЛАВА V

СТУДЕНТЫ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

1.

Численность студентов

В таблице № 28 приведены данные о численности студентов государственных, а также общественных и частных высших учебных заведений в 1897—1917 гг. Она постепенно возрастала, хотя и в угасающем темпе: в 1897—1908 гг. в среднем на 19,5% в год; в 1908—1914 гг. — на 5,5% в год; в 1914—1917 гг. — только на 3,1% в год. В период первой мировой войны данная тенденция поддерживалась только за счет негосударственного сектора высшей школы, число учащихся в котором стабильно увеличивалось. В государственном же секторе высшей школы оно, напротив, сокращалось. Какие же факторы определяли изменения численности студентов на каждом из выделенных этапов?

Начало десятилетия 1898—1908 гг. пришлось на время промышленного подъема. Усилилось внимание государства, буржуазной общественности к инженерному образованию. В результате на 9911 чел. (172,2%) возрос контингент студентов технических институтов (таблица № 8). Еще резче численность студентов поднялась в период революции 1905—1907 гг., которая вырвала у царизма важную уступку, открывшую путь в университет, наряду с выпускниками классических гимназий, и питомцам духовных семинарий, реальных и коммерческих училищ. Профессорские коллегии самовольно отменили процентные нормы приема евреев в высшие учебные заведения. Во всех университетах и даже в некоторых инженерных институтах появились женщины-вольнослушательницы. Все это привело к удвоению численности университантов (таблица № 1).

Открытие в 1905—1907 гг. новых общественных и частных учебных заведений (всего 21) увеличило более чем на 28 тыс. чел.

Таблица № 28

Рост численности студентов в 1897—1917 гг.*)

Высшие учебные заведения	1897/98 учебн. год		1907/08 учебн. год		1913/14 учебн. год		1917 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Государственные	29306	93,3	62040	67,0	71379	57,8	64705	48,0
Общественные и частные	2121	6,7	30657	33,0	52153	42,2	70360	52,0
Итого:	31427	100	92697	100	123532	100	135065	100

*) Подсчитано по итоговым данным таблиц № 1—20. В подсчет не вошли сведения по общественным и частным высшим учебным заведениям, прекратившим существование до 1917 г. Автор таковыми не располагает.

(на 1341,2%) контингент учащихся негосударственной высшей школы (расчет по итогам таблиц № 11—20).

В период 1908—1914 гг. динамика роста российского студенчества определялась в основном, как и в предыдущие годы, неправительственными высшими учебными заведениями. Число учащихся в них увеличилось более чем на 21 тыс. чел., или на 70,1% (подсчет по итогам таблиц № 11—20). Количественный прирост студентов государственных университетов и институтов в годы столыпинской реакции составил более 9 тыс. чел., или 15% (расчет по итогам таблиц № 1—10). Он захватил исключительно инженерные и сельскохозяйственные институты (см. таблицы № 8—9), ибо столыпинская аграрная реформа и начавшийся с 1909 г. промышленный подъем увеличили потребность страны в инженерах и агрономах.

Другая причина роста контингента студентов народнохозяйственных институтов была чисто академической. Бездействие в 1905—1906 гг. высшей школы из-за студенческой забастовки привело к значительному превышению численности студентов над установленным в учебных заведениях комплектом. Для того, чтобы увеличить пропускную способность учебных заведений, в 1906—1907 гг. в инженерных и сельскохозяйственных институтах взамен курсовой системы преподавания (обязательные лекции, семинары по жесткой программе, полугодовые и годовые экзамены). стала вводиться предметная система,[1] которая строилась

[1] Предметная система, но со значительными рудиментами курсовой (обязательные университетские курсы со строго последовательным прохождением предме-

по принципу самостоятельных занятий студентов по одному из нескольких предлагавшихся им индивидуальных планов с экзаменами не в строго определенное время, а по мере прохождения конкретных предметов. Она не требовала обязательного присутствия студента на занятиях. Речь преподавателя в основном ограничивалась индивидуальными консультациями, приемом экзаменов и зачетов по заявкам студентов.

Предметная система привела к существенному увеличению количества студентов этих высших учебных заведений. Достаточно сказать, что Московский сельскохозяйственный институт осенью 1906 г. принял на первый курс 150 чел. вместо 70—80 комплектных.[2] Однако через пять лет, т. е. ко времени первого выпуска учившихся по новой системе, стала очевидной и оборотная ее сторона — удлинение сроков обучения из-за отсутствия должного контроля за занятиями студентов. Уже в 1908/09 учебном году в Петербургском горном институте ежегодная доля выпускников упала с 12 до 5%.[3] Повысился и возрастной ценз студентов института. Так, молодых людей старше 26 лет среди них было в 1892 г. 12%, в 1902 г. — 18%, а после введения «предметной системы» в 1910 г. — 40%, в 1914 г. — около 30%.[4] В Томском технологическом институте средний срок обучения студента поднялся с 6,8 года в 1906/07 учебном году до 9,2 года в 1915/16 учебном году.[5] Сходная картина наблюдалась во всех специальных институтах.[6] Их студенческий контингент, регулярно

тов и экзаменами по ним в раз навсегда установленное время) в 1906 г. была введена и в университетах, кроме медицинского факультета (см.: Князев Е. А. Предметная система в высшей школе России//Вестник высшей школы, 1987, № 11). Ее половинчатость не позволила увеличить контингент студентов столь масштабно, как это имело место в народнохозяйственных институтах (см. например: История Московского университета. М., 1955. Т. I, С. 382—383).

[2] Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева. 1865—1965. М., 1965, С. 93.

[3] Горный институт. Юбилейный сборник 1773—1912. Л., 1926, С. 12.

[4] Там же, С. 31.

[5] Томский технологический институт за 25 лет своего существования 1900—1925. Юбилейный сб. Ч. II. Томск, 1928, С. 136.

[6] Эти данные опровергают утверждение В. Р. Лейкиной-Свирской о том, что к началу XX в. в российской высшей школе полностью исчезла категория «вечных студентов». Проблема сокращения сроков обучения всегда была животрепещущей в России. Не случаен, например, циркуляр Министерства народного просвещения от 21 марта 1911 г., напоминавший администрации университетов, что установленный в 1883 г. максимальный срок пребывания студента на медицинском факультете — 7,5 лет, а на прочих — 6,5 лет остается в силе (ЦГИА СССР, ф. 733, Департамент народного просвещения, оп. 226, д. 161, л. 6—об.). В 1912 г. совещание директоров специальных институтов установило

пополняясь первокурсниками, недостаточно ритмично сокращался за счет выпускников.

Рост всероссийского студенческого контингента в 1914—1917 гг. шел за счет неправительственного сектора высшей школы. Численность учащихся общественных и частных высших учебных заведений возросла в годы первой мировой войны на 35%, в то время как в государственных она упала на 9,4% (таблица № 28). Война ударила в первую очередь по правительственным университетам и институтам, т. к. общественные и частные учебные заведения были преимущественно женскими по составу учащихся.

Из высшей школы военное ведомство черпало пополнения для таявшего в боях офицерского корпуса. Положением Совета министров от 30 сентября 1914 г. (оно возобновлялось затем ежегодно) отменялись отсрочки от военной службы для студентов, исключая выпускников. Они мобилизовывались нижними чинами в запасные полки с последующим распределением сообразно специальностям и потребностям военного ведомства. Наиболее «достойных и способных» направляли на краткосрочное обучение (4—8 месяцев) в военные училища, после чего им присваивался первый офицерский чин прапорщика. В 1914 г. число курсантских вакансий равнялось 2,5—3 тыс.[7]. Все они сразу же были заполнены студентами-добровольцами.

Менее «достойные» после подготовки направлялись в войска унтер-офицерами и даже рядовыми. Привлекались студенты и к работе в оборонной промышленности. Сокращению студенческого контингента способствовали ускоренные выпуски студентов медицинскими факультетами, инженерными и лесным институтами.

О масштабах студенческих мобилизаций свидетельствует тот факт, что только в 1915 и 1916 гг. Петроградский политехникум направил в армию 1615 студентов.[8] В 1915 г. малолюдный Петроградский институт инженеров путей сообщения лишился 400 учащихся.[9] По мере расширения военных действий мобилизации

для каждого из них предельные сроки обучения. В Петербургском горном институте, например, такой срок равнялся 7 годам (Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. Г. В. Плеханова. 1773—1973. М., 1973, С. 45).

[7] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 201, д. 490, л. 92.

[8] История Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. К 40-летию Великого октября. М., 1957, С. 81.

[9] Ленинградский ордена Ленина институт железнодорожного транспорта им. академика В. Н. Образцова, 1809—1959. М., 1960, С. 141.

учащались. В 1916 г. Петроградский политехникум пережил их дважды. Первая, мартовская, охватила 169 чел., вторая, октябрьская — 421 чел.[10] Московский коммерческий институт с января 1916 по январь 1917 г. откомандировал на военную службу 1800 чел.[11]

Специфические для каждого из рассмотренных периодов факторы изменения численности студентов переплетались с материально-бытовыми и политическими факторами, действовавшими во все времена. Плохие условия жизни студентов и полицейские меры в отношении участников студенческого движения выбрасывали из высших учебных заведений значительную долю молодежи. Наши подсчеты показали, например, что в 1901—1907 гг. только университеты ежегодно теряли по этим причинам от 14 до 20% студентов — от 2387 чел. (1901 г.) до 6415 чел. (1907 г.).[12]

Итак, немногим более 32 тыс. студентов в 1897/98 учебном году, 83 тыс. — в 1907/08 учебном году, 123 тыс. — в 1913/14 учебном году и, наконец, 135 тыс. — в 1917 г. Много это или мало? Ответ на этот вопрос дает сопоставление приведенных выше данных с показателями по высшей школе европейских стран. В 1895 г. на 100 тыс. населения в России было 16 студентов, в Италии и Германии — по 50, во Франции — 46.[13] В 1908 г. этот показатель в России возрос до 36,[14] а в Германии до 114, в Австрии до 102.[15] В 1917 г. на 100 тыс. российского населения приходилось только 88 студентов.[16] Приведенные данные говорят о существенном отставании России по уровню развития высшего образования от развитых стран Европы.

---

[10] История Ленинградского политехнического института, С. 81.

[11] ЦГИА Москвы, ф. 714. Московский коммерческий институт, оп. 2, д. 62, л. 335.

[12] Иванов А. Е. Университетская политика самодержавия накануне первой русской революции. 1899—1904 гг. Дис. ... канд. историч. наук. М., 1975, С. 203.

[13] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971, С. 57.

[14] Расчет автора. Произведен на основе данных: 45 тыс. студентов на 125 млн. чел. населения.

[15] Расчет по данным о численности студентов в Германии и Австрии, опубликованным в журнале «Техническое образование», (1903, № 6, с. 61).

[16] Расчет автора. Произведен на основе данных: 135 тыс. студентов на 153 млн. жителей страны.

2.

Сословно-классовая структура студенчества

Главным содержанием академической политики самодержавия было не расширение студенческого контингента с целью увеличения выпуска дипломированных специалистов, а его социальное регулирование во имя «охранения порядка и спокойствия» в университетах и институтах. Оно осуществлялось путем создания наиболее благоприятных условий для поступления в высшие учебные заведения выходцев из дворянско-чиновничьей среды, а также ограничения приема женщин и лиц иудейского исповедания.

Сословная фильтрация будущих студентов начиналась еще в средних учебных заведениях. В них поступали только те, кто мог вносить плату за обучение и обладал предварительным образовательным цензом. Для детей рабочих, большинства крестьян и выходцев из среды «городской демократии» эти барьеры были непреодолимы. В результате средняя школа работала с недогрузкой. По оценке Министерства народного просвещения Временного правительства (август 1917 г.), она могла ежегодно готовить до 31,5 тыс. потенциальных абитуриентов,[17], но выпустила их в 1916 г. лишь 22 тыс.[18]

Российская средняя школа делилась на классическую и реальную. Классическая гимназия предназначалась, главным образом, для детей дворян-чиновников. В ее программе приоритет был отдан предметам историко-филологического цикла с особой акцентировкой на изучение античности и латинского языка. Естетственно-математическая подготовка учащихся классических гимназий стояла на втором месте. Такая конструкция учебной программы, по мысли вдохновителя школьного «классицизма» М. Н. Каткова, признавалась «единственной гарантией политической благонадежности будущих студентов» [19] И в начале XX в. выпускники классических гимназий предназначались в первую очередь для службы в государственном аппарате. Они авансировались привилегией поступать во все высшие учебные заведения:

---

[17] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 292, л. 5 об.
[18] ЦГИА СССР, ф. 1276, Совет министров, оп. 12, д. 1657, л. 47.
[19] Зейфман Н. В. Среднее образование в системе контрреформ 1880-х годов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973, с. 15.

в университеты — без экзаменов, в специальные институты — через экзаменационный конкурс.

Ступенью ниже классической гимназии стояло реальное училище. В его программе, напротив, первенствовали предметы естественно-математического цикла, поскольку «реалисты» предназначались для деятельности в народнохозяйственной сфере. Те, кто поступал в необязательный VII класс, ставились перед выбором: либо получить узкопрофессиональную практическую ориентацию, либо готовиться в специальную высшую школу — инженерную, сельскохозяйственную, коммерческую. Двери университетов перед ними были закрыты.

Реальные училища должны были привлекать, в первую очередь, выходцев из буржуазных слоев, которые, по мысли М. Н. Каткова, могли быть «безвредны» только на практическом поприще и которым поэтому «не отводилось места на авансцене общественной жизни».[20] К реальным училищам примыкали некоторые ведомственные профессиональные учебные заведения, хотя только коммерческие училища Министерства торговли и промышленности и военные средние учебные заведения приравнивались к ним в полной мере.

Промежуточное правовое положение между классическими гимназиями и реальными училищами занимали духовные семинарии. Они давали сходное с классическим гуманитарное образование, но семинаристы допускались в некоторые университеты только по особым правительственным распоряжениям. Вместе с тем они могли участвовать в конкурсе для поступления в специальные институты, хотя и не имели должной математической подготовки.

Царизм ловко использовал окончивших духовные семинарии. Семинаристы для него были тем резервом, который в необходимый момент направлялся в конце XIX в. в Дерптский университет и Рижский политехникум с целью их русификации, в Томский университет, Демидовский юридический лицей, в ветеринарные институты — с целью заполнения пустующих студенческих вакансий и т. д.

Важный этап социального регулирования студенческого контингента наступал при распределении выпускников средней школы по университетам и специальным институтам. Не каждый из них мог стать студентом. 22 тыс. выпускников 1916 г. было предложено, например, 20 тыс. учебных мест в высших учебных заве-

[20] Там же.

дениях.[21] При этом окончившим классические гимназии практически гарантировались без всякого конкурса места в университетах или в учебных заведениях университетского типа. Вдобавок нужно учитывать, что далеко не все эти вакансии заполнялись. Если столичные и Киевский университеты были крайне переполнены, то провинциальные, особенно их историко-филологические факультеты, постоянно не досчитывались студентов. В Томском университете даже популярный среди молодежи юридический факультет в 1912 г. был заполнен примерно на 60%. Вовсе пустовали Петербургский и Нежинский историко-филологические институты.

Напротив, выпускники реальных средних учебных заведений находились в крайне невыгодном положении. Так, в 1897 г. заведующий отделом промышленных училищ Министерства народного просвещения констатировал, что даже если бы туда поступали только «реалисты», то и тогда им бы не хватило мест.[22] В 1916 г. министр народного просвещения П. И. Игнатьев в своем представлении в Совет министров отметил: «Комплект в специальных высших учебных заведениях доведен до максимума и не может более увеличиваться».[23]

Для того, чтобы стать студентом высшего технического учебного заведения, выпускнику реального училища необходимо было пройти экзаменационный конкурс. В 1910 г. в петербургские Горный, Инженеров путей сообщения, Электротехнический, Лесной институты на 1140 вакансий было подано 4600 заявлений от 2300 чел.[24], а в Петербургский политехникум на 1292 места — 4001 заявлений.[25]

Главными конкурентами «реалистов» были выпускники классических гимназий. В конце XIX в. примерно 20%, а в 1913 г. — 27,4% [26] таковых пыталось стать студентами высшей специаль-

---

[21] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1657, л. 47.

[22] Анопов И. А. По вопросу о мерах к наиболее быстрому, с наилучшими затратами, распространению в нашем отечестве высшего специального образования. Доклад общему собранию членов имп. Русского технического общества 1 марта 1897 г. СПб., 1897, С. 3.

[23] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1657, л. 47.

[24] Многие из поступаших сдавали экзамены одновременно в несколько институтов. Так, в 1896 г. в специальные высшие учебные заведения Петербурга было подано 3612 прошений от 1884 чел.: в 1 институт поступали 785 чел., в 2 института — 600 чел., в 5 институтов — 13 чел., в 6 институтов — 1 чел. Из них экзаменовались только 1872 чел. (Техническое образование, 1897, № 6, с. 85).

[25] Техническое и коммерческое образование, 1910, № 7, С. 59.

[26] Подсчитано по годовым отчетам министра народного просвещения за 1899—1913 гг.

ной школы. В 1895 г. среди студентов народнохозяйственных институтов обучалось 20% бывших гимназистов, в 1896 г. — 23%.[27] В 1913/14 учебном году 27,8% выпускников горных и политехнических институтов торгово-промышленного ведомства среднее образование получили в классических гимназиях.[28] Меньше гиназистов было в земледельческих институтах: в 1914 г. в Московском сельскохозяйственном и Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства — по 13,6%, а в Петербургском лесном — 20%.[29]

Возможности поступления в высшую специальную школу для реалистов уменьшались также из-за внеконкурсного приема туда лиц, уже имевших дипломы о высшем образовании. В 1896/97 учебном году они составили 1,9% принятых.[30] В 1913/14 учебном году в горных институтах и политехникумах торгово-промышленного ведомства лица с высшим образованием составляли соответственно 2,9% и 2,2% студенческого контингента.[31] Неизменной популярностью у дипломированных специалистов пользовался Московский сельскохозяйственный институт. В 1914 г. выпускники университетов (158), земледельческих и ветеринарных институтов (46), инженерных школ (5). Лазаревского института восточных языков (1), иностранных высших учебных заведений составили 19,8% его студенческого контингента.

В целом примерно 30% студенческих вакансий высшей специальной школы к 1913 г. оказывались вне досягаемости «реалистов». С начала XX в. их конкурентами стали также питомцы коммерческих и промышленных училищ. По данным на 1912/13 учебный год, в горных институтах и политехникумах ведомства Министерства торговли и промышленности выпускники реальных гимназий составляли 44%, коммерческих — около

---

[27] Анопов И. А. Указ. соч., с. 9. При этом в петербургских Горном и Путей сообщения институтах «классиков» было соответственно 51,8% и 30%, в то время как в Институте гражданских инженеров их было 11,7%, в Технологическом — 19% (там же, С. 10).

[28] Статистические сведения о составе учебных заведений, подведоственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности на 1913/1914 учебный год. СПб., 1916, С. XV.

[29] Отчет о состоянии Московского сельскохозяйственного института за 1914 г. М., 1915, С. 95; Отчет о состоянии Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства за 1914, Пг., 1916, С. 13; ЛГИА, ф. 994, Лесной институт, оп. 6, д. 203, л. 37.

[30] Статистические сведения о составе учебных заведений... Министерства торговли и промышленности на 1913/14 учебный год, С. XV.

[31] Отчет Московского сельскохозяйственного института за 1914 г., С. 95.

13%, промышленных — около 10% студентов. Высока была и доля «классиков» — 33%.[32]

«Реалисты», не попавшие в государственные специальные институты, частично поглощались общественными и частными высшими учебными зведениями. Но их выбор был еще более ограничен, поскольку неправительственная высшая школа была, во-первых, по преимуществу женской, во-вторых, кроме коммерческой, не предлагала мужчинам никаких иных неуниверситетских специализаций. Вот почему большинство юношей, обратившихся к ее услугам, останавливало свой выбор на коммерческих институтах, в первую очередь Московском, Киевском и Харьковском. Незначительная часть не принятых в специальные институты поступала в зарубежные инженерные школы. Таким образом, налицо была откровенная дискриминация учащихся реальных и средних технических училищ.

Неравные возможности выпускников средней школы в получении высшего образования как форма сословного регулирования состава студенчества находились в резком противоречии с потребностями социально-экономического развития капиталистической России. Это понимала и общественность. В 1896 г. Второй съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию вынес резолюцию-рекомендацию о необходимости допустить в университеты выпускников реальных училищ.[33] На аналогичной точке зрения стояла и Комиссия по техническому образованию при Русском техническом обществе, которая, опираясь на анализ результатов вступительных экзаменов в 1897 и 1898 гг., пришла к заключению, что реальные училища дают своим питомцам более высокую, нежели классические гимназии, естественно-научную подготовку, необходимую для учебы на физико-математическом и медицинском факультетах университетов.

Подобные воззрения находили приверженцев и среди более дальновидных представителей царской бюрократии. В 1897 г. на заседании названной комиссии представитель Министерства финансов В. И. Ковалевский от имени министра С. Ю. Витте высказался за единую среднюю школу и упразднение «классицизма».[34]. Осуждал сословные привилегии и министр народного просвещения И. И. Толстой. Вскоре после отставки (апрель

---

[32] Статистические сведения о составе учебных заведений... Министерства торговли и промышленности на 1913/14 учебный год, С. XV.

[33] Техническое образование, 1898, № 4, С. 72.

[34] Там же, С. 75.

1906 г.) он писал в своих мемуарах: «Неужели возможно утверждать, что высшие круги общества, аристократы и важные бюрократы, идеальнее и возвышеннее смотрят на образование и воспитание, чем остальная русская интеллигенция или даже менее развитые классы?» [35].

Эти воззрения, однако, не встречали сочувствия у Николая II. В 1902 г., инструктируя нового министра народного просвещения Г. Э. Зенгера, он подчеркивал: «Только классические гимназии (с одним или двумя древними языками) дают право на поступление в университеты» [36]. Такая позиция царя в конечном счете являлась непреодолимым препятствием к изменению порядка комплектования студенческого контингента. Лишь в период первой российской революции произошел кратковременный прорыв этой плотины. 14 декабря 1905 г. министр народного просвещения И. И. Толстой разрешил принимать в университеты семинаристов наравне с гимназистами, а 18 марта 1906 г. — выпускников реальных и коммерческих училищ, сдавших дополнительные экзамены за курс гимназии.[37]

Однако попытка вывести эти ведомственные нормативные акты на законодательный уровень не увенчалась успехом. Как утративший «срочность» не получил хода думский законопроект от 26 июня 1908 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения». Им предполагалось узаконить дополнительные испытания для всех выпускников средней школы, ограниченных в праве на получение высшего образования.[38]

Авторитетная аргументация в пользу уравнения классической и реальной средних школ (П. П. Бобринский, А. Ф. Кони, П. П. Извольский, Е. Л. Зубашев, Н. Ф. фон-Дитмар, М. М. Ковалевский) не помешала и в 1913 г. провалить в Государственном совете 78 голосами против 68 законопроект «О предоставлении лицам, окончившим курс некоторых средних учебных заведений, права поступать в высшие учебные заведения». «Правительство возражало против разработки этого законопроекта, когда он находился в Думе»,[39] — констатировал министр народ-

---

[35] Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отд. (далее ГПБ РО), ф. 781. Толстой И. И., д. 586, л. 201.

[36] Заметки Николая II о народном образовании//Былое, 1917, № 2/30, С. 65.

[37] Яковлев В. П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905—1910)//Вестник Ленинградского университета 1969, № 2. История, язык, литература. Вып. I, С. 160.

[38] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия II. 1908—1909 гг. Т. I (№ 1—219) СПб., 1909, № 27.

[39] Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1912—13 годы. Сессия восьмая СПб., 1913, стб. 1675—1685.

ного просвещения Л. А. Кассо. Его речь по этому вопросу стала апологией «классицизма», существующей системы среднего и высшего образования. Министру действующему вторил бывший министр А. Н. Шварц. Он ратовал за ограждение университетов от «отбросов», за допуск в них «только отборных молодых людей».[40]

Вплоть до свержения самодержавия в России сохранялась в неприкосновенности двухстепенная система среднего и высшего образования: классическая гимназия и университеты — для дворянско-чиновничьего юношества; реальная школа и специальные институты — для выходцев из буржуазных кругов общества. Дворянству предназначались, таким образом, верхние этажи высшей школы, сопредельные со сферой государственной службы, а буржуазии — нижние ее этажи, обслуживавшие народнохозяйственные потребности страны.

В соответствии с этой концепцией высшие учебные заведения Российской империи выстраивались в многоступенчатую иерархическую пирамиду. По мысли ее конструкторов, движение от одной ступени к другой должно было быть абсолютно свободным сверху вниз — для дворян и детей чиновников и как можно более затрудненным, а в идеале и полностью перекрытым, снизу вверх — для выходцев из прочих сословий. Однако вопреки этим консервативным предначертаниям самодержавия капитализм раздвигал непомерно узкие для недворянских сословий проходы в верхние этажи высшей школы. Сословно неизменной не осталась даже вершина воображаемой пирамиды, которая венчалась Александровским лицеем и Училищем правоведения, готовившими своих выпускников, сплошь столбовых дворян, к службе в высших эшелонах власти. Такую же карьеру перед своими питомцами открывал и Лицей цесаревича Николая (Катковский), где совместно обучались сыновья торгово-промышленных и финансовых воротил и старомосковской дворянской аристократии. Это «изобретение» Каткова-Любимова в какой-то степени удовлетворяло классовые амбиции буржуазных верхов, поскольку вводило в сферу государственного управления и их представителей.

Ветер перемен коснулся даже искони дворянского военного и военно-морского высшего образования. Об этом свидетельствуют данные о сословном составе сухопутного офицерского корпуса в 1912 г. (таблица № 29). Представительство в нем буржуазии, средних городских слоев, крестьянства имело место даже

[40] Там же, стб. 1681—1682.

Таблица № 29

Сословный состав сухопутного офицерского корпуса в 1912 г. (в%)

Сословия	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры
Дворяне, дети личных дворян чиновников, офицеров	87,45	71,46	50,36
Почетных граждан и купцов	8,47	12,84	18,05
Мещан, крестьян, детей солдат	2,69	11,48	27,99
Из духовенства	1,39	4,22	3,60
Итого:	100	100	100

Источник: Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1938, Т. I, с. 150.

среди генералов и штаб-офицеров, достигнув почти 50% младшего офицерства, что особенно показательно, ибо из последней категории пополнялся состав слушателей всех без исключения военных академий.

Изменился, пусть незначительно, и принцип комплектования воспитанников привилегированного Морского кадетского корпуса, предназначавшегося только для детей адмиралов, офицеров флота и сыновей потомственных дворян. По постановлениям Государственного совета от 26 апреля 1906 г. и Совета министров 20 января 1907 г., в него стали принимать сыновей корабельных врачей и инженеров, чинов морского ведомства и гражданских чиновников (не ниже VIII класса), священнослужителей в сане не ниже иерея, выпускников высших учебных заведений всех сословий и обязательно христианского исповедания.[41]

Утратило черты кастовости и Морское инженерное училище, куда до 1906 г. принимались только дети потомственных и личных дворян, потомственных почетных граждан, сыновья служащих и служивших в морском ведомстве офицеров и гражданских чиновников. Закон 20 яваря 1907 г. допустил в училище всех юношей христианского исповедания, обладавших средним образованием. Для магометан требовалось особое разрешение.[42] Это

[41] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 562, л. 3 об. — 4,7—8 об.
[42] Там же.

кардинально изменило сословную структуру воспитанников данного учебного заведения (таблица № 30).

Таблица № 30

Сословный состав Морского инженерного училища в 1906—1914 гг.

	1906		1914	
	Абс.	%	Абс.	%
Дворяне потомственные	48	20,7	11	5,0
Сыновья личных дворян и чиновников	127	54,7	61	28,0
Из духовного звания	3	1,3	7	3,1
Сыновья почетных (потомственных и личных) граждан и купцов	46	19,8	26	12,0
Сыновья мещан, цеховых и пр. городских сословий	6	2,6	58	26,4
Крестьян	2	0,9	54	24,6
Иностранцы	—	—	2	0,9
Итого:	232	100	219	100

Источники: Отчет по Морскому министерству за 1906—1909 годы. СПб., 1911, с. 112; То же за 1913 г. СПб., 1914, С. 88.

Не было исключительно дворянским по составу слушателей и привилегированное дипломатическое высшее Учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел. Необходимость для учебы в нем в совершенстве владеть несколькими восточными языками делали его открытым выпускникам многосословных восточного факультета Петербургского университета, высших классов Лазаревского института восточных языков, Института восточных языков во Владивостоке.

В группу привилегированных входили духовные академии в Москве, Петербурге, Киеве и Казани. Они предназначались преимущественно для детей духовенства (таблица № 31), существенно повышали внутрисословный статус последних, открывая перед ними широкие перспективы карьеры по духовному ведомству. Но и эти корпоративные учебные заведения в начале XX в., особенно после первой российской революции, испытывали натиск со стороны выходцев из буржуазии. Их доля в студенческом контингенте духовных академий приблизилась к 30%. Для дворянской молодежи духовно-пастырское поприще не представлялось престижным.

Таблица № 31

Сословный состав студентов Киевской духовной академии в 1901—1913 гг.

Сословия	1901		1913	
	Абс.	%	Абс.	%
Духовенство	108	77,2	140	69,3
Дворяне	1	0,7	—	
Дети личных дворян, чиновников, офицеров	9	6,4	4	2,0
Мещане	13	9,3	43	21,3
Крестьяне	9	6,4	15	7,4
Итого:	140	100	202	100

Источники: Отчет обер-прокурора св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 г., СПб., 1905, С. 235; То же за 1913 г., Пг., 1915, С. 193; Обзор Киевской губернии за 1907 г. Киев, 1908, приложение 8.

Срединную часть воображаемой иерархической пирамиды высших учебных заведений занимали университеты и гуманитарные учебные заведения университетского типа.[43]. Они готовили основную массу высококвалифицированных чиновников-исполнителей среднего звена. Сословно-классовые процессы в этой группе высших учебных заведений определялись университетами, которые имели самый многочисленный в России контингент студентов. Уже к концу XIX в. классические гимназии перестали поставлять им (в первую очередь на периферии) достаточное количество абитуриентов. Все больше дворянских и чиновничьих семей направляли своих отпрысков в реальные училища, открывавшие путь к более перспективному специальносу высшему образованию. После первой российской революции понизилось число выпускников-гимназистов, желавших стать универсантами. Необратимый характер приобрел объективный процесс сословной демократизации университетского студенчества. Об этом красноречиво говорят данные об удельном весе дворянско-чиновничьей группы в студенческом контингенте университетов в начале XX в.: 1900 г. — 52%; 1906 г. — 48,4%; 1914 г. — 36%; 1916 г. — 34% (таблица № 32). Динамично убывающие, они вместе с тем сви-

[43] Демидовский юридический лицей, институты восточных языков в Москве и Владивостоке, историко-филологические институты в Петербурге и Нежине, Московский педагогический институт им. П. Г. Шелапутина, женские педагогический и медицинский институты в Петербурге.

Таблица № 32

Сословный состав студентов университетов за 1895—1916 гг.

Сословия	1895 г.		1900 г.		1906 г.		1908 г.		1914 г.		1916 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Потомственные дворяне					2889	11,8	3306	9,3	2732	7,7	1273	5,0
Сыновья личных дворян и чиновников, офицеров	5140	45,3	8054	52,0	8954	36,6	11276	31,9	10101	28,3	7463	29,0
Из духовного звания	554	4,9	1457	9,4	2003	8,2	4476	12,7	3677	10,3	2556	10,0
Сыновья почетных (потомственных и личных) граждан и купцов	880	7,8	3428	22,1	2734	11,2	3940	11,2	3884	10,9	3176	12,0
Сыновья мещан и цеховые	3758	33,1			5937	24,3	8330	23,6	8675	24,3	6500	25,0
Казаки	—	—	—	—	190	0,8	233	0,7	427	1,2	276	1,0
Крестьяне	758	6,8			1336	5,4	2881	8,1	4758	13,3	3337	13,0
Иностранцы	243	2,1	2551	16,5	366	1,5	385	1,1	432	1,2	274	1,0
Прочие	—	—	—		45	0,2	502	1,4	1009	2,8	770	3,0
Итого:	11333	100%	15490	100%	24454	100%	35329	100%	35695	100%	25625	100%

Источник: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в., М., 1971, С. 63; Отчет министра народного просвещения за 1895 г. СПб., 1899, С. 132; То же за 1905 г. СПб., 1907, ведомость № 6; То же за 1913 г. СПб., 1916, ведомость № 6, ЦГИА СССР, ф. 740, Департамент общих дел, оп. 42, д. 114, л. 5.

детельствуют о том, что вплоть до свержения самодержавия представительство дворян и чиновников в университетах было несоразмерно их ничтожной доле в социальной структуре населения империи.

Следует помнить, что дворянско-чиновничья группа студентов подразделялась на подгруппы: 1) дворян потомственных и 2) детей личных дворян и чиновников. Первая, быстро убывавшая количественно, сплошь состояла из потомков служилого или мелкопоместного дворянства, причем дворянская аристократия направляла своих детей в основном в закрытые гражданские или военные высшие школы. Вторая подгруппа, явно преобладавшая над первой количественно, состояла из детей чиновников низшего и среднего ранга. В целом «сословная принадлежность к дворянству покрывала пеструю массу людей, различных по социальному положению, в том числе деклассированных дворян — фактических разночинцев».[44]

Дворянско-чиновничья группа студентов распределялась между университетами неравномерно. По состоянию на 1 января 1914 г. свыше 71% ее состава концентрировалось в Петербурге (26,8%), Москве (29,6%), Киеве (15%). В то же время в Томском университете эта категория студентов составляла 1,9% при полном отсутствии потомственных дворян, а в Саратовском — 1%.[45] Дворянско-чиновничья молодежь училась на всех факультетах. Однако значительная ее часть, причем наиболее родовитая и состоятельная, предпочитала юридические науки, дававшие прямой выход к чиновничьей карьере и к частнопредпринимательской деятельности. Немало выходцев из этой сословной группы избирали естественные науки и медицину. Наименьшей популярностью среди них пользовался историко-филологический факультет.

Представительницы господствующих сословий преобладали в Петербургском женском педагогическом институте (в 1905 г. — 64,4% учащихся).[46] Популярностью среди них пользовался и Женский медицинский институт в Петербурге. Выходцы из дворянско-чиновничьих семей среди поступавших в него в 1903 г. составляли 55,1,[47] а в 1913 г. — 41,2.[48]

---

[44] Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч., С. 60. Эта идея впервые видвинута Г. В. Плехановым. См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958, т. V, С. 43.

[45] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1916, ведомость № 6.

[46] ЛГИА, ф. 918, Женский педагогический институт, оп. 1, д. 5288, л. 4 об.

[47] ЛГИА, ф. 436, Женский медицинский институт, оп. 1, д. 4679, л. 8.

[48] ЛГИА, ф. 436, оп. 1, д. 4720, л. 19.

Стабильно компактную группу универсантов (9—12%) составляли выходцы из духовного сословия (таблица № 32). Она пополнялась преимущественно выпускниками духовных семинарий, по признанию обер-прокурора св. Синода К. П. Победоносцева, детьми «небогатых родителей», главным образом сельских священников, которые «не имеют способов содержать и воспитывать их в других учебных заведениях».[49] Вторая причина немногочисленности бывших семинаристов в университетах крылась в ограничениях, введенных еще в 1879 г. Желающие поступить туда должны были сдать, по разрешению духовного начальства (а оно давалось не всегда) и с согласия учебного округа, дополнительные экзамены при одной из классических гимназий. Свободное поступление выпускникам семинарий разрешалось только в Тоский и Юрьевский университеты, а также на историко-филологический и физико-математический факультеты Варшавского и восточный — Петербургского университетов. В них (исключая Петербургский университет) молодежь из духовной среды возобладала над выходцами из прочих сословий, составляя к 1 января 1914 г. в Томском университете — 29,4%, а в Варшавском — 46,6%.[50] Ситуация изменилась только в Юрьеве, где представительство семинаристов снизилось с 42% в 1903 г.[51] до 10,4% — к 1 января 1914 г. В целом же по состоянию на 1 января 1914 г здесь обучалось почти 56% студентов всех университетов — выходцев из духовного сословия.

Наибольшей популярностью у молодежи из духовной среды пользовался медицинский факультет, следом шел историко-филологический. На прочих факультетах оседала ничтожная часть недавних семинаристов. Питомцы духовных семинарий допускались и в другие учебные заведения университетского типа, не пользовавшиеся популярностью у выпускников классических гимназий. Так, к 1 января 1906 г. они оставляли 51,3% контингента учащихся (866 чел.) Демидовского юридического лицея.[52] К 1 января 1916 г. в Нежинском историко-филологическом институте на эту сословную категорию приходились 51,4% студентов (146).[53]

Социальная структура универсантов из буржуазных и мелко-

---

[49] ЦГИА СССР, ф. 797, Канцелярия обер-прокурора св. Синода, оп. 74, 1 отд., 2 стол, д. 47, л. 6 об.
[50] Отчет министра народного просвещения за 1913 г., СПб., 1916, вед. 16.
[51] То же за 1903 г. СПб., 1904, с. 114.
[52] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 204, д. 419, л. 2 об.
[53] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 573, л. 220 об.

буржуазных сословий российского общества (в основном городского происхождения) выглядела следующим образом: 1) представители цензовой буржуазии и бурзуазной интеллигенции; 2) представители мелкой городской бурзуазии — мещане, цеховые, пр.; 3) иностранцы — дети натурализовавшихся в России иностранных подданных, занимавшихся всеми видами капиталистической деятельности и фактически слившихся с отечественной буржуазией; 4) представители сельских сословий — крестьян, казаков. В совокупности они составляли весомую и быстро растущую с начала XX в. группу: 38,6% — в 1900 г.; 46,1% — в 1908 г.; 53,7% — в 1914 г.; 55% — в 1916 г. (таблица № 32). Численность ее, однако, не соответствовала той роли, которую играла представляемая ею часть населения в экономической и культурной жизни страны. Это относится, в первую очередь, к крестьянству и мелкобуржуазным слоям города. В университет могли попасть те мещане, крестьяне казаки, которые происходили из зажиточных семей.

Ступенью ниже университетов в воображаемой социально-иерархической пирамиде российских высших учебных заведений стояли народно-хозяйственные институты — инженерные, сельскохозяйственные коммерческие с правами государственных (Московский, Киевский, Харьковский). Они предназначались в первую очередь для выходцев из буржуазии. И действительно, социальный состав их студентов был более буржуазным, нежели в университетах. Вывод этот опирается на анализ сословной статистики инженерных (таблица № 33) и сельскохозяйственных (таблица № 34) институтов, где уже с конца XIX в. преобладали выходцы из средней и мелкой буржуазии. Это была пестрая по сословному составу, преимущественно мелкобуржуазная, группа (более 30%), включавшая в себя и представителей цензовой буржуазии (20%) — купцов I и II гильдий, личных и потомственных почетных граждан (таблица № 33).

Выходцы из городской средней и мелкой буржуазии, после революции 1905—1907 гг. особенно, составляли весомую часть учащихся в земледельческих (в средней 40%) (таблица № 34) и ветеринарных (более 20%) (таблица № 35) институтах. В коммерческих высших учебных заведениях [54] в 1909/10 учебном году

[54] Московский (1846 чел.) и Киевский (800 чел.) коммерческие институты, Высшие коммерческие курсы М. В. Побединского (243 чел.), Высшие коммерческие курсы А. И. Даринского и Е. В. Тарле (55 чел.), Высшие торгово-промышленные курсы Е. В. Михайловой (15 чел.).

Таблица № 33

Сословный состав студентов С.-Петербургского (Петроградского), Томского, Харьковского технологических и Рижского политехнического институтов, Московского технического училища в 1895—1916 гг. (ведомство Министерства народного просвещения)

Сословия	1895 г.		1898 г.		1901 г.		1906 г.		1914 г.		1916 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Дворяне							890	11,9	947	9,8	741	7,6
Дети личных дворян, чиновников, обер-офицеров	1291	40,5	1312	37,0	1816	36,1	1259	16,9	1436	14,8	1365	14,0
Из духовного звания	63	2,0	69	1,9	108	2,1	125	1,7	232	2,4	213	2,2
Дети почетных граждан (потомственных и личных), купцов	323	10,1	401	11,3	1087	21,6	1472	19,7	1367	14,1	1412	14,5
Из городских сословий (мещан, цеховых)	1108	34,7	1287	36,3	1275	25,4	2460	33,0	3420	35,2	3792	38,9
Из крестьян	301	9,4	349	9,8	593	11,8	1101	14,8	2176	22,4	2158	22,2
Иностранцы	106	3,3	132	3,7	151	3,0	151	2,0	126	1,3	59	0,6
Итого:	3192	100	3550	100	5030	100	7458	100	9704	100	9740	100

Источники: Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1895 г. СПб., 1899, С. 475, 477, 481, 489. То же за 1897 г. СПб., 1902, С. 515, 521, 525, 535; То же за 1901 г. СПб., 1902, С. 579—699; Отчет министра народного просвещения за 1905 г. СПб., 1907, ведомости, 16; То же за 1913 г. СПб., 1916, вед. 16; ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 42, д. 114, л. 14.

обучалось 24,56% детей купцов, потомственных и личных почетных граждан и 36,1% мещан, цеховых и пр. — всего 60,6% студенческого контингента (2959 чел.).[55] В крупнейшем из коммерческих институтов — Московском в 1912—1915 гг. буржуазно-сословная часть учащихся превышала 60%, причем доля потомков купцов и почетных граждан равнялась уже 31—32% (таблица № 36).

В составе студентов народнохозяйственных высших учебных заведений неуклонно повышалась, особенно после революции 1905—1907 гг., доля выходцев из крестьян: 9,4% учащихся инженерных институтов Министерства народного просвещения в 1895 г. и 22,4% — в 1914 г. (таблица № 33); 8,2% студентов аграрных высших школ в 1895 и 31,3% — в 1915 г. (таблица № 34). В 1912—1915 гг. в Московском коммерческом институте доля крестьян среди студентов находилась на уровне 21,6—23,4% (таблица № 36).

Характерно, что подавляющая часть крестьянской молодежи искали дипломы о высшем образовании не в сельскохозяйственных, а в инженерных и коммерческих институтах. Так, в 1914 г. в инженерных школах Министерства народного просвещения обучалось 2176 выходцев из крестьян, в политехникумах и Московском коммерческом институте — 5322 чел.,[56] т. е. всего 7498 чел. против 1075 крестьян, обучавшихся в земледельческих и ветеринарных институтах в 1914/15 учебном году (таблица № 34 и 35). Приведенные данные убеждают в том, что подавляющее большинство «крестьян»-студентов в специальных высших учебных заведениях имели уже городское происхождение, лишь номинально входя в крестьянское сословие.

«Настоящие» студенты-крестьяне были выходцами из сельской буржуазии, которая только и могла дать своим детям среднее и высшее образование. Но группа эта была малочисленна: «Нередко в отношении сельскохозяйственных учебных заведений

---

[55] Статистические сведения о состоянии учебных заведений Министерства торговли и промышленности. 1909/10 учебный год. СПб., 1910, С. 9—10.

[56] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1916, вед. № 16; Труды Ленинградского политехнического института, 1957, № 190, С. 78; Обзор Киевской губернии за 1914 г. Киев, 1914, вед. № 15; Труды Варшавского статистического комитета. Вып. X. Народное образование в Царстве Польском за 1910/11 учебный год. Высшие, средние и низшие учебные зведения. Правительственные и частные. Варшава, 1914, С. 16—17; Новочеркасский политехнический институт им. С. Орджоникидзе. Краткая историческая справка к 50-летию института. 1907—1957. Новочеркасск, 1957, С. 10 (подсчет автора).

Таблица № 34

Сословный состав студентов Московского сельскохозяйственного института, Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, Лесного и Межевого институтов в 1895—1915 гг.

Сословия	1895 г.		1901 г.		1908 г.		1915 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Дворяне	225	29,8	315	29,1	265	12,8	396	13,6
Дети личных дворян, чиновников, офицеров	190	25,2	320	25,5	414	20,0	265	9,1
Из духовного звания	29	3,8	39	3,6	92	4,5	147	5,1
Дети почетных граждан (потомственных и личных), купцов	72	9,5	87	8,0	401	19,4	399	13,7
Из городских сословий (мещан, цеховых)	168	22,2	209	19,3	474	23,0	781	26,9
Из крестьян	62	8,2	104	9,6	393	19,0	908	31,3
Иностранцы	10	1,3	10	0,9	26	1,3	9	0,3
Итого:	756	100	1084	100	2065	100	2905	100

Источники: Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1897 г. СПб., 1899, С. 486—487; То же за 1907 г. СПб., 1909, ведомость 16; Речь и отчет, читанные в годичном собрании Московского сельскохозяйственного института 26 сентября 1896 г. М., 1896, с. 39; То же 26 сентября 1898 г. М., 1898 г., С. 77; То же 26 сентября 1900 г. М., 1900, С. 204; Речь и отчет о состоянии Московского сельскохозяйственного института за 1907 г. М., 1908, С. 28; То же за 1914. М., 1915, С. 98; Отчет о состоянии Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства за 1914 гражданский год. Пг., 1916, С. 12; Отчет по Лесному управлению Министерства земледелия и государственных имуществ за 1895 г. СПб., 1896, С. 23; То же, за 1900. СПб., 1901, С. 69; Извлечения из отчета по Константиновскому межевому институту за 1896—1897 учебный год. М., 1898, С. IX; Памятная книжка Константиновского межевого института за 1900—1901 учебный год. М., 1902, С. 60; То же на 1 января 1908. М., 1908, С. 5; То же за 1915 г. М., 1916; ЛГИА, ф. 994, Лесной институт, оп. 6, д. 203, л. 37.

приходится слышать обвинение, что они не обслуживают земледельческого населения», — сообщает статистический отчет Департамента земледелия от 1 января 1913 г. Руководители департамента находили это «совершенно естественным», поскольку «земледельческому классу населения слишком трудно подготовить детей для высших требований приема в эти учебные заведения».[57]

Одновременно в студенческом контингенте специальной высшей школы сокращалась процентная доля ее дворянско-чиновничьей части. В инженерных школах Министерства народного просвещения она упала с 40,5% в 1895 г. до 24,6% в 1914

[57] Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям к 1 января 1913 г. Вып. второй. СПб., 1913, С. XIII.

Таблица № 35

Сословный состав студентов Варшавского, Казанского, Харьковского, Юрьевского ветеринарных институтов в 1906—1914 гг.

Сословия	1906 г.		1914 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
Дворяне	212	10,3	101	5,8
Сыновья личных дворян, чиновников, офицеров	409	19,8	201	11,6
Из духовного звания	753	36,5	900	52,1
Сыновья почетных граждан (потостственных и личных), купцов	105	5,1	74	4,3
Сыновья мещан и цеховых и прочих городских сословий	350	17,0	282	16,3
Из крестьян	216	10,5	167	9,7
Иностранцы	16	0,8	4	0,2
Итого	2061	100	17729	100

Источники: Отчет министра народного просвещения за 1905. СПб., 1907, ведомость 22; То же за 1913. СПб., 1916, вед. 22.

(таблица № 33). Для юношей из привилегированных сословий технологические институты были малопривлекательны. Несколько лучше обстояло дело в политехникумах торгово-промышленного ведомства, где в 1914 г. было 35% выходцев из дворян и чиновников. Тем не менее их удельный вес падал и здесь. Так, в Киевском политехническом институте он понизился с 48,9% в 1898 г. до 34% в 1915 г.[58] Сходный процесс наблюдался и в популярном среди дворянской молодежи Петербургском горном институте: в 1896 г. здесь было 57,8% дворян и чиновников;[59] в 1914 г. — уже 31,5%.[60]

Сокращалась дворянско-чиновничья часть и в студенческом контингенте сельскохозяйственных высших учебных заведений. В 1895 г. она находилась на уровне 55%, в 1915 г. — 22,7% (таблица № 34). Вопреки стремлению самодержавия, дворян-помещиков здесь было абсолютное меньшинство. Об этом говорят косвенные данные (официальными мы не располагаем). Анкетирование в 1914 г. в Московском сельскохозяйственном институте

[58] Киевский индустриальный институт. Юбилейный сборник к 40-летию института. Киев, 1939, С. 54—55.
[59] Отчет о состоянии и действиях Горного института за 1895 г. СПб., 1896, С. 6.
[60] Горный институт. Юбилейный сборник, С. 38.

229 студентов (15%) не зафиксировало ни одного настоящего или будущего владельца имения.[61]

В Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства количество детей землевладельцев, под которыми подразумевались как помещики, так и крестьяне, владевшие надельными землями, совпадало с количеством студентов из крестьянского сословия (80 чел.).[62]

В целом дворянско-чиновничья группа учащихся специальной высшей школы пополнялась выходцами из семей, порывавших старые сословные связи, изменявших своим профессиональным традициям и сливавшихся с классом буржуазии. Об этом красноречиво говорит наличие дворянско-чиновничьей группы даже в таких корпоративно-буржуазных высших учебных заведениях, как коммерческие институты. В 1909/10 учебном году в них обучалось 13,5% детей дворян и чиновников.[63] В 1912—1915 гг. в Московском коммерческом институте им устойчиво принадлежало около 16% учебных мест (таблица № 36).

Ничтожным меньшинством в народнохозяйственных институтах выглядела группа студентов из духовного сословия. Это объяснялось, во-первых, недостаточной подготовкой недавних семинаристов по естественным наукам. Восполнение этого пробела в знаниях требовало дополнительных материальных затрат, на которые священнослужительские семьи редко были способны. Лишь немногие из них могли дать своим детям гимназическое или реальное образование. Во-вторых, немаловажным фактором отчуждения выпускников семинарий от специальной высшей школы были и профессиональные традиции духовного сословия (помимо священнослужительской, историко-филологическая и медицинская специализации).

В 1895—1914 гг. доля детей священников среди учащихся инженерных школ Министерства народного просвещения стабильно находилась на уровне всего 2% (таблица № 33). По состоянию на 1914 г., в Петербургском политехникуме она равнялась 6,8%,[64] а в Киевском в 1913—1915 гг. — 7—8%.[65]

---

[61] Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева, С. 107.

[62] Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям к 1 января 1913 г., С. 62—63.

[63] Статистические сведения о состоянии учебных заведений... Министерства торговли и промышленности. 1909/10 учебный год, С. 9—10.

[64] Труды Ленинградского политехнического института, № 190, Л., 1957, С. 78.

[65] Киевский индустриальный институт. Юбилейный сборник. С. 54—55.

Таблица № 36

Сословный мостав студентов Московского коммерческого института в 1912—1915 гг.

Сословия	1912/13 уч. год		1914/15 уч. год	
	Абс.	%	Абс.	%
Дворяне	291	6,8	293	5,4
Дети личных дворян, чиновников, офицеров	385	9,1	548	10,2
Из духовного звания	—	—	—	—
Дети купцов	412	9,7	493	9,2
Дети потомственных и личных почетных граждан	960	22,5	1189	22,1
Из городских сословий (мещан, цеховых и пр.)	1254	29,4	1576	29,2
Из крестьян	919	21,6	1263	23,4
Иностранцы	39	0,9	27	0,5
Итого:	4260	100	5389	100

Источники: Отчет Московского коммерческого института. 1912—1913 год. М., 1914, С. 65; То ж 1914—1915 год. М., 1917.

Видимо, семинаристов, решивших поступать в инженерную высшую школу, более привлекали престижные политехнические институты.

В земледельческих институтах на студентов из духовенства в 1895—1914 гг. приходилось 3—5% мест (таблица № 34). В то же время в ветеринарных институтах в 1906—1914 гг. их было от 36 до 52% (таблица № 35), причем среди будущих ветеринаров было немало тех, кому не удалось поступить на медицинский факультет университетов.

В 1912—1915 гг. выходцы из духовного сословия отсутствовали среди студентов Московского коммерческого института (таблица № 36), но в 1914 г. в Киевском коммерческом институте они составляли 27,2%.[66]

Замыкали иерархическую пирамиду высших учебных заведений России государственное Высшее художественное училище живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств, а также неправительственные Московское училище живописи, ваяния и зодчества, консерватории в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Саратове, Музыкально-драматическое училище (Москва). Это были самые демократичные по принципам комплектования студенческого контингента высшие учебные заведе-

[66] Обзор Киевской губернии за 1914 г., Ведомость № 15.

ния, ибо главным фактором отбора абитуриентов была здесь природная даровитость. В сфере художественного образования училось примерно равное число выходцев из дворян и чиновников, городских демократических сословий, крестьян. Обучались здесь, хотя и в мизерном числе, дети рабочих, «обывателей», нижних воинских чинов (таблиц № 37).

Таблица № 37

Сословный состав студентов Высшего художественного училища живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств и Московского училища живописи, ваяния и зодчества

Сословия	1904 г.		1914 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
Дворяне, дети личных дворян, чиновников, офицеров	207	24,4	240	28,0
Из духовного звания	21	2,5	21	2,5
Дети купцов и почетных граждан (личных и потомственных)	82	9,7	92	10,7
Мещане, цеховые и пр.	238	28,0	233	27,2
Дети художников и архитекторов	60	7,0	22	2,7
Из крестьян	222	26,1	241	28,1
Иностранцы	19	2,3	8	0,9
Итого:	849	100	857	100

Источники: Отчет о деятельности имп. Академии художеств в 1904 г. СПб., 1904, С. 63; То же за 1914 г. СПб., 1915; Отчет Московского художественного общества и училища живописи, ваяния и зодчества за 1904—1905 г. М., 1906, С. 57; То же, за 1914/1915 г. М., 1915, С. 58.

Важнейшим регулятором социального состава будущих деятелей искусства являлись материально-бытовые условия. Лишь немногие из будущих художников, ваятелей, зодчих, артистов, музыкантов получали материальное вспомоществование от государства и общественности. В конечном счете учиться могли те из них, кто имел средства. Материальный фактор был особенно существенен для тех, кто стремился к высшему музыкальному образованию. В консерваторию мог поступить только имевший предварительную профессиональную подготовку. Это были преимущественно выходцы из интеллигентских или состоятельных буржуазных семей [67] (таблица № 38).

[67] В отчетах консерваторий (печатных и архивных) статистика сословного состава отсутствует. Автор располагает лишь данными по Московской (ЦГИА СССР, фонд печатных источников, № 76198) и Киевской консерваториям.

Таблица № 38

Сословный состав учащихся Киевской консерватории в 1914 г.

Сословия	Численность	
	Абс.	%
Дети дворян и чиновников	233	27,0
Из духовенства	43	5,0
Городские сословия	525	61,0
Сельские сословия (крестьяне, казаки)	42	4,8
Прочие	19	2,2
Итого:	862	100

Источник: Обзор Киевской губернии за 1914 г. Ведомость № 15.

В общественных и частных учебных заведениях, где обучались преимущественно женщины, сословно-классовые процессы протекали более естественно, поскольку они не испытывали на себе сильного воздействия сословных, национальных и других регламентаций для поступающих. Это предопределило, в частности, несистематичность, а в ряде случаев и полное отсутствие сословной статистики по этим учебным заведениям (Психоневрологический и археологические институты, консерватории). В народных университетах Шанявского и Нижегородском фиксировался только род повседневной деятельности слушателей.

Исключение составили Петербургские высшие женские курсы (Бестужевские), данные о которых (таблица № 39) в сопоставлении с выборочной статистикой по провинциальным университетским курсам (таблица № 40) позволили все же выявить ведущие сословно-классовые тенденции в неправительственной высшей женской школе.

Как и в государственной высшей школе, самая многочисленная и быстрорастущая группа студенток университетских курсов пополнялась представительницами городских сословий, в первую очередь мелкобуржуазных. Наиболее быстрыми темпами она росла на Московских высших женских курсах: в 1904 г.— 378 чел. (35,6%),[68] в 1912 г. — уже 3611 чел. (67,2%).[69] Выше 40-процентной отметки поднималась доля этой группы и в провинциальных высших женских школах. Минимальной и по численности, и по динамике роста была группа девушек-курсисток из

[68] Отчет Высших женских курсов в Москве (за 1903/04 учебный год. М., 1905, С. 12.
[69] История СССР, 1969, № 2, С. 178.

крестьянского сословия (сходной была ситуация с выходцами из крестьянского сословия и в правительственных университетах). Дворянско-чиновничью группу студенток, на рубеже веков преобладавшую на всех университетских курсах, к 1914 г. существенно потеснили представительницы городских сословий. Наиболее предпочтительная для дворян и чиновников ситуация сохранялась на Бестужевских курсах, хотя и здесь доля данной группы за полтора десятилетия (1898—1914 гг.) сократилась на 1/3 (таблица № 39). Первый в России «женский университет», естественно, притягивал к себе девушек из наиболее образованных семей, главным образом чиновного Петербурга. Для представительниц провинции он был менее доступен.

Таблица № 39

Сословный состав Петербургских высших женских курсов за 1898—1914 гг.

Сословия	1898 г.		1906 г.		1914 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Дворянки, дочери и жены личных дворян, чиновников, офицеров	535	67,0	1375	63,2	2765	44,0
Из духовного звания	38	4,8	125	5,7	565	9,0
Дочери и жены почетных граждан (потомственных и личных)	177	22,2	136	6,4	320	5,0
Из городских сословий (мещан, цеховых и пр.)			410	18,8	1689	26,9
Из крестьян	29	3,6	102	4,6	906	14,4
Иностранки	19	2,4	29	1,3	44	0,7
Итого:	798	100	2177	100	6289	100

Источники: С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет 1878—1903. Очерки и материалы. СПб., 1903, С. 253; Отчет о состоянии С.-Петербургских высших женских курсов за 1904—1905 академический год. СПб., 1906, С. 21—22; То же за 1913—1914 гг. СПб., 1916, С. 36.

По-иному сложилась судьба дворянско-чиновничьей группы на крупнейших в России Московских женских курсах, где ее абсолютная численность росла чрезвычайно замедленно, а удельный вес в контингенте учащихся стремительно понижался: 573 чел. (54%) в 1904 г.[70] и 851 чел. (17%) — в 1912.[71] Среди населения

[70] Отчет Высших женских курсов в Москве (за 1903/1904 учебный год). М., 1905, С. 12.
[71] История СССР, 1969, № 2, С. 1787

старой столицы чиновничьий элемент обладал меньшим удельным весом, и приезжие сталкивались при поступлении в это учебное заведение с меньшей конкуренцией. В провинциальных высших женских учебных заведениях численность дворянско-чиновничьей группы вплотную шла за буржуазно-сословной. Она состояла в основном из местных уроженок, а потому убывала не столь быстро (таблица № 40), как на Московских высших женских курсах, где обучалось много приезжих, являвшихся самой текучей частью учащихся.

Таблица № 40

Сословный состав слушательниц высших женских курсов в Казани, Киеве, Новочеркасске, Одессе, Томске (Сибирские), Харькове (Общества взаимодействия трудящихся женщин), Юрьеве, Одесских высших женских медицинских курсов в 1910—1914 гг.

Сословия	1910/11 уч. год		1913/14*) уч. год	
	Абс.	%	Абс.	%
Дворянки, дочери и жены личных дворян, чиновников, офицеров	1466	29,6	1734	26,7
Из духовного звания	798	16,1	1240	19,1
Дочери и жены почетных граждан (потомственных и личных) купцов	701	14,2	786	12,1
Из городских сословий (мещан, цеховых и *пр.*)	1586	32,0	2070	31,9
Из крестьян	384	7,8	561	10,0
Иностранки	13	0,3	16	0,2
Итого:	4948	100	6407	100

*) Данные по Харьковским высшим женским курсам Общества взаимодействия трудящихся женщин — на 1911/12 учебный год. Данные по Казанским высшим женским курсам — на 1914/15 учебный год.

Источники: Отчет о состоянии Казанских высших женских курсов за 1910/11 учебный год. Казань, 1911. С. 22; Краткий обзор истории и современного состояния Высших женских курсов в г. Киеве, Киев, 1913, С. 31; Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов в г. Томске за 1914 год. Томск, 1914, С. 37; Отчет о деятельности Харьковских высших женских курсов, учрежденных Обществом взаимодействия трудящихся женщин за 1912 г. Харьков, 1914, С. 8; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 133, л. 597; д. 134, л. 32; д. 1035, л. 29; оп. 205, д. 3250, л. 6 об.—7.

Провинциальные высшие женские курсы, особенно киевские, привлекали в гораздо большем числе, нежели столичные (из-за дорогой жизни в Петербурге и Москве), выпускниц епархиальных училищ, происходивших, как и семинаристы, из малодостаточных священнослужительских семей.

Специфически проходили сословно-классовые процессы

в сфере инженерного высшего женского образования. Достаточно обоснованным суждениям о них мешает отсутствие сословной статистики по крупнейшему Петербургскому женскому политехническому институту. Данные по малолюдным Женским курсам высших архитектурных знаний (таблица № 41) позволяют заключить, что инженерное поприще избирали девушки преимущественно из семей дворян и чиновников, а также из торгово-промышленной и буржуазно-интеллигентской среды. Необходим был достаточно высокий уровень культуры и общественного сознания, чтобы послать свою дочь учиться такому неженскому, по представлениям того времени, делу, как инженерия.

Таблица № 41

Сословный состав студенток Женских курсов высших архитектурных знаний Е. Г. Багаевой и Л. П. Молас в 1910—1915 гг.

Сословия	1910 г.		1913 г.		1915 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Из дворян-чиновников	26	62,0	86	70,0	91	57,2
Из духовенства	3	7,1	8	6,5	3	1,8
Из купцов и почетных граждан	4	9,5	8	6,5	46	29,0
Из мещан	3	7,1	21	17,0	17	10,7
Из крестьян	4	9,5	—	—	—	—
Иностранки	2	4,8	—	—	2	1,3
Итого:	42	100	123	100	159	100

Источники: ЛГИА, ф. 139, С.-Петербургские женские политехнические курсы (Институт), оп. 1, д. 11967, л. 2; Статистические сведения о состоянии учебных заведений Министерства торговли и промышленности за 1912/13 учебный год, С. 279; То же за 1914/15 учебный год. Пг., 1917, С. 158.

Наиболее демократическим был состав учащихся академических отделений народных университетов в Москве, Нижнем Новгороде, Харькове, Киеве. Например, в Университете им. А. Л. Шанявского в 1908—1916 гг. обучались мужчины и женщины, 40—50% которых не имели права поступления в высшую школу за отсутствием среднего образования. До 60% сочетали учебу с работой. Согласно отчетной документации, это были: 1) «служащие» (чиновники, военные, моряки, служащие в земствах, счетоводы, бухгалтеры, конторщики, библиотекари, порт-

нихи, рабочие, заводские мастера); 2) учителя и учительницы; 3) учащиеся других высших учебных заведений; 4) представители «свободных профессий» (инженеры, химики, агрономы, литераторы, журналисты, артисты, адвокаты, коммерческие и общественные деятели, лица, занимавшиеся сельским хозяйством); 5) «ведущие самостоятельное хозяйство» (занимающиеся домашним хозяйством, живущие при родителях).[72]

Итак, политика самодержавия в области формирования студенческого контингента российской высшей школы, направленная не столько на приумножение, сколько на его сословно-охранительное регулирование, в начале XX в. оказалась несостоятельной, поскольку противоречила социальным процессам, возобладавшим в России. По мере развития капитализма все менее реальным становилось стремление царизма превратить высшую школу в инструмент расчленения функций дипломированных специалистов по принципу сословного происхождения: дворянам и детям чиновников — государственное управление, прочим — сфера народнохозяйственной деятельности.

Жизнь неумолимо разрушала эту схоластическую схему. Для демократической по происхождению молодежи она высвобождала все больше жизненного пространства на тех этажах высшей школы, которые предназначались исключительно, либо в первую очередь, для выходцев из дворянско-чиновничьей среды. Больше того, шел процесс активного перемещения последних в ту сферу высшего образования, которую царизм отводил выходцам из буржуазных слоев, что способствовало интеграции дворян в класс буржуазии.

Наконец острая потребность капиталистической страны в дипломированных специалистах втянула определенную часть выпускников средней школы, притом социально самую обездоленную, в сферу высшего образования через негосударственный, чисто буржуазный его сектор.

---

[72] Воробьева Ю. С. Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского.//Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. Сб. статей. М., 1979, С. 176—178.

3.

Национальный состав студенчества

Социально-охранительное регулирование состава студенчества имело и исповедально-национальный аспект. Высшая школа была русской по языку преподавания и предназначалась, в первую очередь, для юношества православного вероисповедания. Тем самым самодержавие пыталось, с одной стороны, устранить возможность студенческих антиправительственных выступлений на национальной почве, а с другой — затормозить развитие национального самосознания народов, входивших в состав империи, ради сохранения ее целостности. В отзыве на проект плана государственной обороны, который обсуждался в Совете министров в 1908 г., министр народного просвещения А. Н. Шварц писал, в частности: «Необходимо неуклонно отстранять всякие притязания инородцев на какую бы то ни было обособленность и национализацию школы. Руководящим началом должна быть единая русская государственная школа на всех ее ступенях и для всех без исключения инородцев империи... Во всех учебных заведениях должно неуклонно и строго последовательно проводиться образование и воспитание в духе любви к русской народности и русским идеалам...» [73] Идеологической основой этого русификаторского курса, по словам В. И. Ленина, был «старый, взятый из времен крепостного права лозунг: самодержавие, православие, народность, причем под последней имелась в виду только великорусская».[74]

В дореволюционной статистике национальная принадлежность студентов подменялась религиозно-исповедальной. Лишь в двух случаях автор может сославться на официальные документы, в которых статистика исповедальная была конкретизирована статистикой национально-этнической. Первый относится к Варшавскому политехническому институту за 1910/11 учебный год, где в это время обучалось 774 студента,[75] второй — к группе коммерческих учебных заведений высшего типа, где в

[73] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 143, л. 11—12.
[74] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, С. 279.
[75] Труды Варшавского статистического комитета. Вып. X Народное образование в Царстве Польском за 1910/11 учебный год. Высшие, средние и низшие учебные заведения. Правительственные и частные. Варшава, 1914, С. 16—17.

1914/15 учебном году было 1177 студентов.[76] Эти данные позволяют уточнить национальный состав религиозно-исповедальных групп, на которые российское студенчество дробилось официальной статистикой. Они убеждают в том, что религиозно-исповедальная принадлежность в целом идентифицировалась с национальной.

Анализ религиозно-исповедальной статистики указывает на абсолютное преобладание во всероссийском студенческом контингенте лиц православного исповедания. В 1913/14 учебном году в 10 университетах они составляли 74,7% (26670 из 35695) [77] учащихся, а в 5 технических институтах — 65,6% (6366 из 9704) [78]. В 1914/15 учебном году в политехникумах, горных, Киевском и Московском коммерческих институтах было 78,6% православных студентов.[79]

Данная группа состояла преимущественно из учащихся русской национальности.[80] Однако в нее входили также украинцы, белорусы, грузины, принявшие христианство евреи и т. д. Их национальные интересы в области высшего образования игнорировались царизмом. «Даже украинцы объявлены «инородцами», даже их родной язык преследуется»,[81] — писал В. И. Ленин. Русскими по национальности были в основном и сектанты (старообрядцы, православно-единоверцы и пр.).

Главным объектом великодержавно-националистического регулирования состава студенчества была его еврейская часть. Самодержавие пыталось всемерно ее сократить, ибо в глазах правительства еврейская молодежь в основной массе была подвержена революционным настроениям. Данный взгляд не был беспочвенным. «Процент евреев в демократических и пролетар-

---

[76] Практическая восточная академия, Высшие коммерческие курсы в Петрограде М. В. Побединского, Петроградский институт высших коммерческих знаний, Харьковские высшие коммерческие курсы. См.: Статистические сведения о состоянии учебных заведений... Министерства торговли и промышленности. 1914/15 учебный год. ПГ., 1917, С. XXII—XXIII.

[77] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1916, ведомость № 6.

[78] Там же, ведомость № 16.

[79] Статистические сведения о состоянии учебных заведений... Министерства торговли и промышленности. 1914—1915 учебный год, с. XVI.

[80] Это подтверждается данными о национальном составе по Варшавскому политехникуму, где в 1910/11 учебном году число русских равнялось 451 чел., а число православных — 459. В коммерческих школах высшего типа торгово-промышленного ведомства в этом же учебном году русских было 705, а православных — 720 чел.

[81] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 25, С. 279.

ских движениях — отмечал В. И. Ленин, — везде выше процента евреев в населении вообще».[82]

Вместе с тем царская бюрократия не возражала против приема в высшую школу еврейской молодежи из богатых буржуазных семей. В 1886 г. министр народного просвещения И. Л. Делянов внес на рассмотрение Комитета министров предложение допускать в среднюю школу детей евреев только из высших сословий (не ниже купцов I гильдии). Предложение было принято с рекомендацией о приеме в высшие учебные заведения и детей купцов II гильдии. Однако Комитет не счел возможным законодательно оформить свое же постановление. Осуществление данной меры возлагалось на министра народного просвещения. 10 июня 1887 г.И. Д. Делянов издал циркуляр о процентной норме для евреев в учебных заведениях: 10% в черте оседлости, 5% — вне ее, 3% — в столицах.[83] Она должна была стать щитом от проникновения в высшую школу демократического еврейского элемента.

Установленные в административном порядке нормы стали объектом произвольных манипуляций со стороны последующих министров просвещения. В 1901 г. нормы были понижены с 10 до 7% в черте оседлости, с 5 до 3% вне ее и с 3 до 2% в столицах, причем расчет осуществлялся теперь не из общего числа поступавших, а пофакультетно. Так министр П. С. Ванновский отреагировал на обострение студенческих беспорядков. Циркуляром от 2 июля 1902 г. прежние процентные нормы были восстановлены для Варшавского, Новороссийского университетов и Рижского политехникума. Для прочих высших учебных заведений Министерства народного просвещения отменялось пофакультетное исчисление процентных норм.[84] Циркуляром от 7 июня 1903 г. процентные ограничения в первозданном виде были восстановлены во всех высших учебных заведениях этого ведомства. Только на один 1904/05 учебный год они были повышены с 10 до 15% в черте оседлости, с 5 до 7% — вне ее и с 3 до 5% — в столицах «в виде особой льготы по случаю рождения наследника цесаревича».

Первая российская революция временно смела эту дискриминационную меру, вызывавшую протест либеральной профессуры и абсолютного большинства студенчества. Однако с наступлением политической реакции процентные нормы вновь вер-

[82] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 24, С. 123.
[83] Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976, С. 203—204.
[84] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 304, л. 40.

нулись к уровню, установленному в 1887 г. (циркуляр министра А. Н. Шварца от 26 сентября 1908 г.).[85]

Еще более произвольно, чем Министерством народного просвещения, процентные ограничения осуществлялись другими ведомствами.[86] Юноши иудейского исповедания вовсе не допускались в высшие учебные заведения министерств путей сообщения, юстиции, военного (исключая Военно-медицинскую академию). Закрыт им был путь и в Московский сельскохозяйственный (Главное управление землеустройства и земледелия), Петербургский электротехнический (Министерство внутренних дел) институты.

В тех же высших учебных заведениях, куда юноши иудейского исповедания допускались, действовали произвольные ведомственные квоты. В 1909 г., например, они были следующими: в петербургских Лесном институте — 10%, Институте гражданских инженеров — 3%, в Военно-медицинской академии — 2%, в Киевском и Варшавском политехникумах — 15%. В Донской политехникум могли поступать юноши-евреи, имевшие право жительства в Новочеркасске. Отсутствовали ограничения к поступлению девушек-евреек в Женский педагогический институт ведомства учреждений имп. Марии.[87]

С первого дня введения в действие процентные нормы вызывали острую критику со стороны профессуры. Особенно она усилилась с началом первой российской революции. В резолюции I съезда Академического союза (25—28 марта 1905 г.) указывалось, что «ограничение в правах лиц нерусского происхождения... наносит явный вред нравственному, культурному и экономическому развитию всей России».[88] По свидетельству министра народного просвещения П. М. Кауфмана, советы всех высших учебных заведений были «единодушны и настойчивы» в решимости «открыть двери высшей школы для всех получивших среднее образование, невзирая на национальность».[89]

Неизменно протестовали против процентных норм студенты, которые видели в них одно из проявлений произвола самодержавия. «Правительственный антисемитизм», отмечал И. И. Толстой, уничтожил «в зародыше антисемитизм в среде учащегося юношества, которое никогда не помирится с грубой и кри-

---

[85] Журнал Министерства народного просвещения, 1908 г., ноябрь, С. 26.
[86] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 835, л. 131—132.
[86] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 81, л. 220 об.
[88] ЦГАОР СССР, ф. 518, Академический союз, оп. 1, д. 29, л. 1 об.
[89] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 304, л. 45, об.—46.

чащей несправедливостью и издевательством над товарищами».[90]

Процентные нормы вызывали недовольство и в среде буржуазии воспринимавшей их как покушение на свои корпоративные привилегии. В 1902 г. одесский городской голова П. А. Зеленов ходатайствовал перед Министерством народного просвещения об увеличении приемной квоты для евреев в Новороссийский университете на 30%. В Одессе, писал он, треть всего населения — евреи. На них, следовательно, ложится и треть пожертвований и расходов на нужды просвещения.[91] К ходатайству прилагался список из 27 кандидатов в студенты. В частном письме по этому поводу к министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру министр финансов С. Ю. Витте рекомендовал принять их в университет сверхнормативно, т. к. эти юноши принадлежат преимущественно к семьям известных одесских торговцев и промышленников.[92]

Критика процентных норм раздавалась и из среды царской бюрократии. При назначении на пост министра народного просвещения И. И. Толстой сделал С. Ю. Витте следующее заявление: «Считаю долгом предупредить Вас, что я решительный сторонник полной равноправности всяких национальностей; ... специально в учебном деле я сторонник немедленной отмены процентной нормы при поступлении в учебные заведения...» [93] 20 января 1906 г. Совет министров подверг эту проблему специальному обсуждению. За упразднение процентных норм высказались премьер-министр С. Ю. Витте, обер-прокурор св. Синода А. Д. Оболенский и министр финансов И. П. Шипов, главноуправляющий земледелием и землеустройством Н. Н. Кутлер. За их сохранение голосовали: министры внутренних дел Н. П. Дурново, морской А. А. Бирилев, юстиции М. Г. Акимов. Царь поддержал меньшинство следующей резолюцией на мемории Совета министров: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей скрупулезности тогда, когда я признаю это благовременным».[94]

Антисемитизм крайне правых в правительственных «верхах» во главе с монархом встречал благожелательный отклик в черносотенных» «низах». Он безраздельно возобладал в царском правительстве после поражения первой российской революции. 19 февраля 1908 г. Совет министров высказался за возвращение

---

[90] ГПБ РО, ф. 781, д. 568, л. 178.
[91] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 460, л. 2.
[92] Там же, л. 18 об.
[93] ГПБ ОР, ф. 781, д. 568, л. 21.
[94] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 315, л. 4 об.

высшей школы к процентным нормам 1887 г., притом в законодательном порядке. Однако это постановление не было введено в действие, как требовавшее «подготовительной работы».[95] До первой мировой войны царское правительство в целом легко решало проблему количественного регулирования поступления евреев в высшую школу. В 1913/14 учебном году процентные нормы находились примерно на уровне установленных в 1887 г. Например, в университетах они колебались между 3% (Московский) и 10,6% (Киевский);[96] в инженерных институтах ведомства Министерства народного просвещения — между 5,7% (Московское техническое училище) и 12-% (Рижский политехникум).[97]

Война заставила царизм существенно смягчить процентные ограничения посредством постановления Совета министров от 10 августа 1915 г. о льготном приеме в высшую школу участников войны и их детей без различия национальностей и вероисповедания.[98] В результате в 1916 г. доля студентов иудейского исповедания, например, в Новороссийском университете поднялась с 10 до 33%;[99] в технических институтах Министерства народного просвещения — с 7,5[100] до 16,1%.[101]

И все же вплоть до полного краха царизм безоглядно верил в охранительную дееспособность процентных норм. Он пытался, хотя и безуспешно, внедрить ее в быт неправительственной высшей школы. За малым исключением общественные и частные высшие учебные заведения принимали еврейскую молодежь без ограничений. По данным, представленным П. Н. Игнатьевым в Совет министров в феврале 1916 г., лица иудейского исповедания составляли 8% студенческого континтегнта высшей школы.[102] В абсолютном выражении это было примерно 11 тыс. чел. по состоянию на 1917 г., когда в России насчитывалось 135 тыс. студентов (таблица № 28).

Процентные нормы не дали их вдохновителям ожидавшегося охранительного эффекта. Напротив, они были постоянной болевой точкой российской высшей школы, одной из причин кон-

---

[95] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 81, л. 221—222.
[96] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1916, ведомость № 6.
[97] Там же, ведомость № 6.
[98] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 161, л. 42 об.
[99] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 312, л. 72.
[100] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1916, ведомость № 16 (подсчет автора).
[101] ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 42, д. 114, л. 14.
[102] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 301, л. 137.

фронтации демократического студенчества с царской администрацией.

Великодержавная сущность академической политики царизма находила проявление и в «польском вопросе». Университет, политехнический и ветеринарный институты в Варшаве были орудиями русификации местной молодежи. Они являлись русскими учебными заведениями по языку преподавания, учебным программам (на историко-филологическом и юридическом факультетах местного университета) и составу преподавательского корпуса, хотя до революции 1905—1907 гг. в университете и политехническом институте обучались преимущественно поляки. В 1901/02 учебном году в Варшавском политехникуме обучалось 550 (68,4%) поляков и 81 (10%) русских.[103] В 1904/05 учебном году 74,1% (1100 чел.) студенческого контингента Варшавского университета составляли поляки и только 10% (246 чел.) — русские.[104] Менее популярным среди польской молодежи был Варшавский ветеринарный институт. В 1905/06 учебном году в нем обучалось 126 (30,1%) поляков и 249 (59,%) русских.[105]

Незначительный по численности русский элемент в этих учебных заведениях был создан искусственно из семинаристов, детей чиновников, офицеров и даже исключенных из прочих российских институтов и университетов студентов. «Русская молодежь, строго говоря, в Варшавский университет не шла»,[106] — свидетельствовал современник. То же самое можно было сказать и о прочих высших учебных заведениях Царства Польского.

Русификаторские устремления царской администрации сталкивались с националистическими взглядами польской общественности, которая требовала «полонизации» высшего образования в Польше. Особо острые формы это столкновение приобрело с началом первой российской революции. По призыву «Союза национализации школы» польские студенты объявили бойкот университета и политехникума, требуя преподавания на родном языке и удаления русских профессоров.[107] Высказывалось мнение и о целесообразности создания новых, чисто польских высших

---

[103] Отчет Варшавского политехнического института имп. Николая II за 1901/02 учебный год. Варшава, 1903, С. 45.

[104] Отчет министра народного просвещения за 1904 г. СПб., 1906 ведомость 6.

[105] То же за 1905 г. СПб., 1907, ведомость 22.

[106] Дуборовский Н. Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб., 1908, С. 9.

[107] Записка о современном положении имп. Варшавского университета. Варшава, 1906, С. 18.

школ. Ответом на эти требования был безапелляционный отказ. 20 октября 1906 г. Варшавский университет был «временно» закрыт до тех пор, пока польское общество убедится в несбыточности «притязаний на полонизацию высшей школы».[108] 17 января 1907 г. такое же решение было принято и относительно Варшавского политехникума.[109]

В 1908 г. оба высших учебных заведения возобновили работу на прежних основаниях. Бойкоту их польской молодежью был противопоставлен поток семинаристов из самых дальних российских губерний, включая и зауральские. Значительно были повышены и процентные нормы приема евреев в варшавские высшие учебные заведения. В результате национальный состав их студентов стал примерно таким же, как и в прочих российских уинверситетах и институтах. В 1913/14 учебном году в Варшавском университете обучалось 323 поляка (13,2%) и 1824 (74,4%) православных по исповеданию.[110] В 1914/15 учебном году в местном политехникуме поляков было 259 чел. (24,3%), а русских — 577 (54,2%).[111]

Польская молодежь предпочитала польские высшие учебные заведения Львова, Кракова и все без исключения (государственные, общественные, частные), расположенные в коренной России, где они чувствовали себя равными среди равных. В Московском, Петербургском, Киевском университетах в 1913/14 учебном году студентов-поляков было больше, чем в Варшавском университете.[112]

В вероисповедной структуре российского студенчества значительную группу составляли лютеране и различного толка протестанты, которые этнически идентифицируются с остзейскими немцами, латышами, литовцами, эстонцами.[113] Они обучались во всех высших учебных заведениях (правительственных, общественных, частных), но в наибольшем числе в Юрьевском

---

[108] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 4, л. 146 об.

[109] Студенческая жизнь, 1910, № 8, С. 13.

[110] Отчет Министерства народного просвещения за 1913 г. СПб., 1916, ведомость № 6.

[111] Статистические сведения о состоянии учебных заведений... Министерства торговли и промышленности. 1914—1915 учебный год, С. XVI.

[112] См.: Отчет министра народного просвещения за 1913 г., ведомость № 6.

[113] К такому заключению привела нас статистика вероисповедного и национального состава учащихся коммерческих учебных заведений высшего типа торгово-промышленного ведомства на 1914/15 учебный год (Статистические сведения о состоянии учебных заведений... Министерства торговли и промышленности. 1914/15 учебный год, С. XXII—XXIII).

университете и Рижском политехникуме (в 1913/14 учебном году соответственно 45,2 и 61,4%).[114] До конца XIX в., т. е. до их русификации, это были центры высшего образования детей остзейских дворян и местной буржуазии немецкого происхождения. В начале XX в. в состав студентов этих учебных заведений вливаются и представители коренного населения. В 1916 г. в Юрьевском университете обучалось 394 (15,7%) немца, 364 (14,5%) эстонца, 159 (6,3%) латышей, 26 (1,0%) литовцев.[115]

Наименьшими по численности национальными группами российского студенчества были армянская (армяно-григорианское исповедание) и магометанская (состояла в основном из татар).

4.

Женщины в российской высшей школе

В правительственной академической политике заметное место занимал женский вопрос.[116] Состав студенчества жестко регулировался по признаку пола. Царизм был принципиальным противником совместного обучения мужчин и женщин в средней и высшей школе. В 1917 г. в ее государственном секторе не было ни одного высшего учебного заведения со смешанным составом студентов: в 62 обучались только мужчины и лишь 3 предназначались женщинам — медицинский и педагогический институты в Петербурге и Высшие женские богословско-педагогические курсы в Москве.

Неравноправие женщин в сфере высшего образования считалось в верхних эшелонах власти безусловно естественным. Так, С. Ю. Витте в бытность свою председателем Совета министров заявлял, что совместное обучение будет революционизировать высшую школу, т. к. «женщины являются носительницами и вдохносительницами разрушительных идей».[117] А редактор газеты «Гражданин» известный реакционер кн. В. П. Мещерский даже утверждал, что женщины превратят высшие учебные заведения в «притоны разврата».[118] Подобные заявления вызывали

[114] Отчет министра народного просвещения за 1913 г. СПб., 1916, ведомость № 6, 16.
[115] История Тартуского университета. 1632—1982. Тарту, 1982, С. 137.
[116] См.: Иванов А. Е. За право быть студенткой//Вопросы истории, 1973, № 1.
[117] ГПБ РО, ф. 781, д. 568, л. 92.
[118] Гражданин, 1901 г., 11 октября.

громкий общественный протест, особенно со стороны демократического студенчества. За равноправный допуск женщин в высшую школу выступало и большинство либеральной профессуры.

Вплоть до первой российской революции самодержавию удавалось изолировать женщин от университетов и народнохозяйственных институтов. Революция пробила брешь в этой заградительной плотине. Борьбу за равноправие женщин в сфере высшего образования, помимо студентов и профессоров, активизировали и земцы.[119] В нее включились депутаты Государственной думы [120] и, наконец, сами женщины, объединившиеся в мае 1905 г. в «Союз равноправия».[121]

Более действенной, чем прежде, стала и позиция либеральной профессуры. В 1905 г. советы всех университетов, кроме Варшавского, явочным порядком на основании «дарованной» им 27 августа 1905 г. временной автономии, допустили женщин к занятиям на правах вольнослушательниц. Такому решению способствовало отношение к вопросу о женском равноправии либерального министра народного просвещения И. И. Толстого. Признавая, что некоторые учащиеся девушки увлекаются «модными социальными политическими учениями», он был вместе с тем преисполнен уверенности, что «значительная часть женщин, добившись возможности серьезно учиться, очень дорожит этой возможностью».[122]

Не добившись законодательного утверждения права женщин на совместное с мужчинами обучение, Толстой не чинил помех университетским советам в приеме вольнослушательниц, число которых в 8 университетах в 1906/07 учебном году составило 1949 чел.: в Харьковском — 450, Казанском — 318, Московском — 308, Петербургском — 279, Юрьевском — 208, Томском — 190, Киевском — 66, Новороссийском — 130.[123]

Правовое положение первых женщин-вольнослушательниц

---

[119] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 34, л. 99.

[120] См.: Женский вопрос в Государственной думе. Из стенографических отчетов о заседании Государственной думы. СПб., 1906.

[121] См.: Мирович Н. Из истории женского движения в России. М., 1908.

[122] ГПБ РО, ф. 781, д. 568, л. 92. Жизнь доказала прозорливость И. И. Толстого. Состоявшийся 18 октября 1909 г. в Петербурге III съезд вольнослушательниц прошел по чисто академической программе и показал их приверженность буржуазно-либеральным партиям, в первую очередь кадетской (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 309, л. 40—53).

[123] Труды I-го Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного Лигой равноправия женщин в С.-Петербурге. СПб., 1914, Т. I, С. 32.

высших учебных заведений не регламентировалось официальными документами. В Петербургском, Московском, Казанском, Юрьевском университетах они подчинялись тем же правилам, что и студенты-мужчины. В Одесском и Киевском университетах, где была сильна «правая» профессура, они столкнулись с откровенной враждебностью. В сравнительно спокойной обстановке протекала учеба вольнослушательниц в технических институтах.[124] Появление женщин в высших учебных заведениях обсуждалось в 1906 г. в Совете министров. Разделяя мнение своего предшественника на посту министра просвещения, П. М. Кауфман предложил узаконить прием женщин в высшую школу наравне с мужчинами. В этом он видел возможность отвлечь их от обучения за границей, откуда они «нередко возвращаются в Россию нравственно и политически искалеченными». Однако за исключением обер-прокурора св. Синода А. Д. Оболенского министры отказались поддержать П. М. Кауфмана, хотя и воздержались от принятия каких-либо санкций к нарушительницам закона.[125]

Однако вскоре после подавления революции, в мае 1908 г. Совет министров рекомендовал новому министру просвещения А. Н. Шварцу восстановить «законный порядок» в приеме абитуриентов в высшие учебные заведения, а также рассмотреть фактическое положение дел с вольнослушательницами. Первое указание правительства было выполнено циркуляром от 16 мая 1908 г., воспретившим прием женщин в университеты.[126] Во исполнение второго указания была создана комиссия Спешкова-Дебольского. Она пришла к выводу, что прием вольнослушательниц был осуществлен «на весьма облегченных условиях» с точки зрения образовательного ценза и главное — без соблюдения неукоснительного требования допускать в университеты только тех, кто имеет «удостоверение о благонадежности». Комиссия констатировала также, что в некоторых университетах вольнослушательницы по существу приравнены к студентам.[127]

4 сентября 1908 г. Совет министров постановил не допускать женщин в университеты, «пока существующий закон не изменен». К изменению же его правительство не усматривало «бли-

---

[124] См.: Труды I-го Всероссийского съезда по образованию женщин ... Т. I, С. 32.
[125] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 315, л. 3 об.
[126] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 610, л. 109.
[127] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 515, л. 8 об.—9.

жайших оснований».[128] В итоге тем из бывших вольнослушательниц, кто имел на то «законное право», предоставлялось право дослушать начатые курсы, но только при условии, если они будут читаться профессорами в свободное от занятий время, отдельно от студентов-мужчин и в свободных учебных помещениях.[129] Это постановление Совета министров относилось к высшим учебным заведениям всех ведомств.[130] Оно повлекло за собой сокращение численности женщин-вольнослушательниц более чем на 50%. В 1910/11 учебном году в университетах было около 900 вольнослушательниц: в Харьковском — 250, Московском — 129, Петербургском и Юрьевском — по 100, Новороссийском — 95, Казанском — 31, Киевском — 22, Томском — 154.[131] Отсеялись те, кто не имел свидетельств о благонадежности и вида на жительство вне черты оседлости (для евреек). Оставленные же в виде исключения были столь бесправны, что оказались фактически устраненными от систематических занятий. Правая профессура попросту отказалась от их проведения.

Неблагоприятная общественная реакция, вызванная этими правительственными акциями, — а с ней в первые послереволюционные месяцы приходилось считаться — заставила царизм уступить. Повелением Николая II от 30 октября 1908 г. допущенным «вследствие неправильного толкования закона» в высшие учебные заведения женщинам разрешалось завершить обучение «на одинаковых с посторонними слушателями условиях».[132] Вольнослушательницы набора 1906—1907 гг. продолжали обучение до 1913/14 учебного года, т. е. до завершения курса. По далеко не полным данным, в 1909/10 учебном году вольнослушательницы обучались в Петербургском (28) и Киевском (30) политехнических, а также в Томском технологическом (2) институтах.[133] В столичном политехникуме они сконцентрировались в основном на экономическом факультете (23), а в Киевском — на агрономическом (14). Были вольнослушательницы и в Институте

---

[128] Там же, л. 9 об.
[129] Там же, л. 10.
[130] Там же, л. 22 об.
[131] Труды I-го Всероссийского съезда по образованию женщин..., т. I, с. 32.
[132] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 515, л. 33 и об.
[133] Труды I-го Всероссийского съезда по образованию женщин. Т. I, с. 32. Автор не располагает прямыми данными о вольнослушательницах народнохозяйственных институтов за более ранние годы, хотя сам факт выпускных экзаменов для вольнослушательниц названных институтов в 1910 г. говорит о том, что женщины были приняты туда не позднее 1906 г.

сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии.[134]

Женское равноправие было категорией не только морально-этической и правовой, но и социально-экономической. Нараставшая нужда в специалистах высшей квалификации заставляла правительство уступать. 9 февраля 1913 г. Совет министров принял по представлению министра народного просвещения Л. А. Кассо постановление о приеме сибирских уроженок на свободные вакансии медицинского факультета Томского университета.[135] Однако ограничение круга студенток только лицами христианского исповедания фактически свело на нет результаты данной меры. Принято было только 5 женщин.[136] В 1915 г. это ограничение было снято.[137]

28—30 июня 1915 г. состоялось обсуждение в Совете министров представления министра народного просвещения П. Н. Игнатьева «О разрешении приема женщин на отдельные факультеты некоторых университетов». В результате появилось постановление о зачислении женщин на свободные вакансии медицинского и физико-математического факультетов Казанского, медицинского факультета Саратовского и юридического факультета Томского университетов. Министру просвещения предоставлялось право собственной властью удовлетворять соответствующие ходатайства университетов.[138] В 1916 г. Особое совещание по реформе высшей технической школы также признало возможным допущение женщин в специальные институты «при наличности свободных мест и одинаковых условиях относительно образовательного ценза».[139] И все же это были только незначительные уступки, т. к. до 1917 г. государственная высшая школа состояла в основном из чисто мужских учебных заведений.

---

[134] ЦГИА СССР, ф. 741, Отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения, оп. 3, д. 25, л. 17 об.

[135] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ), собр. III, т. 33, № 38749.

[136] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1362, л. 3 об.

[137] Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее — СУ), 20 сентября 1915 г., № 2474, § 4.

[138] СУ, 20 сентября 1915, № 2474.

[139] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 2, С. 40.

5.

Материально-бытовое положение студенчества

Для российского студенчества конца XIX—начала XX вв. была характерна разительная расчлененность по материальному достатку и бытовым условиям жизни. Вместе с тем нараставший приток в среду учащихся высшей школы выходцев из буржуазных семей вел к сокращению удельного веса беднейших студентов. Их шансы на получение высшего образования уменьшались; не выдержав конкуренции, они уступали место на студенческой скамье более состоятельным сверстникам.

По данным инспекции Московского университета, в 1899/1900 учебном году в нем насчитывалось 53,2% «недостаточных» студентов.[140] Примерно одинаковым было число «среднеобеспеченных» и «богатых».[141] Перепись московских университантов 1905 г., охватившая 2150 чел., т. е. половину их общего контингента, обнаружила снижение численности «недостаточных» до 21,5%[142] при резком росте группы среднеобеспеченных (до 64,9%) и сокращением доли обеспеченных выше среднего уровня и «богатых» до 13,6%.[143]

Соотношение этих групп в других высших учебных заведениях нередко определялось и некоторыми специфическими особенностями формирования студенческого контингента. Так, проведенная в 1907 г. перепись студентов Юрьевского университета выявила среди них 50,4% «бедных», 33% — «среднеобеспеченных», 12,8% «состоятельных».[144] В значительной мере это объяснялось притоком сюда большого числа выпускников духовных семинарий (в 1907 г. — 39,6% общего числа студенческого контингента),[145] в основной массе малообеспеченных. В более бур-

---

[140] Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. II. Доклад Комиссии Московского университета 1901 г. о причинах студенческих волнений. Лондон. СПб., 1906, С. 27.

[141] Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. (Очерки). М., 1903, С. 63.

[142] Членов М. А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909, С. 29.

[143] Там же.

[144] Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве. СПб., 1909, С. 83. Перепись была проведена местными студенческими организациями.

[145] Отчет министра народного просвещения за 1907 г. СПб., 1909, ведомость № 6.

жуазных по составу студентов инженерно-промышленных институтах малоимущих было меньше, чем в университетах. Так, например, в 1901 г. среди томских технологов было 37% «несостоятельных», 50% «среднеобеспеченных», 13% «высокообеспеченных», в то время как среди томских университантов таковых было соответственно 52,2%, 41,9%, 5,9%.[146]

Необходимо также учитывать тесную зависимость жизненного уровня российских студентов от региональных перепадов цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Если в провинциальном Юрьевском университете среднестатистический бюджет студента составлял в 1907 г. 20—30 руб.[147] то в Петербурге такой бюджет не обеспечивал даже прожиточного минимума. Согласно переписи студентов столичного технологического института 1909 г., нижней границей материального достатка был месячный доход в размере 40 руб. Составители переписи констатировали: «С таким и меньшими бюджетами следует считать (студентов. — А. И.) недоедающими, «недопотребляющими» в широком смысле слова».[148] У слушательниц Петербургских высших женских курсов (Бестужеских) эта сумма составляла 38 руб. в месяц.[149]

Отметим также, что материальное благосостояние студенческой массы колебалось под воздействием общей экономической конъюнктуры, определявшей жизненный уровень населения страны в целом. Промышленная депрессия начала XX в., сменивший ее экономический подъем 1909—1913 гг., а затем разруха военного времени самым непосредственным образом отзывались на материально-бытовых условиях жизни неимущих и среднедостаточных студентов.

Рассмотренные факторы, воздействовавшие на материально-бытовое положение студенчества органически переплетались с тенденцией к его обуржуазиванию. Наиболее свободно эта тенденция проявлялась в крупных промышленно-административно-культурных центрах, в первую очередь в столицах, в структуре населения которых буржуазные и мелкобуржуазные слои

---

[146] Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902, С. 38—39. Среди заполнивших опросный лист «университантов» было 57,4% бывших семинаристов (там же, С. 7).

[147] См.: Студенчество в цифрах, С. 38.

[148] К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909-10 г. в С.-Петербургском технологическом институте). СПб., 1911, С. 48.

[149] Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб., 1912, С. 17.

занимали господствующее положение. Перепись студентов Петербурга 1912 г. охватившая 2118 чел., или 5,4% учившихся в высших учебных заведениях города, зафиксировала существенное укрепление группы «состоятельных» — 45.,%, которая теперь существенно превышала «среднеобеспеченных» (23,5%) и «нуждавшихся» (30,7%).[150] Промышленный подъем усилил приток в высшую школу детей буржуазии.

Приведенные данные свидетельствуют, что более 1/3 столичных студентов имели весьма низкий прожиточный минимум. Если этот показатель принять за общероссийский, а для этого основания есть, т. к. Петербург был самый населенный студентами город, то можно определить и примерную численность нуждавшихся студентов во всех российских высших учебных заведениях. По состоянию на 1913/14 учебный год она находилась на уровне 43 тыс. чел.

Необходимо учитывать и тот факт, что от недостатка средств страдала и значительная часть «среднеобеспеченных» студентов. Характерна в связи с этим следующая запись на опросном листе анкеты, проведенной в 1915 г. среди слушательниц Бестужевских женских курсов: «Я имею 50 руб. — благополучие, а и то приходится туго, и обед вегетарианский, и чай без всякой закуски. Но что же с теми нашими товарищами, что имеют 20 руб. всего — что же с ними?»[151] Следствием хронического недостатка средств у значительной части студенчества были плохое питание, неблагоприятные жилищные условия, частые болезни, постоянные поиски грошового заработка в ущерб учебе.

Лишь незначительная часть нуждавшихся студентов пользовалась государственными стипендиями, пособиями и прочими льготами, которые рассматривались администрацией не столько как вспомоществование, сколько как «награда за благонадежность». Этот факт констатировала в 1901 г. комиссия профессоров Московского университета, занимавшаяся выяснением причин студенческих волнений и обратившая внимание на «злоупотребление разными видами благотворительности со стороны инспекции».[152]

---

[150] Радин Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным общестуденческой переписи. СПб., 1913, С. 60.

[151] Слушательницы Петроградских высших женских (Бестужевских) курсов на втором году войны. Бюджет. Жилищные условия. Питание. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в конце октября 1915 г. Пг., 1916, С. 18.

[152] Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. II, С. 26.

В 1911 г. Л. А. Кассо специальным циркуляром напомнил вузовской администрации о необходимости установить «действенный контроль за посещением лекций и практических занятий стипендиатами».[153]
Циркуляром от 2 апреля 1911 г. тот же Кассо сократил годичный срок освобождения от платы за обучение как «слишком продолжительный». Он был заменен полугодовым, дабы пресечь пользование этой льготой «нарушителями порядка» и усилить контроль за «беспокойными» студентами.[154] Повышенный контроль за получавшими государственное вспомоществование студентами в той или иной форме был установлен и в высших учебных заведениях прочих ведомств.

Полицейско-охранительную подоплеку порой имела и материальная помощь «недостаточным» студентам со стороны земств и органов городского самоуправления, на которые приходилась львиная доля общественных благотворительных сумм, поступаших в высшие учебные заведения. Газета «Студенческая жизнь» сообщала в 1910 г., что один из студентов, обратившийся к Курскому земству за денежным пособием, получил следующий ответ: «Ввиду революционного настроения студенчества земство выдает пособия только членам Академического союза». От просителя требовалась справка о членстве в этом промонархическом студенческом объединении.[155]

Свое равнодушие к бедственному положению учащейся молодежи нередко демонстрировала и буржуазная интеллигенция. Об этом свидетельствует такой примечательный факт. По сообщению «Студенческой жизни», в 1910 г. общества вспомоществования, действовавшие при всех, за исключением варшавских, высших учебных заведениях, предприняли попытку взыскать в судебном порядке долги с тех, кто не погасил полученных во время учебы ссуд. Только в Харькове было возбуждено 100 исков на сумму 7 тыс. руб. Среди должников, писала газета, были «известные адвокаты, врачи, товарищ прокурора и другие люди с положением, и жирком и с соответствующим брюшком».[156]

Оставленное без эффективной материальной поддержки со стороны государства и буржуазной общественности студенчество пыталось решить эту проблему самостоятельно. Студенческая взаимопомощь имела свои исторические корни, уходящие во

---

[153] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 161, л. 5.
[154] Там же, л. 9 об.
[155] Студенческая жизнь, 1910, 29 августа, № 26/2, С. 15.
[156] Там же, 1910, 10 апреля, № 14, С. 27.

вторую половину XIX столетия. До первой российской революции она была сосредоточена преимущественно в землячествах и обществах самопомощи, студенческих столовых. Как правило, их официальная деятельность сочеталась с нелегальной политической агитацией.

Иной характер самодеятельная взаимопомощь студентов приобрела в годы столыпинщины. Она получила широчайший размах и материализовалась в самых разнообразных организационных формах. Повсеместно при высших учебных заведениях, отдельных факультетах, научных студенческих объединениях, а также в общегородском масштабе действовали всевозможные общества вспомоществования, скорой материальной помощи нуждавшимся, бюро и общества для обеспечения их дополнительными заработками, столовые, лавки и магазины для снабжения студентов предметами первой необходимости по сниженным ценам. В студенческой прессе ставился вопрос о создании всероссийской кооперативной организации учащихся,[157] о всероссийском студенческом банке.[158] Но даже такое сугубо мирное и аполитичное движение, порожденное условиями столыпинской реакции, постоянно натыкалось на подозрительность и враждебность царской администрации. Городские присутствия по делам обществ и союзов ведомства Министерства внутренних дел далеко не всегда утверждали уставы студенческих обществ взаимопомощи. Так, по сообщению газеты «Студенческая жизнь», в мае 1910 г. в регистрации было отказано обществам взаимопомощи слушательниц медицинского отделения Московских высших женских курсов и слушателей Университета Шанявского.[159]

Откровенно полицейские методы противодействия широкой студенческой инициативе в сфере материальной взаимопомощи царизм пытался сочетать с программой «сердечного попечения о студентах». При Министерстве народного просвещения действовала специальная комиссия для выработки законопроекта о государственной материальной помощи студентам. Предполагалось и создание специального фонда для данной цели. Оценивая эту затею правительства, «Студенческая жизнь» от имени своих читателей писала: «...Всякая самодеятельность, всякая организованная самопомощь органически невыносимы для бюрократии — отсюда зародившаяся в министерстве мысль «помочь»

[157] Там же, 1910, 16 мая, № 18, С. 4.
[158] Там же, 1910, 28 ноября, № 39/15, С. 6.
[159] Там же, 1910, 16 мая, № 18, С. 6.

студенчеству и тем лишить смысла существования студенческие организации взаимопомощи и привлечь к себе расположение студенчества».[160]

Филантропическое начинание зубра реакции Кассо заглохло. Но в годы войны правительству пришлось вернуться к вопросу о государственной помощи бедствующим студентам. Летом 1916 г. Министерство народного просвещения официально признало, что «исключительные обстоятельства переживаемого времени, вызвавшие подъем цен на все продукты первой необходимости и недостаток квартир и дороговизну их, особенно в столицах и в некоторых других университетских центрах, тяжело отражаются на положении материально необеспеченной учащейся молодежи». Однако облегчить положение «недостаточных» студентов было решено, во-первых, традиционно-бюрократическими мерами ограничения приема в высшие учебные заведения Петрограда, Москвы, Киева и Юрьева иногородней молодежи.[161] Во-вторых, Министерство народного просвещения и прочие заинтересованные ведомства предоставляли единовременные пособия отдельным студенческим обществам вспомоществования. В 1916 г. общая сумма пособий составляла всего около 62 тыс. рубл.[162]

Обострившийся с осени 1916 г. продовольственный кризис заставил министра просвещения П. Н. Игнатьева, по согласованию с прочими заинтересованными ведомствами, исходатайствовать у царя повеление об увеличении этой суммы до 200 тыс. руб. Причем часть ее, без указания размера, предназначалась для выдачи обществам вспомоществования в виде погашаемых ссуд, а часть предполагалось отпустить в виде безвозвратных пособий.[163] Понятно, что эти паллиативные меры не принесли, да и не могли принести, существенного облегчения материально-бытового положения значительной части студенчества, которое к февралю 1917 г. еще более поляризовалось по признаку своего материального достатка.

Царизм был чужд нуждам студенчества. Его равнодушие к бедствовавшим было одной из форм охранительного регулирования состава учащихся. Ведь именно эта категория студентов терпела наибольший урон от исключений за невзнос платы за учение. Тем самым из университетов и институтов удалялись

---

[160] Там же, 1910, 2 мая, № 16, С. 2.
[161] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 161, л. 58.
[162] Там же, л. 66 об.
[163] Там же.

настоящие и потенциальные нарушители спокойствия. Высшая школа предназначалась для состоятельной молодежи.

6.

Правовое положение студенчества

Регулирование социального состава российского студенчества не ограничивалось отбором абитуриентов и продолжалось на протяжении всего срока обучения в высших учебных заведениях. Особое внимание уделялось при этом «охране» студентов от влияния политически неблагонадежных элементов. Решению этой охранительной задачи был подчинен весь внутренний распорядок высших учебных заведений. В основных чертах он сформировался уже к концу XIX в., но продолжал непрерывно корректироваться в сторону дальнейшего ужесточения. Построенный на многочисленных регламентациях поведения учащихся в учебное и, главное, во внеучебное время, он был своеобразной проекцией на высшую школу того самодержавного режима, который царил в России вплоть до февраля 1917 г.

Абитуриенты должны были предъявить свидетельство о политической благонадежности из местного полицейского участка, а также выписку из школьного кондуита о своем поведении, причем неблагожелательные отзывы полиции и гимназического инспектора сразу же отрезали пути к поступлению в высшее учебное заведение. Став студентом, молодой человек получал входное свидетельство, возобновлявшееся каждое полугодие после внесения платы за обучение. Другим обязательным документом был вид на жительство,[164] который давал право проживать в городе, где учился его владелец. Студент был ограничен в праве на передвижение. Разрешение на отъезд в другую местность, скажем к родителям во время каникул, он каждый раз испрашивал у учебного начальства, а оно согласовывало свое решение с полицией.[165]

Нарушители правил внутреннего распорядка в высших учебных заведениях подвергались неотвратимому наказанию (выговор, временное увольнение, исключение с правом или без права

[164] От студентов иудейского исповедания требовалось к тому же разрешение полиции на проживание вне черты оседлости, особенно в Москве и Петербурге.

[165] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 142, л. 6 об.—7 об.

обратного приема и поступления в другое учебное заведение). В зависимости от тяжести проступка наказание устанавливалось инспектором, ректором (директором), правлением, профессорским дисциплинарным судом. Каждое высшее учебное заведение имело свою внутреннюю «полицию», состоявшую из штатных инспекторов и их помощников (по числу факультетов), как правило, из бывших администраторов средних учебных заведений. При этом инспекция была автономна по отношению к коллегиальным органам высших учебных заведений, поскольку инспектор не избирался профессорами, а назначался министром или главноуправляющим соответствующего ведомства. В университетах, например, инспектор руководствовался инструкцией, данной министром народного просвещения.[166]

Непосредственное наблюдение за порядком в помещениях высших учебных заведений возглагалось на вольнонаемных служителей-педелей, как правило, из отставных солдат и унтер-офицеров. Главная функция педелей заключалась в слежке за студентами с целью обнаружения их «недозволенных» сборищ. «Достаточно собраться нескольким студентам (5—6 чел.), как уже около них появляется пронырливая фигура «теперешних» сторожей, о которых даже «Новое время» откровенно отзывается, как об охранниках,»[167], — свидетельствовал корреспондент «Студенческой жизни» из Одесского университета. Педели имели право делать унизительные для студентов замечания по поводу их внешнего вида, опозданий на занятия и т. д. Вне зданий учебных заведений студенты подлежали «на общем основании ведению полицейских установлений», что не освобождало их от повиновения своему учебному начальству.[168] Обязательное форменное платье (в каждом учебном заведении свое) облегчало наружное наблюдение за студентами со стороны полиции общегосударственной и «академической».

С конца XIX в. и особенно после первой российской революции общегосударственная полиция все чаще внедрялась непосредственно в университеты и институты. О царившей там обстановке свидетельствует, например, бытовая зарисовка из жизни Киевского университета в 1910 г.: «При входе в университет четыре педеля осматривают студента с ног до головы, отбирают

---

[166] ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 52.

[167] Студенческая жизнь, 1910, № 10, С. 11.

[168] Цитируется по уставу российских университетов (ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 121). Аналогичная статья в сходной формулировке была включена в уставы фактических всех учебных заведений.

у него входной билет, взамен которого снабжают его «контрмаркой», после предъявления которой уже пропускает его городовой»,[169]

Вся эта система перекрестного полицейского надзора была направлена против коллективных действий студентов. До начала XX в. они объявлялись «отдельными посетителями» высших учебных заведений. В одной из студенческих листовок 1900 г. можно прочитать, что администрация крайне подозрительно относилась «ко всякой непьяной студенческой компании»; подозрения не вызывали лишь собрания учащихся в «заведениях низшего разбора (ресторан, пивная, оперетка и пр.)».[170] Правила для студентов университетов гласили: «Студентам воспрещается принимать участие в каких бы то ни было тайных обществах и кружках, как-то: землячествах и т. п., хотя бы не имевших преступной цели, а равно и вступать даже в дозволенные законом общества без испрошения на то в каждом отдельном случае разрешения университетского начальства».[171]

К концу XIX в. установка на «отдельных посетителей» высших учебных заведений исчерпала себя. Студенческое движение, ставшее с 1899 г. всероссийским, вынуждало царизм идти на маневры. Политика зверских расправ с молодежью все чаще сочетается теперь с демонстрацией полицейской благожелательности к ней. Так, циркуляром от 21 июня 1899 г. в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения разрешалось открывать студенческие научные и культуртрегерские кружки со строго ограниченным числом участников и с тщательно отобранными руководителями из профессоров, которые должны были удерживать эти организации «в требуемых границах».[172]

Спустя месяц, 29 июля 1899 г., издаются устрашающие «Временные правила» об отдаче студентов-участников беспорядков в солдаты. Тем самым правительство замахнулось на такую прерогативу студентов, как отсрочка от воинской повинности на все время учебы. Применив 11 января и 6 февраля 1901 г. эту незаконную меру, власти 22 декабря того же года опубликовали «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях Министерства народного просве-

---

[169] Студенческая жизнь, 1910, № 17, С. 13.

[170] ГБЛ РО, ф. 70, Герье В. И., папка 70, д. 22, л. 1.

[171] Правила для студентов императорских российских университетов. СПб., 1886, п. 16. Их основные положения повторялись правилами для студентов других высших учебных заведений.

[172] Правительственный вестник, 1899, 22 июля 1899, № 158.

щения».[173] Они предоставляли учебной администрации право разрешать или не разрешать открытие студенческих кружков (межфакультетских, факультетских, курсовых) для занятий наукой, литературой, искусством, спортом, а также библиотек, читален, столовых, касс взаимопомощи, попечительств для приискания дополнительных заработков. Однако студенты могли избирать курсовых старост, составлявших старостат высшего учебного заведения, а также собираться на курсовые и факультетские (если факультет объединял не более 300 чел.) собрания по чисто академическим вопросам.

Вынужденное признать корпоративные права студентов, правительство, однако, строжайше регламентировало деятельность разрешенных им студенческих учреждений. Они создавались по единой для всех учебных заведений Министерства народного просвещения схеме, а их деятельность жестко контролировалась назначенным администрацией преподавателем. Правом неограниченного вмешательства в дела студенческих учреждений обладали ректор (директор) и чины инспекции. В таких организациях предполагалось сплотить «благомыслящее большинство» студентов, противопоставив его тем самым антиправительственному меньшинству. Разобщив студенчество, царизм хотел лишить его возможности выступать единым фронтом против академического и политического бесправия. «Временные правила» 22 декабря 1901 г. должны были повысить эффективность системы внутренней охраны высших учебных заведений, придав ей более утонченные формы полицейской «благожелательности».

«Необыкновенная ласковость тона» Министерства народного просвещения на первых порах «увлекла известную часть студенчества». Однако весьма скоро оно отвергло «полицейский дар» царизма и вновь взяло «отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие» — сходки и забастовку. Право собраний студенты использовали для борьбы против академического и гражданского бесправия. Они отказывались мириться с тем, что «содержание прений на... сходках грубо определялось «усмотрением начальства»,[174] — констатировал в 1901 г. В. И. Ленин. Разрешенные научные и культурнические кружки, а также ассоциации материальной самопомощи студенты все чаще использовали в оппозиционных и революционных целях. Явочным порядком они возобновили деятельность запрещенных землячеств.

---

[173] Журнал Министерства народного просвещения, 1902, февраль, С. 172.
[174] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 6, С. 275.

В годы первой российской революции студенчество добилось отмены свидетельств о благонадежности. Выдающуюся роль в жизни университетов и институтов, особенно в 1905—1907 гг., играли факультетские, межфакультетские и общегородские коалиционные органы студенческого самоуправления, избиравшиеся собраниями учащихся по партийным спискам. Они являлись органами защиты академических, экономических, гражданских интересов студенчества.

Третьеиюньская политическая система обеспечила благоприятные условия для скорейшего восстановления царизмом упраздненных революцией охранительных норм студенческого статуса. 11 июня 1907 г. правительство П. А. Столыпина ввело в действие новые «Временные правила о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений».[175] Под их юрисдикцию подпадали высшие учебные заведения всех ведомств. Этот законодательный акт должен был восстановить и модернизировать, с учетом современной политической обстановки, разрушенное революцией здание студенческой организации, которое было возведено «Временными правилами» 22 декабря 1901 г.

Главное назначение новых правил утвердивший их Совет министров видел в том, чтобы облегчить администрации «возможность борьбы с укрывающимися в стенах высших учебных заведений незаконными организациями и мятежными собраниями».[176] К незаконным в первую очередь были отнесены представительные органы студентов данного учебного заведения.[177]

Особое место в правилах было отведено собраниям студентов. Они делились на публичные (балы, лекции), в которых могли участвовать студенты других высших учебных заведений, и «частные» (по академическим вопросам и только для «своих» студентов), разрешенные администрацией, которая утверждала и их повестку.[178] По настоянию Совета министров, правила подтвердили право полиции вторгаться в помещения высших учебных заведений «для проверки законности собраний и восстановления там должного порядка».[179] Виновные в «беспорядках» подлежали дисциплинарной и даже уголовной ответственности.[180]

---

[175] СУ, 10 июля 1907 г., № 111, ст. 937.
[176] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 103 об.
[177] СУ, 10 июля 1907, № 111, ст. 937.
[178] Там же.
[179] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 105.
[180] СУ, 10 июля 1907 г., № 111, ст. 937.

«В видах облегчения полиции надзора за учащимися» Совет министров фактически восстановил отмененный в период революции порядок выдачи студентам вида на жительство,[181] который возобновлялся полицией 1 сентября и 20 января каждого года после очередного удостоверения благонадежности владельца.[182] Он выдавался по предъявлении входного билета, возобновлявшегося инспекцией после внесения платы за обучение (25 октября и 15 марта), возвращения книг и прочего казенного имущества и при условии «благонамеренного» поведения студента.[183] Взаимосвязь между входным билетом и видом на жительство давала возможность выживать из высших учебных заведений самых обездоленных, а следовательно, и самых недовольных студентов.

Органическим дополнением правил был циркуляр министра народного просвещения от 1 августа 1907 г. об обязательном предоставлении абитуриентами полицейского свидетельства о безупречном поведении, дабы не допустить в высшую школу лиц «вредных для спокойствия и порядка академической жизни».[184] В дополнительных разъяснениях к новым «Временным правилам о студенческих организациях» от 23 октября 1907 г. Совет министров указал на «полезное значение» этого документа «в качестве одного из средств преграждения доступа в высшие учебные заведения лицам с революционным прошлым».[185] В прямой связи с правилами находилось и правительственное распоряжение от 5 июня 1907 г., согласно которому советам профессоров предстояло избрать новый состав профессорского дисциплинарного суда для разбора дел о нарушениях студентами внутреннего распорядка.[186]

«Временные правила» 11 июня 1907 г. и дополнения к ним не принесли, однако, ожидавшегося правительством эффекта. Их предписания вызвали недовольство не только студентов, но и либерального большинства профессорско-преподавательского корпуса, которое не хотело осуществлять совместно с полицией антистуденческие акции. Будучи против каких бы то ни было нарушений учебного распорядка, профессура тем не менее надеялась, что они прекратятся сами собой. По свидетельству А. Н. Шварца, такие надежды ей внушала наблюдавшаяся у сту-

---

[181] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 105.
[182] СУ, 10 июля 1907, № 111, ст. 937.
[183] Там же.
[184] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 610, л. 42 об.
[185] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 16, л. 154.
[186] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 533, л. 16.

дентов в первые два послереволюционных года «небывалая жажда к учению».[187] Открытым столкновениям с нарушителями академических распорядков профессора предпочитали компромисс. Вот почему во многих высших учебных заведениях не были разрушены организации, созданные по инициативе студенчества в предшествующий период. Член совета министра народного просвещения С. Ф. Спешков констатировал в 1908 г.: «После издания правил 11 июня 1907 г. студенческое представительство (центральный орган) и политические отдельные студенческие организации в одних учебных заведениях ушли в подполье, в других приняли замаскированную форму и, наконец, в третьих — продолжали существовать без всяких препятствий».[188]

Постоянное ущемление властями академических прав, завоеванных студенчеством в ходе революции, поднимало на их защиту «новую смену» учащейся молодежи, «почти всецело жизнью оторванной от политики».[189] В 1908 г. высшие учебные заведения вновь стали ареной студенческих беспорядков, а к началу нового революционного подъема они приобрели всероссийский размах. Это побуждало царизм неустанно уточнять действовавшие правила о студенческих организациях. Так, с 1909 г. от выпускников университетов, приступивших к окончательным испытаниям в экзаменационных комиссиях, спустя более полугода после завершения учебы [190] требовалось свидетельство о благонадежности (циркуляр от 13 мая 1909 г.). С 1911 г. полицейское удостоверение не требовалось лишь от тех выпускников, кто намеревался получить диплом сразу же по завершению учебы. Прочие относились администрацией к категории лиц, политическая благонадежность которых не может быть точно удовлетворена без помощи полиции (циркуляр 28 марта 1911 г.).[191]

В том же 1911 г. Совет министров постановил временно, в связи «с неоднократными беспорядками», не допускать в высших учебных заведениях публичных и частных студенческих собраний, за исключением тех, которые носили научный характер.[192]

---

[187] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 137, л. 18 об.
[188] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 138, л. 78 об.
[189] Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 17, С. 217.
[190] Студенту, сдавшему все обязательные экзамены и зачеты, требуемые университетской программой, вручали «выпускное свидетельство». Оно давало владельцу право сдать «окончательные» (выпускные) экзамены не сразу, а позже, даже спустя несколько лет. Многие студенты пользовались этим правом.
[191] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 161, л. 7 об.
[192] Там же, л. 1.

На учебную администрацию возлагалась вся ответственность за беспорядки учащихся, предупреждения которых она должна была добиваться всеми средствами, включая и непосредственную помощь полиции.[193]

Это правительственное постановление фактически означало возврат царизма к взгляду на студента как «отдельного посетителя» высшего учебного заведения, лишенного права на осуществление всех видов корпоративной деятельности. Всячески поощрялись лишь студенческие корпорации черносотенного толка. Постановление вызвало беспрецедентный по своему размаху конфликт государства с профессорской корпорацией. Еще более подстегнуло оно и без того активное студенческое движение. Против этого постановления по существу выступила вся высшая школа, кроме правого меньшинства профессуры и студенчества.

Тем не менее правительство оставалось непоколебимым вплоть до февраля 1917 г. Вопрос о студенческих организациях непременно связывался с введением в действие новых уставов университетов и профессионально-технических институтов, которые, однако, так и не были законодательно утверждены.

Несравненно более сносным для студентов был дисциплинарный режим в неправительственных высших учебных заведениях, хотя и они испытывали на себе пресс административных и полицейских утеснений. Их преподавательский корпус значительно укрепился новым пополнением из профессоров-либералов, изгнанных Кассо из ряда государственных университетов и институтов.

7.

Партийно-политический облик российского студенчества

Самодержавие безуспешно пыталось оградить учащуюся молодежь от антиправительственных настроений. Нараставший накануне 1905 г. революционный кризис вызвал быструю политическую дифференциацию студенчества на социалистов, либералов, «академистов», реакционеров, «равнодушных».[194] Такую расстановку политических сил учащейся молодежи В. И. Ленин считал закономерной: «Студенчество не было бы тем, что оно есть, если

[193] Там же, л. 1 об.
[194] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 7, С. 343.

бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»[195].

Революция 1905—1907 гг. завершила этот процесс, который определялся общими закономерностями классового и политического размежевания всего российского общества на три политических лагеря: революционно-демократический, либерально-монархический и консервативно-черносотенный. Это деление студенчество сохранило до Февральской революции, хотя на различных этапах освободительного движения позиции различных лагерей в студенческой среде усиливались или ослабевали.

Наиболее дееспособным был революционно-демократический фланг студенчества, выступавший за коренное преобразование политической и социально-экономической структуры России. Особую активность проявляли здесь социал-демократы, которые к 1907 г. окончательно размежевались на большевиков и меньшевиков. При этом в общестуденческих делах большевистские и меньшевистские группы, как правило, действовали сообща. Характерен следующий факт: в ноябре 1907 г. в Петербургском университете было избрано бюро социал-демократической группы, в которое вошли 3 большевика, 3 меньшевика, 2 бундовца.[196] Частью революционно-демократического лагеря были также социалисты-революционеры и отпочковавшиеся от них умеренные народно-социалистические (трудовики), а также левоэкстремистские (максималисты) группы.

В годы первой российской революции в революционно-демократический лагерь входило большинство студентов.[197] Согласно политической переписи студентов Юрьевского университета (ноябрь 1907 г.), сторонниками социал-демократов заявили себя 38,5% опрошенных, эсеров — 18,3%, трудовиков и народных социалистов — 2,2%, анархистов — 2,8, «левых» — 7,4% (всего 69,2% охваченных переписью студентов).[198] Перепись студентов-юристов Казанского университета (1907 г.) показала, что 75,2% ответивших на вопросы переписного листа стояли на революцион-

---

[195] Там же.
[196] Студенская речь, 1907, 15 ноября, № 1.
[197] Иванов А. Е. Демократическое студенчество в революции 1905—1907 гг.// Исторические записки, т. 107. М., 1982, С. 208.
[198] Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 г. в Юрьеве, С. 73.

но-демократических позициях (социал-демократы — 31,1%, эсеры — 22,5%, анархисты — 6%, «социалисты» — 5,6%, «левые» — 10%).[199]

Удельный вес левых сил в студенчестве заметно понижается в годы реакции. К демократическому лагерю тяготели 42,3% хваченных переписью 1909 г. студентов Петербургского технологического института (25,3% — социал-демократы, 12,4% — эсеры, 3% — анархисты, 0,8% — трудовики, 0,2% — польские социалисты, левые 11,1%).[200] Перепись студентов Петербургского политехникума 1909 г. выявила 42,8% отдавших предпочтение революционным партиям: социал-демократам (23%), эсерам (16,8%), анархистам (3%).[201] 52,3% анкетированных в Петербургском горном институте (1910 г.) заявили себя сторонниками: большевиков (0,9%), социал-демократов (23,3%), эсеров (14,3%), социалистов без указания партий (10,8%), анархистов (3%).[202] Революционный подъем 1910—1914 гг. привел в эти партийные объединения новое поколение студентов. К 1914 г. только среди петербургского студенчества количество социал-демократов возросло в 6 раз.[203]

В годы первой мировой войны резко сократилось число студентов-большевиков. По заданию партии многие из них добровольно ушли на фронт для политической работы в войсках. Избавлялась от них посредством военных мобилизаций и администрация. Занятые общепартийной работой, студенты-большевики не восстановили былых позиций в высшей школе и после Февральской революции. Их место заняли соглашательские социалистические партийные объединения студентов (52—55%).[204]

Более узкой была сфера политического влияния на студенчество либералов. До первой российской революции большинство либерально настроенной молодежи шло за освобожденцами. После 1905 г. она в основном примкнула к кадетам. Меньшинство

---

[199] Научная библиотека Казанского университета им. Н. И. Лобачевского, Отдел рукописей (далее НБЛ, отд. рук.), д. 7294, Студенчество юридического факультета имп. Казанского университета в религиозном, научном, политическом и общественном отношении по анкете 1 ноября 1907 г. Дипломное сочинение студента юридического факультета Н. Астрова. Казань, 1908, л. 29.

[200] К характеристике современного студенчества по данным переписи 1909—10 гг. в С.-Петербургском Технологическом институте. СПб., 1911, С. 16.

[201] Струмилин С. Г. Из пережитого. М., 1957, С. 249.

[202] Горный институт. Юбилейный сборник. 1773—1923. Л., 1926, С. 40—41.

[203] Борисенко М. В. Студенчество Петербурга в 1907—1914 гг. Автореф. дисс... канд, ист. наук. Л., 1984, С. 13.

[204] Лейкин А. Против ложных друзей молодежи. М., 1980, С. 38.

же ее пошло за партиями демократических реформ, мирного обновления, октябристами. Согласно переписи студентов Юрьевского университета, предпочтение либералам отдали 17,7% опрошенных (кадеты — 11,5%; мирнообновленцы — 3%, октябристы — 3,2%).[205] Перепись студентов юридического факультета Казанского университета (1907 г.) выявила 24% приверженцев буржуазного либерализма.[206]

В годы первой российской революции за либералами шло примерно 10% студенчества.[207] Число входивших в либеральные политические группы умножилось в период реакции. Согласно переписи студентов Юрьевского университета, кадетам отдали свои политические симпатии 11,5% опрошенных, мирнообновленцам — 3%, октябристам — 3,2%.[208] В 1909 г. в Петербургском технологическом институте кадетам отдавали предпочтение 20,7% учащихся, октябристам — 2,3%.[209] Перепись 1909 г. в столичном политехникуме показала, что за кадетами шло 15,5% студентов, за мирнообновленцами — 2,2%, за октябристами — 2,2%.[210] Меньшим было влияние кадетов в Петербургском горном институте — 11,3% (1910 г.). Октябристам же отдавали предпочтение только 2,3% горняков.[211] Популярность либералов в лице кадетов в высшей школе резко возросла после февраля 1917 г. В предоктябрьские месяцы они вели за собой 30—50% студентов.[212]

Ничтожным числом сторонников поддерживалась жизнедеятельность консервативно-черносотенного фланга учащихся (не более 5%). Он вобрал в себя правое меньшинство «академистов», получавших всемерную поддержку властей и черносотенных партий.

Общественно-политическая обстановка в стране предопределяла численность «равнодушных», т. е. не участвовавших в студенческом движении. Революционная ситуация неизбежно втягивала значительную их часть в борьбу молодежи против самодержавия. Политическая реакция, напротив, сопровождалась ростом рядов тех, кто не желал интересоваться ничем, кроме учебы.

---

[205] Студенчество в цифрах..., С. 73.
[206] НБЛ, Отд. рук., д. 7294, л. 29.
[207] Иванов А. Е. Указ. соч., С. 208.
[208] Студенчество в цифрах, С. 73.
[209] К характеристике современного студенчества, С. 16.
[210] Струмилин С. Г. Указ. соч., С. 249.
[211] Горный институт. Юбилейный сборник, С. 40—41.
[212] Лейкин А. Указ. соч., С. 38.

В целом самодержавию не удалось отгородить студенчество от политических процессов, которые проходили в российском обществе в конце XIX — начале XX вв. На протяжении без малого четверти века ведущими тенденциями в формировании его политического облика был рост антисамодержавных настроений, с одной стороны, и укоренение в умах молодежи буржуазной идеологии — с другой. Результатом этой эволюции стали восторженное восприятие российским студенчеством Февральской революции, совместная поддержка вчерашними революционными демократами и сторонниками буржуазного либерализма Временного правительства, враждебное в целом отношение их к октябрьскому перевороту.

ГЛАВА VI.

ВЫПУСКНИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

1.

Численность специалистов, подготовленных российской высшей школой в 1898—1916 гг.

Перед автором сразу же встал вопрос: можно ли отнести к категории специалистов высшей квалификации не только получивших диплом о высшем образовании, но и обладателей выпускного свидетельства. Последний документ удостоверяя факт прохождения полного курса высшего учебного заведения, вручался всем без исключения выпускникам и являлся допуском к «окончательным испытаниям» для получения диплома и связанных с ним служебных и сословных прав. Мы решили объединить выпускников названных двух категорий в одну, ибо их дифференцированный учет — а он был бы безусловно правомерен — не всегда осуществлялся самими высшими учебными заведениями, особенно неправительственными. Дело в том, что далеко не все обладатели выпускного свидетельства сразу же приступали к окончательным испытаниям. Ежегодно в них участвовали и выпускники прошлых лет, причем таковых было немало. Таким образом, сдача экзаменов нередко растягивалась на многие годы. К тому же далеко не все выпускники обременяли себя экзаменационными хлопотами, поскольку при существовавшем тогда дефиците специалистов выпускное свидетельство уже открывало путь к полноценной служебной карьере. Так, в 1900—1913 гг. российские университеты окончили 40,8 тыс. чел., из которых диплом получили только 31,7 тыс. В 1910—1913 гг. Петербургский лесной институт выпустил 435 чел., но только 251 из них с дипломом и званием

«ученого лесовода».[1] Особенно много бездипломных специалистов высшей квалификации давали неправительственные учебные заведения [2].

Сколько же специалистов выпустила российская высшая школа в 1898—1916 гг.? В царской России их сводная статистика не велась. Оставляет этот вопрос открытым и историография. Для восполнения этого пробела нам потребовалось выявить данные о выпускниках, рассредоточенные по годовым отчетам учебных заведений, а также ведомств, которым они подчинялись, и классифицировать их по профессиональным специализациям высшего образования (по годам). Работа по такой программе позволила достаточно полно реконструировать статистику выпускников государственного сектора российской высшей школы за означенный период. Результаты этих подсчетов обобщены в таблице № 42. Полученный нами итог в 118476 чел. можно признать близким к реальному. Недостающие данные касаются не более 2 тыс. чел. Таким образом, в исследуемое время государственной высшей школой было подготовлено примерно 120 тыс. специалистов.

Несравнимо менее репрезентативными данными мы располагаем о выпускниках неправительственных высших учебных заведений. Из-за неполноты и несовершенства их годовой отчетности нам удалось лишь очень приблизительно определить общую численность подготовленных к 1917 г. специалистов различных профессий (таблица 43).

Итак, по нашим подсчетам, в 1898—1916 гг. российская высшая школа выпустила 152 тыс. специалистов. Если учесть, что в 60—90-е годы прошлого столетия ею было подготовлено только 85 тыс. чел.[3], то можно заключить, что в начале XX в. этот процесс резко активизировался, хотя под воздействием экономической конъюнктуры и политической ситуации в стране он шел неравномерно, то земедляясь, то ускоряясь.

Отмеченные колебания проецировались и на отношении торгово-промышленных кругов и буржуазной общественности к проблеме соответствия количества выпускаемых высшей школой кад-

---

[1] Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981, С. 23, 251.

[2] Более того, спросом пользовались и те, кто не завершил учебного курса высшего учебного заведения. В 1917 г. учебный комитет Московского коммерческого института заявил, что «знает многочисленные примеры, когда подобные не окончившие полного курса занимают видные должности» (ЦГИА СССР, ф. 25, Учебный отдел Министерства торговли и промышленности. оп. 5, д. 6, л. 716).

ров потребностям страны. В свою очередь это отношение опосредованно, а нередко и впрямую воздействовало на динамику данного процесса. В конце XIX в. широкое хождение получила версия о так называемом перепроизводстве специалистов с высшим образованием. Те, кто стоял на этой точке зрения, не считались с перспективами развития отечественной промышленности. Они односторонне оценивали преобладание в ней в то время мелких производств, которые не были готовы к встрече с современной инженерной мыслью да и в силу своей рутинности не нуждались в ней. Отсюда делался вывод: промышленности требуются, в первую очередь, умелые техники со средним и низшим образованием, «а не инженеры, на которых нет спроса».[4] В качестве одного из показателей перепроизводства инженеров приводился тот факт, что многие выпускники высших учебных заведений работе на предприятиях предпочитали государственную службу в качестве фабричных инспекторов или акцизных чиновников.

Выступая в 1896 г. на торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде, директор Харьковского технологического института опроверг эту точку зрения. «Все директора высших учебных заведений завалены просьбами прислать инженеров..., — говорил он. — Мы находимся в невозможности удовлетворить эти просьбы». Уход молодых инженеров на государственную административную службу он объяснял ее лучшими материальными и бытовыми условиями по сравненю с промышленными предприятиями [5].

Следует также иметь в виду, что и сама высшая школа конца XIX в. не была приспособлена к нуждам народного хозяйства. Она не только не удовлетворяла потребностей промышленности в кадрах руководителей, но и не была достаточно дифференцирована по требуемым специализациям. «Многие фабриканты и заводчики предпочитают иметь у себя на фабриках и заводах мастеров-иностранцев, даже без высшего образования, чем наших молодых инженеров и техников»,[6] — констатировал обозреватель журнала «Техническое образование».

Открытие в конце XIX—начале XX вв. новых политехнических институтов, более гибких по своей многопрофильной струк-

---

[3] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, С. 70.

[4] Анопов И. А. По вопросу о мерах к наиболее быстрому, с наименьшими затратами, распространению в нашем отечестве высшего специального образования. Доклад общему собранию членов имп. Русского технического общества. 1 марта 1897 г. СПб., 1897, С. 3.

[5] Там же, С. 4—5.

[6] Техническое образование, 1897, № 3, С. 13.

Таблица № 42

Выпускники государственных высших учебных заведений за 1898—1916 гг.

№№ пп	Специализации	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
1	Юристы	1391	1313	1082	1414	1793	1734	1397	535
2	Врачи	881	786	774	889	667	1288	1090	294
3	Педагоги	943	669	594	483	726	971	850	319
4	Офицеры [1]	197	284	210	226	191	261	229	198
5	Духовенство (православное, евангелическое, католическое) [2]	277	292	260	264	292	316	245	232
6	Востоковеды	17	30	37	23	43	45	57	30
7	Инженеры фабрично-заводского производства	328	289	327	368	479	671	695	170
8	Инженеры путей сообщения	128	180	144	201	187	184	185	67
9	Горные инженеры	51	47	79	74	19	87	102	—
10	Инженеры-строители, архитекторы	75	75	66	122	121	81	157	—
11	Инженеры связи	15	3	23	18	32	21	34	н.
12	Коммерческие инженеры, экономисты	д. н.	23	52	35	30	33	69	47
13	Агрономы, лесоводы, ветеринары межевые инженеры	316	370	391	436	532	455	519	109
14	Художники, ваятели	19	20	27	27	19	22	12	н.
	Итого:	4638	4381	4066	4580	5131	6169	5641	2001

[1] К выпускникам военных академий (4296 чел.) прибавлены окончившие Восточный институт (104 чел.). Выпускники Военно-медицинской академии — в группе врачей.

[2] Католики (135 чел.) прибавлены к итогу.

Источники: Извлечения из отчетов министра народного просвещения за 1898—1901 гг. СПб., 1901—1903; Отчеты министра народного просвещения за 1902—1913 гг. СПб., 1904—1916; То же Военного министерства за 1898—1914. СПб., 1900—1917; То же по Москому министерству за 1906—1913. СПб., 1911—1914; То же оберпрокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1898—1913 гг. СПб., 1901—1915; Обзоры деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за V и VI годы существования. СПБ., 1899—1900; То же Главного управления землеустройства и земледелия за 1909—1914 гг. СПб., 1910—1914; Отчеты по Лесному управлению Министерства земледелия и государственных имуществ за 1898 и 1899 гг. СПб., 1899—1900; Обзор деятельности Министерства путей сообщений за десятилетие 1895—1904. СПб., 1906, С. 245, 253; Отчеты о деятельности Министерства путей сообщения за 1909—1913 гг. Пг., 1912—1914; Отчет Варшавского университета за 1912—1913 академический год. Варшава, 1913; То же Казанского университета за 1914 и 1915 гг. Казань, 1915—1916; То же Киевского университета за 1913 г. Киев, 1915; То же Московского университета за 1914 и 1916 гг. Ч. I. М., 1915—1917; То же Новороссийского университета за 1914 г. Одесса, 1915; То же Петроградского университета за 1915—1916 гг. Пг. 1915—1917; То же Саратовского университета за 1914 и 1915 гг. Саратов, 1915—1916; То же Харьковского университета за 1914 г. Харьков, 1915; То же Юрьевского университета за 1913 г. Юрьев, 1914; Памятная книжка Александровского лицея на 1898—

1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	Всего
604	1521	1518	1662	3303	3368	3534	2624	2396	1256	2084	34529
724	821	1093	1199	1450	1807	1853	2042	3268	256	1696	22878
334	842	1055	710	1665	2001	2279	1747	1834	765	1369	20156
165	276	220	276	250	245	252	444	372	н. д.	н. д.	4400
218	209	228	204	223	251	294	236	212	243	н. д.	4631
43	58	66	45	66	82	67	53	25	25	6	818
674	601	665	704	746	751	974	1277	1174	915	1184	12992
210	95	91	171	222	177	161	208	175	125	235	3146
6	169	88	119	115	111	112	166	144	219	209	1917
42	113	97	102	102	128	124	105	124	124	104	1862
н.	23	18	35	31	21	49	65	39	н. д.	н. д.	427
21	70	91	125	129	167	161	180	91	26	27	1377
377	608	442	518	615	634	700	841	803	574	н. д.	9240
18	23	29	н. д.	29	20	25	19	18	15	н. д.	342
3436	5429	5701	5870	8946	9763	10585	10007	10675	4543	6914	118715

1899 учебный год. СПб., 1899, с. 253—261. Памятная книжка лицеистов. 1811—1911. СПб., 1911, С. 191—192; Императорский лицей CII—CIII. СПб., 1913, С. 23—24; То же, CIV—CV. Пг., 1915, С. 23—25; Памятные книжки имп. Училища правоведения на 1898—1899 и 1916—1917 учебные годы. СПб., 1898, 1916; Календарь имп. Лицея в память цесаревича Николая на 1905—1906 учебный год. М., 1906, С. 74—77; Отчеты о состоянии и деятельности С.-Петербургского женского медицинского института за 1908—1911 гг. СПб., 1914, С. 29; Отчет Московского инженерного училища за 1907 г. М., 1908, С. 35; Отчеты Института гражданских инженеров за 1898—1914 гг. СПб., 1898—1914; Отчеты о состоянии Киевского политехнического института им. Александра II за 1903 и 1904 г. Киев, 1904—1906; Речи и отчеты, читанные в годичном собрании Московского сельскохозяйственного института 26 сентября 1898 г. — 26 сентября 1909 г. М., 1898—1910; Отчеты о состоянии и деятельности Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства за 1912 и 1914 гг. Пг., 1915—1916; Журналы и отчеты имп. Академии художеств за 1898—1900. СПб., 1899—1901; Отчеты о деятельности имп. Академии художеств в 1901—1915 гг. СПб., 1902—1916; Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 37, 1912, февраль, С. 202; Двадцатилетие электротехнического института имп. Александра III. 1886—1911. СПб., 1914, С. 524—579; Русский календарь на 1907 г. А. Суворина. СПб., 1907, с. 220; То же, на 1910. СПб., 1910, С. 215; То же, на 1912. СПб., 1912, С. 276—278; То же, на 1915. СПб., 1915, с. 227; ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 1, д. 5846; ф. 733, оп. 156, д. 573, л. 54; оп. 205, д. 93; 711; 716; 719; 4360, л. 50—51; оп. 226, д. 187, л. 65 об.; ф. 740, оп. 42, д. 114, л. 13; ф. 1129, оп. 1, д. 83, л. 4—5; д. 84, л. 4—5; д. 85, 86; ЛГИА, ф. 46, оп. 1, д. 996; д. 1013; ф. 184, оп. 3, д. 4105, л. 130, 137 об., 143 об.; ф. 436, оп. И, д. 14679, л. 8; д. 14803, л. 8 об., 12 об., 19, 39, 46; Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900—1925. Юбилейный сборник Ч. II Томск, 1928, С. 134—135; Горный журнал, 1923, № 11; 50 лет Первого Ленинградского медицинского института им. И. П. Павлова. Л., 1944, С. 52; Прокофьев В. И. МВТУ. М., 1955, С. 98; Ленинградский инженерно-строительный институт за 125 лет. М., 1958, С. 28.

Таблица № 43

Выпускники общественных и частных высших учебных заведений. Выпуск 1898—1916 гг.*)

№№ пп	Специализации	Численность выпускников в тыс. чел.
1	Педагоги	17,0
2	Врачи	4,0
3	Экономисты	3,5
4	Деятели искусства	4,0
5	Специалисты сельского хозяйства	1,9
6	Юристы	1,0
7	Инженеры	0,65
	Итого:	32,05

* Источники смотри в тексте

туре, чем двухфакультетные технологические институты, совпало со спадом экономической активности, перешедшим затем в многолетний кризис и депрессию. В этих условиях спрос на специалистов существенно понизился. Произошло как бы отчуждение промышленности от высшей школы. В 1904 г. бывший директор Петербургского технологического института Д. С. Зернов констатировал: «Был такой период, когда людей со специальным образованием не хватало. Это было лет шесть назад, когда инженеры усиленно требовались на железной дороге, во вновь открывавшиеся технические училища. Тогда высшие школы не в состоянии были удовлетворить всем запросам. Теперь этого нет».[7]

Такого рода выступления не свидетельствовали, о перепроизводстве инженеров. На заводах и фабриках было предостаточно мест для приложения их знаний, но в годы кризиса и депрессии многие предприниматели считали содержание дорогостоящих специалистов обременительным для своего бюджета. Как только кризис миновал, промышленники на своем I Всероссийском съезде деятелей по горному делу, металлургии, машиностроению, который состоялся в конце 1910 г., во весь голос заговорили о кадровом голоде. Они ходатайствовали перед Министерством торговли и промышленности о созыве очередного съезда по профессионально-техническому образованию с участием представителей

[7] Техническое образование, 1904, № 6, С. 83.

ученых, учебных заведений и деятелей промышленности, «принимая во внимание тяжелый и длительный кризис, переживавшийся русской промышленностью, а также быстрое развитие техники за последние годы, вызвавшие коренное техническое переустройство промышленности».[8]

Динамика выпуска специалистов высшей квалификации находилась в прямой зависимости и от общеполитической обстановки. Начало пролетарского этапа российского освободительного движения ознаменовалось резким подъемом студенческого движения. Первая (февраль — март 1899 г.) и вторая (февраль — март 1901 г.) всероссийские забастовки учащихся высшей школы, а также их массовые беспорядки в 1904 г. в связи с началом русско-японской войны привели к заметным колебаниям годовых выпусков специалистов в 1899—1904 гг. Резкое снижение численности выпускников, рекордное в 1905 г., вызвала первая российская революция. Ее последствия давали себя знать фактически вплоть до 1910 г., когда численность подготовленных специалистов превысила, наконец, уровень 1903 г.

Борьба студентов за свои политические и академические права не просто лихорадила учебную деятельность университетов и институтов. Ответные полицейские и административные репрессии приводили к снижению контингента учащихся на всех курсах, включая и старшие, а также к удлинению сроков обучения. Особенно наглядно это проявилось в 1899—1907 гг.

Свое воздействие на численность выпускников оказывали и перемены в характере общественно-политических воззрений студенчества. Преобладание в его среде радикально-демократических умонастроений накануне и в годы первой российской революции обусловило активное участие в борьбе с самодержавием и тех, кто стоял на пороге завершения образования. Отсюда в значительной степени и произошло снижение численности выпускников в 1899, 1904 и особенно в 1905—1906 гг.

Студенческая борьба породила своеобразную модификацию версии о перепроизводстве специалистов с высшим образованием. Она исходила из лагеря крайних охранителей, для которых интеллигенция являлась носительницей разрушительных идей. Вот, например, что писал в 1886 г. М. Н. Катков по поводу предстоящего открытия Томского университета: «В Томске образовался целый штаб социалистов, собранных со всех концов Сибири... Ожидается только прибытие новобранцев в виде томских сту-

---

8 Техническое и коммерческое образование, 1911, № 1, С. 65.

дентов, а может быть, и профессоров».[9] С ним был солидарен К. П. Победоносцев, который в том же году наставлял Александра III: «Мысль об учреждении университета в Сибири, возникшую в период совершенного оскудения и падения наших университетов, я с самого начала называл несчастной и фальшивой... Общество томское состоит из всякого сброда: можно себе представить, как оно воздействует на университет...»[10]. Однако среди крайне правых не было единства по данному вопросу. С особой точкой зрения выступал, например, кн. В. П. Мещерский, который противопоставлял прагматическое техническое образование «злокозненному» гуманитарному, «разливающемуся в стране через университеты...»[11].

Эти консервативные мнения находили благожелательный отклик в умонастроениях российских самодержцев. В 1902 г. Николай II предполагал обсудить в Государственном совете вопрос о том, чтобы «ведомства отказались от теперешнего порядка исключительного приема на службу лиц с высшим образованием, в особенности на низших должностях»[12]. Движимое охранительными инстинктами самодержавие, тормозило развитие высшей школы и тем самым подрывало собственные устои. К началу первой мировой войны дефицит кадров высшей квалификации достиг катастрофических размеров.

Война завершила эту катастрофу. Эвакуация высших учебных заведений из прифронтовых районов, мобилизации студентов на фронт, привлечение их к работе на оборонных предприятиях, приспособление научно-производственной базы учебных заведений к военным нуждам, превращение помещений учебных помещений в госпитали для раненых, усиление полицейских гонений на студентов, ухудшение их материально-бытового положения — все это резко снизило дееспособность высшей школы и привело к сокращению численности ее выпускников. Не случайно царское правительство пошло на такую исключительную меру, как досрочные, по сокращенной программе, выпуски врачей[13], инженеров путей сообщений[14], лесоводов,[15], инженеров-строителей[16].

---

[9] Цит. по кн.: Очерки истории города Томска (1604—1954). Томск, 1954, С. 58—59.
[10] Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926, С. 99—100.
[11] Техническое образование, 1897, № 5, С. 80.
[12] Заметки Николая II о народном образовании//Былое, 1918. № 2 (30), С. 64.
[13] Досрочные выпуски «зауряд-врачей» осуществлялись по постановлению Совета министров в 1914—1917 гг. (ЦГИА СССР, ф. 733, Департамент народного просвещения, оп. 226, д. 161, л. 22 об., 43 об., 55—56 об.).
[14] ЦГИА СССР, ф. 1276, Совет министров, оп. 11, д. 1405, л. 3—4.
[15] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1658, л. 3—8.
[16] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 13, д. 226, л. 14 об—15.

Проблема несоответствия масштабов выпуска кадров высшей квалификации потребностям конкретизируется в процессе анализа профессиональной структуры выпускников и распределения их по сферам деятельности.

2.

Профессиональная структура специалистов высшей квалификации. Распределение их по сферам деятельности.

Кадры обслуживания государственного аппарата

Главнейшей задачей высшей школы царской России была подготовка чиновничества, «специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом»[17]. Его наиболее квалифицированную часть пополняли **юристы.** В 1898—1916 гг. государственными высшими учебными заведениями было подготовлено 34529 специалистов в области юриспруденции (таблица № 42).

Узкая группа бюрократической элиты пополнялась в основном выпускниками привилегированных Александровского лицея, Училища правоведения, Лицея цесаревича Николая (Катковского). В 1898—1916 гг. они выпустили 1882 юриста. Последние были причислены к Государственной канцелярии, министерствам юстиции, внутренних и иностранных дел, народного просвещения, финансов, Главному управлению землеустройства и земледелия, ведомству учреждений имп. Марии, привилегированным воинским полкам[18]. Многие из них успешно двигались вверх по служебной лестнице. Об этом свидетельствуют, например, данные о питомцах Александровског лицея по состоянию на 1886 г. Среди них были статс-секретари (8 чел.), члены Государственного совета (6 чел.), сенаторы (26 чел.), министры (2 чел.), товарищ министра, государственный контролер, видные чины высших государственных учреждений (14 чел.), послы и чрезвычайные министры (4 чел.), обладатели высших придворных званий, служившие при царском дворе (9 чел.), почетные опекуны (3 чел.), губернаторы (7 чел.),

[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, С. 455.

[18] См.: Памятная книжка имп. Александровского лицея на 1898—1899 учебный год. СПб., 1899, С. 253—261; Памятная книжка имп. Училища правоведения на 1916—1917 учебный год. Пг., 1916, С. 279—282.

председатели судебных палат и окружных судов (5 чел.), предводители дворянства (19 чел.), члены Академии наук (9 чел.)[19].

К категории привилегированных высших учебных заведений относилась и Военно-юридическая академия, подготовившая в 1898—1915 гг. 434 специалиста для военно-окружных судов, военно-прокурорского надзора, аппарата Военного министерства.

Абсолютное большинство юристов готовили российские университеты и Демидовский юридический лицей (в 1898—1916 гг. — 32647 чел.). Они становились чиновниками фактически всех центральных ведомств, в первую очередь Министерства юстиции, и их местных учреждений. Немало юристов избирало поприще адвокатов и юрисконсультов в торгово-промышленной сфере, которые пользовались высокой общественной репутацией «свободных» либеральных профессий. Из 1241 выпускника Демидовского юридического лицея за 1874—1900 гг. по ведомству юстиции служили 406 чел. (32,7%), адвокатурой занимались 100 чел.[20]. Услугами юристов широко пользовались органы земского и городского самоуправления.

Незначительную группу специалистов в области юриспруденции выпустили неправительственные учебные заведения: высшие женские курсы в Петербурге (в 1911—1914 гг. — 175 чел.)[21], Варшаве — (в 1913—1916 гг. — 46 чел.)[22], Киеве (в 1915—19 чел.)[23], Вольный женский университет Н. П. Раева в Петербурге (в 1909 г. — 80 чел.)[24], Московские высшие женские юридические и историко-филологические курсы В. А. Полторацкой (в 1912—25 чел.; в 1915—21 чел.)[25]; Психоневрологический институт (данных нет) — всего 366 чел. Можно предположить, что с учетом отсутствующих данных число юристов, подготовленных этими учебными заведениями, возросло бы до 1 тыс. чел. (таблица № 43).

---

[19] Памятная книжка имп. Александровского лицея на 1886 г. СПб., 1886, С. 140—141.

[20] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века, С. 85.

[21] Отчеты министра народного просвщения за 1911—1913 гг. СПб., 1913—1916; Петроградские высшие женские курсы за 1914—1915 гг. СПб., 1916, С. 29.

[22] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 654, д. 133, д. 777, л. 45. 142 об.

[23] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 226, л. 163.

[24] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 315.

[25] Труды I-го Всероссийского съезда по образованию женщин, организованный Российской лигой равноправия женщин в Петербурге, Т. 1, СПб., 1915, с. 93; Ежегодник высших женских юридических и историко-филологических курсов в Москве. М., 1915, С. 49.

Приведенные отрывочные данные убеждают в том, что юридическая специальность была малопривлекательной для студентов высшей «вольной» школы, преимущественно женской. Причиной тому был ничтожный спрос на труд женщин-юристов. В 1912 г. в России их было всего 269, в том числе 146 с университетским дипломом, но только несколько из них работали в нотариальных конторах. Остальные трудились не по специальности[26]. Этот факт свидетельствовал не об избытке юристов, а о гражданской неполноправности российских женщин. Острая потребность в специалистах ставила перед царизмом вопрос об использовании квалифицированного женского труда. В 1912 г. в Государственном совете был обсужден законопроект о допущении женщин к службе в качестве присяжных поверенных[27]. Его отклонение не сняло проблему с повестки дня. Та же восьмая сессия Государственного совета приняла законы о приеме женщин в учреждения Государственного контроля[28] и таможенные[29]. Наконец, 11 февраля 1917 г. принимается закон о службе женщин в ведомстве юстиции[30]. Но эти вынужденные и притом явно запоздалые меры не привели к удовлетворению потребностей страны в юристах. Недаром во всеподданейшем докладе министра просвещения П. М. Игнатьева от 13 июля 1916 г. указывалось на насущную необходимость открытия новых высших юридических школ[31].

Компактную группу российского чиновничества составляли **востоковеды.** В 1898—1916 гг. их было подготовлено 818 (таблица № 42): восточным факультетом Петербургского университета — 419 чел., Лазаревским институтом восточных языков — 217 чел., Восточным институтом — 182 чел. (кроме офицеров). Около 120 выпускников названных учебных заведений к тому же закончили Учебное отделение Министерства иностранных дел. Они-то и были активными проводниками политики царизма в странах Ближнего, Среднего, Дальнего Востока. Так, 97 востоковедов, подготовленных Учебным отделением МИД к 1915 г., работали во II и III политических отделах Министерства иностранных дел (7 чел.), генеральными консулами, консулами, вице-консу-

---

[26] Михеева Э. П. Из истории высшего женского образования в России//История СССР, 1969, № 2, С. 178.

[27] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912—1913 гг. Восьмая сессия. СПб., 1912—1913, стб., 810—910.

[28] Там же, стб. 1776—1778.

[29] Там же, стб. 3069.

[30] Собрание постановлений и распоряжений правительства (далее — СУ), 11 февраля 1917, ст. 270.

[31] ЦГИА СССР, ф. 25, д. 6, л. 292 об.

лами, секретарями и драгоманами посольств в Турции (33 чел.), Персии (31 чел.), Румынии (1 чел.), Болгарии (1 чел.), Сербии (7 чел.), Греции (4 чел.), Албании (2 чел.), Абиссинии (2 чел.), Марокко (2 чел.), Автономной Внешней Монголии (1 чел.), на дипломатических должностях при Туркестанском генерал-губернаторе (2 чел.), в Бухаре (4 чел.)[32].

Среди выпускников Восточного института за 1902—1912 гг. были: вице-консулы, секретари, переводчики консульств, помощники военных агентов в дальневосточных государствах, пограничный комиссар, служащие таможен, пограничной стражи, член правления КВЖД, банковский служащий в Пекине, преподаватели гимназий и торговых школ, епископ Николо-Уссурийский, священник православного собора в Харбине, миссионер, редактор газеты «Юань Дунбао» в Харбине, чиновники министерств иностранных дел, финансов, торговли и промышленности, имп. Двора, цензор восточных изданий[33].

Выпускники восточного факультета Петербургского университета, высших классов Лазаревского института восточных языков избирали научное или дипломатическое поприще. Из них же комплектовался состав слушателей Учебного отделения Министерства иностранных дел.

40 «восточников» к 1916 г. выпустила неправительственная Практическая восточная академия Общества востоковедния[34]. Их услугами пользовались многие ведомства империи. В целом качество подготовки «восточников» не отвечало потребностям заинтересованных в их услугах ведомств. На этом факте был сделан акцент в мнении Министерства иностранных дел по поводу устава Практической восточной академии от 2 декабря 1915 г.[35]

Привилегированное положение во всероссийском чиновничьем корпусе занимали **офицеры.** Тонкий слой военной элиты, стоявший у руководства вооруженными силами, составляли офицеры с высшим образованием, в подавляющем большинстве выпускники сухопутных и морских высших военных учебных заведений (включая военный отдел Восточного института, закрытый в 1912 г.).

---

[32] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1359, л. 146 об.

[33] См.: Список лиц, окончивших и прослушавших полный курс Восточного института за девять выпусков 1903—1912 гг. Владивосток, 1913; То же за три выпуска 1913—1915 гг. Владивосток, 1916.

[34] Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1914/15 учебный год. Пг., 1917, с. XVII.

[35] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1359, л. 59 об.

1898—1914 гг. их было подготовлено 4400 чел.[36] (таблица № 42), что явно не покрывало потребностей армии и флота в командных кадрах высшей квалификации. Это стало очевидно уже в период русско-японской войны, однако царизм не принял необходимых мер к решению данной проблемы. Ко времени первой мировой войны положение усугубилось. Произведя досрочные выпуски слушателей, военные академии и военно-морские высшие школы преостановили свою деятельность, а их преподавательский состав был мобилизован в военный аппарат и действующую армию.

Фактически чиновниками св. Синода и Управления иностранных исповеданий Министерства внутренних дел были **священнослужители.** Лишь меньшинство православного, армяно-григорианского, лютеранско-евангелического и католического духовенства имело высшее богословское образование. В 1898—1916 гг. его численность возросла на 4631 чел. (таблица № 42): 4157 чел. подготовили православные академии[37], 339 чел. — Юрьевский университет[38], 135 чел. — Петербургская римско-католическая академия[39].

Выпускники православных академий начинали свою карьеру с богатых приходов, а также с преподавательских или административных должностей в духовных учебных заведениях (средних и низших), службы в аппарате епархиальных управлений и т. п. Они недолго задерживались на низших должностных ступенях, пополняя в дальнейшем узкую группу духовных иерархов, высокопоставленной церковной бюрократии, профессоров духовных академий и светских высших учебных заведений, ректоров и проректоров духовных семинарий и епархиальных училищ. Как указывалось в синодском отчете за 1901 г., большинство пастырей с высшим образованием оседало в столицах или губернских городах центральных епархий [40].

[36] Отчеты о действиях Военного министерства за 1898—1914 гг. СПб., 1900—1916; Отчеты по Морскому министерству за 1906—1913 гг. СПб., (Пг.), 1911—1914; Секретный доклад о деятельности Морского министерства за 1916 г. Б.м. и г (подсчет автора).

[37] Отчеты обер-прокурора св. Синода за 1898—1914 гг. СПб., 1901—1916; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 г. Пг., 1917, С. 60 (подсчет автора).

[38] Извлечения из отчетов министра народного просвещения. За 1898—1901 гг. СПб., 1901—1903; Отчеты министра народного просвещения за 1902—1913 гг. СПб., 1904—1916. (подсчет автора).

[39] ЛГИА, ф. 46, Петербургская римско-католическая академия, оп. 1, д. 996, л. 1—152; д. 1013, л. 1—133. (подсчет автора).

[40] Отчет обер-прокурора св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 г. СПб., 1905, С. 46.

Лишь единицы задерживались на должностях священников. В 1904 г. во всех православных церквах числилось 47 743 пастыря. Из них 732 чел. (1,5%) имели высшее образование (не только академическое, но и университетское); 28991 чел. (60,7%) — среднее духовное; 1150 чел. (2,3%) — среднее светское; 15182 чел. (32%) — незаконченное среднее духовное и низшее; 1688 (3,5%) — без образования [41]. В 1911—1912 гг. из 1280 священников Владимирской епархии только 19 имели высшее образование; в Воронежской епархии таковых было 25 из 1248 [42].

Особенно «большой недостаток в богословски образованных пастырях» испытывали сибирские и приуральские губернии [43]. «...Общим для всех епархий печальным явлением следует признать понижение образовательного уровня духовенства за последний 20—25-летний период» [44], — констатировал в 1911 г. обер-прокурор св. Синода. Одним из свидетельств тому был острый дефицит кадров священников с высшим образованием.

Стабильно, регионально нацеленно (Прибалтийские губ., в первую очередь Эстляндская) готовил пасторов евангелического исповедования богословский факультет Юрьевского университета. Явно не соответствовал численности паствы масштаб деятельности Петербургской римско-католической академии. Католические священники в большинстве получали высшее образование за границей.

Педагоги

Эта группа российской интеллигенции состояла из учителей средних учебных заведений — государственных и частных классических гимназий, реальных и профессионально-технических училищ, а также кадетских корпусов. Государственная высшая школа в 1898—1916 гг. подготовила 20156 педагогов (таблица № 42): историко-филологические и физико-математические факультеты университетов — 18 645 чел.[45], историко-филологические институты в Петербурге и Нежине — 681 чел.[46], Пе-

[41] Отчет обер-прокурора св. Синода за 1903—1904 гг. СПб., С. 112—113.
[42] То же за 1911—1912 гг. СПб., 1913, С 161.
[43] То же за 1915 г., СПб., 1917, С. 46.
[44] То же за 1911—1912 годы, С. 161—162.
[45] Извлечения из отчетов министра народного просвещения за 1898—1901 гг. СПб., 1901—1903; Отчеты министра народного просвещения за 1902—1913 гг. СПб., 1904—1916; ЦГИА СССР, ф. 740, Департамент общих дел Министерства народного просвещения, оп. 42, д. 114, л. 6 (подсчет автора).
[46] Там же.

тербургский женский педагогический институт — 830 чел.[47].

Это количество специалистов не могло покрыть потребности российской средней школы в педагогических кадрах, в первую очередь историко-филологической специализации. Чрезвычайно острый, год от года возраставший их дефицит испытывали, например, классические гимназии. Если в 1903 г. в них было зафиксировано 187 преподавательских вакансий, то в 1914 г. — 2205[48]. Не оправдали своего предназначения историко-филологические институты в Петербурге и Нежине. На них возлагалась подготовка административного персонала учебных округов, директоров и инспекторов гимназий. Из 330 выпускников Петербургского историко-филологического института 1895—1912 гг. только 32 (9,7%) занимали административные должности в гимназиях, 260 учительствовали, а прочие выбыли из ведомства просвещения[49].

Неспособность государственной высшей школы справиться с данной проблемой заставила царское правительство подключить к ее решению общественные и частные высшие учебные заведения (закон 19 декабря 1911 г.). Педагогов для средней школы готовили в основном высшие женские курсы: Петербургские (Бестужевские) в 1898—1915 гг. выпустили 6716 чел.[50], Московские (бывш. Герье) в 1900—1917 гг. — 4861 чел.[51], Варшавские (1914—1916 гг.) — 154 чел.[52], Казанские (1910—1916 гг.) — 814 чел.[53]. Киевские в 1911 г. выпустили 200 чел., в 1913—250 чел.,

---

[47] Отчет по ведомству учреждений имп. Марии за 1905—1906 гг. СПб., 1909; То же за 1907—1908 гг. СПб., 1909; ЦГИА СССР, ф. 1129, В. Т. Шевяков, оп. 1, д. 83, л. 4—5; д. 84, л. 4—5; д. 86; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 187, л. 65 об.

[48] Отчеты министра народного просвещения за 1902—1913 гг. СПб., 1904—1916.

[49] Памятная книжка имп. С.-Петербургского историко-филологического института за 1902—1912 годы. СПб., 1912.

[50] С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. СПб., 1903, С. 151; Отчеты министра народного просвещения за 1902—1913 гг. СПб., 1904—1916; Петроградские Высшие женские курсы за 1914—1915 гг. СПб., с. 1916, С. 28.

[51] ЦГИА Москвы, ф. 363, Московские высшие женские курсы, оп. 1, д. 236, л. 1—105; д. 237, л. 1—26 об.; д. 239, л. 1—29. (Подсчет автора по спискам дипломов и временных свидетельств).

[52] Отчет о состоянии Варшавских высших женских курсов за 1913/1914 академический год. Ростов-на-Дону, 1915, с. 9—10; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 496, л. 141, 193.

[53] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483; л. 313; оп. 155, д. 133, л. 619; оп. 205, д. 1641, л. 13, 25; Отчет о состоянии и деятельности Казанских высших женских курсов за 1911—1912 учебный год. Казань, 1912; С. 35; То же за 1912—1913 учебный год. Казань, 1913, С. 14; То же за 1913—1914 учебный год. Казань, 1915, С. 15.

в 1916 г. — 104 чел.[54]; Киевские частные общеобразовательные вечерние А. В. Жикулиной (1910 г.) — 20 чел.[55], Киевский фребелевский институт (1913—1914 гг.) — 83 чел.[56];Московские педагогические женские курсы А. Д. Алферовой (1910 г.) — 33 чел.[57]; Московские женские педагогические курсы при Обществе воспитательниц и учительниц (1908—1914 гг.) — 681 чел.[58]. Одесские высшие женские курсы окончили в 1910—1912 гг. — 417, в 1913 г. — 107, в 1915—1916 гг. — 155 человек [59]; Высшие женские естественно-научные курсы М. А. Лохвицкой-Скалон в Петербурге (1908—1916 гг.) — 345 человек [60]; С.-Петербургские высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н. М. Раева (1909 г.) — 78 человек [61]; Петербургский фребелевский институт в 1904—1909 гг. — 33 человека, в 1912 г. — 6 человек [62]; Сибирские высшие женские курсы (1916 г.) — 42 человека [63]; Харьковские высшие женские курсы Н. И. Невиандт (1909 г.) — 47 человек [64]; Юрьевские высшие историко-филологические курсы А. Н. Ясинского (1913 г.) — 9 человек [65] и т. д. По ряду учебных заведений данные отсутствуют.

Суммировав приведенные данные, мы получили 15155 педагогов. С восполнением отсутствующих сведений это число, видимо, стало бы близким к 17 тыс. чел. (таблица № 43). Таким образом, неправительственная высшая школа пополняла российский педагогический корпус более высокими темпами, чем государствен-

---

[54] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 324; оп. 155, д. 777, л. 15, 19; оп. 156, д. 496, л. 93.

[55] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 338.

[56] Отчет о деятельности Киевского Фребелевского общества за 1912/13 и 1913/14 годы. Киев, 1915, С. 35; Обзор Киевской губернии за 1913 г. Киев, 1913, вед. № 15; То же, за 1914 г. Киев, 1914, вед. № 15.

[57] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 321.

[58] Сороколетие Московских педагогических курсов при Обществе воспитательниц и учительниц 1872—1912. М., 1912, С. 48, 59; Московские женские педагогические курсы при Обществе воспитательниц и учительниц. Отчет за 1912 г. М., 1913, С. 17—18.

[59] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 333; оп. 155, д. 134, л. 15; д. 1035, л. 294 об.; оп. 205, д. 3249, л. 1—2; оп. 156, д. 226, л. 208, 225.

[60] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 656, л. 96.

[61] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 315.

[62] Отчет Петербургского совета Фребелевского общества содействия первоначальному воспитанию за 1904—1905 г. СПб., С. 11; Там же за 1905—1906 г. СПб., 1906, С. 11; Там же за 1905—1906 г. СПб., 1907, С. 9; То же, за 1907—1908. СПб., 1909, С. 14; То же за 1911—1912 г. СПб., 1913, С. 19.

[63] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 205, д. 4862, л. 2.

[64] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 327.

[65] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 170, л. 179.

ная. В течение 1905—1916 гг. она ежегодно давала в среднем 142 специалиста против 120, подготовленных государством. Такой вывод в июне 1917 г. сделало руководство Министерства народного просвещения Временного правительства, которое констатировало, что после 1913 г. число женщин, получивших университетские дипломы, «не только сравнялось с числом оканчивающих университеты мужчин (до 6000), а по некоторым факультетам, например по историко-филологическому... даже превысило его» [66]. И действительно, большинство российских женщин, стремившихся к высшему образованию, предпочитало историко-филологическую специализацию физико-математической. Между государственной и неправительственной высшей школой сложилось своеобразное разделение труда в подготовке педагогических кадров: первая, мужская по составу студентов, готовила преимущественно естественников, вторая, по преимуществу женская, — гуманитариев. Тем не менее в 1916 г. министр просвещения П. Н. Игнатьев докладывал царю, что в некоторых местностях некомплект преподавателей в общеобразовательных и профессиональных средних школах превысил 40%. Причину этого он видел в маломощности педагогического сектора российской высшей школы и ставил вопрос об увеличении числа физико-математических и историко-филологических факультетов [67].

Следует к тому же иметь в виду, что педагогический труд не был для женщины с высшим историко-филологическим и особенно физико-математическим образованием единственным жизненным поприщем. Как показало анкетирование слушательниц Петербургских высших женских курсов в 1909 г., не всех их привлекала перспектива стать «преподавательницей-чиновницей» [68]. В 1915 г. из 110 выпускниц этого учебного заведения, получивших работу через действовавшее при нем общество вспоможения, лишь 42 стали учительницами мужских и женских гимназий [69]. В 1900 г. члены Государственного совета констатировали, что многие выпускницы-бестужевки занимались литературным трудом. Окончившие физико-математический факультет охотно при-

---

[66] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 282, л. 14.
[67] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 591об—592.
[68] Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. (СПб., 1912, С. 139).
[69] Справочная книжка слушательниц Петроградских высших женских курсов 1916—1917 академического года. б. маг., С. 83.

нимались секретарями, ассистентами, лаборантами в высшие учебные заведения и обсерватории. Особенно «большой спрос в различного рода фабриках был на получивших химическую специализацию» [70]. В отчете Министерства народного просвещения за 1903 г. отмечалось, что среди выпускниц-бестужевок были такие, которые поступили на службу во всевозможные лаборатории, палаты мер и весов, на метеостанции, в Главное гидрографическое управление [71].

В 1912 г. администрация Петербургских женских политехнических курсов констатировала, что из выпускниц естественного факультета «выработались ценные работницы во многих лабораториях. Например, химическая лаборатория Министерства финансов, Морская научно-техническая лаборатория при частных металлургических заводах».[72].

Врачи

Их готовили преимущественно государственные высшие учебные заведения. В 1898—1916 гг. медицинскими факультетами университетов было выпущено 17392 врача [73], Военно-медицинской академией — 2593 [74], Петербургским женским медицинским институтом — 2893 [75], всего — 22878 чел. (таблица № 42). Часть врачебных кадров подготовили общественные и частные высшие медицинские учебные заведения: Киевский медицинский институт (1912—1917 гг. — 1038 чел.)[76]; Московский женский медицинский институт (1914—1915 гг. — 208 чел.) [77]; медицинский факультет Московских высших женских курсов (1912—1916 гг. — 851 чел.) [78]; Одесские высшие женские медицинские курсы (1914—

[70] Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899—1990 гг. Т. I. СПб., 1900, С. 75.)

[71] Отчет министра народного просвещения за 1903 г. СПб., 1905, С. 366.

[72] ЛГИА, ф. 139, Петербургские женские политехнические курсы, оп. 1, д. 13163, л. 18.

[73] Извлечения отчетов министра народного просвещения за 1898—1901 гг. СПб., 1901—1903; Отчеты министра народного просвещения за 1902—1913 гг. СПб., 1904—1916; ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 42, д. 114, л. 6 (подсчет автора).

[74] Отчеты о действиях Военного министерства за 1898—1914 гг. СПб., 1900—1916.

[75] Отчеты министра народного просвещения за 1902—1913 гг. СПб., 1904—1916; ЛГИА, ф. 436, оп. 1, д. 14679, л. 8; д. 14803, л. 8об., 12 об., 19, 39, 46; 50 лет Первого ленинградского медицинского института И. П. Павлова. Л., 1947, С. 52.

[76] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 719, л. 157 об.

[77] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 1035, л. 462; оп. 156, д. 226, л. 147.

[78] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 777, л. 10 об.; д. 1167, л. 4—5; 45; оп. 156, д. 226, л. 146.

1916 гг. — 200 чел.) [79]; Харьковский женский медицинский институт (1914 г. — 200 чел.) [80]; медицинское отделение Юрьевских университетских курсов Ростовцева (1913—1918 гг. — 516 чел.);[81] медицинский факультет Петроградского частного университета при Психоневрологическом университете (в 1916 г. — 26 чел.) [82] — всего 3039 чел. С учетом отсутствующих данных этот результат, по-видимому, подтянулся бы к 4 тыс. чел. (таблица № 43).

Значительная часть молодых врачей поступала на государственную службу в учебные заведения, подчиненные различным ведомствам, в первую очередь просвещения, и в фабричную инспекцию. Особую потребность в их услугах испытывали армия и флот. Военно-медицинская академия из-за малочисленности состава слушателей не могла в полной мере обеспечить армию квалифицированными врачами. В годы русско-японской и особенно первой мировой войн эта функция была возложена в основном на университеты и отчасти на негосударственные медицинские школы. В 1914—1915 гг. Министерство народного просвещения издало для них ряд циркулярных предписаний об ускоренной подготовке врачей. Циркуляром от 13 августа 1915 г. она была фактически сокращена с пяти лет до четырех [83].

Спрос на врачей предъявляли также и органы городского самоуправления. В 1897 г. в 34 земских губерниях работали 2492 врача. 60% их проживало в сельской местности, прочие — в уездных и губернских городах [84]. В начале XX в. среди этой категории земских служащих было немало выпускниц Петербургского женского медицинского института. Его ректор констатировал в 1916 г., что громадное их большинство «не стремится к занятию частной врачебной практикой и интересуется исключительно больничной и лабораторной работой» [85]. Это стремление было залогом доброжелательного отношения земств и городов к женщинам-врачам. Там их охотно брали на службу [86]. Об этом свидетельствуют данные о 72 выпускницах Петербургского женского медицинского института за 1902 г., собранные харьковским

---

[79] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 298, л. 27.
[80] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 652, л. 10.
[81] История Тартуского университета. 1632—1982. Тарту, 1982, С. 155.
[82] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 205, д. 81, л. 3.
[83] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 161, л. 41об.
[84] Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986, С. 118.
[85] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 689, л. 8.
[86] Ленинградский медицинский институт. К XX-летию деятельности (1897—1927), Л., 1928, С. 40.

журналом «Врачебное дело». По завершении учебы 59% их поступили на службу в земства, 21,2% — в городские больницы, 19,2% стали школьно-санитарными врачами, 25% — преподавателями фельдшерских и общеобразовательных школ, 3,8% — фабричными врачами [87].

В 1912 г. в России было 3 тыс. женщин-врачей, или 12% от числа мужчин-врачей. 200 из них работали в Москве: 121 (60%) — в больницах и клиниках, причем лишь 16 (4,5%) — на штатных должностях, а прочие — на внештатных (17 чел. без жалованья); 29 чел, работали врачами средних учебных заведений, в т. ч. 15 — частных [88]. Наконец, молодые медики пополняли и группу частно-практикующих врачей столиц и губернских городов. Эта была высокообеспеченная часть российской буржуазной интеллигенции [89].

Численность подготовленных в конце XIX — начале XX вв. российскими высшими учебными заведениями врачей отнюдь не покрывала насущных потребностей России в медицинских кадрах. Во всеподданнейшеи докладе от 13 июня 1916 г. министр Игнатьев, обращая внимание царя на острый дефицит врачей, опирался на следующие данные: в то время как в странах Западной Европы один врач приходился на 1,4—2,5 тыс. жителей, в России это соотношение было 1:5,4 тыс. Министр считал, что для удовлетворения наиболее скромных потребностей населения в медицинском обслуживании (1 врач на 3,9 тыс. чел.) необходимо было 12,8 тыс. новых врачей, подготовить которых могли только 10 новых медицинских школ [90].

Деятели искусств

Они составляли специфическую профессиональную группу (см. таблицу № 42), которая пополнялась выпускниками государственного Высшего художественного училища Академии художеств (в 1898—1916 гг. выпустило 342 чел.), а также общественных консерваторий, Училища живописи, ваяния, зодчества Московского художественного общества, Музыкально-драматического

---

[87] Врачебное дело. Двухнедельный научный медицинский журнал, 1928, № 12, С. 931.

[88] Труды первого Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного Российской лигой равноправия женщин в С.-Петербурге, Т. I. СПб., 1914, С. 209.

[89] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века, С. 141.

[90] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 591об.

училища Московского филармонического общества [91], которые в те же годы подготовили, по имеющимся данным, 2,5 тыс. специалистов, а с учетом отсутствующих данных — примерно 4 тыс. деятелей искусств (таблица № 43). Среди них было около 3,5 тыс, музыкантов, оперных певцов и драматических актеров, а также около 500 живописцев, граверов, ваятелей.

Обладатели дипломов о художественном образовании находили применение своему труду на поприще свободных художников, выполняя заказы частных лиц, реже — государственные, либо занимаясь педагогической деятельностью в высших, средних, начальных школах.

Более разнообразной была палитра профессиональных занятий деятелей музыкального искусства. Вот, например, данные о деятельности выпускников Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества по состоянию на 1899 г.: солисты Русской частной оперы в Москве, преподаватели музыки в Музыкально-драматическом училище (Москва), Киевском музыкальном филармоническом училище, Александровском институте (Москва), Александро-Мариинском институте (Петербург), оркестр Большого театра, оперный оркестр Чикаго, концертная деятельность в Америке. Аналогичным был круг профессиональных занятий выпускников консерваторий. Высокой профессиональной репутацией пользовались воспитанники драматических классов Московского музыкально-драматического училища. Они пополняли труппы лучших столичных драматических театров — Малого, Художественного, Корша (Москва), Александринского. Охотно их услугами пользовались и провинциальные труппы [92].

Кадры обслуживания народного хозяйства

Наиболее крупную группу среди специалистов этой категории составляли **инженеры.** Их подготовка была сосредоточена почти целиком в государственных учебных заведениях (исключение составляли выпускницы Петербургского женского политехникума). По нашим подсчетам, в 1898—1916 гг. было выпущено 20344 инженеров (таблица № 43).

---

[91] В группу музыкантов входило незначительное число актеров драматического театра, которых готовило специальное отделение музыкально-драматического училища Московского филармонического общества.

[92] Отчет Московского филармонического общества и Музыкально-драматического училища за 1898—1899 г. М., 1899, С. 25—26.

К концу XIX в. особенно острый характер приобрела потребность в фабрично-заводских инженерах, которых готовили на механическом и химическом отделениях технологических институтов. В 1899 г. в докладе для Государственного совета по вопросу об открытии в Петербурге политехнического института министр финансов С. Ю. Витте обращал внимание на «недостаток в лицах с высшим образованием по механической специальности, особенно по некоторым, только что зарождающимся отраслям, усиленное развитие коих возможно лишь при наличии соответственно подготовленного персонала. К этим отраслям относятся: машиностроение, судостроение, электромеханика. Равным образом, с развитием тех, в которых химическая технология занимает первенствующее место, все более обнаруживается потребность в специализации прикладной химической науки, примером чего могут служить электрохимия и металлургия»[93].

Подготовка этих специалистов началась с открытием политехникумов в Петербурге, Киеве, Варшаве, Новочеркасске, но далеко не с тем размахом, чтобы покрыть их дефицит. В 1898—1916 гг. было подготовлено 12992 фабрично-заводских инженеров (таблица № 42), что составило почти 64% всех подготовленных в это время инженерных работников. Данные на конец XIX — начало XX вв. позволяют заключить, что услугами инженеров охотно пользовались промышленные предприятия всех отраслей, железные дороги и пароходства, профессионально-технические учебные заведения, государственные учреждения, земства и города, частные фирмы и банки.

Вот, что говорят собранные обществом бывших воспитанников С.-Петербургского технологического института сведения о выпускниках 1893 г. (1523 чел.) и 1902 г. (1923 чел.): 1) на железнодорожном транспорте в 1893 г. работал 31% опрошенных а в 1902 г. — 25%; 2) на предприятиях горной, нефтяной, металлообрабатывающей, химической, целлюлознобумажной, сахарной и винокуренной отраслей промышленности в 1893 г. работало 39,9% опрошенных, а в 1902 г. — 51,8%; 3) педагогической деятельностью были заняты в 1893 г. 8,4% опрошенных, а в 1902 г. — 6,7%; 4) чиновниками различных ведомств, городскими инженерами, земскими техниками, служащими фирм, страховых обществ и пр. работали в 1893—20,7%, в 1902 г. — 16,5%; среди работавших в промышленности в 1893 г. было

[93] ЦГИА СССР, ф. 40. Высочайше утвержденные всеподданейшие доклады министра финансов по Департаменту торговли и мануфактур. 1899, оп. 1, д. 51, лл. 47—48.

3% владельцев «собственного дела», а в 1902 г. — только 0,9% [94].

Примерно 70% получивших диплом инженера, были заняты в сфере материального производства. Это были в абсолютном своем большинстве наемные работники крупных монополизированных предприятий, а также железных дорог. Специалисты высшей квалификации нередко занимали видные посты управляющих дорогами, заводами, фабриками, председателей правлений, главных инженеров. Среди этой категории руководящих инженерных работников было, видимо, немало совладельцев предприятий, держателей акций и пр.

Расширение выпуска фабрично-заводских инженеров в последующие годы существенно не изменило структуру их занятости. Об этом свидетельствуют материалы анкеты 1913 г., проведенной обществом бывших воспитанников Киевского политехникума среди 111 выпускников механического факультета [95]. 38% опрошенных работали в различных отраслях обрабатывающей промцшленности, занимая должности от рядовых инженеров до директоров и вице-директоров предприятий. Прочие распределялись по следующим областям деятельности: 1) 32,4% были собственниками, совладельцами, заведующими, представителями технико-экономических предприятий; 2) 13,5% были заняты в системе городского хозяйства (общественного и частного); 3) 12,6% занимались педагогической деятельностью в высших и средних учебных заведениях; 4) 1,8% опрошенных были чиновниками (в основном фабричными инспекторами).

На основании приведенных выше данных невозможны исчерпывающие выводы. Однако они позволяют предположить, что выпускники столичных инженерных школ были более склонны к чиновничьему поприщу, чем выпускники-провинциалы [96], перед которыми зато открывались более широкие горизонты удачливой частно-капиталистической деятельности.

С 1912 г. в состав инженеров фабрично-заводской специализации стали вливаться и выпускницы Петербургских женских политехнических курсов (с 1915 г. — института). Первый их выпуск состоял всего из 3 чел., окончивших электромеханический

---

[94] См.: Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах, С. 116—117.

[95] Материалы к истории Киевского политехническог института имп. Александра II. Киев, 1913, С. 21.

[96] По состоянию на 1915 г., среди 209 членов общества окончивших Петербургский политехнический институт 37 чел. (18%) были чиновниками (см.: Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах, С. 40).

и химический факультеты. Одна выпускница была оставлена при курсах для дальнейшего усовершенствования, другие были приглашены на машиностроительный завод Лесснера и костообжигательный завод в Петербурге. Студентки работали практикантами на металлургических заводах Урала, нефтяных предприятиях Баку и Грозного, цементных заводах, в испытательных лабораториях общества винокуренных заводов. К 1912 г. круг предприятий, приглашавших практиканток, расширился до 111 [97]. В 1916 г. число выпускниц Женского политехнического института достигло 50.

В 1898—1916 гг. было подготовлено 3146 инженеров путей сообщения (таблица № 42), что составляло почти 16% выпускников государственных инженерно-промышленных институтов. Подавляющее большинство их поглощалось сферой управления государственными и частными железными дорогами [98]. Они работали в центральном аппарате и местных управлениях Министерства путей сообщения, в обществах и правлениях частных железных дорог и паровозостроительных предприятий, занимая должности от рядовых инженеров до управляющих железными дорогами. Лишь незначительная часть специалистов-путейцев работала в системе Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также инженерами в торговых портах, производителями работ по устройству каналов, инспекторами судоходства.

Интенсивное железнодорожное строительство в конце XIX — начале XX вв. увеличивало потребность в инженерах-путейцах, которая значительно опережала возможности петербургского и московского институтов, обслуживавших эту отрасль народного хозяйства. В представлении министра путей сообщения от 27 октября 1916 г. указывалось, что оба учебных заведения могут ежегодно выпускать не более 225 специалистов, тогда как реальная потребность в них возросла по меньшей мере до 725 инженеров в год. Министр констатировал: «... За невозможностью получить инженеров названной специальности ведомству путей сообщения приходится, в явный ущерб делу, многие должности, для занятия которых необходимо было бы высшее специальное по путям сообщения образование, замещать инженерами иных

---

[97] ЛГИА, ф. 139, Петербургский женский политехнический институт, оп. 1, д. 13163, л. 18—20, 37 об.

[98] См.: Список инженеров путей сообщения, окончивших Институт инженеров путей сообщения имп. Александра I. Состояние на 1 августа 1915 г. IIг. 1915; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг., С. 37.

специальностей и даже лицами без высшего технического образования»[99].

По нашим подсчетам, в 1898—1916 гг. Петербургским, Екатеринославским горными, Томским технологическим (горный факультет) было подготовлено 1917 инженеров-горняков (таблица № 42), что составляло 9,4% выпускников инженерных институтов, без данных по горным факультетам Варшавского и Донского политехникумов.

Значительная их часть включалась в состав чиновников центральных и местных (горных округа) учреждений Горного департамента Министерства торговли и промышленности, занимаясь административным контролем над деятельностью государственных и частных золотых приисков, горнорудных, каменноугольных и металлургических предприятий[100]. Между тем непосредственно на предприятиях горной промышленности ощущался острый дефицит специалистов. Особенно нуждался в специалистах высшей квалификации горнопромышленный Урал. В 1913 г., признав обоснованность очередного ходатайства городской думы Екатеринбурга об открытии в этом городе политехникума с горным факультетом, Министерство торговли и промышленности вынесло следующее суждение: «Чтобы поднять горную промышленность Урала на должную высоту, необходимо... внести свет науки во все отрасли горнозаводской деятельности. Понятно, что такую работу могут выполнить только молодые научные силы, специально подготовленные к тем задачам, которые стоят в настоящее время перед Уралом»[101].

Категория инженеров архитектурно-строительного профиля состояла из специалистов гражданского и промышленного строительства. Первая из этих специализаций была представлена выпускниками Института гражданских инженеров, архитектурных отделений Высшего училища живописи, скульптуры, архитектуры Академии художеств, вторая — выпускниками инженерно-строительных отделений Рижского и Петербургского политехнических и Томского технологического институтов. В 1898—1916 гг. их было подготовлено 1862 чел. (таблица № 42), что составляло 9,1% всех инженеров, выпущенных в эти годы. Кроме того, все фабрично-заводские инженеры во время учебы получали, помимо

---

[99] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 632.

[100] См.: Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах, С. 38.

[101] ЦГИА СССР, ф. 1288, Главное управление местного хозяйства Министерства внутренних дел, оп. 5—1, д. 130, л. 164 об.

основной, еще и строительную подготовку и имели право на руководство возведением зданий производственного назначения.

В конце XIX — начале XX вв. Россия испытывала значительную нужду в инженерах-строителях. Это привело к открытию архитектурных отделений при неправительственных Московском училище живописи, ваяния, зодчества (в 1898—1916 гг. оно подготовило около 400 архитекторов), Петербургских женских политехнических курсах, а также Женских курсах высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и А. П. Молас в Петербурге. Выпускники этих учебных заведений работали преимущественно в системе городского и земского самоуправления. Как отмечалось в объяснительной записке к уставу Женских политехнических курсов от 1912 г., последние остро нуждались в инженерах-строителях и нередко вынуждены были «удовлетворяться самоучками техниками, застраивающими провинцию неудобными и безвкусными домами». В крупных городах и даже в столицах, подчеркивали авторы записки, строители общественных и частных зданий «всегда ощущали и ощущают недостаток в образованных, технически и художественно развитых помощниках», а потому привлекают к работам неопытных студентов [102].

В конце XIX — начале XX вв. в России наблюдалось быстрое развитие телефонно-телеграфной сети, внедрение в промышленность и быт электроэнергии. Это вызвало большой спрос на услуги инженеров-электротехников, подготовка которых была сосредоточена в Петербургском электротехническом институте. В 1898—1916 гг. из его стен вышло 427 специалистов (таблица № 42), или 2,2% всех инженеров, выпущенных в эти годы. Такое число ни в какой степени не покрывало, однако, реальных потребностей страны. Особенно остро нехватка инженеров-электротехников выявилась в годы первой мировой войны.

Выпускники Электротехнического института в основной своей массе служили по почтово-телеграфному ведомству Министерства внутренних дел. Они же в значительной степени руководили электрообепечением фабрик, заводов, являлись экспертами по электричеству и телефоно-телеграфной связи при городских управлениях.

В целом не справлялась российская высшая школа с обеспечением специалистами высшей квалификации и аграрного сектора экономики. В 1898—1916 гг. государством было подготовлено всего

[102] ЛГИА, ф. 139, Петербургские женские политехнические курсы, оп. 1, д. 13163, л. 16 об. — 17.

9240 агрономов, лесоводов, ветеринаров, межевых инженеров (таблица № 42) — на 73,6% меньше, чем юристов.

Чрезвычайно острым был дефицит **агрономических кадров** для земледелия и лесоводства. В 1895 г. на I сессии Сельскохозяйственного совета Министерства земледелия ставился вопрос о подготовке «возможно большего числа руководителей и техников сельского хозяйства для службы правительству, земству и частным лицам» [103]. В 1910 г. XII сессия совета констатировала, что спрос на агрономов «превышает предложение и потому даже ответственные агрономические должности, как, например, участковых агрономов, требующие обширных знаний и солидной агрономической эрудиции, приходится замещать лицами не только со средним образованием, но и с низшим, причем процент агрономов с высшим образованием падает». В 1909 г. в Европейской России действовали 177 участковых агрономов: 59 (33,3%) с высшим образованием, 98 (55,4%) — со средним, 20 (11,3%) — с низшим. В 1910 г. было 399 участковых агрономов: 121 (30,6%) с высшим, 226 (53,7%) — со средним, 52 (15,7%) — с низшим образованием. По оценке главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, к началу 1910 г. российской агрономической службе недоставало 2,5 тыс. специалистов высшей квалификации [104].

Свою лепту в подготовку агрономических кадров вносили и неправительственные сельскохозяйственные высшие учебные заведения. В 1904—1915 гг. из 1214 слушательниц Стебутовских сельскохозяйственных курсов полный курс прошли 535. Но только 53 из них получили диплом агронома [105]. Сходная ситуация сложилась на самых многолюдных Петербургских сельскохозяйственных курсах. В 1912 г. их окончили всего 4 чел. (при 984 слушателях), в 1914 г. — 11 (при 1448 слушателях) [106]. Предположительно подностью программу курсов прошла 1 тыс. чел. В 1913—

---

[103] Техническое образование, 1895, № 2, С. 146.

[104] ЦГИА СССР, ф. 1291, Земский отдел Министерства внутренних дел, оп. 120, д. 46, л. 5—7.

[105] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 3, С. 43; Очерк развития Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов за десятилетие их существования и отчет об их деятельности за 1913/1914 учебный год. Пг., 1915, С. 57; Отчет о деятельности и состоянии Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов за 1914—1915 гг. Пг., 1916, С. 2.

[106] С.-Петербургские сельскохозяйственные курсы. Отчет за 1911/12 академический год. СПб., 1913, С. 134; То же, за 1913/14 академический год. Пг., 1915, С. 99.

1914 учебном году Голицинские женские сельскохозяйственные курсы окончили 181 чел.,[107] но диплом агронома получили только 37 из них.[108] Всего же, по нашим подсчетам, программу курсов прошли 365 из 1364 слушателей.[109] Таким образом, общественные и частные сельскохозяйственные высшие учебные заведения к 1917 г. подготовили 1890 специалистов (таблица № 43). Все они — и обладавшие дипломами, и только прослушавшие полный курс без окончательных испытаний — находили работу по специальности. Многие курсанты поступали на службу и до завершения учебы ввиду большого спроса на агрономический персонал.[110]

Как же складывалась профессиональная судьба выпускников высших агрономических школ? По сведениям профессора А. Ф. Фортунатова, собранным им о 629 питомцах Петровской академии за 1870—1893 гг., только 460 чел. (73,3%) применяли свои агрономические познания на практике: 111 чел. (17,6%) работали в качестве управляющих и служащих частных имений; 86 чел. (13,7%) вели хозяйство на собственной и арендованной земле; 107 чел. (17%) служили по лесному ведомству; 84 чел. (13,4%) были заняты на педагогической работе в высшей, средней, низшей сельскохозяйственной школе; 62 чел. (9,8%) несли местную агрономическую службу. Работой, не требовавшей агрономического образования, занимались 169 чел. (26,7%) [111].

По данным Министерства народного просвещения, 76% агрономов — выпускников Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства за 1896—1901 гг. — работали по специальности: «В большинстве случаев лесоводы очень скоро определялись на казенную службу, где при обилии у казны лесов имеется большой спрос на таких специалистов» [112]. Вместе с тем дипломированные лесоводы стремились избежать работы в лесном ведомстве и вообще службы по специальности из-за «полной материальной необеспеченности членов Лесного департамента». Данный факт в 1910 г. стал предметом обсуждения на сходке

---

[107] ЦГИА Москвы, ф. 453, Голицинские высшие женские курсы, оп. 1, (подсчет автора).

[108] Отчет Голицинских женских сельскохозяйственных курсов за 1913 год по хозяйственыой и за 1913/14 учебный год по учебной части. М., 1914, С. 100.

[109] ЦГИА Москвы, ф. 453, оп. 1 (подсчет личных дел осуществлен автором).

[110] Техническое и коммерческое образование, 1916, № 3, С. 43.

[111] Фортунатов. К статистике результатов агрономического образования. СПб., 1894, С. 4—5.

[112] Техническое образование, 1903, № 7, С. 16.

студентов Петербургского лесного института [113]. Обязательному распределению подлежали только стипендиаты. Это порождало постоянную нехватку лесоводов высшей квалификации. Особенно острой она стала с началом первой мировой войны [114].

О распределении агрономов по сферам профессиональной деятельности с достаточной степенью достоверности говорят данные анкеты, проведенной в 1914 г. среди 229 студентов Московского сельскохозяйственного института (15% студенческого контингента). Ответы на вопрос «Цель поступления в институт?» распределялись следующим образом: 51% ответивших намеревались избрать поприще общественной агрономической деятельности, 27% в институт привел интерес к науке, 8% предполагали сочетать практическую агрономию с научными изысканиями, 3% интересовал только диплом, 1% опрошенных предпочитал частную агрономическую службу, 4% не дали определенного ответа [115].

Находили применение и кадры (дипломированные и недипломированные), подготовленные неправительственными сельскохозяйственными высшими школами. Они работали земскими участковыми агрономами, агрономами при сельскохозяйственных обществах, ассистентами, лаборантами сельскохозяйственных высших учебных заведений, заведующими и лаборантами земских опытных станций, лабораторий (селекционных, бактериолого-агрономических и др.), инструкторами по луговодству, маслоделию, животноводству [116].

Животноводство остро нуждалось в ветеринарном обслуживании. В 1898—1915 гг. ветеринарными институтами были выпущены 4143 специалиста. Они распределялись между Ветеринарным управлением Министерства внутренних дел (70%), Военным министерством, Государственным коннозаводством, Пограничной стражей (ведомство Министерства финансов).

Основная масса (более 70%) ветеринарных врачей работала в центральном и местном аппарате ветеринарного ведомства, а также в соответствующих службах городского самоуправления, губернских и уездных земств. Они осуществляли ветеринарный

---

[113] Студенческая жизнь, 1910, № 8, С. 11.

[114] Крупнейший лесной вуз СССР. М., 1967, С. 30—31.

[115] Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева, 1865—1965. М., 1969, С. 107.

[116] Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912, С. 13—14; Отчет Голицинских женских сельскохозяйственных курсов за 1913/14 учебный год по учебной части. М., 1914, С. 100—102; С.-Петербургские сельскохозяйственные курсы. Отчет за 1906—1907—1908 учебные годы. СПб., 1909, С. 178—179.

надзор в целях выявления эпизоотий и борьбы с ними. Сельское животноводство находилось на попечении земской ветеринарии, которая, однако, не занималась вопросами его рационализации.

Россия испытывала чрезвычайную нужду в **ветеринарах.** По данным, оглашенным на I Всероссийском съезде ветеринарных врачей (1903 г.), в 1899 г. в Европейской России на одного специалиста приходилось 50 тыс. голов лошадей и рогатого скота и 5036 кв. км обслуживаемой территории [117]. В 1914 г. в России действовали 2900 ветврачей, служивших по ведомству Ветеринарного комитета МВД. Нехватку специалистов этого профиля комитет оценил в 5 тыс. чел., потребных для несения только ветеринарно-полицейской службы, без учета потребностей земской, городской и военной ветеринарии [118]. Спустя три года Министерство народного просвещения Временного правительства также оценило дефицит ветеринаров в 4—5 тыс. чел.

Весомую долю специалистов народного хозяйства составляли **экономисты,** которых готовили государственные, общественные и частные коммерческие учебные заведения. Государственные, в виде специальных факультетов Рижского и Петербургского политехникумов, по нашим подсчетам, в 1899—1916 гг. подготовили всего 1377 специалистов (таблица № 42). С учетом отсутствующих данных за 1915 и 1916 гг. по Петербургу этот показатель, по-видимому, находился бы на уровне 1600 чел.

Несравненно масштабнее была деятельность неправительственной коммерческой высшей школы. Только один Московский коммерческий институт в 1910—1917 гг. выпустил 1706 специалистов, т. е. более 200 чел. ежегодно [119]. В 1914 г. Киевский коммерческий институт выпустил 182 чел.; всего же к этому году из его стен вышли 450 специалистов [120]. К 1916 г. Высшие коммерческие курсы М. В. Побединского (Петроград) подготовили 283 специалиста.[121].

Вклад прочих негосударственных высших коммерческих школ был незначительным. К 1916 г. Практическая восточная академия подготовила 40 специалистов, Петербургский институт высших коммерческих знаний и того меньше — 7 чел., Харьковские

---

[117] Коропов В. М. История ветеринарии в СССР. М., 1966, С. 184.
[118] Там же, С. 181.
[119] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 292, л. 4 об.
[120] Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг., С. 19.
[121] Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности за 1912—1913 учебный год. Пг., 1914, С. XIII; То же за 1913—1914 учебный год. Пг., 1916, С. XXVIII; То же, за 1914—1915 учебный год. Пг., 1917, С. XVII.

высшие коммерческие курсы (с 1916 г. — институт) вовсе не успели развернуть свою деятельность. Суммируя эти данные, мы получим 2486 чел. При восполнении отсутствующих данных этот итог поднимается примерно до 3500 чел. (таблица № 43).

Выпускники коммерческих вузов и факультетов пользовались большим спросом в государственном и частном секторах экономики. Не случайно правительство наделило служебными и сословными прерогативами выпускников Московского, Петербургского, Харьковского коммерческих институтов. Не случайна была и тревога за судьбу их выпускников со стороны наиболее прозорливых представителей деловых кругов. Они говорили о необходимости использовать тягу молодежи к коммерческому образованию «в интересах торгово-промышленного мира, иначе весь этот контингент молодых коммерсантов, получивших диплом высшего образования, уйдет по пути наименьшего сопротивления и заполнит собой ряд чиновничества».[122]

Можно утверждать, что для специалистов коммерческого профиля проблема трудоустройства фактически не стояла. Основной сферой приложения их труда были банки, промышленность, внутренняя и внешняя торговля. В 1912 г. в Отдел по приисканию работы для окончивших курс Московского коммерческого института поступило всего 51 заявление, тогда как спрос составлял 63 должности [123]. В 1915 г. это соотношение составило 82 против 143 [124]. Требовались преподаватели коммерческих учебных заведений, бухгалтеры и их помощники, служащие всех рангов торгово-промышленных предприятий, работники кооперации, чиновники интендантского ведомства, Акцизного управления, Контрольной палаты, работники земств и городских самоуправлений, лаборанты, страховые агенты, статистики. При этом наибольшую нужду в специалистах с высшим коммерческо-экономическим образованием испытывала провинция. 78% предложений вакантных должностей, поступивших в Московский коммерческий институт в 1912 г., было сделано провинциальными учреждениями. Москва же была представлена лишь 22% заявок.

Таким образом, анализ профессиональной структуры выпускников государственных высших учебных заведений за 1898—1916 гг. показывает, что 74% их занимались непроизводственной

---

[122] Техническое и коммерческое образование, 1915, № 4, С. 10.

[123] 50 лет института. Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, М., 1957, С. 7.

[124] Отчет Московского коммерческого института 1914—1915 учебный год. М., 1917, С. 15.

деятельностью, в первую очередь чиновничьей службой (более половины их получили юридическое, военное, богословское, востоковедное образование). Лишь 26% выпускников предназначались к народнохозяйственной деятельности. Налицо был факт вопиющего пренебрежения самодержавия интересами экономического развития аграрно-индустриальной страны. В 1916 г. министр народного просвещения П. Н. Игнатьев в своем выступлении на заседании Совета по делам профессионального образования заявил: «Наше профессиональное образование развивалось слабо и несистематично; поэтому многие технические задачи оказывались не по силам России за отсутствием должного количества работников. Наши естественные богатства не только не разработаны, но и не изучены; наше сельское хозяйство, по совершенству обработки полей, далеко не использовало даров нашей природы; у нас мало железных дорог, наша бесплатная водяная энергия все еще остается далеко не использованной, многие отрасли нашей промышленности... слабо развиты, недостаточно развито машиностроение; наши деревни и города ежедневно горят вследствие нерационального строительства. Значительная часть нашей фабрично-заводской промышленности обслуживается иностранным техническим персоналом» [125].

Однако и значительный перекос в сторону подготовки специалистов непроизводственных сфер деятельности — отнюдь не свидетельство их избытка. Спрос на гуманитариев также явно превышал предложение. Тот же Игнатьев во всеподданейшем докладе от 13 июня 1916 г. настоятельно подчеркивал «необходимость... открытия высших медицинских и физико-математических, затем историко-филологических, и наконец, юридических школ» [126].

Самодержавие, базировавшее свою идеологию на догматах православия, а весь строй правления на военно-полицейской силе и «армии чиновных пиявок» [127], не смогло в полной мере обеспечить кадрами высшей квалификации господствующую церковь, офицерский корпус, бюрократический аппарат, не говоря уже о народном хозяйстве страны.

---

[125] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 226, д. 292, л. 5 об.
[126] ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 29 об.
[127] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, С. 30.

3.

Социальный статус выпускников высшей школы

Выпускники высшей школы занимали определенное место в социальной структуре российского общества, поскольку высшее образование давало не только профессионально-квалификационные, но также служебные и сословные права и звания. Чины X (коллежский секретарь) и XII (губернский секретарь) классов получали выпускники университетов и большинства учебных заведений университетского типа, а также ветеринарных институтов [128]. Неумолимая логика экономического развития России деформировала привычный стереотип социальной политики в области профессионально-технического высшего образования. Царизм уже не мог открыто и высокомерно третировать как второсортную сферу инженерно-промышленной, сельскохозяйственной, коммерческой деятельности. С конца XIX в. ее командный состав, по мере преобразования старых и создания новых народнохозяйственных институтов, также наделялся определенными служебными и сословными правами. Например, обладатели дипломов I и II степеней Киевского, Варшавского, Петербургского политехникумов при поступлении на государственную службу получали соответственно чин X и XII классов [129]. Чиновниками тех же классов могли стать выпускники Московского, Воронежского сельскохозяйственных, Петербургского лесного институтов [130]. Вместе с тем выпускники Екатеринославского высшего горного и Московского инженерного училищ вплоть до их преобразования (соответственно в 1912 и 1913 гг.) могли претендовать только на чин XII класса [131]. Перед дипломантами экономического факультета Петербургского политехникума открывалась перспектива получения чинов X или XII классов, а коммерческого факультета Рижского политехникума — XII или XIV классов [132].

Табельные привилегии, связанные с дипломом о высшем образовании, дополнялись сословными. Выпускники всех без

[128] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ), собр. I, т. 23, № 22174, § 30; ПСЗ, собр. I, т. 13, № 11363, § 1.

[129] ПСЗ, собр. III, т. 18, № 15609, ст. 37; т. 22, № 21696, ст. 2; № 21046, ст. 40.

[130] ПСЗ, собр. III, т. 25, № 26423; т. 22, № 21319; СУ, 9 июня 1912 г., № 1010, ст. XI.

[131] ПСЗ, собр. III, т. 23, № 22958; ПСЗ, собр. III, т. 16, № 12988.

[132] ПСЗ, собр. III. т. 22, № 21046, ст. 40; СУ, 9 августа 1896, ст. 30.

исключения государственных высших учебных заведений, принадлежавшие не к дворянству, а, как указывалось в уставе университетов, «к мещанскому сословию или состоянию сельских обывателей», пользовались правом причисления к личному почетному гражданству [133]. Сверх того, диплом об окончании одного из народнохозяйственных институтов открывал перед его обладателями перспективу перехода в потомственное почетное гражданство [134]. Для этого требовался не менее чем десятилетний стаж работы на руководящих должностях в частнопредпринимательской сфере — промышленной (управление фабриками или заводами или же исполнение обязанностей «технических инженеров») и аграрной (управление частнымм имением, заведование «какой-либо одной отраслью хозяйства или сельскохозяйственного промышленного предприятия») [135].

Сословно-табельные привилегии были распространены и на выпускников многих неправительственных высших учебных заведений. Им открывался прямой выход в сферу государственной службы. Так, диплом коммерческих институтов в Киеве и Москве (с 3 июня 1912 г.), в Харькове (с 20 ноября 1915 г.), Петрограде (с 1917 г.) позволял занимать должности штатных преподавателей специальных учебных заведений ведомства торговли и промышленности и получать звания почетного и личного гражданства [136].

Менее четко были оформлены сословно-табельные права выпускников (мужчин и женщин) Петербургского и Московского археологических институтов. Причина этого кроется в том, что в число их действительных слушателей принимались только окончившие курс наук в высших учебных заведениях (все прочие, по усмотрению совета, — вольнослушателями), а следовательно, уже наделенные служебными и сословными правами. Вместе с тем важнейшей целью указанных институтов была «подготовка специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках правительственных, общественных и частных» [137]. Таким образом,

---

[133] ПСЗ, собр. III, т. 4, № 2404, ст. 92.

[134] ПСЗ, собр. III, т. 5, № 2870, ст. 15 (Петербургский и Харьковский технологические институты).

[135] ПСЗ, собр. III, т. 14, № 10787, ст. 29 (Московский сельскохозяйственный институт).

[136] СУ, 3 июня 1912 г., № 955, ст. 28, 29 (коммерческие институты в Киеве и Москве).

[137] ПСЗ, собр. III, т. 27, № 28844, § 1 (Московский археологический институт).

государственная служба была одной из реальных перспектив будущих археологов и археографов.

Определенная сумма служебных прав предоставлялась и выпускникам (мужчинам и женщинам) консерваторий в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Саратове. Они могли работать, помимо частных, в императорских театрах, а также учителями музыки в государственной школе [138]. Учителями музыки в государственных школах могли работать и окончившие Музыкально-драматическое училище Московско филармонического общества [139].

Служебными правами наделялись и выпускники самого многочисленного университетского сектора «вольной» высшей школы. Особенно симптоматичными выглядели эти уступки в области женского педагогического и медицинского образования. Первоначально они коснулись только Высших женских курсов в Петербурге (Бестужевских). Циркуляром от 29 сентября 1901 г. их выпускницам разрешалось работать учительницами женских гимназий ведомства Министерства народного просвещения. С 1903 г. они были допущены к преподаванию в институтах домашних наставниц ведомства имп. Марии, а с 1906 г. — в I—IV классах мужских средних учебных заведений [140].

22 октября 1905 г. Николай II разрешил предоставить выпускницам Естественно-научных курсов М. А. Лохвицкой-Скалон в Петербурге право преподавания естествоведения и географии в женских гимназиях и прогимназиях [141]. 9 июня 1909 г. выпускницам Высших женских юридических курсов В. А. Полторацкой в Москве было разрешено держать экзамены в испытательных государственных комиссиях при университетах [142]. Законом 19 декабря 1911 г. [143] это право было распространено на выпускниц высших женских курсов, признанных Министерством народного просвещения университетскими. Для этого требовалось сдать «окончательные испытания» в одной из государственных комиссий [144] и получить диплом о высшем образовании. Это давало

---

[138] ПСЗ, собр. II, т. 53, № 58592, ст. 30.
[139] ПСЗ, собр. III, т. 23, № 22918.
[140] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 155, д. 268, л. 346.
[141] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 339, л. 69.
[142] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 483, л. 99.
[143] ПСЗ, собр. III, т. 31, № 36226.
[144] Испытательные комиссии (историко-филологические, физико-математические, юридические, медицинские) создавались при университетах, а также высших женских курсах, медицинских институтах, признанных Министерством народного просвещения по полноте программы и уровню преподавания

женщинам те же права, кроме служебных и сословных, что и выпускникам мужских высших учебных заведений. Они могли занимать должности преподавателей в правительственных учебных заведениях с тем же вознаграждением, что и мужчины, получать пенсию и государственные пособия, приобрести ученую степень магистра или доктора с соответствующими правами.

Аграрные мероприятия П. А. Столыпина потребовали значительного увеличения числа агрономов. Поэтому к решению этой задачи правительство подключило высшее женское сельскохозяйственное образование [145]. Законом 1 мая 1907 г. Петербургским высшим женским сельскохозяйственным курсам И. А. Стебута было предоставлено право присваивать звание агронома, позволявшее им занимать должности, требующие сельскохозяйственных знаний [146]. 19 ноября 1907 г. Главное управление земледелия и землеустройства утвердило новое положение о курсах, уравнявшее их с государственными сельскохозяйственными высшими учебными заведениями. Правами государственных были наделены и учрежденные в 1908 г. в Москве Голицинские женские сельскохозяйственные курсы [147].

Зконом 1 июля 1914 г. «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» [148] получение соответствующих преимуществ по образованию распространялось не только на женщин, но и на мужчин, выпускников неправительственных мужских и смешанных по составу учащихся высших учебных заведений с университетской программой преподавания. Он не распространялся на неправительственные учебные заведения инженерного профиля, подотчетные этому ведомству. С 1916 г. мужчины включались в число соискателей университетского диплома в государственных экзаменационных комиссиях, действовавших не только при университетах, но и при неправительственных высших женских учебных заведениях [149].

Предоставление прав коронной службы выпускникам техни-

равными университетам. В них сдавали экзамены не только выпускники неправительственных учебных заведений, но и окончившие иностранные университеты и институты, а также прошедшие полный университетский курс в России, но не получившие по разным причинам диплома.

[145] Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912.

[146] ПСЗ, соб. III, т. 27, № 28984.

[147] Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912, с. 19.

[148] СУ, 1 июля 1914 г., № 2006.

[149] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 156, д. 496, л. 144 об, 145. Вопрос о разрешении муж-

ческих, сельскохозяйственных, коммерческих институтов усилило проникновение в государственный аппарат Российской империи буржуазного и мелкобуржуазного «третьего элемента», позволив ему входить в «права высшего состояния» по мере продвижения по служебной лестнице. Это способствовало размыванию дворянства, подрывало его кастовые устои, охранявшиеся самодержавием. «Третьему элементу в сословной монархии нет места, — писал В. И. Ленин в 1901 г. — А если непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самим ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает, то неизбежно надо ожидать, что третий элемент будет стараться расширить узкие для него рамки»[150]. К 1917 г. данное ленинское предположение стало объективным фактом.

В то же время сословно-табельные привилегии, связанные с высшим образованием, укрепляли и класс буржуазии, открывая его представителям путь в государственный аппарат. Высшая школа подрывала корни и такого пережитка феодализма, как гражданское неравноправие женщин. Наконец, она способствовала смягчению национальной неполноправности различных народов. Таким образом, в период империализма высшая школа стала дополнительным фактором ускорения буржуазного развития России.

чинам сдачи дипломных экзаменов в комиссиях при женских высших учебных заведениях был положительно решен в Совете министров 12 апреля 1916 г. в связи с запросом Министерства народного просвещения «О представлении Петроградскому женскому медицинскому институту права присуждать ученые медицинские степени и звания лицам мужского пола» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1626).

[150] Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 5, С. 328.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха капитализма превратила науку и просвещение в важный фактор социально-экономического и культурного развития России. Ученые, буржуазная общественность, представители делового мира и либеральной бюрократии все более настоятельно ставили в конце XIX — начале XX вв. вопрос о расширении сети высших учебных заведений и об укреплении связи высшей школы с жизнью. «Первой основной задачей высшего образования является быстрая и полная передача завоеваний науки и техники по возможности широким слоям молодого и взрослого населения, введение их в общее сознание и этим путем быстрое использование в жизни полученных результатов» [1], — писал в 1913 г. В. И. Вернадский.

Эти умонастроения, вытекавшие из потребностей капиталистического развития страны, наталкивались, однако, на серьезную преграду — политическую систему самодержавия. Представляя в сфере высшего образования, в первую очередь узкосословные интересы дворян-помещиков, царизм наиболее высоко ценил учебные заведения, которые открывали путь к чиновничьей, военной, духовной карьере. Его особым покровительством пользовались кастово-дворянские питомники — Александровский лицей, Училище правоведения, Кадетский морской корпус.

Вместе с тем в интересах укрепления господства дворян-помещиков самодержавие использовало и достижения капиталистического прогресса. Одним из каналов насаждения его «сверху» были высшие учебные заведения, в первую очередь народнохозяйственные, предназначенные преимущественно для детей буржуазии и молодежи из демократических сословий. Поэтому царизм пошел на реорганизацию старых и создание новых инженерных школ в период виттевской индустриализации, санкционировал открытие буржуазией и буржуазной интеллигенцией общественных и частных высших учебных заведений, признавая юридическую полноправность выдаваемых ими дипломов. Правительство вынуждено было мириться и с демократизацией состава университантов, пополнявших чиновничьи ряды, и с вызванной столыпинской аграрной реформой переориентацией высшей сельскохозяйственной школы с обслуживания только дворян-помещиков на обслуживание сельских хозяев вообще.

[1] Вернадский В. И. Письма о высшем образовании в России. М., 1913, С. 4.

Российская высшая школа была отгорожена от народа мощными сословно-охранительными препонами. Они усиливались национальными ограничениями, дискриминацией женщин, насаждением в университетах и институтах режима полицейской охраны, вопиющими финансовыми ограничениями их деятельности, неспособностью, а нередко нежеланием царизма использовать пожертвования торгово-промышленных кругов на основание новых высших учебных заведений. Такая охранительная направленность «просветительского» курса самодержавия была непреодолимым препятствием к эффективному решению проблемы подготовки дипломированной интеллигенции. К февралю 1917 г. российская высшая школа оказалась в состоянии глубочайшего кризиса. Не смогло справиться с ним и Временное правительство. Оно успело лишь развернуть подготовку кардинальной реформы всей сферы высшего образования, концепцию и практические основания которой разрабатывала действовавшая при Министерстве народного просвещения представительная комиссия профессоров.

После Октябрьской революции для отечественной высшей школы началась новая эпоха, связанная с драматической историей Советского государства.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Государственные высшие учебные заведения России в 1917 г.

№№ пп	Учебные заведения	Год основания, открытия, реорганизации	Подведомственность	Факультеты и отделения
1	2	3	4	5
		1. Учебные заведения непроизводственной сферы		
		Университеты		
1	Варшавский	1869 г.; в 1915 г. эвакуирован в Ростов-на-Дону; с 1917 г. — Ростовдонский	Мин-во народн. просв.	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Юридич. 4. Медицин.
2	Казанский	1804 г.	»	Те же ф-ты
3	Киевский	1834 г.	»	»
4	Московский	1755 г.	»	»
5	Одесский (Новороссийский)	1865 г.	»	»
6	Петроградский (до 1914 г. — Петербургский)	1819 г.	»	Отсутствовал медиц. ф-т; действовал ф-т восточн. яз.
7	Пермский	Осн. в 1916 г. как отделение Петроградского университета; с 1917 г. Пермский	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Юридич. 4. Медиц.
8	Саратовский	1909 г.		1. Медиц.
9	Томский	Осн. в 1878 г.; открыт в 1888 г.	»	1. Медиц. 2. Юридич. (с 1898 г.)

Источники: Полное собрание законов Российской империи: Собрание II, тт. 35—55, СПб., 1860—1881; Собрание III, тт. 1—33 СПб., 1881—1913; Свод военных постановлений 1869 г. Кн. XV — Заведния военно-учебные. Изд. IV (По 1 января 1914 г.). СПб., 1914; Свод Морских постановлений. Кн. III; Указы и распоряжения Временного правительства. Ч. 1—2. Пг., 1917; Указатель учебных заведений, 1892 (б. м.); Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образованя. СПб., 1912; Ежегодник России 1905 г. (год второй). СПб., 1906.

1	2	3	4	5
10	Харьковский	1805 г.	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Юридич. 4. Медиц.
11	Юрьевский	1632 г.; 1802 г. До 1893 г. — Дерптский	»	Имел также ф-т — Богословский для подготовки пасторов евангелическо-лютеранской церкви
	2. *Специальные юридические высшие учебные заведения* *			
12	Александровский лицей	1811 г.; Петроград	Ведомство имп. Марии	Высшие (университетские) классы
13	Лицей цесар. Николая (Катковский)	1869 г.; Москва	Мин-во народн. просв.	Юридич. ф-т. До 1899 г. действовали также историко-филологич. и физико-математич.
14	Училище правоведения	1835 г.; Петроград	Мин-во юст.	
15	Демидовский юридический лицей	1805 г.; Ярославль	Мин-во народн. просв.	
	3. *Востоковедческие высшие учебные заведения* *			
16	Учебное отделение восточных языков при Восточном департаменте Министерства иностранных дел	1818 г.; Петроград	Мин-во иностран. дел	
17	Восточный институт	1899 г.; Владивосток	Мин-во народн. просв.	1. Китайско-японское отделение 2. Китайско-корейское 3. Китайско-монгольское 4. Китайско-манчжурское

* Юристов готовили юридические факультеты всех университетов, исключая Саратовского (поз. 1—11), Военно-юридическая академия (поз. 30). Специалистами по земельному праву были выпускники Константиновского межевого института (поз. 61).

** Подготовку востоковедов осуществлял также Восточный факультет Петроградского университета (поз. 6)

1	2	3	4	5
18	Лазаревский институт Восточ- языков	1815 г.; Москва	»	1. Специальные высшие классы
		4. Специальные медицинские высшие учебные заведения		
19	Военно-медицинская академия	1798 г.; до 1881 г. — Медико-хирургическая; Петроград	Воен. Мин-во	
20	Петроградский женский медицинский институт	1897 г.	Мин-во народн. просв.	
		5. Педагогические высшие учебные заведения *		
21	Петроградский историко-филологический институт	1867 г.	»	
22	Нежинский историко-филологический институт	1820 г.	»	
23	Московский педагогический им. П. Г. Шелапутина	1911 г.	»	1. Словесный ф-т 2. Физико-математич. 3. Историч. 4. Естественно-географич. 5. Древних языков
24	Петроградский женский педагогический институт	1903 г.	Ведомство имп. Марии	1. Словесно-историч. отдел. 2. Физико-математич.
		6. Учебное заведение изобразительного искусства		
25	Высшее художественное училище живописи, скульптуры, архитектуры Академии художеств	1764 г.; Петроград	Мин-во имп. Двора	1. Отделение живописи 2. Скульптуры 3. Архитектуры *

* Подготовка преподавателей истории, русского языка и русской литературы, латинского и греческого языков осуществлялась на историко-филологических факультетах российских университетов, исключая Саратовский и Томский (поз. I—II), а до 1899 г. и на университетском курсе Лицея цесаревича Николая (поз. 13).

** Архитекторов готовило архитектурно-строительное отделение Института гражданских инженеров (поз. 55).

1	2	3	4	5
		7. Военные и морские учебные заведения *		
26	Академия Генерального штаба	1832 г.; Петроград	Воен. мин-во	
27	Артиллерийская академия	1820 г.; Петроград	»	
28	Инженерная академия	1819 г.; Петроград	»	
29	Интендантская академия	1900 г., До 1911 г. —		
	»	Интендантский курс; Петроград		
30	Военно-юридическая академия	1867 г; Петроград	»	
31	Морская академия	1877 г.; Петроград	Морское мин-во	
32	Морское училище	1701 г.; до 1906 г. — Морской кадетский корпус; в 1906—1916 гг. — Морской корпус. Петроград	»	
33	Морское инженерное училище	1894 г.; Кронштадт	»	Отделы: 1. Кораблестроит.* 2. Механич.
		Духовные высшие учебные заведений ***		
34	Казанская духовная академия	1797 г.	св. Синод.	
35	Киевская духовная академия	1701 г.	»	
36	Московская духовная акад.	1775 г.	»	
37	Петроградская духовная академия	1797 г.	»	
38	Высшие женские богословско-педагогические курсы	1914 г.; Москва	»	

* Подготовка офицеров-специалистов по восточным странам велась офицерскими классами Восточного института во Владивостоке (поз. 17).

** Инженеров-кораблестроителей готовило также Кораблестроительное отделение Петроградского политехнического института (поз. 48).

*** Пасторов евангелическо-лютеранской церкви готовили богословский факультет Юрьевского университета (поз. 11).

1	2	3	4	5
39	Римско-католическая духовная академия	1842 г.; Петроград	Мин-во внутр. дел	
40	Армянско-Григорианская духовная академия	1874 г.; Эчмиадзин	»	
		8. Инженерно-промышленные учебные заведения		
41	Московское техническое училище	1830 г.	Мин-во народн. просв.	1. Механич. отделение 2. Химич.
42	Петроградский технологический институт	1828 г.	»	1. Механич. отделение 2. Химич.
43	Харьковский технологический	1885 г.	»	1. Механич. отделение 2. Химич.
43	Томский технологический институт	1896 — основан, 1900 — открыт	»	1. Механич. отделение 1. Механич. отделение 2. Химич.
45	Варшавский политехнический институт	1898 г.; в 1915 г. переведен в Нижний Новгород; с 1917 г. — Нижегородский	Мин-во торг. и промышл.	1. Механич. отделение 2. Химич. 3. Инж.-строит. 4. Горное
46	Донской политехнический институт	1907 г. Новочеркасск	»	1. Механич- ф-т 2. Химич. 3. Горный 4. Сельскохозяйст. (до 1912 г. — гидро-мелиотивный)
47	Киевский политехнический институт	1898 г.	»	1. Механич. отделение 2. Химич. 3. Инж. 4. Сельскохозяйств.
48	Петроградский политехнический институт	1898 г. осн., 1902 г. — открыт.	»	1. Механич. ф-т 2. Инж.-строит. 3. Электро-механич. 4. Металлургич. 5. Кораблестроит. 6. Экономич.

* Право на производство железнодорожных строительных работ имели выпускники практических технологических институтов (поз. 41—43), строительных факультетов политехникумов (поз. 35, 38, 39)

1	2	3	4	5
49	Рижский политехнический институт	1862 г.	Мин-во народн. просв.	1. Механич. ф-т 2. Химич. 3. Инж. 4. Строит. 5. Коммерч.
50	Московский институт инженеров путей сообщения	1896 г.; до 1913 г. — Инженерное училище;	Мин-во путей сообщения	
51	Петроградский институт инженеров путей сообщения	1810 г.	»	
52	Петроградский горный институт *	1773 г.	Мин-во тор. и промышл.	1. Горное отделение 2. Заводское
53	Екатеринославский горный институт	1899 г.; до 1912 г. — Высшее горное училище	»	1. Горное отделение 2. Заводское
54	Электротехнический институт **	1868 г.; Петроград	Мин-во внутр. дел	1. Электрич. отделение 2. Электромеханич. 3. Телеграфов и телефонов
55	Институт гражданских инженеров ***	1842 г.; Петроград		1. Архитектурно-строит. отделение 2. Инж.-строит. 3. Инж.-дорожное
	9 *Сельскохозяйственные высшие учебные заведения*			
56	Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии (Люблинская губ.)	1862 г.		1. Сельскохозяйств. отделение 2. Лесное

* Инженеров-горняков готовили также Варшавский и Донской политехнические институты (поз. 45, 46)

** Электромеханический факультет действовал также в составе Петербургского политехнического института (поз. 48)

*** Специалистов по промышленному и гражданскому строительству готовили инженерно-строительные факультеты Варшавского, Донского, Петроградского, Рижского политехнических институтов (поз. 45, 43, 49) и Томского технологического института (поз. 44). Кроме того, выпускники всех инженерных школ получал право на производство строительных работ, связанных с промышленным производством. Строителей-фортификатов готовила Военно-инженерная академия (поз. 28).

1	2	3	4
57	Московский сельскохозяйственный институт		1865 г.; до 1894 г. — Петровская земледельческая и лесная академия
58	Воронежский сельскохозяйственный институт		1913 г.
59	Высшие мужские курсы по виноделию при Никитском училище садоводства и виноделия		1888 г.; Ялта
60	Петроградский лесной институт		1803 г.
61	Константиновский межевой институт		1779 г.; Москва
62	Варшавский ветеринарный институт		1840 г.; в 1915 г. — эвакуирован в Новочеркасс, в 1916 г. — Донской
63	Казанский ветеринарный институт		1874 г.
64	Харьковский ветеринарный институт		1850 г.
65	Юрьевский ветеринарный институт		1848 г.; до 1893 г. — Дерптский

Мин-во землед.	1. Сельскохозяйств. отделение 2. Сельскохозяйств.-инж. 3. Рыбоводства (с 1913 г.)
»	
Мин-во юстиц.	
Мин-во народн. просв.	
»	
»	
»	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Общественные и частные высшие учебные заведения России в 1917 г.

№№ пп	Учебные заведения	Год основания, открытия, реорганизации	Подведомственность	Факультеты и отделения
1	2	3	4	5
	I. Учебные заведения с университетской программой преподавания			
	а) Женские курсы			
1	Варшавские высшие женские курсы	1909 г., в 1915 г., эвакуированы в Ростов-на-Дону, с 1917 г. — Ростовдонские Обществ.	Мин-во народн. просв.	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Юридич.
2	Екатеринославские высшие женские курсы, учрежденные Копыловым и Тихоновой.	1916 г. Обществ.	»	1. Физико-математич. ф-т 2. Медицинский
3	Казанские высшие женские курсы	1872 г.; в 1886 г. — преостановлены; в 1906 г. — возобновлены. Обществ.	»	1. Историко-филологич. ф-т
4	Киевские высшие женские курсы	1872 г.; в 1886 г. — преостановлены; в 1906 г.— возобновлены. Обществ.	Мин-во народн. просв.	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Юридич. 4. Медицинский (с 1907 г.) 5. Коммерческо-экономич. (с 1909 г.)

Источники: Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям к 1 января 1909—1915 гг. СПб., 1909—1915; Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1912—1917 гг. СПб., 1914—1917; Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведниям к 1 января 1913 г. Вып. 2-й. СПб., 1913; Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912; Сведения о высших учебных заведениях империи по всем ведомствам на 23.II.—2.IX 1917 г. (ЦГИА СССР, ф. 226, д. 261, л. 1—20); Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пб.—Пг., 1906—1917.

1	2	3	4	5
5	Киевские частные общеобразовательные вечерние женские курсы А. В Жикулиной	1905 г. Частные	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Педагогич. (с 1913 г.)
6	Московские высшие женские курсы (бывш. Герье)	1872 г.; 1886 г. — преостановлены; 1900 — возобновлены. Обществ.	»	1. Историко-филолгич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Медицинский 4. Химико-фармацевтич. (с 1917 г.)
7	Московские высшие женские историко-филологич. и юридич. курсы В. А. Полторацкой	1906 г.; — Частные.	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Юридич.
8	Одесские высшие женские курсы	1909 г. Обществ.	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Химико-фармацевтич. (с 1916 г.)
9	Петроградские высшие женские курсы (Бестужеские)	1878 г.; 1886 г. — преостановлены; 1889 г. — возобновлены. Обществ.	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Юридич. (с 1906 г. по 1912 г.)
10	Петроградские высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева (Вольный женский университет)	1906 г. Частные	»	1. Историко-литературный ф-т 2. Юридич.
11	Петроградские высшие женженские курсы при Биологической лаборатории проф. П. Ф. Лесгафта, учрежденные Дмитриевым	1905 г. — Курсы по биологическим, педагогическим и социальным наукам при Петербургской лаборатории проф. П. Ф. Лесгафта; в 1907 г. были закрыты; в 1910 г. были возобновлены как Высшие курсы; с 1916 г. получили последнее наименование. Частные	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич.

1	2	3	4	5
12	Петроградские частные женские естественно-научные курсы при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон	1905 г. Частные	»	1. Естественно-историч. ф-т
13	Сибирские высшие женские курсы в Томске	1910 г. Обществ.	»	1. Физико-математич. ф-т
14	Тифлисские высшие женские курсы *	1909 г. Обществ.	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Медицинский
15	Харьковские высшие женские частные курсы Харьковского общества взаимопомощи трудящихся женщин	1907 г. Обществ.	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич.
		б) *Женские медицинские учебные заведения*		
16	Киевский женский медицинский институт	1916 г.; преобразован из из медицинского ф-та Киевских высших женских курсов, созданного в 1907 г.; с 1908 г. ф-т действовал как самостоятельное учебное заведение	»	
17	Московский женский медицинский институт проф. П. Г. Статкевича и А. Б. Изачека	1909 г. Частный	»	
18	Одесские высшие женские медицинские курсы	1910 г. Обществ.	»	
19	Женский городской медицин. институт в Ростове-на-Дону	1916 г. Обществ.	»	

* Не имели статуса высшего учебного заведения

1	2	3	4	5
20	Саратовские высшие женские курсы Саратовского санитарного общества	1915 г. Обществ.	»	
21	Харьковский женский медицинский институт	1909 г.; открыт в 1910 г. Обществ.	»	
		в) Для мужчин и женщин		
22	Московский частный юридический институт	1915 г. Частный	»	1. Юридич. ф-т
23	Петроградский частный университет при Психоневрологическом институте	1907 г.; до 1916 г. — Психоневрологический институт	»	1. Юридич. ф-т 2. Педагогич. а) словесно-историч. отделение б) естественное 3. Медицинский
24	Юрьевские частные университетские курсы естественных и медицинских наук, учрежденные проф. М. И. Ростовцевым	1908 г. Частные	»	1. Естественно-историч. отделение 2. Медицинское
25	Новороссийский (в Одессе) высший международный институт	1914 г. Частный		
26	Петроградские высшие географические курсы при Докучаевском почвенном комитете	1916 г. Обществ.	Мин-во земледелия	
27	Московский городской университет им. А. Л. Шанявского	1908 г. Обществ.	Мин-во народн. просв.	Академическое отделение: 1. Естественно-историч. цикл 2. Общественно-философский
28	Нижегородский городской народный университет	1916 г. Обществ.	»	Академическое отделение: 1. Литературный цикл 2. Историч. 3. Экономич.

1	2	3	4	5
29	Томский городской народный университет им. П. И. Макушина	1915 г. Обществ.	»	Академическое отделение: 1. Естественно-историч. ф-т 2. Историко-филологич.
30	Петроградский археологический институт	1877 г. Обществ.		1. Археографический ф-т
31	Московский археологический институт	1907 г. Обществ.	»	1. Археологический ф-т 2. Археографический
		2. Педагогические учебные заведения		
32	Петроградская академия педагогических наук Лиги образования	1907 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	
33	Петроградские педагогические курсы Общества экспериментальной педагогики	1910 г. Обществ. Для муж. и жен.		
34	Петроградские педагогические курсы Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию	Осн. в 1872 г., в 1907 г. преобразованы в высшие женские. Обществ.	»	
35	Киевский женский Фребелевский институт Киевского Фреского общества	1907 г. Обществ; Жен.	»	
36	Московские педагогические при им. Д. И. Тихомирова Общества воспитательниц и учительниц (Тихомировские)	1872 г. Обществ.	»	Отделения: 1. народных учительниц 2. предметных учительниц младших классов средних учебных заведений и школ повышенного типа 3. руководительниц детским садом 4. специально-педагогическое 5. руководительниц гимнастикой и играми

1	2	3	4	5
		3. Учебные заведения изобразительного и музыкального искусства		
37	Московское училище живописи ваяния и зодчества Московского художественного общества	1843 г. Обществ. Для муж. и жен.	Мин-во внутр. дел	1. Живописное отделение 2. Архитектурное
38	Киевская консерватория	1912 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	
39	Московская консерватория	1866 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	
40	Одесская консерватория	1913 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	
41	Петроградская консерватория	1862 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	
42	Саратовская консерватория	1912 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	
43	Московское музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества (Филармонические)	1878 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	1. Музыкальное отделение 2. Драматическое
44	Петроградский институт истории искусств	1912 г. Обществ. Для муж. и жен.	Мин-во народн. просв.	
		II. Учебные заведения народнохозяйственного профиля		
		а) Коммерческие		
45	Киевский коммерческий институт	1906 г.; Обществ. для муж. и жен.	Мин-во торг. и промышл.	1. Коммерч. отделение 2. Экономич.
46	Московский коммерческий институт Общества распространения коммерческих знаний	1906 г. Обществ. для муж. и жен.	»	1. Экономич. ф-т 2. Коммерческо-технич.
47	Петроградские высшие коммерческие курсы, учр. М. В. Побединским	1906 г.; с 1917 г. — Торгово-промышленный институт. Частный. Для мужчин и жен.	»	1. Торгово-промышленное отделение 2. Банковское 3. Страхового дела

1	2	3	4	5
48	Петроградский институт высших коммерческих знаний (вечерний)	1906 г. — Высшие коммерческие курсы при Пб. обществе содействия высшему коммерческому образованию; с 1910 г. — указанное наименование; с 1917 г. — Петроградский коммерческий институт. Обществ. Для муж. и жен.	»	1. Экономический ф-т 2. Коммерческо-технич.
49	Харьковский коммерческий институт Харьковского купеческого общества	1912 г.; до 1916 г. — Высшие коммерческие курсы Харьковского купеческого общества. Для муж. и жен.	»	1. Коммерческо-экономич. отделение
50	Практическая восточная академия Общества востоковедения в Петрограде	1910 г.; обществ. Для муж.	»	1. Коммерческое отделение 2. Окраинно-административное 3. Консульское
		в) Сельскохозяйственные		
51	Московские высшие женские сельскохозяйственные курсы гимназии С. К. Голициной (Голицинские)	1908 г. Частн.	Мин-во земледелия	1. Сельскохозяйственный ф-т
52	Новочеркасские высшие женские сельскохозяйственные курсы Донского сельскохозяйственного общества	1916 г. На основе Новочеркасских высших женских курсов. Обществ.	»	1. Сельскохозяйственный ф-т
53	Петроградские женские сельскохозяйственные курсы Об-	1904 г. Обществ.	»	1. Сельскохозяйственный ф-т

1	2	3	4	5
	щества содействия женскому сельскохозяйственному образованию (Стебутовские)			
54	Петроградские сельскохозяйственные курсы	1906 г. Частн. Для муж. и жен.	»	1. Сельскохозяйственный ф-т
55	Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы Саратовского сельскохозяйственного общества	1913 г. Обществ. Для муж. и жен.	»	1. Сельскохозяйственный ф-т
		б) Инженерно-промышленные		
56	Екатеринославский частный политехнический институт, учр. А. А. Прессом и Л. Г. Рабиновичем	1916 г. Для муж. и жен. еврейской национальности	Мин-во народн. просв.	1. Механическое отделение 2. Электротехническое
57	Московский женский политехнический институт	1916 г. Частный.	»	1. Инженерно-строительное отделение
58	Петербургский женский политехнический институт	1906 г.; до 1915 г. — Высшие женские политехнические курсы	»	1. Архитектурный ф-т 2. Инженерно-строительный 3. Электро-механич. 4. Химический
59	Петербургские курсы высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас	1906 г. Частные. Для жен.	Мин-во торг. и промышл.	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Общественные и частные учебные заведения высшего типа, закрытые до 1917 г.*

№№ пп	Учебные заведения	Время действия	Подведомственность	Факультеты и отделения
1	2	3	4	5
	I. Учебные заведения университетского типа			
	а) Женские			
1	Варшавские историко-литературные женские курсы	1906—? Частные	Мин-во народн. просв.	1. Историко-филологич. ф-т
2	Киевские женские общеобразовательные курсы проф. М. В. Довнар-Запольского	1905—1908 гг. Частные	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Экономическо-коммерч.
3	Киевские высшие женские историко-филологические курсы бывш. проф. М. В. Довнар — Запольского	1909—? Обществ.	»	1. Историко-филологич. ф-т
4	Новочеркасские высшие женские курсы Донского общества содействия высшему женскому образованию	1906—1916 гг. Частные	»	Юридич. ф-т
5	Петербургские высшие женские курсы Е. И. Песковой	1905—1909 гг. Частные	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич.
6	Рижские общеобразовательные женские курсы им. Н. А. Гусева при женской гимназии Штегман	1906—? Частные	»	1. Историко-филологич. отделение 2. Физико-математич. 3. Юридич. 4. Медицинское

Источники: Списки курсов с программой выше средних учебных заведений ведомства МНП по состоянию на апрель—август 1906 г. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 143); То же, по состоянию на апрель 1908 (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 188); См. также источники к приложению 2.

1	2	3	4	5
7	Харьковские высшие общеобразовательные женские курсы Н. И. Невиандт	1909—1916 гг. Обществ.	»	1. Естественный ф-т
8	Юрьевские высшие женские курсы	1909—1915 гг. Обществ.	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Юридич. (закрыт в 1908 г.)
		б) Для мужчин и женщин		
9	Курсы востоковедения бар Д. Г. Гинцбурга в Петербурге	1907—1916 гг. Частные для лиц иудейского исповедания	»	
10	Оренбургские высшие курсы А. О. Киселева для лиц обоего пола	1906—? Частные	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Физико-математич. 3. Юридич.
11	Петербургские историко — филологические и юридические курсы при женской гимназии М. Н. Стоюниной	1906—? Частные	»	1. Историко-филологич. ф-т 2. Юридич.
12	Петербургские высшие юридические курсы Е. И. Песковой	1906—? Частные	»	
13	Петербургские юридические курсы при Тенишевском коммерческом училище А. Я. Острогорского	1906—? Частные	»	Юридич. ф-т
14	Петербургские курсы Гарднера, посвященные памяти Франклина	1906—? Частные	»	1. Юридич. ф-т 2. Экономич. 3. Историч. 4. Социальных наук 5. Физико-математич.
15	Симферопольские практиче-	1906—?	»	1. Естественно-истор. отде-

1	2	3	4	5
	ские общеобразовательные сы Фомина	Частные		ление 2. Историко-литературное 3. Медицинское 4. Коммерческое 5. Новых языков 6. Физико-математич. 7. Физич. развития 8. Художественно-промышл.
16	Томские высшие историко-филологические курсы	1907—1909 гг.	»	1. Историко-филологич. ф-т Частные
		II. Педагогические учебные заведения		
		а) Женские		
17	Киевские врачебно-педагогические курсы Карницого «Мать и дитя»	1906—1908 гг. Частные		
18	Московские педагогические женские общеобразовательные курсы при женской гимназии А. Д. Алферова	1906—1914 гг.		»
		IV. Народнохозяйственные учебные заведения		
		а) Коммерческие (для мужчин и женщин)		
19	Киевские коммерческие курсы М. В. Довнар-Запольского	1906—1908 гг. Частные	Мин-во торг. и промышл.	
20	Одесские высшие коммерческие курсы А. В. Федорова и Г. Ф. Файга	1907—? Частные	»	
21	Петербургские высшие коммерческие курсы А. И. Даринского, Е. В. Тарле, П. П. Федотьева, П. И. Шелкова	1907—? Частные	»	

1	2	3	4	5
22	Петербургские высшие торгово-промышленные курсы Е. В. Михайловой, урож. Джунковской	1908—?	»	
23	Петербургские высшие торгово-промышленные курсы, учрежденные А. И. Ивановым — Чистяковым	1911—? Частные	»	
24	Петербургские высшие для подготовки торговых агентов коммерческие курсы В. Ф. Штюрмера	1906—? Частные	»	
25	Харьковские высшие коммерческие курсы Чадова	1911—? Частные	»	
26	Юрьевские высшие коммерческие курсы Г. А. Алексеева и Г. Г. Маргенса	1910—? Частные	»	
		б) Инженерные		
27	Московские женские технико-строительные курсы	1901—? Обществ.	Мин-во народн. просв.	1. Архитектурное отделение 2. Техническое
28	Московские электротехнические курсы	1910—? Обществ.	»	
29	Петербургские женские строительные курсы	1904—? Обществ.	»	
		в) Сельскохозяйственные		
30	Харьковские высшие сельскохозяйственные курсы, учрежденные Н. И. Невиандт	1912—? Частные	Главное управл. землеустр. и землед.	

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Нереализованные проекты высших учебных заведений, выдвинутые общественностью *

№№ пп	Географический район, город	Проекты высших учебных заведений	Местные ассигнования	Годы подачи ходатайств
1	2	3	4	5
		Запад Европейской России		
1	Вильна	5 (университет, технологический, сельскохозяйственный, политехнический институты, духовная академия)	500 тыс. руб.	1860—1914 гг.
2	Витебск	1 (университет)	600 тыс. руб.	1860—1917 гг.
3	Либава	1 (коммерческий институт)	Без ассигнован.	1897 г.
4	Могилев	1 (университет)	265 тыс. руб.	1897 г.
5	Минск	2 (университет, сельскохозяйственный институт)	600 тыс. руб.	1903—1917 гг.
		Центр Европейской России		
6	Курск	1 (сельскохозяйственный институт)	600 тыс. руб.	1911 г.
7	Смоленск	1 (университет)	250 тыс. руб.	1906 г.
		Украина		
8	Каменец-Подольск	1 (ветеринарный институт)	Без ассигнов.	1916 г.
9	«Каменка» (имение)	1 (сельскохозяйственный институт)	Без ассигнов.	1917 г.
10	Полтава	1 (сельскохозяйственный институт)	600 тыс. руб.	1896—1910 гг.
		Юг Европейской России		
11	Николаев	1 (политехнический институт)	Без ассигнов.	1870—1903 гг.
12	Севастополь	1 (политехнический, геологический институты)	Без ассигнов.	1896 г.

Источники: «Техническое (до 1907 г.) и коммерческое образование». 1892—1917 гг.; делопроизводственные материалы фондов государственных учреждений царской России ЦГИА СССР.

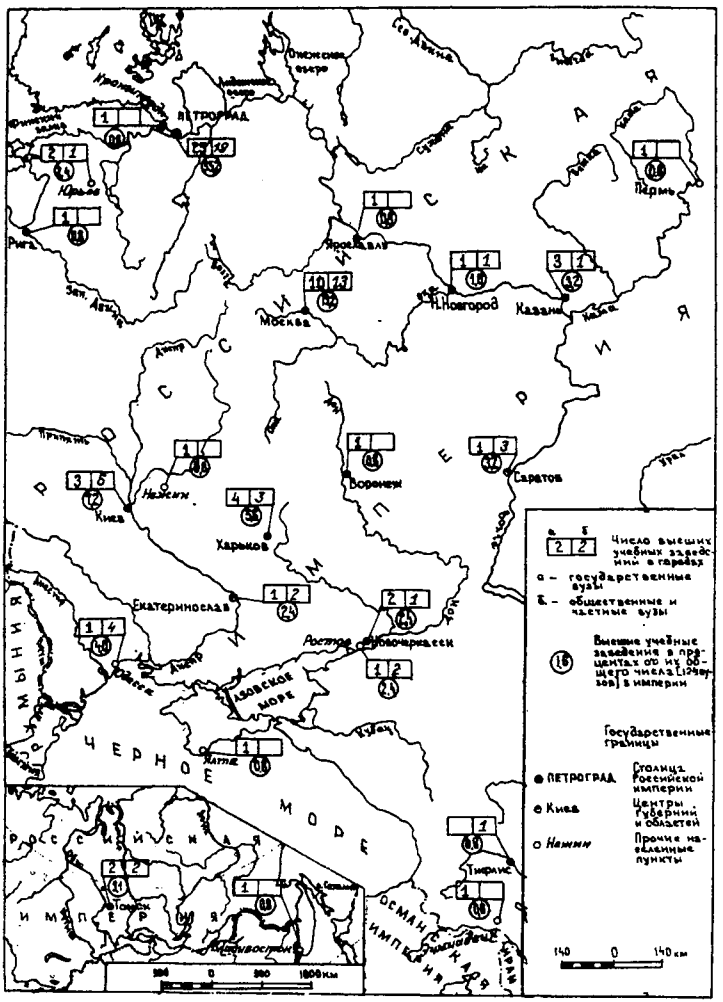
1	2	3	4	5
13	Симферополь	3 (университет, политехнический, сельскохозяйственный институты)	2,5 млн. руб.	1916 г.
		Бессарабия		
14	Кишинев	1 (сельскохозяйственный институт)		1908—1913 гг.
		Поволжье		
15	Вятка	1 (технологический институт)	Без ассигнов.	1916 г.
16	Пенза	1 (сельскохозяйственный институт)	Без ассигнований	1898 г.
17	Самара	6 (университет, политехнический, сельскохозяйственный, женский педагогический, ветеринарный, школьно-санитарных врачей институты)	2 млн. 550 тыс.	1885—1917 гг.
18	Царицын	1 (университет)	100 тыс. руб.	1906 г.
		Северный Кавказ		
19	Екатеринодар	1 (сельскохозяйственный институт)	Без ассигнов.	1903 г.
20	Керчь	1 (университет)	1 млн. руб.	1916 г.
21	Пятигорск	1 (сельскохозяйственный институт)	Без ассигнов.	1896 г.
22	Ставрополь	1 (Женский медицинский институт)	Без ассигнов.	1904 г.
23	Таганрог	2 (университет, политехнический институт)	Без ассигнов.	
		Закавказье		
24	Баку	1 (сельскохозяйственный институт)	Без ассигнов.	1897 г.
25	Кутаиси	1 (горный институт)	Без ассигнов.	1896 г.
26	Владикавказ	1 (политехнический институт)	500 тыс. руб.	1897 г.
		Урал		
27	Екатеринбург	1 (горный институт)	1 млн. руб.	1896—1917 гг.
28	Оренбург	1 (сельскохозяйственный институт)	Без ассигнов.	1917 г.
		Западная Сибирь		
29	*Барнаул*	2 (горный, сельскохозяйственный институты)	Без ассигнов.	1896—1912 гг.

е

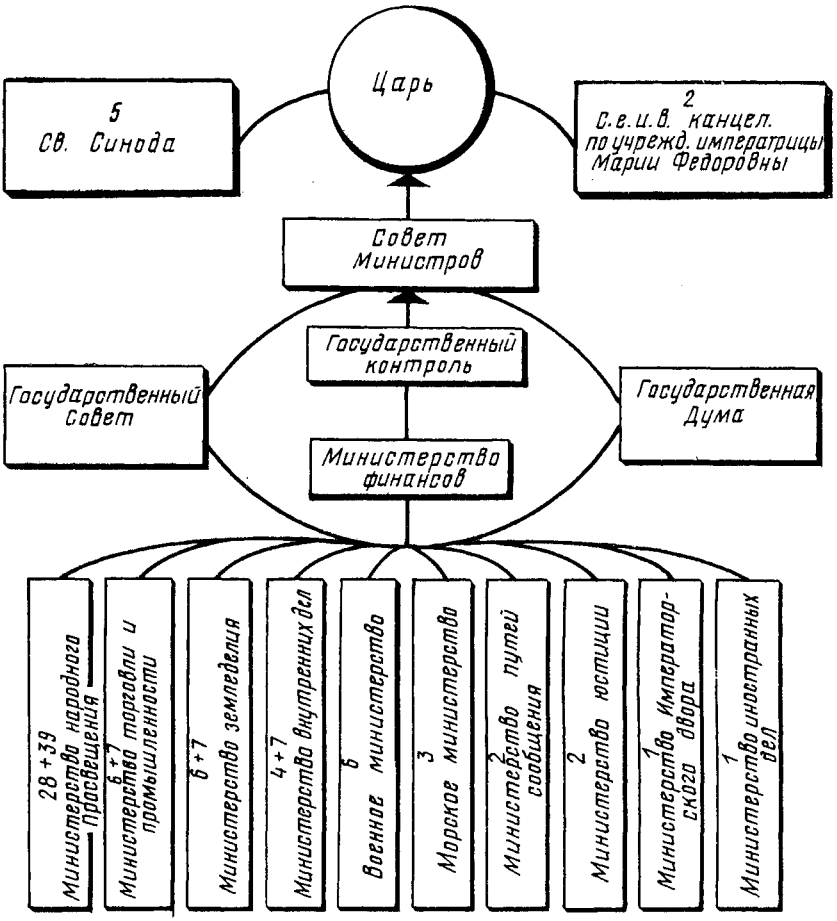
1	2	3	4	5
30	Красноярск	1 (сельскохозяйственный институт)	Без ассигнов.	1913 г.
31	Новониколаевск	2 (политехнический, сельскохозяйственный институты)	1,7 млн. руб.	1910—1913 гг.
32	Омск	2 (сельскохозяйственный, ветеринарный институты)	130 тыс. руб.	1914 г.
		Восточная Сибирь		
33	Благовещенск	1 (технологический институт)	1 млн. руб.	1917 г.
34	Иркутск	5 (университет, технологический, горный, сельскохозяйственный институты, духовная академия)	1,5 млн. руб.	1912—1917 гг.
35	Нерчинск	1 (горный институт)	без ассигнов.	1896 г.
		Средняя Азия		
36	Ташкент	2 (университет, технологический институт)	1 млн. 160 тыс. руб.	1916—1917 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ГЕОГРАФИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ в 1917 г.


ПЕТРОГРАД
Юрьев
Рига
Ярославль
Москва
Н.Новгород
Казань
Пермь
Воронеж
Саратов
Нежин
Киев
Харьков
Екатеринослав
Ростов
Новочеркасск
Азовское море
Ялта
Тифлис
Новониколаевск
Владивосток
Число высших учебных заведений в городах
а – государственные вузы
б – общественные и частные вузы
Высшие учебные заведения в процентах от их общего числа (129 вузов) в империи
Государственные границы
ПЕТРОГРАД Столица Российской империи
Киев Центры губерний и областей
Нежин Прочие населенные пункты
140 0 140 км
Российская империя
Черное море
Румыния
Турция
Персия
Китай
Монголия
Японская империя
Корея
Финляндия
Швеция
Норвегия
Германия
Австро-Венгрия
Болгария
Сербия
Греция
Турция
Персия
Монголия
Корея
Японская империя
Тихий океан
Ледовитый океан
Белое море
Каспийское море
Аральское море
Балтийское море
Финский залив
Ладожское озеро
Онежское озеро
Чудское озеро
Ильменское озеро
Каспийское море
Черное море
Азовское море
Аральское море
Белое море
Ледовитый океан
Тихий океан

ПРИЛОЖЕНИЕ 6



УКАЗАТЕЛЬ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Академия Генерального штаба (с 1910 г. — Военная) 48—51, 53, 208, 220, 357
Александровский институт 335
Александровский лицей 6, 26—29, 52, 125, 160, 172, 175, 197, 198, 205, 207, 208, 264, 318, 323, 324, 355
Александро-Мариинский институт 335
Армяно-Григорианская духовная академия в Эчмиадзине 56, 57, 160, 207, 358
Артиллерийская академия 48, 50, 51, 53, 106, 205, 208, 357
Архитекторское училище 73

Берлинский университет 215

Варшавские высшие женские курсы 103, 105, 202, 205, 324, 329, 361
Варшавские историко-литературные женские курсы Н. Нагурной 106, 178, 369
Варшавский ветеринарный институт 91, 93, 172, 221, 232, 275, 290, 360
Варшавский политехнический институт 61, 63—65, 73, 95, 161, 164, 172, 180, 197, 208, 284, 285, 287, 290, 291, 336, 347, 358, 359
Варшавский университет 21, 23, 65, 172, 184, 191, 197, 218, 270, 286, 290, 291, 293, 318, 354
Вильнюсский университет 58, 172, 186, 286, 354
Военно-медицинская академия 36, 37, 49, 114, 206, 208, 210, 218, 231, 238, 287, 332, 333, 356
Военно-юридическая академия 49, 51, 53, 208, 324, 355, 357
Воронежские высшие женские сельскохозяйственные курсы 150
Воронежский сельскохозяйственный институт 81, 83, 95, 182, 183, 347, 360
Восточные курсы Министерства юстиции 146
Восточный институт 17, 32—34, 43, 146, 175, 266, 267, 325, 326, 355, 357
Высшее художественное училище живописи, скульптуры, архитектуры Академии художеств 46, 73, 155, 195, 212, 231, 277, 278, 334, 339, 356
Высшие женские богословско-педагогические курсы при Московском Скорбященском монастыре 46, 57, 101, 292, 357
Высшие молочнохозяйственные курсы в Вологде 88, 89
Высшие мужские курсы по виноделию при Никитском училище садоводства и виноделия 81, 84, 360

Горыгорецкий земледельческий институт 83

Демидовский юридический лицей 6, 23, 125, 160, 186, 198, 210, 267, 270, 324, 355
Дерптский университет 355
Донской (в Новочеркасске) ветеринарный институт 360
Донской (в Новочеркасске) политехнический институт 61, 63, 64, 77, 78, 85, 95, 161, 182, 287, 336, 339, 358, 359

Екатеринбургский горный институт 70, 184, 198
Екатеринославские высшие женские курсы, учрежденные Копыловым и Тихоновой 105, 108, 111, 361
Екатеринославский частный политехнический институт, учрежденный А. А. Прессом и Л. Г. Рабиновичем 154, 156, 172, 368
Екатеринославское высшее горное училище, с 1912 г. — Екатеринославский горный институт 64, 65, 69, 70, 77, 95 151, 160, 164, 183, 197, 198, 339, 347, 359

Женский городской медицинский институт в Ростове-на-Дону 110, 111, 363

Инженерная академия 47, 48, 49, 51, 53, 208, 211, 357, 359
Институт земледельческого хозяйства в Маримонте 82
Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии 81—83, 161 166, 175, 182, 217, 219, 261, 274, 276, 275, 296, 319, 342, 359
Интендантская академия (до 1911 г. — Интендантский курс) 49, 51, 53, 208, 35

Казанская духовная академия 53—56, 205, 266, 357
Казанская художественная школа 47
Казанские высшие женские курсы 102, 104, 105, 205, 281, 329, 360
Казанский ветеринарный институт 91, 93, 27, 360
Казанский университет 23, 25, 76, 181, 182, 209, 233, 236, 240, 241, 293—296, 311—313, 354
Киево-Могилянская академия 53
Киевская духовная академия 53—56, 205, 266, 357
Киевская консерватория 136, 137, 209, 277, 279, 349, 366
Киевские врачебно-педагогические курсы Карницкого «Мать и дитя» 371
Киевские высшие женские историко-филологические курсы бывш. проф. М. В. Довнар-Запольского 369
Киевские высшие женские курсы 7, 102, 105, 107, 109, 139, 177, 205, 281, 324 329, 361, 363
Киевские женские общеобразовательные курсы проф. М. В. Довнар-Запольского 369
Киевские коммерческие курсы М. В. Довнар-Запольского 142, 371
Киевские частные общеобразовательные вечерние женские курсы А. В. Жикульной 105, 107, 108, 205, 330, 362
Киевский археологический институт 127
Киевский городской народный университет 119, 234, 282
Киевский женский медицинский институт 110, 111, 222, 332, 363
Киевский женский Фребелевский институ Киевского Фребелевского обществ 130, 134, 330, 365
Киевский коммерческий институт 139, 142—144, 172, 199, 222, 262, 271, 277, 34 348, 366
Киевский политехнический институт 6, 60, 61, 63, 64, 65, 73, 77, 85, 95, 161, 164, 17 182, 197, 208, 211, 231, 233, 275, 276, 287, 295, 319, 336, 337, 347, 358
Киевский университет 23, 25, 76, 181, 205, 209, 228, 233, 240, 260, 269, 289, 29 293—295, 313, 318, 354
Киевское музыкальное филармоническое училище 335
Киевское художественное училище 47
Константиновский межевой институт 47, 81, 86—88, 274, 370, 355, 360
Курсы востоковедения бар. Д. Г. Гинцбурга в Петербурге 10, 119, 370
Курсы ученых акушерок при Военно-медицинской академии 37

Лазаревский институт восточных языков 32, 34, 35, 146, 210, 266, 267, 32 326, 356
Лесная академия в Петербурге 83
Лесной корпус в Петербурге 83
Лицей цесаревича Николая (Катковский) 28—31, 160, 175, 210, 264, 318, 32 355, 356
Лодзинское высшее ремесленное училище 82
Медико-хирургическая академия 36, 210
Морская академия 50, 51, 231, 357

Морское инженерное училище; до 1896 г. — Техническое училище Морского ведомства 50—52, 125, 265, 357
Морское училище; до 1906 г. Морской кадетский корпус; в 1906—1916 гг. — Морской корпус 50—52, 265, 357
Московская духовная академия 53, 54, 56, 266, 357
Московская консерватория 136, 277, 278, 349, 366
Московские высшие женские историко-филологические и юридические курсы В. А. Полторацкой; до 1907 г. — Высшие женские частные юридические курсы кн. С. К. Голициной и В. А. Полторацкой 105, 106, 108, 324, 349, 362
Московские высшие женские курсы (бывшие Герье) 7, 10, 102, 103, 105, 109, 110, 202, 279, 280, 301, 329, 332, 362
Московские высшие женские сельскохозяйственные курсы при женской гимназии С. К. Голициной (Голицинские) 7, 10, 150, 151, 205, 342, 343, 350, 367
Московские высшие коммерческие курсы Общества распространения коммерческого образования 141
Московские женские педагогические курсы им. Д. И. Тихомирова при Московском обществе воспитательниц и учительниц 10, 130, 133, 134, 330, 365
Московские женские технико-строительные курсы 155, 372
Московские педагогические женские общеобразовательные курсы при женской гимназии А. Д. Алферова 133, 330, 371
Московские частные высшие женские юридические курсы, учрежденные В. А. Полторацкой 10, 108, 324
Московские электротехнические курсы 156, 372
Московский археологический институт 123, 124—127, 172, 176, 234, 279, 348, 365
Московский городской университет им. А. Л. Шанявского 7, 117, 119, 120—123, 172, 177, 205, 234, 248, 279, 282, 283, 301, 364
Московский женский медицинский институт проф. П. Г. Статкевича и А. Б. Изачека 109—111, 332, 363
Московский женский политехнический институт 154, 368
Московский коммерческий институт Общества распространения коммерческих знаний 7, 18, 139, 141—144, 172, 205, 212, 222, 233, 257, 262, 271, 273, 275—277, 316, 344, 345, 348, 366
Московский педагогический институт им. П. Г. Шелапутина 40, 43, 44, 267, 356
Московский сельскохозяйственный институт; до 1894 г. — Петровская земледельческая и лесная академия 18, 74, 77—79, 81, 149, 150, 182, 205, 217, 219—221, 231, 255, 261, 274, 275, 287, 319, 342, 343, 347, 348, 360
Московский университет 4, 23, 42, 209, 218, 227, 228, 230, 243, 245—249, 251, 269, 289, 291, 293—295, 297, 299, 318, 354
Московский частный юридический институт 116, 364
Московское инженерное училище; с 1913 г. — Московский институт инженеров путей сообщения 65—67, 95, 319, 211, 338, 347, 359
Московское музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества 136, 137, 160, 206, 209, 222, 277, 335, 349, 366
Московское техническое училище 58, 64, 68, 164, 211, 215, 272, 289, 298, 358
Московское училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества 47, 137, 138, 160, 206, 209, 222, 277, 278, 334, 340, 366
Нежинский историко-филологический институт 39—42, 231, 260, 267, 270, 328, 329, 356
Нижегородский городской народный университет 117, 119, 120, 122, 206, 234, 279, 282, 364
Нижегородский политехнический институт 61, 62, 186, 358
Новороссийский (в Одессе) высший международный институт 117, 118, 209, 286, 294, 295, 364

Новочеркасские высшие женские курсы Донского общества содействия высшему женскому образованию 104, 150, 151, 202, 281, 367, 369
Новочеркасские высшие женские сельскохозяйственные курсы Донского сельскохозяйственного общества 150, 151, 367

Одесская консерватория 136, 209, 277, 349, 366
Одесские высшие женские курсы 102, 104, 105, 107, 110, 281, 330, 362
Одесские высшие женские медицинские курсы 110, 111, 281, 332, 363
Одесские высшие коммерческие курсы А. В. Федорова и Г. Ф. Файга 201, 371
Одесский (Новороссийский) университет 21, 23, 25, 76, 181, 209, 242, 286, 288, 289, 293, 295, 318, 354
Одесское художественное училище 47
Оренбургские высшие курсы А. О. Киселева для лиц обоего пола 102, 370

Пажеский корпус 36
Парижский университет 215
Пензенское художественное училище Н. Д. Селивестрова 47
Пермский университет 23, 190, 354
Петербургская академия педагогических наук Лиги образования 129—132, 365
Петербургская духовная академия 53, 56, 106, 205, 357, 266
Петербургская консерватория 7, 10, 136, 208, 209, 277, 349, 366
Петербургская медико-хирургическая академия 210
Петербургская римско-католическая духовная академия 10, 56, 58, 160, 208, 327, 328, 358
Петербургские высшие для подготовки торговых агентов коммерческие курсы В. Ф. Штюрмера 372
Петербургские высшие женские курсы (Бестужевские) 7, 17, 102, 103, 107, 196, 202, 279, 280, 298, 299, 324, 329, 331, 349, 362
Петербургские высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева (Вольный женский университет) 105, 108, 205, 324, 330, 362
Петербургские высшие женские курсы при Биологической лаборатории проф. П. Ф. Лесгафта, учрежденные Дмитриевым; до 1907 г. — Петербургские курсы по биологическим, педагогическим и социальным наукам при Петербургский биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта (Лесгафтовские) 7, 105, 108, 111, 362
Петербургские высшие женские политехнические курсы; с 1915 г. — Петроградский женский политехнический институт 10, 152—154, 178, 202, 205, 282, 332, 335, 337, 338, 340, 368
Петербургские высшие женские юридические курсы Е. И. Песковой 107, 369
Петербургские высшие коммерческие курсы А. И. Даринского, Е. В. Тарле, П. П. Федотьева, П. И. Шелкова 271, 371
Петербургские высшие коммерческие курсы при Петербургском обществе содействия высшему коммерческому образованию; с 1910 г. Петербургский институт высших коммерческих знаний; с 1917 г. Петроградский коммерческий институт 139, 143, 144, 200, 285, 344, 345, 348, 367
Петербургские высшие торгово-промышленные курсы, учрежденные А. И. Ивановым-Чистяковым 201, 272
Петербургские высшие торгово-промышленные курсы Е. В. Михайловой (Джунковскй) 271, 372
Петербургские высшие коммерческие курсы, учрежденные М. В. Побединским; с 1917 г. — Петроградский торгово-промышленный институт 143—145, 201, 271, 285, 291, 344, 366

Петербургские женские сельскохозяйственные курсы Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию (Стебутовские) 149—151, 206, 341, 350, 367
Петербургские женские строительные курсы 155, 372
Петербургские историко-филологические и юридические курсы при женской гимназии М. Н. Стоюниной 370
Петербургские курсы высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас 10, 154—156, 161, 282, 340, 368
Петербургские курсы Гарднера, посвященные памяти Франклина 370
Петербургские педагогические курсы Общества экспериментальной педагогики 130, 132, 365
Петербургские педагогические курсы Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию 130, 134, 330, 365
Петербургские сельскохозяйственные курсы 148, 150, 151, 206, 233, 341, 343, 368
Петербургские частные женские естественно-научные курсы при гимназии М. А. Лохвицкой-Скалон 105—108, 178, 202, 205, 330, 349, 363
Петербургские юридические курсы при Тенишевском коммерческом училище А. Я. Острогорского 370
Петербургский археологический институт 123—127, 172, 176, 234, 279, 348, 365
Петербургский горный институт 64, 65, 68, 106, 125, 160, 205, 206, 211, 212, 219, 255, 260, 261, 275, 312, 339, 359
Петербургский женский медицинский институт 10, 36—38, 99, 101, 106, 109, 131, 205, 206, 208, 218, 231, 233, 244, 267, 269, 292, 318, 332, 333, 351, 356
Петербургский женский педагогический институт 10, 40, 44, 101, 106, 109, 131, 160, 175, 205, 267, 269, 287, 292, 329, 356,
Петербургский земледельческий институт 79
Петербургский институт гражданских инженеров 6, 10, 47, 65, 73, 106, 154, 160, 161, 205, 206, 211, 217, 219, 261, 287, 319, 338, 339, 356, 359
Петербургский институт инженеров путей сообщения 6, 17, 65—67, 106, 154, 205, 211, 219, 220, 231, 238, 256, 260, 261, 338, 359
Петербургский институт истории искусств 137, 138
Петербургский историко-филологический институт 37—40, 175, 231, 260, 267, 328, 329, 356
Петербургский лесной институт 10, 61, 79, 81, 84, 125, 219, 260, 261, 274, 287, 315, 343, 347, 360
Петербургский политехнический институт 18, 61, 63, 64, 73, 95, 153, 164, 172, 192, 219, 222, 231, 256, 257, 260, 275, 276, 295, 312, 336, 337, 339, 344, 347, 357, 358, 359
Петербургский психоневрологический институт; с 1916 г. — Петроградский частный университет при Психоневрологическом институте 7, 109, 112—117, 172, 177, 202, 203, 205, 222, 231, 279, 324, 333, 364
Петербургский технологический институт 17, 58, 64, 68, 125, 172, 205, 211, 231, 231, 261, 272, 298, 312, 234, 320, 336, 348, 358
Петербургский университет 23, 24, 32, 74, 146, 186, 197, 209, 212, 213, 218, 227, 241, 245—248, 260, 266, 269, 270, 291, 293, 295, 311, 318, 325, 326, 354, 355
Петербургский электротехнический институт 6, 65, 71, 72, 125, 160, 205, 210, 217, 219, 260, 287, 319, 340, 359
Петровская земледельческая и лесная академия 78, 79, 149, 342
Петроградские высшие географические курсы при Докучаевском почвенном комитете 7, 117, 118, 364
Подготовительная восточная школа Военного министерства 146
Политехнический и земледельческо-лесной институт в Новой Александрии 82
Практическая восточная академия Общества востоковедния в Петербурге 143, 145—147, 199, 285, 326, 344, 367

Практическое лесное училище (Фростинститут) в Царском селе 83
Пречистинские рабочие курсы 4

Рижская художественная школа 47
Рижские общеобразовательные женские курсы им. Н. А. Гусева при женской гиназии Штегман 106, 369
Рижский политехнический институт 6, 43, 60, 63, 64, 73, 85, 125, 161, 182, 211, 212, 215, 217, 219, 227, 231, 272, 286, 292, 339, 344, 347, 359
Ростовдонские высшие женские курсы 361
Ростовдонский университет 190, 354

Самарский женский педагогический институт 45, 46
Самарский политехнический институт 62, 86, 184, 198
Саратовская консерватория 136, 137, 208, 277, 349, 366
Саратовские высшие женские курсы Саратовского санитарного общества 110, 111, 364
Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы Саратовского сельскохозяйственного общества 150, 151, 368
Саратовский университет 23, 24, 190, 209, 269, 296, 318, 354—356
Сибирские высшие женские курсы в Томске 104, 105, 281, 330, 363
Симферопольские практические общеобразовательные курсы Фомина 370
Славяно-греко-латинская (Элино-греческая) академия 53, 54
Строительное училище 73

Тифлисские высшие женские курсы 102, 104, 109, 109, 110, 177, 205, 363
Тифлисский университет 190
Томские высшие историко-филологические курсы 371
Томский городской народный университет им. П. И. Макушина 117, 119—122, 234, 365
Томский технологический институт 43, 61, 63, 64, 73, 161, 164, 176, 183, 212, 219, 231, 255, 272, 295, 319, 321, 339, 358, 359
Томский университет 4, 21, 23, 24, 179, 182, 183, 190, 209, 233, 248, 260, 269, 270, 293, 296, 321, 354, 356
Тюбингенский университет 215

Университет в Карлсруэ 215
Учебное отделение восточных языков при Восточном департаменте Министерства иностранных дел 31—33, 36, 146, 266, 325, 326, 355
Училище гражданских инженеров 73
Училище правоведения 26—29, 52, 160, 175, 197, 198, 264, 318, 323, 355

Харьковские высшие женские курсы Н. И. Невиандт 106, 330, 370
Харьковские высшие женские частные курсы Харьковского общества взаимопомощи трудящихся женщин 102, 104, 105, 281, 363
Харьковские высшие коммерческие курсы Харьковского купеческого общества; с 1916 г. — Харьковский коммерческий институт 139, 143, 144, 172, 199, 233, 262, 271, 276, 285, 345, 348, 367
Харьковские высшие коммерческие курсы Чадова 201, 372
Харьковские высшие сельскохозяйственные курсы Н. И. Невиандт 148, 372
Харьковский ветеринарный институт 91, 93, 125, 275, 360
Харьковский городской народный дом 119, 121, 122, 234, 282
Харьковский женский медицинский институт 111, 333, 364

Харьковский технологический институт 58, 64, 68, 86, 164, 172, 211, 212, 231, 272, 317, 348, 358
Харьковский университет 23, 25, 76, 181, 228, 236, 241, 295, 318, 355
Харьковское художественное училище 47

Цюрихский университет 102, 212

Юрьевские высшие женские курсы 104, 281, 330, 370
Юрьевские высшие коммерческие курсы Г. А. Алексеева и Г. Г. Маргенса 372
Юрьевские частные университетские курсы естественных и медицинских наук, учрежденные проф. М. И. Ростовцевым 109, 116, 117, 333, 364
Юрьевский ветеринарный институт 91, 92, 93, 275, 360
Юрьевский университет 23, 24, 58, 172, 218, 227, 228, 242, 269, 270, 291, 293—295, 297, 298, 311, 313, 318, 327, 328, 355, 357

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрагамсон А. 66
Агафонов В. 241
Айхенвальд Ю. И. 106, 134
Акимов М. Г. 288
Алафузовы 202
Алексеев Г. А. 372, 382
Алферов А. Д. 133, 330, 371, 378
Аничков Н. М. 120
Анопов И. А. 25, 260, 317
Анучин Д. Н. 247
Арбузовы 226
Ардашевы 10
Ариян П. Н. 152
Архипов А. Е. 138
Астров Н. 312

Багаева Е. Ф. 10, 154—156, 161, 282, 340, 368, 380
Багалей Д. И. 196, 244
Бадаев А. Е. 192
Байков А. А. 154
Барсуков Е. 265
Батюшков Ф. Д. 116
Бауман Ф. 89
Башкиров 188
Безбородко И. 39
Бекетов А. Н. 149, 227, 247
Бекетов Н. Н. 227
Беклемишев В. А. 47
Белелюбский Н. А. 25, 152, 154, 155
Беленький И. Л. 19
Белогруд В. А. 154
Беляев Н. Я. 236
Бенуа А. Н. 47
Бенуа Л. Н. 154
Бескровный Л. Г. 8, 48, 50
Бестужев-Рюмин К. Н. 7, 17
Бехтерев В. М. 112, 113, 116
Бирилев А. А. 50, 288
Блонский П. П. 134
Бобринский А. А. 263
Боголепов Н. П. 16, 103, 162, 164, 240, 241, 245
Богословский М. М. 9, 236, 251
Бодуэн-де-Куртэне И. А. 116, 131
Борисенко М. В. 312
Боткин М. П. 128
Бочкарев В. Н. 134
Брандт Р. Ф. 106, 127
Бродский Л. И. 199
Брюллов П. А. 47
Булдаков В. П. 19
Булич С. К. 116
Бунге Н. А. 25
Бурмистров В. М. 188
Бутягин А. С. 8

Вагнер В. А. 116
Валуев П. А. 78
Ванновский П. С. 37, 167, 173, 241
Васильев А. В. 140
Васильев Л. Г. 138
Васнецов А. М. 47
Васьковский Е. В. 242
Введенский В. А. 200
Введенский Н. Е. 116, 200
Венгеров С. А. 116, 131
Вернадский В. И. 3, 18, 22—24, 131, 180, 227, 230, 233, 235, 240, 243, 246, 247, 249, 352
Верцинский А. В. 118
Веселовский Н. И. 127
Ветрова М. Ф. 247
Виноградов П. Г. 237, 247, 250
Виноградов С. П. 142
Витте С. Ю. 18, 30, 42, 60, 61, 63, 68, 69, 82, 164, 178, 192, 193, 228, 262, 288, 292, 336
Владимирский-Буданов М. Ф. 26
Войнаровский П. Д. 156
Волгин В. П. 248
Воробьева Ю. С. 7, 117, 120, 122, 123, 283
Воронов 179
Воронов А. А. 156
Воронцов-Дашков И. И. 190
Воротинцев Н. И. 17, 158
Вульф Ю. В. 123
Вышнеградский И. А. 25

Галкин К. Т. 9, 211, 213—215, 217
Гальперин Б. Г. 154
Гамбаров Ю. С. 247
Гарднер 370
Георгиевские 10
Гернет М. Н. 106, 116, 123, 248
Герье В. И. 7, 10, 102, 103, 247, 305, 329, 362
Гинцбург Д. Г. барон 10, 119, 370, 377

Глаголев А. Н. 142
Глазов В. Г. 124, 167, 173
Голицына С. К. 15, 150, 362, 378
Гольдштейн И. М. 106, 116
Гольдштейн М. Ю. 241, 247
Горемыкин И. Л. 16, 164, 240, 245
Городцов В. А. 127
Готлих А. Ф. 142
Грановский Т. Н. 247
Гревс И. М. 131, 247
Гредескул Н. А. 116, 131, 241, 248
Гримм Г. Д. 217
Гримм Д. Д. 247
Гриневицкий В. И. 155
Грунт А. Я. 19
Грушка А. А. 106
Гуляев А. М. 116
Гусев И. А. 106, 369, 381
Гучков Н. И. 128, 156

Данилевский В. В. 60
Даринский А. И. 233, 371, 379
Дворжецкий-Богданович Ф. И. 138
Дектярев М. А. 188
Делянов И. Д. 38, 61, 103, 162, 230, 286
Дементьев К. Г. 233
Демидов П. Г. 6, 26
Дитмар Н. Ф. фон 144, 26
Дитятин И. И. 26
Дмитриев 105, 111, 362, 379
Днепров Э. Д. 7
Довнар-Запольский М. В. 142, 233, 369, 371, 377
Дойникова Л. П. 19
Докучаев В. В. 82
Дояренко А. Г. 76
Дубровский Н. 290
Дурново П. Н. 121, 288
Дювернуа Н. Л. 26

Елистратов А. И. 241
Ермолаев И. П. 236
Ермолов А. С. 27
Ермолова О. В. 123
Ерошкин Н. П. 171

Жикулина А. В. 105, 108, 109, 205, 330, 362, 377
Жуков И. Д. 233
Жуковский Н. Е. 155

Зайончковский П. А. 8, 48
Занчевский И. М. 242
Зверев Н. А. 240
Зейфман Н. В. 258
Зеленов П. А. 288
Зелинский Н. Д. 247
Зенгер Г. Э. 128, 190, 263, 288
Зернов Д. С. 320
Зубашев Е. Л. 263

Иванов А. Е. 8, 9, 96, 239, 248, 257, 292, 311, 313
Иванов П. 297
Иванов-Чистяков А. И. 201, 272, 379
Иванович К. А. 8
Иверов И. 6, 80
Игнатьев П. Н. 13, 14, 24, 25, 89, 95, 96, 115, 154, 167, 169, 170, 173, 179, 180, 184—187, 191, 220, 221, 260, 289, 296, 302, 325, 331, 334, 346
Изачек А. Б. 109, 111, 363, 378
Извольский П. П. 263
Исаев А. А. 245

Каблуков Н. А. 248
Калачов Н. В. 124
Калинников В. С. 13—
Калистратов А. М. 116
Каминка Б. А. 200
Капустин М. Я. 140
Кареев Н. И. 116, 131, 237, 246, 247
Карницкий 371, 377
Касаткин Н. А. 47, 138
Кассо Л. А. 13, 114, 128, 163, 168, 173, 183, 184, 214, 215, 230, 239, 264, 296, 300, 302, 310
Катков М. Н. 29, 30, 258, 259, 264, 321
Кауфман П. М. 13, 128, 173, 287, 294
Кизеветтер А. А. 18, 123, 142, 248, 250
Киселев А. О. 370, 379
Кирпичев В. Л. 60
Кирпичников А. И. 138
Клодт М. П. 47
Ключевский В. О. 9, 18, 138, 238, 246, 247
Книппер-Чехова О. Л. 138
Книпович Н. М. 248
Князев Е. А. 255
Кобеко Д. Ф. 128
Ковалевский В. И. 25, 262
Ковалевский В. О. 123
Ковалевский М. М. 120, 121, 131, 221, 237, 263

Коковцов В. Н. 27, 190
Кокошкин Ф. Ф. 247
Кольцов Н. К. 123
Кондаков Н. П. 47
Кони А. Ф. 263
Коновалов А. И. 155
Конради Е. И. 152
Копылов 105, 108, 361
Корнилов А. А. 131
Коровин А. М. 138
Коровин С. А. 138
Коропов В. М. 8, 93, 94, 344
Косинский Е. А. 242
Котляревский С. А. 116, 142, 247
Костычев П. А. 80
Кравец Т. П. 4, 6
Кривошеин А. В. 13,14, 76, 166, 183, 341
Кричевский Г. Г. 9, 217, 218
Крупп А. А. 19
Куинджи А. И. 47
Куломзин А. Н. 15, 65, 194, 195, 198, 201, 203, 204, 207, 209, 354, 361
Кульчицкий Н. К. 187
Курбатов В. Л. 154
Курдюмов В. И. 152
Куропаткин А. Н. 10, 18, 163
Кутлер Н. Н. 288

Лаврентьев Л. И. 94, 176, 179, 238, 239
Лагорио А. Е. 10, 144, 180
Лазарев П. П. 123, 248
Лаппо-Данилевский А. С. 127, 131
Ларионов А. М. 66
Латышев В. В. 236
Лебедев П. Н. 123, 237
Левитан И. И. 138
Леденцов Х. С. 171
Лейкин А. Я. 312, 313
Лейкина-Свирская В. Р. 8, 9, 10, 17, 204, 225, 226, 244, 255, 257, 268, 269, 316, 317, 324, 334, 337—339, 344
Ленин В. И. 3, 10, 21, 78, 100, 164, 229. 238, 239, 249, 250, 284—286, 306, 309, 323, 346, 351
Леонтьев П. М. 29
Лесгафт П. Ф. 7, 105, 108, 111, 112, 116, 241, 362, 379
Лесневская А. В. 110
Лешковская Е. К. 138
Литвин А. Л. 236
Лихачев Н. П. 127
Ломоносов М. В. 42
Лосский Н. О. 116, 131
Лохвицкая-Скалон М. А. 105—108, 178, 202, 205, 330, 349, 363
Лукин Н. М. 248
Лучицкий И. В. 248
Любавский М. К. 106
Любимов Н. А. 30, 264
Ляпуновы 226

Мазинг К. К. 152
Маковский В. Е. 47
Макушин П. И. 117, 119, 365, 381
Мальберг В. К. 127
Манташев 188
Мануилов А. А. 123, 142, 243
Маргенс Г. Г. 233, 372, 382
Марголин Д. 17, 97, 98, 107, 116, 117, 129, 149, 153, 155, 156, 158, 162, 201
Марков Н. Е. 2-й 121, 141
Матэ В. в. 47
Медынский Е. Н. 8
Мейерхольд В. Э. 138
Мекк Н. К. фон 29
Менделеев Д. И. 25, 42, 63, 149, 161—163, 237
Мензбир М. А. 247
Мечников И. И. 237
Мещерский В. П. 292, 322
Мещерский И. И. 75
Миллер В. Ф. 247
Миллер Л. О. 127
Милюков П. Н. 121, 248
Милютин В. В. 16.
Мирович Н. 293
Михайлова Е. В.. урожд. Джунковская 233, 271, 372, 379
Михеева Э. П. 325
Молас Л. П. 10, 154—156, 161, 282, 340, 368, 380
Мордухай-Болтовский И. Д. 174
Москвин И. М. 138
Муромцев С. А. 120, 237, 248
Мушкетов И. В. 149

Нагурная Н. 106, 178, 369
Невиандт Н. И. 106, 330, 370, 372, 381
Немирович-Данченко В. И. 138
Нечаев А. В. 231
Нечкина М. В. 9
Никитин Ф. П. 148
Никитский Я. Я. 142
Никифоров Е. А. 19

Новаков М. М. 155
Новгородцев П. И. 142
Новосадский И. Н. 127

Оболенский А. Д. 288, 294
Овсянико-Куликовский Д. Н. 116, 131
Озеров И. Х. 116, 131, 247
Ольденбург С. Ф. 131, 246
Ольденбургский А. П. 27
Опекушин А. М. 47
Орбели 226
Осадчий П. С. 217
Островитянов К. В. 18
Острогорский А. Я. 370, 380
Остроумов А. А. 245, 247

Павлов И. П. 131
Павлова М. В. 123
Паличек Н. О. 191
Паначин Ф. Г. 8
Паскевич И. И. кн. 203
Пассек Е. В. 242
Пастернак Л. И. 138
Перетц В. Н. 127
Пескова Е. И. 107, 369, 370
Петр I 65
Петражицкий Л. И. 131
Петров Н. П. 25
Петрушевский Д. М. 142
Пештич Н. Л. 92
Пирогов Н. И. 114
Пирумова Н. М. 333
Пичета В. И. 106
Платонов С. Ф. 127, 128, 247
Плеве В. К. 10
Плеске Э. Д. 27
Плеханов Г. В. 68, 269
Побединский М. В. 143—145, 201, 233, 344, 379
Победоносцев К. П. 56, 164, 267, 270, 322
Покровский В. А. 154
Покровский М. Н. 248
Поленов В. Д. 47
Полторацкая В. А. 10, 105, 106, 108, 349, 362, 378
Поляков С. С. 29
Порай-Кошиц А. Е. 154
Потапов Н. П. 25
Правдин О. А. 138
Пресс А. А. 156, 368, 376
Прокофьев В. И. 58
Прянишников Д. Н. 76, 77, 150
Пуришкевич В. М. 121
Пушкарев Л. Н. 19

Рабинович Л. Г. 156, 368, 376
Радин Е. П. 18, 299
Радлов Э. Л. 116, 132
Радциг С. И. 106
Раев Н. П. 105, 108, 205, 330, 362, 379
Распутин Г. 187
Рассолимо Г. И. 134
Рейснер М. А. 116, 248
Репин И. Е. 155
Рерих Н. К. 127
Реформатский А. Н. 120, 123, 248
Ржишевский С. Ф., граф 202
Рождественский С. В. 6, 10, 26, 37—39
Рожков Н. А. 248
Розанов С. С. 134
Романовы:
  Александр I 17, 667 338
  Александр II 65, 322
  Александро III 319
  Константин вел. кн. 45, 175
  Мария Федоровна, вел. кн. 27, 44, 45, 159, 160, 349
  Николай I 65
  Николай II 65, 184, 192, 203, 246, 263, 295, 322, 349
  Николай, цесаревич 30
  Сергей Александрович вел. кн. 128. 175
Ростовцев М. И. 109, 116, 333, 364, 382
Рубенштейны 226
Рубец А. А. 6, 27, 175
Рябушинский С. П. 128

Сабанин А. Н. 76
Сабашников М. В. 120, 121
Саблер В. К. 57
Савельева В. Г. 8
Сакулин П. Н. 123
Салазкин С. С. 233
Салтанов Ю. А. 8
Салтыков-Щедрин М. Е. 10, 179
Свешников М. И. 247
Селиверстов Н. Д. 47, 379
Семеновы-Тяншанские 226
Сергеевич В. И. 26, 127
Серов В. А. 138
Сеченов И. М. 4, 247
Синецкий А. Я. 204, 217

Сироткин Д. В. 188
Скалон Д. А. 128
Скрябин К. И. 92
Собинов Л. В. 138
Соболевский А. И. 127
Соболевский С. И. 127
Соловьев С. У. 138
Сольский Д. М. 27
Сперанский В. Н. 116
Сперанский Н. 120
Спешков С. Ф. 309
Станиславская А. М. 19
Стасова П. С. 152
Статкевич П. Г. 109, 110, 111, 363, 378
Стебут И. А. 21, 71, 74, 76, 77, 148, 149, 350
Степанский А. Д. 4
Стишинский А. С. 220
Столыпин П. А. 121, 128, 166, 183, 189, 230, 239, 307, 350
Стороженко Н. И. 247
Стоюнина М. Н. 370, 380
Струве 226
Струмилин С. Г. 18, 312, 313
Суворин А. С. 15, 151
Султанбеков Б. Ф. 9

Тарле Е. В. 116, 131, 233, 240, 241, 371 379
Тарновская В. П. 152
Тимашев С. И. 189
Тимирязев К. А. 4, 80, 81, 120, 237, 247—249, 255, 343
Тимошенко С. П. 231
Тихомиров А. А. 121
Тихомиров Д. И. 133, 365, 378
Тихонова 105, 108, 361
Толстой Д. А. 71
Толстой И. И. 10, 13, 18, 30, 37, 42, 82, 100, 128, 164, 167, 173, 178, 179, 193, 195, 196, 262, 263, 287, 288, 293
Трепов Д. Ф. 239
Трубецкой Е. Н. 142, 227, 247
Трубецкой П. П. 138
Трубецкой С. Н. 227, 247

Украинцев В. В. 8, 9
Умов Н. А. 247
Усов П. С. 230
Успенский А. И. 127
Ушинский К. Д. 10

Файг Г. Ф. 233, 371, 379
Фамицын А. С. 149, 379
Федоров А. В. 233, 371
Федосова Э. П. 7, 102
Федотьев П. П. 154, 371, 379
Федькин Г. И. 9
Фельдштейн Г. С. 116
Философова А. П. 152
Фирсов Н. Н. 127, 236, 248
Фомин И. А. 154, 381
Фортунатов А. А. 142
Фортунатов А. Ф. 142, 342
Фортунатовы 226
Фридолин С. П. 18, 79, 80
Фурсенко И. Д. 82

Хвостов В. М. 106
Ходский Л. В. 245
Цветаев Д. В. 127
Цветаев И. В. 47
Цехановецкий Г. М. 236

Чадов 201, 372, 381
Чаплыгин С. А. 142
Черепнин Л. В. 9, 236, 251
Чехов Н. В. 134
Чехова М. А. 134
Чижов Н. К. 217
Чичерин Б. Н. 227
Членов М. А. 17, 297
Чубинский М. П. 116
Чупров А. И. 247

Шанявский А. Л. 7, 117, 119—123, 172, 177, 2057 234, 248, 282, 364
Шателен М. А. 156
Шафранов Н. С. 61
Шахматов А. А. 131
Шаховской В. О. 14
Шварц А. Н. 13, 128, 166, 167, 173, 236, 239, 264, 284, 287, 294, 308
Шевяков В. Т. 10, 212, 329
Шелапутин П. Г. 43, 44, 129, 267, 356, 378
Шелков П. И. 371, 379
Шелохаев В. В. 19, 248
Шимкевич В. М. 106
Шиндлер Г. П. 231
Шипов И. П. 288
Шмулевич П. К. 17, 158
Шохоль К. Р. 7, 37, 109, 149, 177, 202, 203
Штегман 107, 369, 381
Штернберг П. К. 248
Штюрмер В. Ф. 169, 233, 372, 379

Шулейкин В. В. 59

Щеглов В. Г. 6, 26, 213, 214
Щетинина Г. И. 8, 9, 224, 229, 230, 236, 244, 286
Щусев С. В. 75

Эвенчик С. Л. 7
Эймонтова Р. Г. 19, 229
Эйхенвальд А. А. 142, 155, 156
Эрисман Ф. Ф. 237

Южин А. И. 138

Ягич И. В. 127
Яковлев В. П. 8, 10, 11, 263
Якушкин В. Е. 247
Янушкевич Н. О. 90
Ярилов А. А. 75
Ярошевский С. П. 242
Яроцкий В. Г. 247
Ясинский А. Н. 330

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Тема, историография, источники исследования 3
ГЛАВА *I*
Государственные высшие учебные заведения 20

Университеты и учебные заведения университетского типа 22
Высшее художественное училище живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств 46
Военные и военно-морские высшие учебные заведения 48
Богословские высшие учебные заведения 53
Инженерно-промышленные институты 58
Высшие учебные заведения сельскохозяйственного профиля 74

ГЛАВА II
Неправительственные высшие учебные заведения 99

Высшие учебные заведения университетского типа 101
Педагогические высшие учебные заведения 129
Высшие учебные заведения для подготовки деятелей искусств . . . 135
Народнохозяйственные высшие учебные заведения 139

ГЛАВА III
Управление высшей школой 159

Организационные принципы управления высшей школой 159
Законодательная основа управления высшей школой 172
Попытки государственного планирования развития высшей школы . . 181
Территориальное размещение высших учебных заведений 187
Финансирование высшей школы 192

ГЛАВА IV
Профессорско-преподавательский корпус высшей школы 204

Численность профессоров и преподавателей 204
Подготовка профессоров и преподавателей высшей школы. «Профессорские стипендиаты» 210
Научная аттестация педагогического состава высшей школы . . . 217
Сословно-классовый и национальный состав профессорско-преподавательского корпуса 223
Правовое и материальное положение профессоров и преподавателей 228
Общественно-политический облик профессорско-преподавательского корпуса 245

ГЛАВА V
Студенты высших учебных заведений 253
Численность студентов 253

Сословно-классовая структура студенчества 258
Национальный состав студенчества 284
Женщины в российской высшей школе 292
Материально-бытовое положение студенчества 297
Правовое положение студенчества 303
Партийно-политический облик российского студенчества 310

ГЛАВА VI

Выпускники высшей школы 315

Численность специалистов, подготовленных российской высшей школой в 1898—1916 гг. 315
Профессиональная структура специалистов высшей квалификации. Распределение их по сферам деятельности 323
Социальный статус выпускников высшей школы 347

ЗАКЛЮЧЕНИЕ *352*

ПРИЛОЖЕНИЯ 354

УКАЗАТЕЛЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ 377

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 384

АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ИВАНОВ

ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

ХУДОЖНИК Г. И. МАКСИМЕНКОВ

Сдано в набор 26.07.90. Подписано к печати 14.1.91. Формат 60 × 84 1/16. Бумага типографская офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 24,5 п. л. Усл. печ. л. 22, 78. Усл. кр. отт. 23,24. Учетно-изд. л. 24,69. Тираж 1000 экз. Зак. 372. Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 103001 Москва, Трехпрудный переулок, 9.